

**РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**



РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

К О Л Л Е К Ц И Я



Камиль Зиганшин

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Повесть

**МАХА, ИЛИ ИСТОРИЯ
ЖИЗНИ КУНИЧКИ**

Повесть

БОЦМАН

Повесть

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

Повесть



Престиж Бук
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
3-59

Иллюстрации Виктории Денисовой

Зиганшин К.
3-59 Щедрый Буге; Маха, или История жизни кунички; Боцман; Возвращение росомахи: Повести. — М.: Престиж Бук, 2017. — 432 с.: ил. — (Ретро библиотека приключений и научной фантастики. Серия «Коллекция»).

ISBN 978-5-371-00574-8

Впервые под одной обложкой собраны четыре повести известного писателя Камиля Зиганшина. Для тех, кто знаком с его дилогией о староверах «Золото Алдана», эти повести будут открытием новых граней таланта писателя Зиганшина.

В повести «Щедрый Буге» нет ни одной выдуманной строки. По словам писателя Леонида Соколова, это «открытие и природы, и человека, и животного мира».

Повести «Маха» и «Боцман» — это истории, из которых читатель узнает массу познавательной и достоверной информации о жизни кунички и рыси. В «Возвращении росомахи» рассказывается о судьбе двух поколений таежных рыцарей, их поразительной способности отстаивать свои права на жизнь и свободу.

Особо хочется отметить, что книги К. Зиганшина с одинаковым интересом и охотой читают и взрослые и дети.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-371-00574-8

© ООО «Престиж Бук», 2017
© Зиганшин К. Ф., 2017
© Денисова В., иллюстрации, 2017



О Камиле Зиганшине и его прозе

Проза Камилы Зиганшина подробна, натуральна и вместе с тем высокодуховна. Звери, птицы, деревья, скалы, реки присутствуют в ней не в качестве фона, на котором разворачиваются действия, а, наполненные добротой и талантом художника, живут, дышат и разговаривают, пытаясь донести до читателя простую мысль: человек не царь Природы, а лишь её часть, и, если честно, не лучшая.

Его повести об обитателях тайги «Щедрый Буге», «Маха, или История жизни кунички», «Боцман» сразу покоряют и очаровывают сочностью, красочностью языка, живописными картинками природы, прекрасным знанием повадок зверей и, что немаловажно, увлекательным сюжетом. Их с удовольствием читают люди любого возраста. И в его романах о старообрядцах «Скитники», «Золото Алдана», выдержавших не одно издание, также много глав посвящено диким животным.

Прожив несколько лет в дебрях Уссурийского края, Камиль научился и думать, и чувствовать по-звериному. Смотреть на всё глазами своих героев. Благодаря такому взгляду изнутри и мы — читатели — проникаемся любовью, уважением к ним, нашим меньшим братьям, как говорил Сергей Есенин.

В повести «Возвращение росомахи» писатель использовал для эпиграфа слова Дерсу Узала из одноимённой

книги В. К. Арсеньева: «Звери тоже люди, только говорят на своём языке и ходят на четырёх ногах!» Это кредо и самого Камиля Зиганшина.

К сожалению, в обществе бытует упрощённое представление о жизни животных. Их поведение упорно и эгоистично трактуется как совокупность рефлексов и инстинктов. Мол, нет у них рассудочной деятельности, что она присуща только человеку! Но, если приглядеться, действия и поступки многих животных, как домашних, так и диких, каждодневно доказывают: не всё в их поведении объясняется инстинктами. Они... мыслят! Примитивней, упрощённой, чем люди, но мыслят! У каждого из них, как и у людей, свой характер, свои привычки, свои цели. А жизнь иных сообществ организована до того гармонично и целесообразно, что впору и людям поучиться.

Обо всём этом новая повесть Камиля Зиганшина о росомахах — редких и, пожалуй, самых загадочных обитателях тайги, о которых ходят невероятные легенды.

Приглашаю читателей погрузиться в необычный, первозданный и волнующий мир Природы и понять его.

Николай Николаевич Дроздов,
профессор географического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, автор и ведущий телепередачи «В мире животных»

ЩЕДРЫЙ БУГЕ



Повесть

*о необыкновенных и удивительных приключениях
охотника-промысловика
в глухой дальневосточной тайге*

...Здесь у костра не хвастают, не лгут,
не берегут добро на всякий случай...

Юра Сотников



Часть I

ВЛАДЕНИЯ ЛУКСЫ

15 октября 1974 года.

Под нами величественная панорама безлюдной, дикой местности: хребты, межгорные впадины, быстрые пенистые речки. В той стороне, куда мы летим, особняком возвышается плотная группа скалистых гольцов.

Пассажиров в вертолёте двое. Я и мой наставник Лукса, удэгеец лет пятидесяти.

Опытный промысловик расположил меня к себе с первого взгляда. Невысокий, худощавый, подвижный. Сильные руки, словно кора старого дерева, испещрены глубокими трещинками морщин и перевиты набухшими венами. Мороз, ветер, солнце, дым костров продубили его скуластое лицо с реденькой растительностью над верхней губой и на подбородке. В чёрных прямых волосах несмелый проблеск седины. Живые тёмно-карие глаза, словно магниты, невольно притягивают взор. Впечатление такое, что они всё время смеются, радуясь жизни. Глядя в них, и самому хочется улыбнуться и сделать что-то хорошее, доброе.

Он сидит напротив и успокаивающе поглаживает собак. Я же с волнением всматриваюсь в проплывающие под нами

кряжи древнего Сихотэ-Алиня и никак не могу поверить в то, что моя заветная юношеская мечта исполнилась: я принят на работу в Лазовский госпромхоз Хабаровского края штатным охотником и скоро окажусь на промысловом участке, охватывающем бассейн ключа Буге — левого притока реки Хор...

Вертолёт вошёл в крутой вираж и, сделав два круга, мягко опустился на заснеженную косу, отделяющую устье ключа от реки. Наши собаки, Пират и Индус, ошалевшие от грохота двигателя, спрыгнули на снег, едва открылась дверь. Мы же, прежде чем выйти, сбросили на косу нехитрый багаж. Ми-4 прощально взревел и, обдав нас колючим вихрем, взмыл в небесную синеву.

Мы огляделись. Над нами торжественно и необъятно высоко голубело небо. На снегу ни единого следочка. Мне представилось, что это чистый лист бумаги, на котором нам предстоит записать историю охоты длиной в сто двадцать дней.

Вокруг громоздились типичные для этих мест крутобокие сопки, щетинящиеся, словно встревоженные ежи, островерхими, тёмными елями и более светлыми разлапистыми корейскими кедрами. На противоположном берегу, над Хором отрог, обрывающийся в речную гладь неприступной двухсотметровой стеной. Его гребень украшали огромные, источенные временем каменные иглы и зубчатые башни, напоминающие развалины старинной крепости.

Хор ещё не встал и тянулся холодной, чёрной лентой, разрезая белое покрывало. Сквозь прозрачную воду были видны лежащие на дне пёстрые, обезображенные брачным нарядом и трудной дорогой к нерестилищу кетины. Уровень воды в реке упал, и часть рыбин оказалась на галечном берегу. Наши собаки тут же воспользовались возможностью полакомиться. В их довольном урчании слышалось: «Райское место! Тут голодать не придётся!»

* * *

Так получилось, что Лукса в преддверии сезона остался без напарника. Его товарищ Митчена, деливший с ним радости и невзгоды промысловой жизни в течение многих лет,



совсем потерял зрение и перебрался к дочери в райцентр — Переяславку. Это обстоятельство меня и выручило. Лука, правда не без колебаний, согласился взять меня — городского, неопытного очкарика на свой участок.

Хотя день только начинался, удэгеец поторапливал: предстояла большая работа по обустройству становища.

Взбираясь на берег, услышали задорный посвист. Его невозможно спутать ни с каким другим лесным звуком — рябчик! Судя по мелодии, петушок. Лукса движением руки остановил меня, а сам спрятался за ствол ели и, достав самодельный манок, ответил более глухим переливом курочки. По треску крыльев было понятно, что рябчик перепорхнул ближе. Он опять подсвистел. Хлопки слышались совсем рядом. Тут и я разглядел петушка. Вытянув шею и нетерпеливо переступая по ветке берёзы, он высматривал подружку.

— Живой, — радостно прошептал охотник. — Четвёртый сезон так встречает. Совсем свой стал.

Луксин «свояк» подлетел ещё ближе и с явным интересом разглядывал нас. Вынырнувший из кустов Пират, не разделяя чувств хозяина, с лаем запрыгал под деревом. Петушок встрепенулся и, спланировав, растворился в буреломной чаще.

Надо сказать, наши четвероногие помощники резко отличались друг от друга. Пират — рослый, нахрапистый, с хорошо развитой мускулатурой, быстрой реакцией и нахальными глазами. Индус, напротив, — вялый, тщедушный. При появлении Пирата он поджимал хвост и отходил в сторону. Столь же резко собаки различались и по окрасу. Пират белый, только кончики подвижных ушей и хвоста чёрные, а Индус серо-бурый. Попал он в нашу компанию случайно. Когда мы загружали в удачно подвернувшийся вертолёт мешки со снаряжением и продуктами, на краю поляны сидел и наблюдал за нашей беготнёй одинокий пёс. Я на ходу кинул ему кусок хлеба. Тот, не жуя, проглотил его и бочком, не сводя с меня грустных глаз, подошёл к трапу.

— Быстрее поднимайся, летим! — крикнул мне Лукса.

Оказавшись в салоне, я оглянулся. Собака молча, одними глазами, просилась к нам.

— Может, возьмём? Вдруг у неё талант к охоте?

— Бери, бери. Пиратке веселей будет, — согласился наставник.

Перетаскав вещи к становищу, занялись дровами. Двуручной пилой кое-как свалили сухостойный кедр. Отпилили и раскололи несколько смолистых чурок. Комель был настолько насыщен смолой, что полено, брошенное в воду, тонуло, как камень. Отвалившиеся от ствола куски красноватой, ребристой коры изнутри были усыпаны личинками, куколками — что-то недоглядели дятлы за лесным патриархом. На ночь кедр не годился — быстро сгорает. Поэтому напилили ещё и сырого ясеня. Он горит долго и даёт много жарких углей.

Очистив на небольшом пятачке, свободном от кустов, землю от снега, поставили удэгейскую палатку с матерчатыми сенями, вроде половинки небольшого чума. (В них удобно хранить дрова и капканы.) Главной особенностью удэгейских палаток является то, что она устанавливается не с помощью стоек и колышков, а крепится внутри каркаса из жердей. Очень удобная конструкция для зимы, когда колышки в промёрзшую землю забить практически невозможно.

Посреди палатки поставили жестяную печурку. По обе стороны от неё накидали лапника, расстелили кабаньи шкуры, поверх них — спальные мешки. Отпиленную от ясеня низенькую, но увесистую чурку-столлик пристроили в головах между спальниками. Слева и справа от печурки уложили сырые ольховые брёвнышки: чтобы спальники и одежда не подгорали. Под коньком закрепили перекладину с крючьями для сушки одежды. Закончив обустройство жилища, смастерили между тремя пихтами на высоте около двух метров настил для хранения продуктов — лабаз, а под ним шалашики для собак из мягких ветвей пихты.

Индус тщательно обследовал обе «конуры» и лёг в ту, что счёл удобней. Заслышав приближение убежавшего было Пирата, он притворился спящим. Но тот не проявил ни малейшего интереса к пихтовым гнёздам, а, усевшись возле груды дров, принялся выкусывать кусочки льда, намёрзшие между подушечками пальцев.

Завершив «строительные» работы, мы уселись на поваленную сушину и, наконец, расслабились. Довольные

проделанной работой, с наслаждением наблюдали заход светила.

Золотистый свет плавно скользил по снегу, стволам деревьев. Поднимаясь всё выше и выше, он выманивал из глухих распадков и ложбин таившуюся там серую мглу. Ряд за рядом темнели деревья, сопки. Вот потемнела и макушка самой высокой. Лёгкие облачка ещё некоторое время отражали прощальный свет солнца, скрывшегося за обгорелыми зубцами сопки, но и они вскоре потускнели, погасли. Нарождающаяся ночь осмелела, выползла из мрачного ущелья, укрывая всё окрест чёрным покрывалом. Тайга и небо слились. Неясные силуэты деревьев проступали только вблизи, принимая самые фантастические очертания.

Проводив день, забрались в палатку, зажгли свечу. Лукса набил чрево печурки поленьями и запалил смолистую щепу. Железные бока вскоре порозовели и стали щедро возвращать накопленное кедром за добрую сотню лет солнечное тепло.

Приятно запахло хвоей. Палатка постепенно наполнялась жилым духом. Заварив чай, устроились пить живительный напиток вприкуску с прихваченной с собой олениной.

— Лукса, а почему вы зимовье не постройте? — задал я давно вертевшийся на языке вопрос.

Бросив исподлобья сердитый взгляд, охотник пробурчал:

— Было зимовье... Вместе с Митченой рубили. Летом на рыбалку приплыл — одна зола. Туристы сожгли, ёлка-моталка. После охоты, как вода спадёт, новое рубить буду. Место присмотрел. Вверх по ключу, километра два отсюда. Там никто не найдёт...

Сам я — заядлый турист, и мне стало не по себе от услышанного. К сожалению, в походы ходят не только неугомонные романтики, любящие природу, но и те, для кого она — объект для безрассудных и безответственных развлечений.

Перекусив, разморённые теплом и горячим чаем, повалились на ватные спальники. По брезентовым скатам палатки уютно плескались блики света, пробивавшегося сквозь щели печурки.

— Что-то потно стало. Подними полог, — попросил Лукса.

Пахнуло прохладной свежестью. Спать расхотелось. Меня распирало любопытство, и мне показалось, что настал подхо-

дящий момент расспросить удэгейца о его самобытном лесном племени, кочевавшем прежде в глуши сихотэ-алинской тайги. Трудно поверить, но из-за оторванности от внешнего мира эти люди ещё совсем недавно жили по законам родового племени.

Лукса в ответ на мою просьбу вынул изо рта короткую трубку, с минуту помолчал, собираясь с мыслями, и стал неспешно вспоминать.

Я слушал и живо представлял картины недавнего и в то же время такого далёкого прошлого.

...С десяток островерхих, крытых корой чумов, прилепившихся к подножью крутобокой сопки на берегу порожистой реки Сукпай. Над кострами дымятся котлы. Вдоль косы, между навесов с юколой, бегают черноволосая ребятня. Женщины отминают, коптят шкуры зверей, тайменей. У одной из них в удобной заплечной люльке сладко спит младенец. В чумах, в женской половине, старухи шьют улы* и одежду, ладят берестяную посуду. Тут же, на кабаньих и медвежьих шкурах, копошится мелюзга — будущие охотники. В тени деревьев старики, ловко орудуя топориками, мастерят — кто лёгкие нарты, кто ходкую оморочку**. Молодые, сильные мужчины ушли с собаками на охоту. Мало кто из них вернётся с добычей. Тайга хоть и богата, копьём много не добудешь, а для нескольких ружей, купленных у торговых людей на Амуре, давно нет боеприпасов.

Время от времени племя потрясали опустошающие эпидемии, разбойничьи нападения жестоких хунхузов***, междоусобица...

Меж тем негромкий голос Луксы продолжал:

— Как дошла Советская власть, стало легче. Бесплатно дома строили, карабины, патроны, продукты, посуду, инструмент давали. Перед войной хозяйства на Саях и Джанго были. Я в «Красный охотник» на Саях записался. Теперь там никто не живёт — всех в одно хозяйство согнали, ёлка-молотка. Ниже Джанго Гвасюги построили. Зачем так делали? До участков совсем далеко стало.

* Улы — кожаная обувь с суконным голенищем.

** Оморочка — маленькая долблёная лодка.

*** Хунхузы — китайские разбойники, грабители.

— Погоди, ты же говорил, что ваш род по Сукпаю кочевал?

— Оттуда я ушёл ещё мальчишкой, сразу как отца с матерью после большой болезни потерял. Мать шибко любил. Её украшения с ней в могилу положил. Осенью двуногий шатун могилу рыл и всё унёс! Как лёд сошёл, в Тигровой протоке кое-что нашли в карманах утопленника. У меня сохранилось только вот это.

Лукса расстегнул ворот рубашки и показал висевшую на шее небольшую серебряную фигурку улыбающегося человечка с узкими щёлочками глаз и пухлыми щеками. Судя по размеру живота и халату с замысловатыми узорами, человек этот был не бедный. На поясе, в углублении, таинственно мерцал какой-то камешек, а на спине четыре иероглифа.

— Что здесь написано?

— Не знаю. Спрашивал у экспедиции, тоже не знают. Просили дать «китайца» показать учёному. Но как дашь? Память! Главный знак срисовал. Обещал написать, да за-был, пожалуй.

Бесспорно, многое изменилось в жизни удэгейцев, но основные занятия остались прежними. Летом охотники заготавливают панты*, женьшень, элеутерококк, кору бархата амурского, ягоды лимонника, брусники, клюквы. Осенью ловят рыбу. Зимой, на закреплённых за каждым штатным охотником участках промышляют пушнину, заготавливают мясо диких зверей.

Бывалый промысловик, взволнованный воспоминаниями, курил трубку за трубкой. В палатке слоился сизый дым.

Я вышел подышать свежим воздухом и застыл, потрясённый увиденным.

Полная луна заливала тайгу невообразимо ярким светом. Небо не чёрное, а прозрачно-сиреневое, и на нём не сыскать ни единой звёздочки. Кедровые ветви — словно былинные богатыри. В просветах между ними мерцают бриллиантовыми искорками крупные снежинки. Река перламутром выливается

* Панты — неокостеневшие рога изюбря, пятнистого оленя, марала. Народная медицина считает, что панты возвращают молодость, изгоняют хворь.

из-за поворота и, тускнея, убегает под хребет, заглывавший её огромной каменной пастью. Боже, я попал в сказку!

Кликнул Луксу. Он тоже потрясён и что-то шепчет на своем языке. Притихшие, вернулись в палатку, однако, не выдержав, я вновь вышел и долго стоял среди этой неземной красоты. От избытка чувств вонзил в тишину этой необычной ночи полурёв-полустон. Эхо, недовольно откликнувшись, заметалось по распадкам и стихло в сопках.

ТАЁЖНАЯ АЗБУКА

Утром, пока в печке разгорались дрова, Лукса успел одеться, умыться. Подогрев завтрак, он растормошил меня:

— Вставай, охоту проспишь.

Я вылез из спальника, размял затёкшие ноги и налил в эмалированную кружку чай.

— Чего не умываешься? — удивился Лукса.

— Холодно, — поёжился я.

— «Холодно, холодно», — передразнил он. — Как со вчерашним лицом ходить будешь? Тайга пугается. Соболь уйдёт, ёлка-моталка.

Поневоле пришлось натягивать улы и выходить на мороз. Зачерпнул ключевой воды и обдал лицо. От первой пригоршни сжался, как пружина, — ох и жжёт! Вторую уже не почувствовал, а третья даже вызвала прилив бодрости. Настроение поднялось, захотелось поскорее приняться за дела. На дне ключа заметил золотистые чешуйки, вымытые водой из кладовых сопки. Интересно, что это за минерал? Подцепил на лезвие ножа одну пластинку и понёс показать Луксе.

— Я не понимаю в них, — простодушно признался тот.

— На золото смахивает.

— Может... Раньше китайцы мыли здесь. Такие чешуйки и в соседних ключах встречаются.

После недолгих сборов Лукса повёл меня учить премудростям промысла пушнины.

Мягко ступая, он ловко лавировал в густых зарослях: только суконная шапка-накидка мелькала в просветах между

стволов. Мне приходилось то и дело ускорять шаг, чтобы не отстать. Большое преимущество в росте не выручало. Умение Луксы безошибочно выбирать самый удобный путь в густой чаще поражало. И если я пытался самостоятельно найти более короткий и удобный проход, то отставал ещё больше.

При ходьбе охотник не расставался со специальным ясеневым посохом — первейшей принадлежностью каждого удэгейца-промысловика. Выглядит он так: верхний конец широкий в виде лопаточки (она используется для маскировки капканов снегом), в нижний врезан кривой и острый клык кабарги. Им тормозят и рулят при спуске с крутых склонов на лыжах.

С остановками миновав пойменный лес, полезли в сопки. Лукса учил читать встречавшиеся следы, определять их свежесть.

Гладкий, округлый след, по его словам, бывает у здорового, упитанного соболя; узкий, неровный — у слабого, худого. У такого и шкурка плохая. мех редкий, тусклый. У сильного соболя мах прыжков широкий, почерк стежки спокойный, уверенный. В тёплую снежную погоду ходят только молодые соболя, да и те крутятся возле гнезда.

Соболь шагом не ходит, а скачет, становясь на обе лапки одновременно. Бежит обычно двухчёткой: задние лапы точно попадают в след передних, получая уже утрамбованную опору для прыжка. Бывает, что соболя «троят», очень редко «четверят». Это когда одна или обе задние лапы не попадают в след передних. Случается такое во время гона и при скрадывании добычи.

После «лекции» Лукса перешёл к практическим занятиям. Показывал, как ставить капканы на норку, соболя, колонка. Я старательно впитывал и запоминал всё, чему учил наставник. Главный вывод из всего услышанного: успех охоты зависит, прежде всего, от того, насколько удачно выбрано место для ловушки и насколько искусно ты сумел её замаскировать.

На излучине реки вспугнули стайку рябчиков. Лукса влёт сбил одного. Птицы с шумом разлетелись в разные стороны. Одна из них спланировала на ель неподалёку от меня. Прячась за стволами, выстрелил в неясный силуэт. Рябчик камнем упал вниз. Но, подбежав, я ничего, кроме перьев, на снегу не обнаружил.

Обойдя впустую вокруг дерева несколько раз, покричал собак, но тех и след простыл. Удручённый, пустился догонять наставника. Узнав про оставленную дичь, он нахмурился.

— Уф, манга*, уф, манга! Нельзя птице без пользы пропадать. Показывай, где стрелял.

Осмотрев разнесённые ветром перья, Лукса облизнул палец, поднял его вверх и юркнул в кусты. Покопавшись в снегу, вынул убитого рябчика.

— Никогда не бросай — фарт уйдёт.

На протоке пересекли свежий след белки.

— На жировку пошла, — отметил Лукса.

— А может, с жировки? — предположил я.

Охотник глянул удивлённо.

— Ты своей башкой думай. Смотри — прыжки большие, лапки прямо ставит — лёгкая пока. Поест — потяжелеет, прыжок короткий будет, лапки ёлочкой станут.

Я смущённо молчал. Сколько же нужно наблюдательности, чтобы подметить все это!

Под елями виднелись смолистые чешуйки шишек, выдавая места её кормёжки.

— Видишь, белка кормилась?

Я кивнул.

— А где шишку грызла?

— Как где? На ели.

Лукса покачал головой:

— На снегу. Чешуйки плотной кучкой лежат. Когда на дереве грызёт, чешуйки широко разбросаны. Чем выше, тем шире.

В этот момент раздался быстро удаляющийся треск сучьев. Мы побежали посмотреть, кто так проворно ретировался. Вскоре увидели на снегу рваные ямы от громадных прыжков. Тут же лёжка, промятая до земли.

— Как думаешь, кто был? — ещё раз решил проэкзаменовать меня наставник.

— Олень, — уклончиво ответил я и стал лихорадочно искать глазами помёт, чтобы по форме шариков определить — лось или изюбрь.

* Манга — плохо (*удэг.*).

— Ты мне голову не морочь. Какой олень? — напирал Лукаса.

— Лось.

— Сам ты лось... горбатый! Говорил тебе вчера: сохатый рысью уходит. Этот прыжками ушёл. Изюбрь был. Смотри сюда и запоминай. Видишь, снег копытами исчиркан. Изюбрь так чиркает, лось высоко ноги поднимает — снег не чиркает.

Видя, что я совсем скис, ободряюще добавил:

— Ничего, бата*! Поживёшь в тайге, всему научишься. Даже по-звериному думать.

На пологой седловине пересекли след бурого медведя, тянущийся в сторону господствующей над окрестностями горы Лысый Дед. Его округлая макушка в белых прожилках снега и серых мазках каменистых осыпей была совершенно безлесой. Эта особенность, похоже, и определила название.

— Миша чего-то припозднился. Они обычно под первый снег залегают.

На обратном пути вышли на крутобережье широкого, но не глубокого залива — излюбленного места нереста кеты. От Хора он отделён полосой земли, заросшей густым пойменным лесом, сплошь перевитым лианами китайского лимонника и актинидий.

На мгновение взгляд почему-то задержался на группе деревьев. Не поняв сразу, что именно привлекло моё внимание, пригляделся. Пять могучих ильмов стояли как бы полукругом, обращённым открытой стороной в залив. Перед ними — проплешина, в центре которой три потемневших деревянных столбика, заострённых кверху. Когда подошли поближе, увидел, что это идолы. Грубо вытесанные, длинные потрескавшиеся и потемневшие лица равнодушно взирали на водную гладь. Я вопросительно взглянул на Луксу.

— Наши лесные духи. Большой — Хозяин, а эти двое — жена и слуга. Хозяин помогает в охоте и рыбалке, — вполголоса пояснил он.

* Бата — сын, сынок (удэг.).

Достав из кармана сухарь, охотник подошёл к столбикам, почтительно положил его у ног Хозяина и спустился к воде. Я задержался, чтобы сделать снимки.

— Ничего не трогал? — не сводя с меня глаз, спросил Лукса, когда я догнал его.

— Нет. Сфотографировал только.

— Тогда ладно. Давай рыбу собирать. Рыбы беда как мно-го надо. Собак кормить и на приманку.

Переступая по валунам, мы вытащили сучковатой жердью с мелководья десятка четыре кетин и сложили в кучу. В этих рыбаках трудно было признать красавца океанского лосося. Серебристый наряд сменился на буро-красный. Челюсти хищно изогнулись и устрашающе поблескивали серповидными зубами, выросшими за время хода на нерест. Некоторые самцы ещё вяло шевелили плавниками, изо всех сил стараясь не завалиться на бок. До последней минуты своей жизни они охраняли нерестилище — тёрку от прожорливых ленков и хариусов.

Во время нереста в августе и сентябре сквозь чистую воду хорошо видно, как самка с силой трётся о дно, покрытое мелкими камешками. Припав к образовавшемуся углублению, она сжимает и разжимает брюшные мускулы до тех пор, пока лавина лучистых, янтарных икринок не вырвется наружу и не осядет в лунке. Плавающий рядом возбуждённый самец изливает на них молоки и присыпает оплодотворённую икру галькой. Весной из неё выведутся крохотные мальки. Окрепнув в горной речке с холодной, богатой кислородом водой, они скатятся в море. А через несколько лет уже взрослыми возвратятся на родное нерестилище. Ничто не может остановить их на пути к нему. Настойчивость и сила рыб, поднимающихся даже по двухметровым сливам, восхищает. Отметав икру, они также погибнут, чтобы дать жизнь новому поколению.

— Мало нынче кеты. Раньше, бывало, в два слоя лежали. Тысячи на зиму готовили.

— Солили?

— Как солить? Где столько соли взять?..

Брюхо и спину вдоль хребта резали и сушили под навесами на ветру.

— А мясо летом как хранили?
— Чуть варили, чтобы кровь свернулась. Потом резали на пластины и, как рыбу, вешали.

Пока мы собирали кету, Пират с Индусом, бегая наперегонки по берегу, обнаружили затаившуюся под выворотнем енотовидную собаку и с лаем выгнали её оттуда.

Она напоминала заурядную дворянку с короткими ногами. Неуклюжа, приземиста, ужасно лохмата. Мех густой и пышный, серо-бурый с желтоватым оттенком. Мордочка короткая, глаза смотрят покорно, как бы прося пощады. Это, пожалуй, самое безропотное и беззащитное существо в Сихотэ-Алиньской тайге.

Когда мы приблизились, енотовидная собака припала к земле и закрыла глаза, с поразительной апатией ожидая решения своей участи. С трудом оттащив возбуждённых псов, направились к стану, обсуждая увиденное за день. Радовало, что участок богатый. На пойме немало копытных, по берегам бегают норки, в сопках встречаются соболя. И, что важно, много мышей и рябчиков — их основной пищи.

— Рябчик есть — соболю хорошо. Мышь съел — опять ловить надо. А рябца ему надолго хватает, — объяснял опытный промысловик.

— Лукса, как будем участок делить? — наконец-то решился спросить я.

Напарник недоумённо посмотрел:

— Зачем делить? Где хочешь, ходи, где хочешь, лови. Только на соседние участки не ходи. Пудзя* сердиться будет. Выше по Хору сосед — Аки. Ты его знаешь. А ниже — Гирдо. Гирдо уже два года не охотится. Колено выпадает.

Честно говоря, я был обескуражен таким ответом. Мне хотелось, чтобы Лукса закрепил за мной определённую часть угодий, но со временем понял, насколько мудрым было его решение. Никто не был стеснён и не считал себя обделённым. Наши тропы иногда пересекались, но при этом каждый шёл своей дорогой.

* Пудзя — главное божество (бог) у удэгейцев.

Весь следующий день по сопкам с диким посвистом метался шальной ветер. Правда, нам он не мешал — мы были заняты подготовкой капканов.

Чтобы удалить заводскую смазку, отжигали их на углях. После чего напильниками сглаживали заусенцы, подгоняли сторожки. Из стальной проволоки делали на каждый капкан цепочку для крепления «потаска» — обрубка ветки, не позволяющего зверьку далеко уйти.

Наскоблив с затёсов кедровой и еловой смолы, бросили её в ведро с кипящей водой. В этом бульоне поочерёдно проварили все уже подготовленные капканы. Когда их вынимали, они покрывались тоненькой янтарной рубашкой.

После такой обработки соболя, обладающие тонким нюхом, не учуют запах железа.

— Камиль, перед установкой капкана руки хвоей пихты обязательно натирай. Она пахнет сильнее и дольше, чем еловая, — продолжал просвещать Лукса.

К полуночи ветер стих. Непроницаемый войлок туч скрыл все звёзды. Мягко повалил снег.

Промысловик заметно оживился:

— В снег звери глохнут — близко подойти можно. Сначала мяса запасём, потом соболя ловить начнём.

Говорит, а сам мой пятизарядный гладкоствольный винчестер всё поглаживает, да на руках покачивает.

— Какой легкий, ёлка-моталка! Как моя одностволка. Камиль, тут цифры 1912. Что они значат?

— Год выпуска.

— Вот это да тебе! — Лукса аж присвистнул. — Мой отец тогда только родился. Откуда у тебя такое старое ружьё?

— Друг купил во Владивостоке у одного геолога-пенсонера. В тайге, когда мы путешествовали, ему за этот винчестер огромные деньги предлагали.

— Как же тебе дал?

— Он погиб в Якутии. Ружьё — память о нём. Большой, светлой души был человек. Я ему многим обязан.

— Да, бата, молния всегда бьёт самый высокий кедр. Пудзе плохие не нужны.

...Легли далеко за полночь.

БЛУЖДЕНИЯ

С рассветом снег перешёл в дождь. Тайга потонула в промозглой сырости. Без настроения разошлись искать свежие следы копытных: хоть и непогода, а мясо добыть надо. Лукас ушёл в горы. Я же, поставив несколько капканов под обрывистым берегом на норку, побрёл по пойме ключа, надеясь отыскать кабанов. Поначалу попадались лишь волчьи следы. Гора кеты, сложенная вчера нами на берегу залива, исчезла. На её месте лишь утрамбованный серыми круг. Съеден был даже снег, пропитанный кровью.

Миновав небольшую марь, увидел гайно*. От него вверх уходили свежие следы. Решил тропить.

Табун долго двигался прямо. Наконец кабаны разбрелись, появились глубокие порои. Я пошёл предельно осторожно. Переходя от дерева к дереву, всматривался в каждый куст, едва дыша, прислушивался к малейшему звуку. И тут, совершенно нектати, взбрыхнул Индус. Раздалось испуганное «чув-чув». Мелькнув чёрными молниями, звери исчезли, оставив на мокром снегу лишь парящие клубки помёта.

В сердцах отругал пса, но он так и не понял, что совершил ошибку. Пожалуй, наоборот, даже гордился тем, что вовремя предупредил хозяина об опасности и громким лаем обратил в бегство стадо свирепых секачей.

Перейдя на пойму Буге, зашагал по сужающейся долине вверх. Тяжёлые непроглядные тучи утюжили макушки сопок. Всё вокруг в мутной пелене мороси. Уныло. Зябко. Несколько лет назад здесь пронёсся небывалой силы смерч, и долина оказалась заваленной деревьями в несколько ярусов. Сучкастые гиганты перегораживали путь всему живому, вдобавок между ними уже густо поднималась молодая поросль.

Приходилось буквально карабкаться через эти завалы; прыгать с одного скользкого ствола на другой, рискуя напороться на острый смолистый сук. Попытался протиснуться понизу, но и там не легче. Под ногами снежная слякоть, по бокам колючие кустарники и перевившие всё вокруг лианы. Колени и ладони скользят по обледенелым камням

* Г а й н о — зимнее кабанье гнездо, на котором звери спят, прижавшись друг к другу. Представляет собой слой срезанных клыками веток.

и валежинам. Каждый сучок старается выдрать клочок одежды. Одна упругая ветвь наградила меня такой пощёчиной, что свет померк от боли, а из рассечённой скулы брызнула кровь.

Неожиданно долина полезла круто вверх, и я запоздало сообразил, что поднимаюсь не вдоль Буге, а по его боковому распадку. Возвращаться назад через лесные «баррикады» не было ни сил, ни желания. Решил перевалить гриву и спуститься к Буге по соседнему распадку.

Там меня встретили труднопроходимые заросли кедрового стланика, чередовавшегося с можжевельником. Лишь по самому гребню росли берёзы, но не те нежные, стройные создания, прославленные народом в песнях, а кряжистые, скрюченные карлики с толстыми култышками ветвей. Их трудно даже назвать берёзами. Постоянные пронизывающие ветра совершенно изменили их привычный облик. Угрюмый вид этих уродцев навевал нехорошие предчувствия.

Через час мы с Индусом всё же прорвались к ложу ключа, к привычным кедром и елям, а так как уже пора было возвращаться, я повернул к стану. Иду и чувствую, что не проходил здесь. Вроде те же сопки, тот же ключ, но пойма много шире. Чтобы проверить себя, пересёк долину поперёк и остановился в растерянности — моих утренних следов на размякшем снегу не было. Очевидно, я спустился не к Буге, а в долину соседнего ключа — Джанго, на участок Гирдо.

В замешательстве огляделся. Вокруг стоял сразу ставший враждебным лес. Сверху безостановочно сыпал нудный дождь. На мне ни одной сухой нитки. Слякотно, холодно, голодно. Еды, кроме трёх размокших сухарей, никакой. Спички, первейшая необходимость, отсырели и не зажигались. Компас остался в палатке. Стало жутко.

Мокрый Индус жался рядом и преданно смотрел на меня.

— Индус, домой! Веди, дружок! Выручай... — уговаривал я его в надежде, что пёс найдёт верную дорогу.

Тот же виновато отворачивал морду. Он догадывался, что от него чего-то ждут, возможно, даже понимал, что именно, но помочь был не способен.

Поразмыслив, я решил, что в данной ситуации мне не остаётся ничего другого, как спуститься по долине Джанго к Хору и по его берегу подниматься к становищу.

Ближе к устью Джанго пошли, чередуясь, то сплошные изнуряющие заросли колючего элеутерококка, то топкие зыбуны с вертлявыми, покрытыми копной жёсткой травой, кочками. По зыбунам ступал, замирая от ужаса. Сделаешь неверный шаг — провалишься в «окно» с ледяной жижей. Казалось, будто идёшь по слабо натянутой резиновой плёнке: при каждом шаге верхний слой упруго прогибался, и далеко вокруг расходились тяжёлые волны, покачивающие «копёнки». Бестолковый Индус плёлся сзади.

Передохнуть негде. Попытался прислониться измученным телом к худосочному стволу ели, но та с треском повалилась — слабый грунт не держит.

Вспомнились глухие завалы на реке Чуи, по которой мы с Юрой сплавливались несколько лет назад. Огромные лесины, лохматые выворотни, нагромождённые осенним паводком, перекрыли обширную долину реки от хребта до хребта. Полноводный поток, будучи не в силах разнести, разорвать нагромождения лесных великанов, с рокотом разливался по широкой пойме.

Приближаться к завалам на лодке по руслу речки было опасно — мощное течение затянет под стволы и истреplet там в клочья. Поэтому шли по лесной пойме пешком с рюкзаками на спине, лодкой на голове, по колено, а нередко и по пояс в воде.

Разбои тянулись всего шесть километров, но они отняли у нас двое суток.

О! Что это был за переход! Суший ад! Кругом вода. Море воды, но плыть невозможно — лодке не протиснуться между деревьями и подлеском сквозь подлесок. Почва от воды раскисла, и ноги глубоко вязли в ней. То и дело проваливались в коварные ямы. В этих случаях герметичные рюкзаки выполняли роль заплечных поплавков. Из свинцовых туч безостановочно сеял мелкий дождь. Вокруг полчища мошки. Её так много, что трудно дышать. Похоже, все окрестные вампиры караулили нас на этом переходе.

Они роями набрасывались и облепляли серым пеплом все доступные участки тела. Проведёшь рукой по лицу — с пальцев кровавая кашица комочками отваливается. Шли голодные, грязные, мокрые и опухшие от бесчисленных уку-

сов. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по искусанному, в серой маске лицу. Шаг вперёд — лодку на себя — рукой по лицу... И так двое суток! А как «спали» посреди этой топи — лучше и не вспоминать!!

Так что без паники. И не в таких переделках бывал!

Собравшись с силами, выбрался на островок и буквально ткнулся в длинную кисть с пятью огненно-красными рубинами ягод, свисавшую с коричневого гибкого побега с шелушащейся корой. Это были ягоды лимонника. Съев их, почти сразу почувствовал прилив сил, но, к сожалению, недолгий. Уже через километр опять захотелось прилечь. Эх, найти бы несколько таких кисточек! (Лукса говорил, что горсть ягод лимонника даёт силы весь день гнать зверя.) Дальше гибкие лианы стали попадаться чаще, но ягод на них уже не было: птицы склевали все до единой.

С тоской шаря в пустых карманах, невольно вспомнил таёжную мудрость: «Идёшь на день, бери на три». К вечеру стало подмораживать. Холодный ветер обжигал лицо и руки. Мокрые штаны и куртка превратились в ледяной панцирь, и каждый шаг сопровождался их хрустом. Оказавшись, наконец, на коренном берегу Хора, с облегчением вздохнул и даже несколько раз с силой притопнул ногой, убеждаясь, что топь действительно кончилась.

Последние километры брёл как во сне. Чувства притупились, мысли путались. Их неясные обрывки хаотично блуждали в голове, и только одна, точно зубная боль, не давала покоя: не ушёл ли Лукса искать меня?

Я не сомневался, что при встрече он упрекнёт: «Тебе по тайге только с проводником ходить». Но ошибся. Наставник или был уверен во мне, или просто привык за долгую жизнь в тайге к подобным задержкам. Когда я ввалился в палатку и в полном изнеможении упал на спальник, он только пробурчал, пыхнув дымом из трубки:

— Шибко долго ходишь, всё давно остыло.

В тепле невероятная усталость сразу дала о себе знать. Мной овладело единственное желание: лежать и ни о чём не думать. Было обидно, что столько сил истрачено впустую! После этого урока взял за правило брать с собой запас еды, а спички тщательно заворачивать в полиэтиленовый

мешочек. (Со временем я научусь и свободно определяться на местности. Видимо, проснётся инстинкт ориентировки.)

Выпив шесть кружек чая, но так и не утолив жажду, ожил. Оглядевшись, заметил висевшие на перекладине шкурки белок.

— У тебя, Лукса, вижу, удачный день. Поздравляю!

— Не больно удачный, только трёх белок подстрелил. Смотри, уже выходные — мездра спелая. Белка линяет последней, значит, соболя тоже вызрели, — ответил промысловик и продолжил прерванное занятие — надувать очищенный зоб рябчика. В результате получился лёгкий полупрозрачный шарик, который он повесил сушиться рядом со шкурками. — Внукам игрушка. Побольше готовить надо. Внуков беда как много. Всегда на Новый год полную банку приношу.

ОТЧЕГО КАМЕНЕЮТ РОГА

Разбудил ритмичный стук. Выглянул из палатки и обомлел: прямо у входа сойка остервенело терзала беличью тушку. На моё появление никак не прореагировала. Насытившись, высокомерно глянула на меня чёрным глазом и похозяйски поскакала дальше.

Судя по тому, что чай был чуть тёплый, Лукса ушёл давно. Я оделся и выбрался наружу. Денёк — чудо! Всё пропитано солнцем. В лесу кипела хлопотливая жизнь. Вовсю тарабанили труженики-дятлы, в пух и прах разбивая старуху-ель. Звонкими, чистыми голосками перекликались синицы. Весело посвистывали рябчики. Пронзительно и хрипло вскрикивали таёжные сплетницы — кедровки.

И Хор нынче необычайно красив. Сплошной лентой, чуть шурша друг о друга хрустальными выступами, плывут льдины, припорошённые белой пудрой. В промежутках между ними вода лучится приятным нежно-изумрудным светом.

После вчерашних блужданий чувствовал себя совершенно разбитым, да идти торить путики поздновато. Поэтому спустился к реке и прямо под берегом насторожил несколько ловушек. Проверил старые. В две из них попались мыши.

Лукса считает, что я слишком чутко настраиваю сторожок: капкан срабатывает даже от веса таких крохотных грызунов.

Сам он завалился в палатку довольный. Ещё бы! Убил чушку в метрах трёхстах от стана! Гордо извлёк из рюкзака большой кусок окорока и печень. Задабривая покровителя охоты, отрезал ломтик и бросил в огонь:

— Спасибо, Пудзя! Хорошая чушка!

Сумерки сгущались, и мы, даже не перекусив, пошли за добычей. Жиренькая! Слой сала в два пальца.

— Кабаним жиром хорошо улы смазывать. Не промокают. Одно плохо — после смазки подошва сильнее скользит.

В этот вечер у нас был первый настоящий охотничий ужин. Сварив полную кастрюлю мяса, пировали, оживлённо беседуя на самые разные темы. Намолчавшись за день, Лукса донимал меня вопросами. Во всём он пытался докопаться до самой сути и нередко ставил меня в тупик:

— Камиль, солнце у нас одно, но почему утром оно холодное, а днём горячее, и светит так сильно, что смотреть больно?

Или же спрашивал:

— Отчего каменеют рога? Они же вырастают мягкими, и траву олень ест мягкую, а к гону рога каменеют.

Я, используя книжные познания, как мог, разъяснял:

— Верно, молодые рога мягкие и пронизаны массой кровеносных сосудов, сверху покрыты кожицей с густой бархатистой шёрсткой.

— От мошки защищает, — вставил Лукса.

— Когда панты вырастают в полную величину, в них происходит отложение солей. Проще говоря — окостенение. Начинается оно с кончиков рогов и постепенно опускается всё ниже. Не случайно в это время быки особенно часто посещают солонцы — организм требует соли. Когда этот процесс завершается, покрывающая рога шкурка отмирает и, как ты сам рассказывал, олени трутся рогами о деревья, чтобы счистить её.

— Понятно. А вот скажи — кто из зверей самый крепкий на рану?

— Лукса, это не честно. Ты мне об этом ещё не рассказывал.

— Ишь, как вывернулся! Тогда слушай. Самый крепкий лось будет. Самый слабый — изюбрь. Медведь и кабан между ними. Раненый лось силы бережёт, от охотника уходит не больно быстро. В сопку идёт не прямо, а как река петляет. Изюбр — дурак. Горяч. Раненый прыжками уходит и всегда вверх. На рану совсем слабый — даже с мелкашки завалить можно. У меня раз так было: собака загнала изюбра на отстой. Смотрю, ничего не вижу — ветки мешают. Стрельнул, да в спешке не переключил с «мелкашки» на «жакан». Слышу: копыта по камням защёлкали. Обида взяла — уходит рогач, ёлка-моталка. Бросился за ним, а изюбр сам навстречу. Не успел второй раз стрельнуть, как он грохнулся на камни мёртвый. Совсем слабый на рану.

— Лукса, расскажи ещё что-нибудь.

— Это можно, — оживился промысловик и, прихлёбывая чай, допоздна рассказывал не только о случаях из охотничьей жизни, но и о повадках зверей, особенностях их промысла. Под конец я не утерпел и задал давно беспокоивший меня вопрос:

— Лукса, а ты не боишься, что тигр или волки могут напасть?

— Чего бояться? Зверь не глупый. Он человека уважает.

— Но случается же, что хищные звери нападают на человека.

— Сказки это. Если зверя не трогать, он не нападёт. Что, колонок или норка опасные звери? Но и они, если бежать некуда, могут наброситься на тебя. Однако один хуза* в тайге всё же есть — шатун. Очень ненадёжный зверь, ёлка-моталка. Он может напасть.

* * *

В лесу после ночного снегопада следов нет. Только снежные «бомбы», сорвавшиеся с ветвей, успели кое-где продырять пухлое одеяло.

Разошлись рано, хотя можно было и не ходить — капканы лучше ставить на второй-третий день после снегопада. За это

* Хуза — бандит.

время зверьки наследят, и сразу видно, где их излюбленные проходы, а где случайный след.

В ловушках привычная добыча — мыши. У одного шалашика с приманкой норка пробежала прямо возле входа, но в него даже не заглянула — сытая. В тайге нынче все благоденствуют. Бедствуют одни охотники.

Лукса весь день гонял косуль. Дважды удавалось приблизиться на выстрел, но оба раза пуля рикошетила о промёрзший подлесок.

— На косулю хорошо с собакой ходить, — оправдывался промысловик, — она под собакой круг делает и на то же место выбегает. Тут её и бей.

— Что ж ты Пирата с собой не берёшь?

— В этом деле он не помощник. Как встретит новый след, отвлекается и уходит по нему до следующего.

УРАГАН

Ну вот, уже и седьмое ноября! Двадцать третий день, как я на промысле. Расставлены почти все капканы, но добычи пока нет. Сегодня по всей стране торжества, демонстрации, а у нас с Луксой обычный трудовой день. Нарубив приманки, я отправился бить очередной путик по пойме Хора, но вскоре вернулся чтобы надеть окамусованные* лыжи: снега навалило так много, что пешком ходить стало невозможно.

Если бы таёжники знали имя человека, первым догадавшегося оклеить лыжи камусом, они поставили бы ему памятник. Короткие, жёсткие волосы с голени оленей надёжно держат охотника на самых крутых склонах. При хорошем камусе скорее снег сойдёт с сопки, чем лыжи поедут назад. Правда, ходить на таких лыжах без привычки неудобно, надо приноровиться. Я тоже поначалу шёл тяжело, неуклюже.

* Окамусованные — оклеенные камусом. Камус — шкура с голени лося или изюбря. Можно использовать и лошадиный камус. Он тяжелее, зато лучше скользит по снегу.

Порой в книгах читаешь описание того, как охотник, лихо скатившись с сопки, помчался к зимовью. Хочется верить, что это где-то и возможно, но только не в дебрях Сихотэ-Алиня. Попробуй полихачить, когда выстроились один за другим кедры, ели, пихты, ясени, а небольшие промежутки между ними затянуты густым подлеском, переплетённым лианами.

За ключом, на вытянувшемся к востоку плоскогорье, появились миниатюрные следочки кабарги — самого крошечного и самого древнего оленя нашей страны. Изящные отпечатки маленьких копытцев чётко вырисовывались на снегу. Кабарга испепляла всю пойму в поисках любимого лакомства — длинного косматого лишайника, сизыми прядями свисающего с ветвей пихт и елей.

Лукса рассказывал, что охотники даже специально велят такие деревья и устанавливают самострелы с волосяными растяжками на высоте локтя. Слух у кабарги настолько острый, что, услышав шум упавшего дерева, она бежит к нему кормиться. Неравнодушны к этому лишайнику и другие звери, в том числе соболя, белки. Но последние не едят его, а используют для утепления гнёзд.

Среди оленей кабарга примечательна отсутствием рогов. Этот существенный недостаток возмещается острыми саблевыми клыками, растущими из верхней челюсти. И хотя по величине они не могут соперничать с клыками секачей, при необходимости кабарожка может постоять за себя, ведь длина её клыков достигает восьми сантиметров.

Охотиться на кабаргу без хорошей собаки — дело бесполезное. Благодаря чрезвычайно тонкому слуху она не подпустит охотника на верный выстрел. Поэтому я зашагал дальше, сооружая в приглянувшихся местах амбарчики на соболей и норок. Чтобы привлечь их внимание, вокруг щедро разбрасывал кроху: перья и внутренности рябчиков.

На становище вернулся, когда над ним уже витали соблазнительные запахи жареного мяса. Лукса колдовал над праздничным угощением — запекал на углях завернутые в фольгу жирные куски кабанятины, сдобренные чесноком.

После сытного ужина мы с особым удовольствием слушали по транзистору концерт. Но перед сном приподнятое настроение было испорчено — хлынул дождь.

— Когда таймень хочет проглотить ленка, он сдирает с него чешую, — в мрачной задумчивости произнёс удэгеец и, тут же спохватившись, добавил: — Ничего. Терпеть надо. Жаловаться нельзя, ёлка-моталка. Поправится ещё погода.

После дождя подморозило и снег покрылся ледяной коркой. Невольно вспомнил рябчиков. Смогут ли бедолаги пробить наст и выбраться из плена — ведь они ночуют под снегом.

Идти на охоту было бессмысленно, и я занялся накопившимися хозяйственными делами. Колол дрова, ремонтировал одежду. К полудню небо затянуло, началась обильный снегопад. Мохнатые снежинки кружились в воздухе, как бабочки: то взлетали, то опускались, гоняясь друг за дружкой. Часом позже с горных вершин донёсся нарастающий гул. Деревья беспокойно зашевелились, зашумелись, и вскоре налетел, понёсся в глубь тайги мощный ураган. По высоким кронам елей и кедров побежали, сметая снежные шапки, зелёные волны. Воздух на глазах мутнел, становился плотным, тяжёлым. Шквал за шквалом ветер набирал силу и, наконец, достиг резиновой упругости. Тайга напряжённо стонала, металась, утратив своё обычное величие и покой. Деревья шатались, скрипя суставами, как больные. По уже замёрзшему заливу потянулись длинные космы позёмки. Недалеко от палатки с хлётким, как удар бича, треском повалилась ель. Два громадных ясеня угрожающе склонились над нашим жилищем.

Залив водой нещадно дымящую печь и захватив спальный мешок, я с опаской выбрался наружу. Ураган, видимо, достиг наивысшего напряжения. Вокруг творилось что-то невообразимое. Всё потонуло в снежных вихрях, перемешанных с обломками веток, коры и неведь откуда взявшимися листьями. Было темно почти как ночью. Постоянно — то в одном, то в другом месте — рушились деревья. На фоне несусветного рёва казалось, что они падают бесшумно.

Забравшись в выемку под обрывистым берегом, я закупо-рился в мешке, как рябец в тесной снежной норе. В голову лезли беспокойные мысли: «Как Лукса? Что с ним? Тоже, наверное, отсиживается, пережидая непогоду. А каково сей-час зверью!?»

К вечеру ветер ослаб, но, даже отбушевав, ураган иногда давал о себе знать сильными порывами ветра. Вскоре снег опять повалил густыми, крупными хлопьями. Наступила тишина, особенно гнетущая после оглушительного буйства стихии.

Лукса пришёл поздно, изнурённый и потрясённый.

— Чего Пудзя так сердился? — сокрушался он. — Беда как много тайги поломало. Обходить завалы устал. Ладно, до конца не ходил — на развилке путиков отсиделся.

Ночью ветер вновь многогласно завыл, заметался голодным зверем по реке и сопкам в поисках поживы. Врываясь в печную трубу, наполнял палатку таким густым дымом, что становилось невозможно дышать. Чтобы не задохнуться, пришлось наглухо закупориться в мешках.

Проснулся от криков Луксы, яростно поносившего всех подряд: и дрова, и печку, и погоду. Высунув голову, я закашлялся от едкого чада. Оказывается, у него от искры, вылетевшей из печки с порывом ветра, загорелся, точнее, затлел спальник. Когда он почувствовал, что горит, возле колена уже образовалась такая дыра, что в неё без труда можно было пролезть. Так что легко понять несдержанность следопыта и простить ему крепкие выражения. Ведь в январе в этих краях спиртовой столбик порой опускается до отметки минус сорок градусов.

Выбравшись из занесённой снегом и обломками веток палатки, мы не признали окрестностей.

Мне не раз приходилось видеть ветровалы, но в свежем виде они ошеломляют. Местами деревья повалены сплошь. Уцелела лишь гибкая поросль. Поверженные исполины лежали, крепко обнявшись зелёными лапами, стыдливо прячась за громадами вывороченной земли. Те, чьи корни выдержали бешеный напор стихии, стволы переломлены, а места разлома поблёскивают лучистой, как липовый мёд, смолой, свисающей янтарными серёжками.

Обрывки узловатых, мускулистых корней кричали о боли, протестовали против такой нелепой смерти. Невольно проникаешься уважением к тем крепышам, которые выстояли.

День между тем выдался погожий. Изголодавшиеся за время ненастья звери забегали в поисках пищи.

Тщательно осматривают свои участки и соболя — они никогда не пробегут мимо дупла, не обследовав его. Побывают на всех бугорках, заглянут под все валежины и завалы. Уходя под них, соболь может невидимкой пройти под снегом десятки метров. Очень любят они и наклонённые и упавшие деревья, особенно если те лежат поперёк ключа или распадка.

Душа радуется при виде всех этих замысловатых строчек. Необыкновенно интересное всё же занятие — охота. При этом наибольшее удовольствие доставляет возможность побывать в глухих, укромных уголках, где есть возможность понаблюдать жизнь обитателей тайги.

Хорошо помню то далёкое февральское утро. Мне исполнилось четырнадцать лет. Первое, что я увидел, открыв глаза, — улыбающиеся лица моих родителей и одностволку «Иж-1», пахнущую заводской смазкой. С тех пор охота на долгое время стала моей главной страстью*. И не беда, что не всегда удачен выстрел и возвращаешься без трофеев. Разве не стоит испытать усталость ради того незабываемого наслаждения, которое получаешь при виде дикого зверя, стаи птиц, взмывающих с тихой заводи в заоблачную высь!

Сегодня пошёл в обход со сладостным предвкушением удачи: был уверен, что в одном из капканов в Маристом распадке меня обязательно будет дожидаться соболёк. Всё же, как-никак, четыре дня не проверял. Но... опять одни мыши. И что обидно — некоторые «амбарчики» соболя сверху вдоль и поперёк истоптали, в лаз заглядывали, но приманку так и не тронули. Как же, станут они грызть мёрзлое мясо, когда повсюду живая и тёплая добыча шныряет. Один из соболей прямо на макушке домика оставил выразительные знаки своего «презрения» к моим жалким подачкам.

В следующем амбарчике билась голубая сорока, обитающая в нашей стране лишь здесь, на юге Дальнего Востока. На её счастье пружина не перебила лапку. Попалась она совсем недавно, — даже снежный покров вокруг хатки не потревожен. Я разжал дужки и освободил птицу. Сорока, покачав головой в тёмной шапочке, взлетела на дерево. Расправила взъерошенные перья и, громко прокричав мне что-то, улетела.

* В 1982 году я дал зарок и с тех пор не сделал ни одного выстрела.



Тогда же я впервые увидел колонка, привлечённого, видимо, криком сороки. Его рыжевато-охристая шубка на белом фоне снега смотрелась весьма эффектно. Тело длинное, гибкое, с круто изогнутой спиной. Колонок несколько мельче соболя, но кровожаден и злобен необычайно: сила в сочетании с проворством позволяют ему побеждать зверей и птиц, которые значительно крупнее его.

Пока я снимал ружьё, рыжий разбойник юркнул в снег под кучу веток, оставшихся после паводка. Дождаться его следующего появления можно весь сезон: мышей в таких местах великое множество — до лета хватит.

От этих крохотных пакостников и в нашем жилище нет спасения. Ничего съедобного нельзя оставить — сгрызут. Продукты держим на лабазе. Но они и туда наловчились взбираться. Спаслись тем, что облили стойки несколько раз водой.

По ночам от бегающей по тугим скатам палатки мышинной армии только «топот» стоит. Однажды одна, самая нахальная, даже забралась ко мне в спальник. Прогулялась до ступней ног и бодренько назад по шее прямо к уху — сообразила после разведки, что это самая удобная и доступная добыча. Я прямо оцепенел от ужаса. Не столько страха от тигра натерпиться, как от этих тварей. Из палатки выйдешь — веером рассыпаются. К стану набиты настоящие тропы — со всех окрестностей к нам на кормёжку ходят. Жирные, лоснящиеся, ужасно наглые и любопытные.

Как-то вечером сидим, ужинаем. Одна высунула острую мордочку из-под чурки-стола, огляделась и деловито взобралась на неё — решила моим сухарём полакомиться. Я руку протянул, чтобы щелчком согнать, так она, окаянная, не испугалась. Носик вытянула и старательно обнюхивает палец — нельзя ли чем и тут поживиться. Ставим на них капканы, бьём поленьями, а грызунам по-прежнему нет числа. Того и гляди за нас примутся.

Но я отвлёкся от событий дня. Так вот, там, где путик пересекает межгорную седловину, появилась волнистая борозда, сглаженная посередине широким хвостом. Выдра?! Откуда она здесь? Ведь, как известно, речные разбойницы держатся рек, ключей, а тут глухая высокогорная тайга. Что побудило этого «рыболова» предпринять сухопутное путешествие через перевал? Быть может, выдра покинула свой ключ потому, что замёрзли полыньи? Или он оскудел рыбой? А может, просто проснулась тяга к странствиям?

Потрогал след. Не смёрзшийся, стенки рассыпались от лёгкого прикосновения. У выволока* нежные, воздушные

* Выволок — передняя часть следа.

снежинки. Сомнений не было — выдра прошла буквально передо мной. Лапы у неё короткие. По снегу бегают медленно. Возможность догнать сразу соблазнила меня.

Сначала шёл не спеша — устал за день, но, разглядев вдали мелькающее пятно, ринулся напролом, как секач, не разбирая дороги, подминая лыжами густой подлесок, не замечая ничего, кроме волнистой борозды перед собой.

Выдра, похоже, услышала погоню — длина прыжков резко увеличилась, и она свернула влево, безошибочно определив кратчайший путь к воде. Я тоже прибавил ходу. Откуда только силы взялись! Стало жарко. Сердце, бухая, разрывало грудь. Сбросил рюкзак, потом телогрейку. Вот уже тёмная искристая спина приземистого зверя замелькала среди деревьев.

Прыгала выдра тяжело, глубоко проваливаясь в снег плотным телом. Расстояние между нами сокращалось. Притормозив, я вскинул ружьё и выстрелил в изгибающееся волной туловище. Выдра мгновенно исчезла в снегу. Подбежав, по чёрточкам дробинки увидел, что промахнулся, — снопы дробы прошёл выше.

Скинув лыжи, я принялся лихорадочно разгребать снег ногами. Нижний слой был зернистым, сыпучим и скатывался обратно. Переводя дух, огляделся и понял, что выдра обхитрила меня — в метрах двадцати появилась цепочка следов, теряющаяся в глубине леса. Пока возился с лыжами и вновь пустился в погоню, обманщица успела уйти далеко.

Чем ближе к ключу, тем круче становился склон. Вскоре, чтобы погасить скорость и не врезаться в дерево, мне пришлось хвататься за пронесившиеся мимо стволы. Когда я почти настиг выдру и резко затормозил для выстрела, она вновь нырнула в снег. Не тратя времени на бесплодное перемешивание, принялся ходить на лыжах кругами, останавливаясь и подолгу прощупывая глазами окрестности. Но, сколько ни вглядывался, ни выдры, ни её следов нигде не было. В растерянности попробовал разгребать снег под поваленными стволами и в местах, где, по моему разумению, она могла затаиться. Выдра же словно сквозь землю провалилась.

Прочесав тайгу внутри небольшого круга, расширил границу поиска, однако выходного следа так и не обнаружил. Дело близилось к вечеру. Пора было возвращаться, тем более

что в одном свитере, без телогрейки, я уже основательно продрог. Прощупав глазами снежный покров в последний раз, повернул обратно, злясь на себя за промах и восхищаясь сообразительностью выдры. Дважды провела меня, да так ловко!

Подобрав телогрейку, с трудом втиснулся в неё — на морозе она застыла коробом. К палатке подъехал уже в темноте.

Лукса доедал свой ужин, а на печке монотонно сипел чайник. Выслушав мой рассказ, бывалый охотник успокоил:

— Шибко не расстраивайся. Выдра — самый умный зверь в тайге. Как говорит наш охотовед: промысел выдры — это высший пилотаж. Однако не последняя зима у тебя. Придёт время — добудешь. Однажды я тоже, как и ты, выдру на переходе гнал. Мне тогда собака помогла. Под завал загнала. В другой сезон три собаки выдру под корягой причуяли, но взять боятся. Одна сунулась. Выдра так лапой саданула, что кожу с носа содрала. Я стрельнул. Хитрюга с другой стороны выскочила — и к полынье. Собаки за ней. В клубок сплелись. Визжат, рычат и к воде колесом катятся. Стрельнуть боюсь — собак зацеплю. Так и ушла, ёлка-моталка.

Наставник ещё долго делился своими охотничьими историями. А я, как всегда, старательно всё записывал.

— Лукса, судя по следам, ты вчера заходил на мой путик. «Амбарчики» видел? Правильно ставлю?

— Видел, видел. Молодец. Как учил делаешь, и места подходящие.

— Почему же тогда соболь не идёт? Может, пахучие приманки попробовать?

— Ерунда это. Если соболь идёт на приманку, то идёт на любую. А если не идёт — что хочешь клади, не тронет. Надо ждать, когда соболя тропить начнут.

— Так уже больше трёх недель прошло, а я до сих пор ничего не поймал.

— Ходи больше, «амбарчики» ставь. Увидит Пудзя, что не ленишься, пошлёт удачу. Человек за всё должен платить, а за удачу особенно.

Наставник прав. Я настраиваю себя на длительный экзамен. Уверенность в успехе не покидает меня и поддерживает силы.

ЛЮБОПЫТНЫЙ «ХОЗЯИН»

Морозы с каждым днём крепче, снег глубже, а дни короче. Хор, наконец, встал. Всё русло в торосах. Колотые грани льда, пронзённые лучами солнца, сверкают и переливаются россыпью драгоценных камней. Ближе к воде лёд тускнеет, становясь почти чёрным.

При ледоставе уровень воды в реке повысился, и прибрежный лёд выперло прямо к яру. Из-за этого четыре моих капкана оказались безнадежно погребёнными. Скоро вода спадёт, и подо льдом образуются обширные пустоты. В них тепло и всегда есть свободный доступ к воде — идеальные условия для безопасной и сытой жизни норкам и выдрам. С этой поры они становятся почти недостижимыми для охотников.

Лукса ушёл в стойбище за продуктами, а заодно и «погулять маленько».

К обеду, после обхода пустых ловушек, настроение самое мерзкое. Чтобы как-то взбодриться, решил продлить путь вниз до Разбитой. Это место получило такое название от того, что Хор там разбивается на несколько протоков, которые, упираясь в отвесные скалы, сливаются и возвращаются в основное русло глубоким длинным рукавом.

Лукса считает, что глубина в рукаве достигает девяти метров, и в нём с незапамятных времён живёт громадный таймень: сети пробивает, как пуля бумагу, леску рвёт как паутину. Все попытки поймать его завершались неудачей. Я не очень доверяю такого рода рассказам, тем не менее интересно было взглянуть на это легендарное место и попутно расставить ловушки.

Километров пять прошёл легко. Потом начался перестойный, глухой лес, да такой частый, что приходилось в буквальном смысле протискиваться между стволов. Вымотавшись вконец, повернул обратно, так и не дойдя до цели. Иду себе, иду и вдруг рядом с моей лыжнёй вижу следы тигра. Я остолбенел. Взбитая мощными лапами глубокая траншея резко сворачивала в сторону. Очевидно, властелин северных джунглей какое-то время шёл за мной и скрылся в чаще, услышав или увидев, что я возвращаюсь.



Панический страх сдавил меня стальным обручем. По телу игольчатым наждаком пробежал мороз, руки непроизвольно стиснули ружьё. Я боялся шевельнуться: любое моё неверное движение могло спровоцировать нападение. Озираясь, стал

до рези в глазах всматриваться в окружающий лес. За каждым кустом и каждым выворотнем чудился готовый к прыжку тигр. Не видя его, а лишь зная о его присутствии, хотел было взобраться на дерево, но рассудок вовремя подсказал, что без движения я быстро замёрзну.

Пересиливая сковавший страх, медленно двинулся к становищу...

Через несколько дней опять пришлось идти по этой лыжне. Страх ослаб. Он рассеялся вовсе, когда прочитал следы.

Полосатый брёл за мной около километра. Аккуратно обходя каждую снежную хатку, он заглядывал в неё, не тронув, к счастью, приманки. Трудно предсказать, как повёл бы он себя, защеми капкан ему нос или лапу. Когда я повернул обратно, громадный кот свернул и ушёл в горы. Похоже, ему было просто любопытно, чем это худосочный двуногий занимается в его владениях.

ОДИНОЧЕСТВО

Прошла неделя, а Луксы всё нет. Хорошо хоть Индус со мной. Всё же живая душа: подъезжаешь к лагерю, а навстречу, повизгивая, всем своим видом выражая бурную радость и неуёмное желание поласкаться, рвётся с привязи преданный пёс. Собака, надо сказать, оригинальная. Покорная и вялая в обычной обстановке, бестолковая на охоте, она неузнаваемо меняется, когда кто-то, по её разумению, угрожает мне или моим вещам.

Вспоминается такой случай. Вернувшись как-то с путика, я бросил рюкзак с рябчиками на кучу дров и спустился к ключу за водой. Вдруг слышу злобное рычание, визг. Взбежал на берег, и что же? Индус стоит у перевернутого рюкзака в боевой стойке. Шерсть на загривке торчком, пасть оскалена, в груди перекатывается рык, а ошеломлённый Пират сконфуженно бежит за палатку. Я прямо глаза вытарачил — Индус, всегда робеющий перед Пиратом, обратил того в позорное бегство.

Вечером, пока гладкое серое небо не сползло на землю бесцветными сумерками, то и дело выходил на берег.

Почему-то был уверен, что Лукса придёт именно сегодня. Русло Хора довольно извилистое, но от нашего становища просматривается вниз почти на километр. Однако наставник так и не появился. Зато я подсмотрел, как на противоположном берегу развлекается норка. В три прыжка взлетает на обрыв и на животе съезжает по снежному жёлобу. Отряхнётся и опять наверх. Да так увлечённо, азартно! Со стороны — словно шаловливый ребёнок.

Продукты между тем подошли к концу. (Поскольку вертолёт подвернулся неожиданно, часть провианта так и осталась в Гвасюгах.) Крупы на два дня. Сахара — на один. Вдоволь лишь воды — целый ключ студёной и прозрачной. Последнюю щепотку чая израсходовал накануне. Поэтому сбил с берёзы, мимо которой хожу каждый день, ноздреватый чёрный нарост — гриб чагу. Чай из него, хоть и не сравнить с индийским, довольно приятен, а недостаток вкусовых качеств с лихвой компенсируется его лечебными свойствами.

В щедрой тайге знающий человек может найти лекарства от любой болезни, но нет, пожалуй, таёжного растения, пользующегося более громкой славой всеисцеляющего средства, чем женьшень — посланник древней флоры. В переводе с китайского слово «женьшень» означает «человек-корень». И действительно, он нередко напоминает фигуру человека. О том, насколько ценился этот корень в прошлом, можно судить по тому, что в восемнадцатом веке он стоил в пятнадцать раз дороже золота!

В зависимости от возраста женьшень бывает тройкой, четвёркой, пятёркой. Эти цифры указывают на число боковых отростков. Очень редко встречаются «шестёрки» — старики, которым за сто лет. Если основной корень внизу раздваивается, его называют «мужиком». Он ценится дороже остальных. Живёт женьшень долго. Некоторые достигают четырёхсотлетнего возраста и весят четыреста граммов!

Осенью стебель женьшеня увенчан плотным шаром ярко-красных ягод. Они хорошо видны издалека. Между ягодами и кроной бывают стрелки: одна-две. Корневщики верят, что они указывают на соседние растения. На поиски одного корня уходят недели, но его целебные свойства и плата за труд с лихвой компенсируют таёжнику перенесённые лишения.

С того дня, как Хор встал, я чаще стал ходить по нему — самой удобной зимней дороге в буреломной тайге. Особенно приятно идти по ровным речным плёсам, сияющим мириадами крошечных звёздочек. Кажется, будто идёшь по опрокинутому на землю небу, на котором узор созвездий меняется с каждым шагом.

Вернулся с путика пораньше, так как знал, что оставшихся дров едва хватит вскипятить чай. Снял с сучка поперечную пилу «тебе-мне», для которой в данном случае больше подходило название «мне-мне», и пошёл на поиски сушины.

Пилить толстые кедры одному несподручно, и я выбрал сухую, выбеленную солнцем, унизанную смолистыми сучками ель. Обтоптал вокруг неё снег и вонзил стальные зубья в звенящий ствол. Дружными струйками полились опилки. Когда оставалось допилить несколько сантиметров, стал раскачивать дерево, пытаясь повалить его в нужном направлении. Макушка ели заходила, как маятник. Наконец дерево оглушительно треснуло и стало медленно валиться... на меня. Я в ужасе рванул в противоположную сторону, вверх по склону, утопая в снегу, ломая кусты.

Ель в этот момент с шумом легла на пружинистые лапы кедра. Те, низко прогнувшись, срикошетили сучкастый ствол мне вдогонку. Тупой удар в спину впредельно меня в снег. Какое-то время лежал неподвижно, ничего не чувствуя и не сознавая. К действительности вернула нарастающая боль в позвоночнике. Неужели перелом? В моём положении — это верная смерть. Так глупо! Но, пошевелив сначала руками, потом ногами, понял: не пришло ещё время «великой перекочёвки».

Ствол стеснял движения, но руки были свободны, и я принялся разгрести снег. Сначала вокруг головы, потом, с трудом протискивая руки, из-под груди и живота. Колючие кристаллы сыпались в рукава, за воротник, таяли и растекались по телу ледяными струйками. Лезли в лицо, набивались в рот, но я только радовался этому — понимал, что именно снег мой спаситель.

Руки выгребали снежную крупу уже из-под бёдер. Тело проседало с каждой минутой всё ниже. Давление ствола ослабло, и я попытался выбраться из плена. К моему неопи-

суетому восторгу это удалось с первой попытки. И вот я, мокрый, но счастливый, восседаю на едва не погубившей меня лесине: упали ель чуть выше, острый сучок пробил бы спину насквозь.

Отдышавшись, отпилил несколько чурок, перетаскал их к становищу. Наколов дров, забрался в палатку. Набил топку, поджёг щепу. Обсыхая у жаркой печки, не переставал радоваться невероятному везению и содрогался, представляя иной исход. А вот моему другу Юре Сотникову два года назад не повезло. Стечение целого ряда обстоятельств привело к трагедии...

ЛУКСА ВЕРНУЛСЯ

Целый месяц прошёл впустую, а сегодня, когда мог наконец открыть счёт трофеям, — такой удар! И от кого? От мышей! Проклинаю их последними словами — съели угодившие в капкан две норки! Оставили лишь обглоданные скелеты да хвостик одной из них. По нему-то и определил, что это были именно норки.

Вконец расстроенный, побрёл дальше. Досада от потери обострялась мыслью о напрасной гибели красивых зверьков.

Погружённый в эти невесёлые думы, не сразу заметил изюбра, глодавшего ольху на краю протоки. Услышав скрип лыж, он повернул увенчанную огромными ветвистыми рогами голову и, словно давая понять, что я значу для него не больше, чем любое рядом стоящее дерево, скользнул по мне равнодушным взглядом. Постояв пару секунд в некотором раздумье, нехотя потрусил, перейдя вскоре на бег и изумительные прыжки, легко перемахивая через завалы и ямы.

В такие моменты сожалеешь, что в руках ружьё, а не фотоаппарат. Изюбрь, пожалуй, одно из самых совершенных творений природы. Даже убегает так, словно специально даёт возможность полюбоваться изяществом своих форм.

Его грация вызывала восхищение и будила в сердце желание сбросить эту красоту для потомков.

Подобные встречи всегда очищают. Они своего рода парная баня для души: смывая всё наносное и ненужное, делают нас добрее и чище.

Возвращаясь к стану, услышал со стороны устья Буге два выстрела. Лукса? Неужели Лукса?!! Я помчался к «дому» так, будто у меня выросли крылья. Наставник сидел на корточках в куртке из солдатского сукна и деловито разбирал содержимое рюкзака. Я глядел на него так, будто не видел целую вечность. Подбежав, стиснул в объятиях.

— Пусти, задавишь, — проворчал он, — опять один жить будешь.

Но по лицу было видно, что тоже рад встрече.

— Чего так долго не приходил?

— Мал-мало гулял, — широко улыбнулся охотник. — Потом старые нарты ремонтировал. Однако всё равно сломались — продукты только до Джанго довёз.

Сразу были забыты съеденные мышами норки, сучкастая ель. А когда на нашем столе появились сгущёнка, свежий хлеб и плиточный индийский чай, то и все прочие неприятности, случившиеся со мной за время отсутствия Луксы, и вовсе отодвинулись куда-то далеко.

Насладившись чаем, вприкуску с хрустящим ломтем хлеба, щедро залитым сгущённым молоком, я плюхнулся на спальник и блаженно вытянулся. Лукса набил трубку махоркой, закурил.

— Чего поймал? — с возможно большей небрежностью в голосе спросил наконец он.

Я, не стесняясь в выражениях, излил душу. Особенно досталось ненавистным грызунам. Промысловик сочувственно кивал головой:

— Сколько живу, а столько мышей не помню. Вывод простой — чаще ловушки проверяй.

Перед сном, как обычно, вышел из палатки. Остывший воздух был упруг и жгуч. Чёрная бездна манила жемчужинами звёзд. Изящный ковш Большой Медведицы, опершись дном о скалу, подливал густых чернил в и без того непроглядную тьму. Из трубы, как из пасти дракона, вырывался столб пламени, обстреливающий созвездия недолговечными светлячками искр. Я готов был созерцать эту картину бесконечно,

но чувствительные пощипывания мороза побудили вернуться в наше тесное брезентовое жилище. Тепло ласково обняло, согрело; приветливо закивал язычок пламени оплывшей свечи, даже поленья, словно обрадованные тем, что все в сборе, с новой силой возобновили трескучую перебранку.

ПАМЯТИ ДРУГА

Проснулся от сильного озноба. «Снежная процедура», полученная накануне, не прошла даром. Несмотря на недомогание, я всё же отправился на обход очередного путика.

На обратном ходе чувствую, что силы с каждым шагом тают, ноги наливаются свинцом, отказываются идти. Я остановился посреди заснеженного русла реки передохнуть. И нет бы просто постоять, отдышаться, а, прельстившись солнечным теплом, уложил лыжи камусом вверх и прилёт на них. Глаза закрылись сами собой. Навалившаяся дремота быстро понесла в мир блаженства и покоя...

Не знаю, сколько прошло времени, но в какой-то момент сквозь сон, словно удар электрического тока, пронзила мысль: замерзаю! С трудом разомкнул склеенные инеем веки. Ветер, дувший в голову, уже успел наместить в ногах приличный сугроб. По реке тянулись хвосты снежной позёмки. Как ни странно, холода не ощущал. Только мелкая дрожь во всём теле. Но ни руки, ни ноги не слушались. После нескольких попыток я сумел-таки перевернуться на живот и встать на четвереньки. Раскачиваясь взад-вперёд, размял бесчувственные конечности. С трудом выпрямился и стал приседать, размахивать руками. Немного ожив, надел рюкзак и поплёлся дальше. Как добрался до палатки, не помню...

Три дня пролежал в спальном мешке в полузабытьи. Спасибо Луксе: каждый день, перед уходом, заносил в палатку несколько охапок дров и вливал в меня какие-то отвары.

За время болезни сильно ослаб, зато на всю жизнь усвоил два правила. Первое: заболел — отлежись (организм с зарождающейся хворью быстрее справится). Второе: зимой, как бы ни устал, никогда не ложись отдыхать на снег.

Пока болел, часто вспоминал своего друга — Юру Сотникова. Мои недомогания, по сравнению с теми страданиями, что выпали на его долю, сразу представлялись пустячными.

Познакомился я с ним в 1968 году во Владивостоке в один из тех чудесных сентябрьских дней, которыми славится Южное Приморье. Он сразу привлёк моё внимание своей некоторой старомодностью. Коротко стриженные волосы, защитного цвета рубашка с короткими рукавами, заправленная в чёрные брюки с тщательно отутюженными стрелками. На простом русском лице серые, глубоко посаженные, но в то же время как бы распахнутые глаза. Где-то в их глубине всегда таилась лёгкая, непреходящая грусть. Даже когда он смеялся, а посмеяться он любил, она не исчезала. Вздёрнутый кончик носа начисто лишал его лицо мужественности. На самом же деле он был волевым человеком с сильным характером. Меня восхищала его постоянная готовность к бескорыстной помощи.

Юра, как и я, любил ходить по тайге по сложным маршрутам. Учились мы оба в Дальневосточном политехническом институте, только на разных факультетах. Я на факультете радиоэлектроники, а он — на электротехническом, но жили в одном общежитии. Благодаря этому быстро подружились. За три года вдвоём четырежды пересекли Сихотэ-Алинь с побережья Японского моря до реки Уссури. Совершили несколько небольших, но памятных походов по горам Южного Приморья.

Весной 1972 года судьба разлучила нас (я женился и переехал в г. Горький). Из Юриных писем знал, что он с нашим общим знакомым, русским богатырём и красавцем Сашей Тимашовым, планирует совершить сплав пятой категории сложности по якутским рекам Гонам и Учур до Алдана.

А в конце ноября отец Юры, Василий Иванович, сообщил, что ребята с маршрута не вернулись. Поиски, организованные Алданским авиаотрядом и геологами, пришлось прекратить из-за низкой облачности и рано выпавшего снега.

С наступлением весны по инициативе комитета комсомола Дальневосточного политехнического института, при активной помощи Приморского отделения Русского географического общества была организована поисковая группа

из шести человек под руководством одного из самых титулованных туристов Дальнего Востока Бориса Останина.

Я и дядя Юры — Илья Иванович, живший в Новосибирске, — присоединились к ним. За неделю добрались до верховьев Гонама и начали сплав. Возле устья ключа Нинган, в шестистах километрах от последнего жилого посёлка, нашли в брошенной избушке геологов записку. Вот её полный текст:

«Тем, кто, возможно, будет разыскивать нас.

Вышли на Гонам 1 августа. В ночь с 23 на 24 августа пятиметровым паводком унесло лодку и снаряжение. Сюда добрались на лёгком плоту 2 сентября в крайне истощённом состоянии, т. к. голодали. Здесь держались частично (очень мало) на грибах и ягодах. В этом состоянии разобрали склад, чтобы построить плот. Сегодня, 15 сентября, мы отправляемся вниз по Гонаму. Надеемся встретить на Учуре людей. Ноги опухли, передвигаемся с трудом.

15.09.72 г.

Сотников. Тимашов.

Р.С. Существенно обижены на геологов, улетевших отсюда в этом году с нарушением закона тайги. Немного муки и крупы очень облегчили бы наши страдания».

Позже на метеостанции Чюльбю (от ключа Нинган до неё 240 км) метеоролог Шатковский подтвердил, что в двадцатых числах августа 1972 года шли проливные дожди и уровень воды в реке Учур у Чюльбю за сутки поднялся на восемь метров! Это соответствует подъёму воды в среднем течении Гонама на пять-шесть метров. Такой быстрый и мощный подъём характерен для районов вечной мерзлоты. Оттаявший за лето верхний слой почвы перенасыщен влагой, и во время дождей вода сразу скатывается в реки. (Мы сами после непродолжительного ненастья в верховьях Гонама были застигнуты двухметровым паводком.)

Ниже Нингана река прорезает высокие гранитные хребты. Каскады надсадно ревущих порогов следуют один за другим. Я до сих пор не могу понять, как обессиленные ребята на неповоротливом плоту из брёвен сумели пройти Солокитский

каскад, протяжённость которого 46 километров! В нём даже наши шестиместные надувные плоты временами исчезали между кипящих валов воды.

За плечами Юры с Сашей остались многие сотни километров дикого, безлюдного пространства, но последний, самый мощный порог им пройти не удалось — плот разбило, остатки снаряжения унесло. Что особенно обидно — дальше река успокаивается и даже неуправляемый плот вынесло бы к людям.

В устье речки Холболоох группой челябинских туристов, шедшей за нами, на высоком берегу была найдена разрытая медведем могила глубиной 30—40 сантиметров и лежащий на земле крест с нацарапанной надписью: «Сотников Ю. В. 23.09.72 г.». Вокруг кости, обрывки одежды. Челябинцы всё это собрали и, выкопав яму поглубже, перезахоронили. На могиле поставили далеко заметный с реки массивный крест.

А на следующий год корабелы из Николаевска-на-Амуре — родины Юры Сотникова — закрепили на кресте пластину из нержавеющей стали. На ней выгравированы строки Юриного стихотворения:

Тайга, тайга, мне скоро уезжать.
И тут не нужно слов высоких.
Мне хочется в объятьях крепких сжать,
Как плечи друга, склоны хмурых сопок.
Узнав тайгу, нельзя забыть её.
Она своим простым законам учит.
Здесь у костра не хвастают, не лгут,
Не берегут добро на всякий случай.
Здесь все свои и, верно, в этом суть.
Строга, добра, сурова, необъятна.
И где бы ни лежал мой путь, —
Я знаю, что вернусь к тебе обратно.

Юра Сотников.

Хабаровский край,
г. Николаевск-на-Амуре.
Трагически погиб 23.09.72 г.

Я прикрываю глаза и пытаюсь представить последний день моего друга...

Два измученных человека скрючились у чадающего костра. Сырость, холод до предела измотали их, а ночью выпал глубокий, почти по колено, снег. У Юры уже нет сил даже сидеть. Он прилёт на снежную перину. Больное сердце бьётся с перебоями. Саша же упорно поддерживает огонь — если потухнет, разжечь будет нечем. Слабое пламя хоть как-то согревает, а дым должны заметить с воздуха...

Юре чудится, что к нему по летнему лугу среди цветов идёт молодая мама. Она уже совсем близко. Юра явственно ощущает запах её волос. Тёплые ладони ласково коснулись плеч, и ему сразу стало легко и покойно. Мама загадочно улыбалась.

Только теперь он увидел, что её щёки покрыты нежным золотистым пушком. «Как же я прежде не замечал этого?» Юра протянул руку, чтобы погладить маму по щеке, но родной образ растаял...

Саше приходится прилагать невероятные усилия, чтобы заставить себя подняться и вновь идти за ветками и сучьями. Всё, что могло гореть, вблизи собрано, и поддерживать огонь становится всё труднее...

Послышался гул самолёта. Он нарастал. Глаза загорелись надеждой — их ищут! Ан-2 уже прямо над головами, но... проклятье небесам!!! В низких облаках ни единого просвета!..

Опять повалил снег. Юра с трудом разомкнул воспалённые веки. Ввалившиеся глаза утратили прежний блеск и не оживляли измождённого лица. В голове едва шевелились отрывочные мысли: «Нас ищут... Снежинки похожи на парашютики... Куда делась мама, она замёрзнет... Как красива сегодня тайга... Нас обязательно найдут...»

Снег, падая на его лицо, больше не таял.

Юра не представлял себя жизнь без тайги, и судьба распорядилась так, что он навеки остался лежать в земле мудрого Улукиткана — проводника Григория Федосеева, книги которого Юра любил и перечитывал.

Где настигла смерть Сашу Тимашова, неизвестно. Умер ли он там же от холода, голода? Или нашёл силы идти дальше? Вряд ли тайга когда-нибудь ответит на эти вопросы.

Юры больше нет, но в моей памяти живут его слова: «Лучшие качества человеку даёт природа. Она делает его добрее, очищает от шелухи и оставляет главное — здоровый стержень».

Через несколько месяцев я получил из Николаевска-на-Амуре посылку — продолговатый фанерный ящик с завернутым в ватин винчестером и письмо, из которого узнал, что Юра взял с собой на Гонам лёгкую малокалиберную винтовку, а пятизарядный винчестер оставил дома. В конце письма была приписка: «Ружьё — наш дар тебе от Юры. Береги. С уважением, Сотниковы».

ДЖАНГО

На четвёртый день хворобы почувствовал себя заметно лучше. Выбравшись на свежий воздух, занялся ремонтом лыжных креплений. Занятие это не требовало особых усилий, но, оказываясь, я так ослаб, что вынужден был то и дело отдыхать.

— Эх, мне бы здоровье Луксы, — вздыхал я. — Ему всё нипочём. Умывается снегом, воду пьёт прямо из полыньи, спит в дырявом, свалявшемся спальнике, но никогда не мёрзнет и не болеет. Чем не снежный человек? Правда, временами жалуется на боли в желудке, но и то как-то мимоходом.

Завершив ремонт, принялся шататься по стану взад-вперёд, как неприкаянный. Не отпускало какое-то тревожное предчувствие. Видимо, не давали покоя съеденные мышами норки. Не выдержав, решил проверить хотя бы ближние ловушки.

Первые две не заинтересовали привередливых зверьков. «Квэк-квэк-пии-и, квэк-пии-пииуу», — тревожно кричал дятел над следующей хаткой. Я невольно прибавил шаг и, сгорая от нетерпения, заглянул в неё. Но, увы, норки остались без внимания даже жирные кетовые плавники.

Над головой повторилось «квэк-квэк-пии, квэк-пии-пииуу». Подняв голову, разглядел дятла, сидящего на берёзе в метрах десяти. Его гнусавый крик никак не вязался с суровым обликом самого крупного представителя семейства

дятловых — желны. Гроза вредителей леса имел и соответствующий наряд: весь чёрный, с красной шапочкой на голове. Прямо как кардинал у Дюма.

Бойко перемещаясь по стволу, он простукивал его крепким клювом подобно врачу, то с одной, то с другой стороны, то выше, то ниже. Наконец что-то нашёл. Вероятно, зимовочную камеру личинки короеда и приступил к «операции». Во все стороны полетели щепки, следом древесная труха. Временами желна, комично наклоняя голову то влево, то вправо, осматривал конусовидный канал. И вот спящая личинка наколото на острые щетинки щилообразного языка и отправлена в желудок. И так целый день! Как у него сотрясение мозга не случается от такой долбёжки.

* * *

На следующее утро отправились с Луксой на Джанго за оставленными там продуктами.

Мороз приятно пощипывал уши. Снег под лучами восходящего солнца сиял девственной чистотой и свежестью. Собаки, весело рыская по сторонам, то забегали вперёд, то отставали. Вдоль берега, выстроившись в несколько рядов, застыли высоченные, в два обхвата, тополя.

— Лукса, из такого ствола, наверное, выйдет не один грузовой бат*.

— Да, тополя хорошие. На Тивяку один учёный-охотовед даже зимовал в дупле большого тополя. Три сезона зимовал. Дверь повесил, окошко вырубил, потолок сделал. Печку поставил. Нары. Потом кто-то сжёг, ёлка-моталка. Чего жгут? Кому мешает?

Перед Разбитой Пират неожиданно остановился. По его напряжённой стойке мы догадались — причуял зверя. Действительно, на острове, окаймлённом ржавым тальником, сквозь морозную дымку угадывался силуэт оленя. Заметив нас, изюбрь бросился наутёк. Пират напористо, с азартным лаем, ринулся следом. Индус же, как ни в чём не бывало, продолжал крутиться вокруг нас.

* Бат — грузовая долблёная лодка, как правило, из ствола тополя.



«Убегает — значит, для хозяина не опасен» — так, должно быть, истолковал он ситуацию.

Изюбр, казалось, не бежал, а летел, откинув голову назад, лишь изредка касаясь копытами снега. Вскоре он скрылся за излучиной реки. Характер лая Пирата изменился.

— Остановил, — прокомментировал Лукса.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Когда гонит — лает с визгом, остановит — как на человека лает и подвывает.

Торопливо обогнув излучину, сразу увидели оленя. Он стоял у длинной промоины, под обрывистым берегом. Пират, отвлекая внимание на себя, волчком вертелся на безопасном расстоянии. В такой ситуации не составляло труда приблизиться к изюбру на верный выстрел, но стрелять мы не могли — зверь запретный, а лицензии на него у нас нет. Отозвав озадаченного пса, двинулись дальше.

Широкий коридор реки открывал поворот за поворотом. Кое-где на стремнинах чернели полыньи. От них, словно от чаш с кипятком, поднимался пар.

За Разбитой на скалистом утёсе высилась, как на постаменте, двадцатиметровая каменная глыба. Её грубые, но точные контуры напоминали массивную голову ухмыляю-

шегося великана. Особую прелесть этому творению природы придавали лишайники, покрывавшие её пёстрым ковром. Ярко-красные, почти кровавого цвета участки чередовались с нежно-зелёными, сиреневыми. Глядя на эту красоту, понимаешь, насколько природа щедра и разнообразна: её никак не упрекнёшь в недостатке фантазии. С помощью растений, ветровой эрозии, воды и солнца она творит неповторимые шедевры.

На подходе к Джанго я услышал глухой рокот. Сначала мне показалось, что летит вертолёт, но вскоре увидел, что это рокочет укрытый белой шапкой тумана мощный порог. В этом месте каменный мыс, вклиниваясь в русло, прижимает Хор к отвесной стене. Само русло завалено обломками базальтовых плит, и вода с рёвом пробивается между них.

Мороз уже усмирил буйство боковых сливов ледяной броне́й, но на самом стрежне оставался незамёрзший участок. Зеленоватые буруны бесновались в ледяном кольце, пытаясь разрушить крепкие оковы. Но мириады брызг, намерзая капля за каплей на краях, постепенно сжимали это кольцо. Пройдёт ещё несколько дней, и порог заплывёт льдом и затихнет до весны.

Чуть ниже по течению темнел бугор, слегка припорошённый снегом. Подойдя ближе, поняли — лосиха. Надо льдом возвышались передние ноги, голова и половина туловища. Вокруг следы волков. В боку животного зияла дыра, через которую серые уже вытащили почти всё мясо.

— Волки часто так делают: гонят лося на слабый лёд, а как провалится, окружают и ждут, когда вмёрзнет, — пояснил Лукса. — Не доели. Значит, придут ещё.

Ну вот, наконец, и Джанго. Можно отдышаться. После болезни я был ещё слаб, и отдых затянулся. Поев мяса и выпив душистого чая с поджаренным на костре хлебом, я долго лежал у огня в дремотной тишине. Лукса терпеливо ждал. День угасал. Пора было возвращаться.

Взвалив на плечи набитые продуктами рюкзаки, тронулись в путь. Сумерки быстро сгущались. Когда подошли к порогу, было совсем темно. Ревун, при свете дня сказочно красивый, в кромешной тьме показался угрюмым и зловещим.

Дальше шли на ощупь, определяя край колеи плоскостью лыж. Когда выходили на припорошённые снегом наледы, чтобы не сбиться со своего следа, поджигали смоляк. Обратная дорога меня окончательно измотала — к становищу подходил чуть живой. В прореху туч запоздало выглянул ярко-жёлтый диск луны, напоминающий лицо радостно улыбающегося колобка, сумевшего вырваться на волю. Тайга осветилась мягким серебристым светом. Но сердитая хозяйка-ночь прогнала непослушного малыша за высокий конус сопки, а над нами раскинула чёрное, с крапинками звёзд, покрывало.

— Луна о сопку ударилась и на звёзды рассыпалась, — пошутил Лукас.

Плотно поужинав, сразу забрались в мешки, и я вперыве, несмотря на крепкий мороз, проспал до утра, ни разу не проснувшись.

БОЛЬШИЕ РАДОСТИ

Ещё одна неделя впустую. В последнее время чувствую себя волком, безрезультатно рыщущим в поисках добычи. Несмотря на неудачи, вновь и вновь невесть откуда черпаю силы и всё с большим ожесточением и упорством ищу тропки и расставляю капканы. Надежду на успех не теряю и духом не падаю. Иного пути у меня и нет: в Уфе из «Башнефти» уволился, а чтобы добраться сюда, закупить снаряжение, необходимое для промысла пушнины, пришлось занять крупную (равную полугодовой зарплате инженера) сумму. Дома же осталась Танюша с нашим первенцом — двухлетним Маратом.

Когда становится совсем невмоготу, напоминаю сам себе весьма поучительную историю:

«Попали как-то в горшок со сметаной две квакуши. Бока у горшка крутые да высокие — никак не выбраться. Одна лягушка смирилась — всё равно помирать, — перестала барахтаться и утонула. Вторая барахталась, барахталась в надежде выбраться и лапками из сметаны ком масла сбила. Оперлась на него и выпрыгнула из горшка».

Сегодня, когда настораживал капкан, боковым зрением уловил какое-то движение на краю промоины. Оглянулся — норка! Пробежав немного, она змеёй соскользнула в воду и поплыла. Только голова замелькала.

Обедать вернулся в «дом». Тут же прилетел и сел на лабаз в ожидании хлебных крошек луксин рябчик. Я обухом топора раздробил на чурке половинку сухаря и высыпал крошки на брезент. Рябчик долго разглядывал угощение и слетел к нему лишь тогда, когда я забрался в палатку.

Впив чаю, отправился в сторону Разбитой. На ключе обратил внимание на рябь, пробежавшую по глади небольшой промоины. Она меня озадачила: ветра-то нет, откуда рябь? В этот момент из воды показалась голова норки. «Надо же, то за неделю ни одной, то весь день перед глазами мельещат», — подивился я.

Держа в зубах рыбку, она ловко забралась на противоположный берег. Я застыл в позе метателя диска. Зверёк оценивающе оглядел новую «корягу» и, сочтя, что угрозы нет, встал, как бобрёнок, на задние лапки. Завершив трапезу, принялся чистить, вылизывать коричневую шубку.

Я осторожно прицеливаюсь, но стрелять не решаюсь — ветки мешают. Жду, вдруг опять на лёд спустится. Прошло несколько томительных минут. Мышцы дрожат от напряжения, сердце колотится так, словно хочет выпрыгнуть из грудной клетки. Наконец норка закончила прихорашиваться и... побежала в лес.

Разочарованный и в то же время довольный тем, что имел возможность понаблюдать за симпатичным зверьком, пошёл дальше. И тут навстречу выкатился Лукаса. По весёлым лучикам, разбегавшимся от глаз, было видно, что он с богатым трофеем. Точно — поймал соболя! Наконец-то лёд тронулся!!!

— Камиль, не пойму, ты норку ловишь или медведя?

— А что? — оторопел я.

— Смотрел твои капканы на ключе. Зачем такой большой потаск делаешь?

— Как же? Кругом полыньи. С маленьким норка до воды доберётся, и ищи её тогда.

— Неправильно думаешь. Норка с капканом в воду не идёт — на берег идёт. А если потаск тяжёлый, лапу грызёт

и уходит. Однако пора мне, путик длинный, а день короткий, — попрощался Лукса и размашисто заскользил дальше.

Подходя к последнему капкану, я боковым зрением уловил какое-то движение под берегом. Затеплилась надежда: вдруг тоже удача? Но, увы, попалась сойка. У самого обрыва остановился, соображая, где лучше спуститься к ней. Как вдруг перед птицей, словно по волшебству, возник громадный филин. Окончания его маховых перьев необыкновенно мягкие и нежные. Поэтому он летает совершенно бесшумно, словно призрак. Его размеры поразили меня: высота не менее шестидесяти сантиметров, а голова, как у трёхлетнего ребёнка.

Увидев над собой пернатого гиганта, сойка в ужасе заверещала, вскинула было крылья, но разбойник занёс лапу и вонзил в жертву когти. Резкий крик взметнулся в небо и тут же оборвался. Я свистнул. Филин поднял голову и уставился на меня не мигая. Исчез он так же бесшумно и незаметно, как появился. Вот бестия!

Спустившись вниз, вынул ещё тёплую сойку из ловушки и переложил в пещерку вместо приманки.

Солнце, весь день игравшее со мной в прятки, перед заходом, наконец, избавилось от назойливых туч. Ветер стих. Высокие перистые облака, бронзовые снизу, предвещали смену погоды.

Гип-гип, ура!!! Я добыл первую в своей жизни пушнину!

Утром, как обычно, пошёл по путику проверять ловушки. Валил густой снег. Ветер гонял по реке спирали снежных смерчей, мастерски заделывая неровности в торосах. В общем, погодка «весёлая». Даже осторожные косули не ожидали появления охотника в такое ненастье — подпустили почти вплотную. Испуганно вскочив с лёжек, умчались прочь гигантскими прыжками, взмывая так высоко, что казалось: ещё немного — и полетят.

Подходя к капкану, установленному у завала, где часто бегал колонок, увидел, что снежный домик пробит насквозь, приманка валяется в стороне, а в пещерке горит рыжий факел с хищной мордочкой в чёрной «маске». Колонок!

Я ликовал. Сгоряча протянул руку, чтобы ухватить его за шею, но зверёк, пронзительно заверещав, сделал молниеносный выпад и вцепился в рукавицу. Быстро перебирая

острыми зубами, он захватывал её всё дальше и дальше. В нос ударил острый неприятный запах, выделяемый колонками в минуту опасности. Маленькие глазки сверкали такой лютой ненавистью, что я невольно отдернул руку, оставив рукавицу у колонка в зубах. Умертвив зверька, положил добычу в рюкзак.

Читателя наверняка покоропят эти строки, и он вправе думать: «Убийца!» Однако не стоит рубить сплеча. Мне тоже было жаль колонка, но для штатного охотника добыча пушнины — это работа. Без смерти здесь не обойтись. Всем нравится красиво одеваться, но звери не по своей воле превращаются в меховые шапки и воротники. Единственный способ остановить добычу пушнины — перейти на искусственные меха. К сожалению, пока не все готовы к этому.

Когда я, мерно поскрипывая лыжами, подъехал к палатке, из неё выглянул Лукса. По моему сияющему лицу он сразу догадался, что Пудзя сегодня вознаградил меня за упорство, и радовался моей удаче больше, чем своей. У него же самого сегодня редкостные трофеи: на перекладине висели две непальские куницы — харзы. Их головы были обёрнуты тряпчочкой — «чтобы другие звери не узнали, что пропавшие куницы в наших руках». Делает это Лукса каждый раз, на всякий случай, ибо так поступали его отец, дед, прадед.

Харза внешне похожа на обычную куницу, только вдвое крупнее. Она одинаково хорошо чувствует себя как на земле, так и на деревьях. Хвост у неё длинный, поэтому харза, снующая по ветвям, напоминает мартышку.

Окраска у харзы своеобразная и довольно привлекательная, по богатству цветов может соперничать с обитателями тропиков. Бока и живот ярко-жёлтые, горло и грудь оранжевые, голова чёрная, затылок золотистый.

— Как это ты умудрился за один день пару взять? Мне даже их следы ни разу не встречались!

Лукса прищурился, пряча снисходительную улыбку:

— Эх ты, охотник! Харза одна не промышляет. Ей всегда напарник нужен. Бывает, собираются три, четыре. Кабаргу они шибко любят, а вместе легче добыть. Одна вперёд гонит, другие сбоку к реке прижимают. На лёд выгонят и грызут. Весной по насту харзы даже изюбра загрызть могут.

После ужина я сел обдирать свою первую добычу. Ох, и муторное, оказывается, это дело. Пока очищал добела мездру, кожа на кончиках пальцев вздулась и горела огнём. Снятую шкурку надел на специальную деревянную правилку и повесил сушиться. В следующий сезон мышей было гораздо меньше и соболя хорошо шли на приманку.

С утра занялись сооружением шалаша над палаткой. Дело в том, что во время снегопада с потолка каждый раз начинается весенняя капель. Усилили каркас, нарубили лапника и обложили им палатку. От этого в нашем жилище стало теплее, но сумрачнее.

Время близилось к обеду. Идти в тайгу уже не имело смысла, и мы занялись дровами. Выбрали сухой, без коры кедр. Он был так высок, что при падении перекинулся через Буге удобным мостиком.

Огромные, как колёса древних повозок, чурки взвалив на спину, несли к палатке, раскачиваясь из стороны в сторону, подобно маятникам. Пот заливал глаза, одежда липла к спине, ноги от напряжения гудели. Каждому пришлось прогуляться так раз по десять. Зато и дров заготовили надолго.

Последний день осени ознаменовал перелом в охоте. После снегопадов Пудзя сжалился — дал долгожданную «команду», и соболя начали тропить. Как любит приговаривать мой учитель — Пудзя всё видит, Пудзя не обидит трудолюбивого охотника.

Утром Лукса повёл меня к Разбитой — там появилось много тропок, — чтобы на месте показать, как ставить капканы на подрезку. Шли долго. Я всё время отставал.

— Хорошо иди. Такой большой, а ходишь медленно, — ворчал Лукса. Он был не в духе и в такие дни становился ехидным, а если я возражал, то распаялся ещё пуще.

— Ну-ка, охотничек, скажи, что это? — не замедлил он с вопросом, указав посохом на наклонный снежный тоннель.

— А то не знаешь!

— Не крути хвостом, как россомаха. Отвечай, если чему научился.

— Осмелюсь сообщить, что здесь белка выкапывала кедровую шишку.

— А по-моему, это работа кедровки, — пытался сбить меня с толку Лукса.

— Никак нет, дорогой учитель. Кедровка разбрасывает снег на обе стороны, мотая головой, а белка снег отбрасывает лапками назад. Так что это раскопка белки. Она чует запах кедрового ореха даже сквозь метровый слой снега.

— Молодец, ёлка-моталка, — повеселел охотник, одобрительно похлопав меня по рукаву, так как до моего плеча дотянуться ему было сложновато.

Лукса, как и всякий настоящий учитель, всегда радовался и гордился моими успехами.

Под Разбитой появились сначала одиночные следы соболя, а потом и тропки. Бывалый следопыт с одного взгляда оценивал: «Это двойка, это тройка». А я никак в толк не возьму, как он определяет, сколько раз тут пробежал соболик. Вроде ничем тропки и не отличаются друг от друга. Да и тропки ли это? Заметив мою растерянность, Лукса начал объяснять:

— Смотри сюда. Одиночный след — широкий, глубокий, нечёткий, а на тропке мелкий, ясный. Чем чётче след, тем больше раз пробежал здесь соболик.

И сразу стал показывать, как устанавливать капкан на подрезку.

Понаблюдав с полчаса, я полез на сопку закреплять урок на практике. Продираясь сквозь белоразукрашенные пойменные крепи, перевитые тонкими, но прочными лианами аргу́ты*, коломикты**, вконец умаялся. Взгляд, жадно шаривший в поисках парных следочков, наткнулся только на многочисленные наброды изюбрей и кабанов. Зато на скосе длинного отрога меня ожидали прекрасные соболя тропки.

Солнце в своём вечном движении неумолимо клонилось к гребням тёмно-синих гор. В низине уже было сумрачно, и я успел поставить всего два капкана. Первый — на горбатом увале, в том месте, где соболик поймал и съел сразу двух

* Актинидия аргу́та — мощная лиана, длиной 10—20 м. Масса плодов, внешне напоминающих крыжовник, весом от 5 до 15 г.

** Актинидия коломикта — во многом сходна с аргутой, но отличается неодновременным созреванием на протяжении августа мелких плодов, массой 3 г. Есть отличия и в листьях. У коломикты они шершавые, а у аргу́ты — гладкие.

мышей, а второй — в начале крутой ложбины. Выезжая из неё, врезался в самую гущу аралий и сильно поцарапал лицо об их острые шипы.

Я всегда старался держаться подальше от этих безжалостных, густорастущих деревьев. Высотой они метра три-четыре. Ствол голый, без ветвей и сплошь утыкан длинными, прочными, как сталь шипами, напоминающими собольи клыки. Если пройти сквозь заросли аралии сотню шагов, то от одежды останутся одни лохмотья.

Завтра выйду на охоту пораньше. Тропки, тропки искать надо. Охота! Настоящая охота начинается!

Ловля на приманку — всё же скучное занятие. Изю дня в день ходишь по проторённым, надоевшим до оскомины путикам. Всё привычно. Ничто не задерживает взгляд. То ли дело подрезка! Чтобы найти хорошую тропку, нужно ходить по новым местам, а это всегда свежие впечатления и неожиданные встречи.

Вчера было ясно и морозно. Углы палатки впервые обметало инеем. Сегодня же потеплело. По радио обещают снег, что совсем некстати: капканы на подрезку засыплет, а их у меня уже девять штук стоит. Вся работа пойдёт насмарку. Правда, хорские «синоптики» — вороны — каркают на мороз. Надеюсь, что чуткие птицы точнее радио.

Первое время я относился к вороньим прогнозам без особого доверия. Но точность предсказаний этих смыслёных пернатых быстро развеяла мой скептицизм. Например, если вороны каркают дружно — быть холоду, устроили в небе хоровод — поднимется ветер.

Весь день расставлял новые ловушки и, хотя сильно устал, всё же полез в сопки. Ничего с собой не могу поделывать. Так и тянет заглянуть за горизонт. Вскоре стали попадаться уже не тропки, а настоящие торные тропы, и принадлежали они не соболю, а владыке лесных дебрей — тигру. Его огромные следы перемежались с кабаньими. На вершине сопки все тигровые тропы сходились и тянулись вдоль гребня. (Судя по округлой форме отпечатка, тут ходил самец. У самок след более продолговатый.)

Пройдя метров двести, на каменистом утёсе под многовершинным кедром обнаружил его лёжку. Похоже, что пра-

витель таёжного царства частенько отдыхает здесь, оглядывая свои владения, изрезанные сетью глубоких распадков. Обзор отсюда и в самом деле великолепный.

И в награду за смелость (признаюсь, было страшновато) я впервые имел возможность рассмотреть мощный горный узел на востоке, откуда берёт начало самая труднодоступная в этих местах река Чуцен.

Заснеженные скалистые вершины, испещрённые бесчисленными шрамами осыпей, возвышались плотной группой. От них веером расходились более низкие отроги. Если в наше время ещё остались места, про которые можно сказать «тут не ступала нога человека», то оно в здешних краях более всего применимо к Чуцену. Его покой охраняет частокол крутобоких гор, размыкающих свою цепь лишь в устье реки. Течение Чуцена настолько стремительно, что даже удэгейцы, привыкшие ходить на шестах, и те не могут подняться вверх более чем на десять километров. Для моторок он и вовсе непроходим из-за многометровых заломов, порогов и затяжных перекатов. Берегом идти и вовсе невозможно: отлогие участки чередуются с отвесными неприступными прижимами.

Даже мороз не может усмирить Чуцен — ледяной покров усеян частыми и обширными промоинами. Удэгейцы объясняют это тем, что река берёт начало от тёплого источника, бьющего из-под горы с кратким названием Ко. И тот лёд, что местами всё же покрывает реку, очень коварен. Сегодня он прочен, как гранит, а завтра расплзается, словно гнилое сукно.

Ох, на вертолёте бы туда! Построить на горном ключе, кишасем рыбой и зверьём, зимовье и наслаждаться красотой нетронутого таёжного уголка.

Так я стоял, любовался и мечтал минут десять. Из-за остроконечных гор крадучись выползли молочные клубы туч и стали обволакивать одну вершину за другой. И тут на противоположной стороне распадка отрывисто пролаял изюбр. Струхнув от мысли, что тигр где-то неподалёку, я съехал на пойменную террасу.

Перед моим взором предстала живописная картина: сплошь утрамбованный снежный круг, раскиданные вокруг гайна ветки и кусты, срезанные на высоте колена.

Чуть выше под кедром остатки чушки: челюсти и копыта. Всё остальное было перемолото крепкими, как жернова, зубами тигра и нашло приют в его желудке. После обильной трапезы царственный хищник, похоже, нежился, барахтаясь в снегу, чистил когти — кора дерева в свежих царапинах.

По всей видимости, тигр напал на спящий табун. Позже Лукса подтвердил, что по ночам, когда усиливающийся мороз не располагает ко сну, тигры охотятся, а днём, выбрав удобное место, чутко дремлют на солнцепёке.

Тигр, или, как его здесь называют, «куты-мафа», по традиционным представлениям удэгейцев — их великий сородич, священный дух удэ. Относятся они к нему почитательно и убеждены, что человека, убившего тигра, обязательно постигнет несчастье, а того, кто хоть чем-то помог ему, — ждёт удача.

День пролетел так незаметно, что, когда между туч показался оранжевый шар солнца, уже задевший нижним краем сопку, я глазам не поверил и поспешно заскользил по накатанной лыжне к стану.

* * *

Тяжело, медленно встаёт рассвет над промёрзшими мышицами хребтов. Когда на востоке чуть затлела, разгораясь, полоска неба, я уже шагал в сторону Маристой пади, где расставлены капканы на приманку.

Как и прежде, во всех пусто, хотя к большинству хаток соболь подходил. «Любопытный, — раздражённо думал я. — Интересуется, видите ли... А нет, чтоб в хатку зайти». Поскольку все следы были трёх-, четырёхдневной давности, я сделал вывод, что это наследил не местный, а проходной соболь. Поэтому, сняв капканы, новые настораживать не стал.

На выходе из пади кто-то метнулся через лыжню в чащу. Кабарга! Такая крошка, а прыгает словно кенгуру.

Лукса принёс двух соболюшек. Одна тёмно-коричневая, другая почти бежевая. Оба зверька добыты на одном участке, а по цвету так резко отличаются. Что интересно, за тёмного он получит вдвое больше, чем за светлого, хотя тех и других ловить одинаково тяжело. Выходит, что охотник за один и тот же труд получает разную плату. Чем больше поймает

тёмных соболей, тем больше заработаешь. Такая ценовая политика способствует осветлению расы. Особенно в тех местах, где соболей промышляют с лайкой: промысловик костями ляжет, а возьмёт «казака» — чёрного соболя, ибо получит за него в три раза больше, чем за светлого.

* * *

Вот это день! Вот это удача! Пудзя с несказанной щедростью одарил меня за упорство и долготерпение. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын. Степень моей радости легко представить, если вспомнить, что за прошедшие сорок пять дней колонок — мой единственный трофей. Зато сегодня... Но всё по порядку.

Утро выдалось на редкость солнечным и тихим. Быстро собравшись, я зашагал проверять свои первые капканы на подрезку. Сгорая от нетерпения, поднялся на увал и приблизился к первому из них. И что же вижу? Посреди вытоптанного круга чернеет потаск, а капкана нет. Сердце ёкнуло: опять невезуха! Расстроенный, стал разбираться. Вижу, одиночный след пересёк лыжню и потерялся среди опрятных ёлочек. Пригляделся. Да вот же он! Свернулся клубочком, положил головку на вытянутые задние лапы, да так и застыл. На фоне белого снега шелковистая шубка казалась почти чёрной и переливалась морозной искоркой седых волос. Округлая большелобая голова с аккуратными, широко посаженными ушами треугольной формы, покрыта более короткой светлой шёрсткой. Добродушная мордочка напоминает миниатюрного медвежонка. Хвост чёрный, средней длины. Лапы густо опушены упругими жёсткими волосами, которые значительно увеличивают площадь опоры и облегчают бег по рыхлому снегу. След поразил меня несоразмерностью с величиной зверька. Он, пожалуй, крупнее следа лисицы.

Некоторое время я благоговейно созерцал предмет своих мечтаний и привыкал к мысли, что поймал соболя. Потом, так и не сумев до конца поверить в свою удачу, вынул зверька из капкана, погладил нежный мех и, счастливый, помчался дальше.

Три следующие ловушки были пусты. Пятая опять заставила поволноваться. Снег вытопан, тут же валяется перегры-

зенный пополам потаск. Ни ловушки, ни соболя. С трудом нашёл его в соседнем распадке. Зверёк так глубоко втиснулся между обнажённых корней кедра, что я еле вытащил его оттуда. И вовремя — мышинный помёт посыпался прямо из шубки. К счастью, мех попортить грызуны не успели. В седьмом капкане опять соболя. Эту ловушку я привязал прямо к кусту, без потаска. Бегаю вокруг него, зверёк перекрутил цепочку восьмёрками и оказался притянутым к стволу, как Карабас-Барабас бородой к сосне.

Оставалось ещё две непроверенные ловушки, но невероятная удача опьянила меня, и я отдался неуёмным мечтам, не замечая уже ни свежих следов, ни новых тропок. Ликование переполняло сердце. Тёплые волны счастья несли, качали, дурманя всё больше и больше. Я окончательно утратил чувство реальности и наверняка был бы разгневан, окажись восьмой капкан пустым. Однако перед моим взором вновь предстала отрадная для промысловика картина: на том месте, где стоял капкан, вытоптана круглая арена, и на её краю, уткнувшись мордочкой в снег, словно споткнувшись, лежал соболя-самец красивого кофейного цвета.

На обратном ходе проверил шесть капканов на приманку. Пусто. Пустяки! Рюкзак и без того полон! Если охотовед все четыре шкурки примет первым сортом, то денег хватит, чтобы рассчитаться со всеми долгами. Фантастика!

Всё, возвращаюсь с Фартового (так я назвал этот путик) и готовлю к приходу Луксы достойный такого удачного дня ужин.

Сварил мяса. Поджарил на сливочном масле четырёх рябчиков с луком.

Наставник, увидев богато накрытый стол, сразу всё понял.

— С чем поздравить?

Я молча показал четыре пальца.

Лукса от удивления аж присвистнул:

— Вот это да себе! Доставай, Камиль, фляжку! Теперь ты настоящий промысловик!

Когда подняли кружки, наставник с чувством произнёс:

— Пусть удача приходит чаще, ноги носят до старости, глаз не знает промаха!

Попробовав поджаренных мною рябчиков, похвалил:

— В жизни не ел ничего вкуснее.

Какая-то странная погода стоит последние дни. Ночь звёздная, мороз 30—35°, а утром небо начинает заволакивать дымкой и время от времени сыплет пороша. К обеду становится так пасмурно, что кажется, вот-вот повалит настоящий снег, но к вечеру всё постепенно рассеивается, и ночью опять высыпают звёзды. Раньше при таком морозе я вряд ли снял бы рукавицы. А тут пообвык — капканы-то голыми руками приходится настораживать. Натрёшь руки хвоей пихты, чтобы отбить посторонние запахи, и работаешь. К вечеру пальцы от холода опухают и краснеют. В палатку возвращаешься насквозь промёрзший. Пока печь непослушными руками растопишь — не одну спичку сломаешь. При этом невольно вспоминаешь рассказ Джека Лондона «Костёр».

Но по мере того, как разгораются дрова, палатка оживает, наполняется теплом, и ты, только что всё и вся проклинавший, добреешь, становишься благодушной. Сидишь усталый, расслабленный и неторопливо выдёргиваешь из спутавшейся бороды и усов ледяные сосульки, намёрзшие за день. А уж когда выпьешь кружку горячего, душистого чая, то уже готов любому доказывать, что лучше этой палатки и этого горного ключа нет места на земле.

Потом принимаешься за повседневные дела. Колешь дрова, приносишь с ключа воду, достаёшь с лабаза продукты, моешь посуду, варишь по очереди с Луксой ужин, завтрак и обед одновременно. Обдираешь тушки. Чуть ли не ежедневно при свете свечи латаешь изодранную одежду, ремонтируешь снаряжение, заряжаешь патроны, делаешь записи в дневнике. После ужина поговоришь немного с Луксой и ныряешь в спальник до утра.

Спать при таких морозах в ватном мешке, конечно, не то, что в тёплом доме на мягкой перине. Но тут главное — правильно настроить себя, принять неизбежность определённых неудобств. Тогда недостаток комфорта и тепла переносится значительно легче. Я, ещё два месяца назад не представлявший, как люди могут зимой жить в матерчатой палатке, теперь считаю это вполне нормальным, а те трудности таёжного быта, которые рисует воображение в городе, на самом деле преодолимы.

Имея жестяную печь, палатку, спальник, свечи и необходимые продукты, в тайге можно счастливо и безбедно жить не один месяц. А нужно так мало потому, что есть главное: древнее мужское занятие — промысловая охота — и природа, с которой тут невольно сливаешься и становишься её частицей.

Только живя в тайге, я понял, каким обилием излишеств окружила вас цивилизация. На самом деле, по-настоящему необходимых для жизни человека предметов не так уж много. Но, к сожалению, человек слаб. То, что ещё вчера было пределом мечтаний, сегодня норма, а завтра и этого становится недостаточно. Часто в погоне за материальным благополучием всё остальное отходит на задний план.

ШАТУН

Ни свет ни заря начал обход Фартового, подарившего мне сразу четырёх соболей.

Поднимаясь по ключу, заметил под козырьком снежного надува хорошо натоптанную тропку норки. Недолго думая поставил ловушку. На том участке, где я снял трёх соболей, свежих следов нет — отработанная зона. Зато на приманку попалась белка. То, что белка иногда идёт на мясо, я знал, но меня поразило, что эта милая симпатяга соблазнилась тушкой своей же соплеменницы.

Пообедать устроился на валежине на краю небольшой мари. По небу плыли редкие облака, ярко светило солнце. Недалеко от меня на суку старой берёзы неподвижно сидела сова. Расстегнув футляр фотоаппарата, стал тихонечко подкрадываться. Сова подпустила метров на двадцать и перелетела через марь на макушку ясеня. Когда я вновь приблизился к ней, она спланировала на тот же сук, с которого я спугнул её до этого. Думаю, что общепринятое мнение о дневной слепоте «мудрой» птицы ошибочно. Возможно, днём она видит просто хуже, чем ночью.

Продлив Фартовый на четыре километра и насторожив там шесть капканов, спустился к ключу. Проходя на об-

ратном ходе мимо снежного надува, увидел норку, уже бешующуюся в ловушке. При моём появлении она устрашающе осерилась, зашипела, впилась злым взглядом прямо в глаза. Её мускулистое тело находилось в беспрестанном движении, отчего густая, тёмно-коричневая шубка отливала серебром.

Когда я попытался прижать её к снегу, норка с такой яростью набросилась на меня, что почудилось — нет в тайге зверя страшнее. Признаюсь, я даже растерялся перед её безумной храбростью и неистовой решимостью драться с несоизмеримо более сильным противником.

По дороге к палатке стрелял по вылетающим из-под снега стайкам рябцов. Две замешкавшиеся птицы морозятся теперь на лабазе. Могло быть и больше, если б не очки: как вскинешь ружьё, так стёкла тут же от влажного дыхания покрываются налётом изморози. Порой хочется разбить их о первый попавшийся ствол.

За ужином рассказал Луксе о беличьём каннибализме.

— Так бывает, когда зверь ум теряет, — подтвердил он. — Соболь соболя в капкане никогда не трогает. Но, помню, как-то один к изюбру прикормился. Я сразу капкан поставил. Пришёл проверять — в дужках одна лапа. Вроде ушёл соболю, а по следам вижу, нет, не ушёл — другой съел. Снова капкан поставил. Другой опять съел. Я рассердился — не шутка, ёлка-моталка, два соболя потерял. Наставил много капканов. На другой день прихожу — никого нет. На второй — два рядом лежат. У одного лопатка выедена. И этого дурной начал есть, да не успел, сам попался. Рядом гора мяса, а он своих ест, ёлка-моталка. Совсем дурной!

Громкое карканье известило о наступлении утра. Чёрные дармоеды слетелись на лабаз поживиться за наш счёт. Пират и Индус, обычно разгонявшие их залиvistым лаем, прятались от трескучего мороза в пихтовых гнёздах, занесённых снегом. Но как только из трубы потянулась голубая струйка дыма, вороны разлетелись.

Мороз нынче потрудился на славу, обметав ветви толстой искристой бахромой, сверкающей в лучах восходящего солнца. Над нашей полыньёй зябко ворочался густой и непроницаемый, как вата, туман.

Я весь день бил новый кольцевой путик по крутым бокам сопок, обрамляющим Буге. Так и назвал этот путик «Крутой».

Его дальний конец достигал зубчатого гребня водораздела Буге — Джанго. Оттуда хорошо было видно, как во всю ширь горизонта беспокойными волнами дыбятся горы, подпирающие белыми вершинами густо-синий небосвод. Воздух настолько чист и прозрачен, что, кажется, протяни руку — и достанешь до одной из них.

Мимо проплывали облака, лёгкие и зыбкие, как парусники. Следом по земле неотступно, как шакалы за добычей, крались их серые тени. Вдали синели мощные отроги главного хребта. Они властно притягивали взгляд, завораживали. Впоследствии, уже в городе, всякий раз, когда этот первобытный контур всплывал из глубин памяти, пробуждалась лавина воспоминаний и щемящее желание вновь оказаться в этих местах.

Ничто не пленяет меня так, как горы, — самое потрясающее произведение Природы. Стоит мне попасть в мир этих бесстрастных великанов, как меня охватывает необыкновенное волнение. Мысли очищаются, взлетают над обыденностью, и кажется, что вся твоя предыдущая жизнь осталась где-то далеко, нет никаких проблем и ты переходишь в иное измерение. Что ещё немного — и постигнешь смысл быстротечной жизни, всеобщий закон мироздания. Верно подметил Владимир Высоцкий: «Лучше гор могут быть только горы на которых ещё не бывал...»

Однако пронизывающий ветер поторапливал к спуску. Новый путик порадовал обилием тропок. Настоящее соболиное царство. Пожалуй, стоит снять большую часть капканов на приманку и переставить их сюда на подрезку.

Вернувшись к становищу, хотел посоветоваться с Луксой на этот счёт, но он ошаршил меня сообщением, что в четырёх километрах от палатки появился шатун — зверь-смертник. Косолапый настолько худ, что, пройдя по лыжне метров сто, провалил снег всего два раза. На следах — пятна крови.

Решили с утра идти за ним по следу с собаками, иначе спокойной охоты не будет. Он может разорить лабаз, залезть

в палатку. Шатун ничего не боится. Встреча с ним грозит трагедией, поскольку терять ему нечего. Так и так финал у него один — смерть.

К охоте готовились обстоятельно. Перед сном Лукса вышел из палатки. Неожиданно раздался его громкий крик: «Хо-хо!» Я настороженно прислушался: что происходит?

— Хо-о... — глухо отозвались сопки.

— Лукса, что случилось? Зачем кричал? — обеспокоенно спросил я, когда он вернулся.

— Ничего не случилось, — невозмутимо ответил охотник. — Прогноз радио проверял. Слышал, эхо голос потеряло? Снег будет. Обязательно медведя возьмём, — заключил он уверенно.

Легли поздно. Я никак не мог заснуть. Беспокойно ворочался. Сон был тревожный. Преследовал кошмар про исполинских мышей, загонявших разъярённого тигра к нам в палатку. Несколько раз вставал. Топил печь. Под утро, наконец, забылся.

Было ещё темно, когда Лукса тронул меня за плечо. Жидкий рассвет едва наметился. За ночь действительно выпал хоть и небольшой, но пушистый снег.

Я натягивал меховые носки, когда совсем рядом, за тонким брезентом палатки, раздался душераздирающий собачий визг. Тут же послышался злобный лай. Необутые, едва успев схватить ружья, мы выскочили наружу. Лукса первый, я за ним. Дальше всё произошло гораздо быстрее, чем об этом можно рассказать.

Не успел я оглядеться, как громыхнул выстрел. Бросившись за палатку, увидел метра в двадцати бурого медведя, отбивающегося от наседавшего с отчаянной смелостью Пирата. Собака ловко уворачивалась от когтистых лап. Рядом с медведем лежал окровавленный Индус.

Второй выстрел Луксы грянул одновременно с моим. По глухим шлепкам поняли, что пули достигли цели. Шатун взревел и, сделав несколько шагов, повалился на бок.

Пират подскочил к нему и злобно рванул шкуру на загривке, но, увидев, что зверь не реагирует, успокоился. Вялые уши косолапого говорили о том, что он мёртв, но Лукса на всякий случай выстрелил ещё раз.



— Не сердись, Пудзя, совсем состарился медведь. Пошёл отдыхать в верхнее царство, — произнёс традиционное удэгеец.

Тут меня запоздало затрясла мелкая дрожь. В горячке мы выбежали в одних носках и раздетые. Мороз быстро напомнил об этом и погнал в палатку.

Одевшись, вышли осматривать добычу. Это был здоровенный, но чрезвычайно костлявый самец, истощённый до такой степени, что кожа свисала складками. Тёмно-бурая шерсть местами слиплась от смолы. Голые, неприспособленные к морозу ступни потрескались и кровоточили.

По следам восстановили картину происшедшего. Шатун по лыжне вышел к палатке. Неслежавшийся, пухлый снег скрадывал звуки его шагов. Осторожно прокравшись к ничего не подозревавшим собакам, медведь ударом лапы разрушил пихтовую конуру и, разможив череп Индуса, бросился с ним в лес. Но уйти ему помешал ринувшийся вдогонку Пират.

— Молодчина! Не спасовал, — ласково потрепал Лукса собаку.

Он острым ножом «расстегнул» шубу медведя от подбородка до паха, и мы принялись свежевать тушу. Но вскоре бросили эту работу, так как мясо было сплошь поражено длинными узкими глистами. Так вот почему медведь не сумел нагулять жира.

— Чего такой куче мяса пропадать, давай используем на приманку, — предложил я.

— Соболь плохо на медвежье мясо идёт. Засыпай снегом, — не согласился бывалый промысловик.

Он вырезал у медведя только желчный пузырь. Удэгейцы используют его при кашле, расстройстве желудка. Пьют желчь свежей. Или, высушив в сухом тепле, растирают в порошок и употребляют по щепотке. Я же взял себе на память коготь длиной почти восемь сантиметров.

Успешное и быстрое избавление от шатуна несколько омрачилось гибелью Индуса. После всех тревожных волнений на охоту решили не ходить. Похоронив собаку, перекололи остатки кедровых и ясеневых чурок. Получилась огромная гора дров. Иные поленья были испещрены узкими каналами, впадающими в просторные «комнаты», в которых чёрными комками лежали оцепеневшие муравьи. Трудно поверить, что весной в них проснётся жизнь, и шустрые работяги снова заснут по лесу.

Я положил одно полено возле печки и весь вечер наблюдал, что произойдёт с муравьями. Увы, резкое тепло не вывело их из оцепенения.

После ужина обдирали соболей. Дело это для меня пока трудоёмкое и утомительное. Ещё отремонтировал несколько капканов. На одном не было язычка. Пришлось отковать его из раскалённого гвоздя на обухе топора.

Пока занимались всем этим, свечка успела прогореть. Я заметил, что в морозную погоду она горит медленнее и одной хватает на три дня. И это понятно — парафин на морозе плавится только в лунке у фитилька, и «сосулек» из расплавленного, не успевшего стореть парафина не образуется. Поэтому свечку лучше устанавливать подальше от печки, на небольшой высоте, но и не слишком низко, чтобы не ухудшать освещённость.

За ужином Лукса принялся хвалиться, что в молодости он с Митченой за осень по семь-восемь медведей с собаками брал. Некоторые достигали веса десяти косуль. Нетрудно подсчитать, что это порядка трёхсот килограммов. Особенно много косолапых тогда водилось в верховьях Хора и Чуёв. (Могу подтвердить, мы с Юрой во время перехода Самарга—Чуи прямо на водораздельном хребте видели медвежьи тропы с глубокими, выбитыми до самых каменных плит вмятинами.)

— Может, расскажешь про какой-нибудь интересный случай.

— Рассказать, бата, есть что...

Тут удэгеец замолчал и, искоса поглядывая в мою сторону, принялся подкладывать в печь кедровые поленья. Он явно ждал, когда я полез в карман куртки за карандашом и блокнотом. Я заметил, что ему нравится, что я записываю его истории. Увидев блокнот на моём колене, удовлетворённо хмыкнул и, глядя в огненный зев печурки, начал вспоминать:

— Гнал как-то соболя. Долго он меня мотал. Наконец выдохся — под корни старого тополя залез. Я сгоряча палкой туда. Пока тыкал во все стороны, соболю вылез и по косогору ушёл. Ругнул себя и за ним. Тут сзади кто-то как рявкнет, и по ногам трах! Я упал лицом в снег. Слышу, вокруг топчется, пыхтит, обнюхивает. Лежу, не шевелюсь — сообразил, что медведь. Толстозадый походил-походил и назад, под тополь. Берлога у него там была, ёлка-моталка, а я его разбудил.

При этом Лукса так потешно изобразил, как он дырявил Топтыгина, что я, сотрясаясь в беззвучном смехе, едва вымолвил:

— Ох и сочиняешь!

— Зачем сочиняю? Правду говорю. Всё так было, — обиделся охотник и, насупившись, принялся точить и без того острый нож.

— Не обижайся, Лукса, — примирительно сказал я. — Но уж больно история неправдоподобная.

— Ого! Не то ещё бывает. Сам иногда удивляюсь: думаешь одно, выходит другое. Зверь-то разный. Не всегда угадаешь, что у него в голове. Ты Джанси знаешь?

— Это тот, у которого указательный палец на правой руке не сгибается? Торчит, как дуло пистолета.

— Он, он! Его Пистолетом и зовут. С ним ещё хлеще случай был. Нашли они с Удзали берлогу бурого за Коломинкой. Джанси длинным шестом медведя будит. Тот выскочил — и на него. Удзали стрельнул, но промахнулся и удрал со страху. Я всегда говорил: Удзали — трусливый человек! Джанси карабин схватил и успел нажать крючок. Раненый медведь на него повалился. Джанси память потерял. Очнулся — медведь рядом лежит, стонет. Карабин в сугробе. Джанси потянулся за ним. Зверь заметил и лапой по башке огрел. Тот снова память потерял. Пришёл в себя и опять за карабином, а медведь не даёт — по башке всё бьёт. Но уже не так сильно — слабеет. Дотянулся Джанси до карабина и добил медведя. Вот так бывает, а ты говоришь, привираю. Однако шибко повезло Пистолету. С бурым шутки плохи. Лучше с гималайским дело иметь. Он спокойнее, и мясо вкуснее. Шатуном никогда не бывает. Всегда жир нагуляет. А бурый шибко злющий, когда разбудишь. Даже тигр ему не командир.

К сожалению, детям через сказки и книги даётся неправильное представление о многих животных: медведь — увалень неуклюжий, заяц — трус, а волк — кровожадный разбойник. На самом деле это не совсем так. Медведь ловок и силён необыкновенно, чему мы сегодня были свидетелями, а волк человека больше любого другого зверя боится. Даже лыжно другой раз обходит. Репутацию лютого и кровожадного

зверя, крайне опасного для человека, прочно завоевал, даже в части специальной литературы, тигр. Но если обратиться к фактам, то оказывается, за последние десятилетия не было ни одного случая неспровоцированного нападения амурского тигра на человека. Что же касается кровожадности, то Лукса утверждает, что куты-мафа, когда сыт, не трогает зверей, даже если они проходят на расстоянии прыжка.

Позади половина сезона. Я подошёл к этому рубежу с весьма скромными результатами, но успехи последних дней обнадёживают. Вчера на Фартовом снял ещё одного соболька. Настоящий «казак»: чёрный, седина серебром отливает. Он так глубоко забился в узкую щель под валежиной, что пришлось тесаком расширять её. А сегодня утром перед выходом на путик загадал: «Если сниму ещё одного, то и сезон завершу удачно». Я же снял трёх! Правда, третьего мыши успели подпортить — на спине мех выстригли.

Мог бы записать на свой счёт и четвёртого, да подвёл вертлюг. Цепочка соскочила, и соболь ушёл вместе с капканом. Битый час пытался найти его, но безуспешно. Жаль зверька. Ведь капкан ему всё равно что пудовые кандалы для человека.

Видел следы кабана. Вдоль них пропитанные кровью комочки снега. Сейчас у них гон. В это время секачи очень агрессивны и безжалостны друг к другу. Видимо, этот как раз и пострадал в одном из турнирных боёв.

* * *

Резко похолодало. Выйдя утром из палатки, я чуть не задохнулся от мороза. Придавив толстым поленом вход, пошёл осматривать путик. Мимо, с быстротой молнии, пронёсся какой-то зверь. От неожиданности я вздрогнул, а разглядев, улыбнулся: из-за кедра, жизнерадостно виляя хвостом, победоносно взирал Пират. Отвязался-таки шельмец! Что же делать? Собака на капканном промысле только вредит — следы и тропки затаптывает.

Попытался подозвать — не идёт. Знает, что опять привяжу. Пришлось возвращаться обратно и топить печь. Минут через пятнадцать Пират наконец поверил, что я никуда

не собираюсь, и подошёл к палатке. Я подманил его мясом и, крепко привязав, побежал навёрстывать упущенное время. Жалобный вой собаки ещё долго оглашал тайгу, действуя на нервы и распугивая зверей в округе.

В этот день ходил по Крутому, но Пудзя не пожелал делиться своими пушными богатствами. Зато подарил свежие тропки, а это надежда на успех в будущем. Выставил восемь капканов. Пока настораживаешь и маскируешь ловушку, коченеешь — мороз студит кровь, подбирается к сердцу. Невольно думаешь: «Пропади всё пропадом. Не вернуться ли лучше в палатку, к тёплой печурке?» Но встанешь на лыжи, разомнёшься, разогреешься и, при виде заманчивой сбежки, опять принимаешься за работу.

Взобрался на гребень кряжа, покрытый кедрочом. Иные старцы такие громадные, что втроем ствол не объять. Неожиданно справа кто-то закопошился. Я затаился: прямо из снега вылетали прелые листья, золотистые чешуйки, а вот и сама копуша-белка с кедровой шишкой в лапках показалась. Съела два орешка, подбежала к дереву, но, видимо, учуяла меня и замерла возле комля, распушив хвост. Я прицелился чуть выше головы. Выстрел оказался удачным. Положил добычу в рюкзак и пошёл дальше. Тотчас на другом кедре зацокала подруга. Вскоре и она легла рядом с первой.

Мне, можно сказать, подфартило — в этих местах белка малочисленна. Даже с хорошей собакой больше пяти-шести за день не добудешь.

Ближе к вечеру из небольшой ложбины донёсся истошный крик, похожий на верещание колонка. Во весь дух помчался туда, но ничего не обнаружил. Только филин бесшумно скользнул над головой. Будь потемней, я его и не заметил бы. Привидение, а не птица!

До стана оставалось более километра, а в морозном воздухе уже чувствовался запах дыма. Я не в первый раз замечаю, что стал чують его на значительных расстояниях. Вначале был склонен думать, что это самообман, подобный слуховым или зрительным галлюцинациям, но каждый раз, приходя в палатку, обнаруживал, что Лукса действительно топит печь. Видимо, при длительном пребывании в тайге, на чистом воздухе обоняние обостряется.

После ужина, как всегда, сели обдирать добычу. Я — соболей, Лукса — пойманных сегодня норок. Одна из них уже побывала в капкане, но, пожертвовав лапкой, ушла. Насколько сильной должна быть тяга к свободе, чтобы пойти на такую жертву. С того дня прошло не более двух недель, култышка едва заросла, но зверёк уже успел потерять осторожность и повторно угодил в ловушку.

ОДО АКИ

Декабрь трудится изо всех сил. Третью неделю стоит небывалая стужа. Воздух лежит неподвижным тяжёлым пластом. Слабые лучи зимнего солнца не в силах согреть остекленевшую тайгу. Но, несмотря ни на что, к полудню всё-таки просыпаются, оживают её обитатели. Они хорошо приспособлены к жизни в студёную пору.

Особенно холодно сегодня. В лесу гремит настоящая канонада: это лопаются от мороза стволы деревьев.

Весь день ходил по целине. Бил ещё один пугик к истокам Буге — надеялся найти более богатые уголья. Соболю там действительно есть, но всё же в среднем течении его куда больше.

Чем выше по Буге, тем чаще наледи. Наледь — явление характерное для горных ключей. Зимой, во время сильных морозов, большинство из них промерзает до дна, и грунтовая вода дымящимися родничками просачивается на поверхность льда. Растекаясь вокруг, она намерзает слой за слоем. Так со временем образуются обширные ледяные поля, заливающие порой всю долину на высоту до полутора метров. По краям образуются красивые ступенчатые ледопады. Иные наледи, не успевая растаять весной, белеют среди зелени чуть ли не до июля.

В верховьях уклон долины заметно круче. Сопки едва расступаются, пропуская ключ, сбегавший по каменным ступенькам обледенелых водопадов.

Обходя сошедшие со склонов снежные лавины, я вынужден был петлять в теснине от одной скальной «щеки» к другой.

Вокруг ни одного кедра. Только сумрачные ели и пихты. Тайга здесь сохранила девственный облик, но животный мир беден. Снежный покров не оживляли ни наброды изюбрей, ни кабанов, ни косуль. Одна лишь кабарга чувствует себя полновластной хозяйкой. Даже ветер тут редкий гость. Поэтому и снег как лёг с осени на деревья, так и лежит — толстый, слоистый, словно кабанье сало. Этот путик я нарёк «Глухим».

Если верить термометру, сегодня утром было минус сорок три градуса. Недаром про здешние места говорят: «Ширина крымская, долгота колымская». В морозные дни больше всего ногам достаётся. Пока ставишь капкан, они застывают до бесчувственности, и потом идёшь, будто на деревяшках, пока кровь вновь не достигнет пальцев и не оживит их.

Иду себе, иду, и вдруг сверху вниз скользнула чья-то тень. В общем-то явление привычное: комки снега часто срываются с ветвей даже в безветренную погоду, но меня привлекла странная траектория — тень двигалась наискосок. Обернувшись, увидел планирующую летягу.

Зимой этого необычного зверька я видел впервые, но его помёт у комлей деревьев попадался часто. Это и понятно: летяга ведёт ночной образ жизни. Вспомнились летние походы с Юрой, когда, сидя у костра, наблюдали, как летяга, прижавшись к стволу дерева, замирает и подолгу неотрывно смотрит на пламя. Внешностью и повадками она похожа на белку, но отличается тем, что по бокам тела между передними и задними лапками имеются складки кожи, покрытые шёрсткой. На округлой головке этого тёмно-серого с серебристой остью зверька выделяются крупные, выпуклые глаза.

Летяга не прыгает по деревьям, как её родственница, а, забравшись по стволу на вершину, бросается вниз. При этом кожаные складки расправляются наподобие крыльев. В полёте летяга может совершать крутые виражи, а снижаясь по прямой, пролетать до ста метров.

Из литературы мне было известно, что и соболь ведёт ночной образ жизни. Но как тогда объяснить сегодняшнее? Утром в нижнем течении ключа свежих следов не было, а к вечеру, когда я возвращался, появились зигзагообразные строчки мышковавшего соболя. В том, что он ходил после

меня, не было сомнений — отпечатки были даже на лыжне. Видимо, звери более пластичны. Их активность зависит от погоды, наличия пищи и, возможно, ещё каких-то причин. Лукаса, например, считает, что светлые соболя охотятся днём, а тёмные — ночью. В этом суждении тоже есть резон. Солнечные лучи действительно разрушают тёмный пигмент.

К утру выпала «печатная» пороша. Одна из тех, когда оттиски следов, оставляемые на мелкой пыльце, так чётки, что, кажется, приглядишься, и увидишь тень прошедшего животного.

Моя меховая копилка пополнилась половинкой самца шоколадного цвета — вторая, как нетрудно догадаться, досталась мышам. Одна беда от этих пакостниц. Но что делать, приходится мириться, без них тайга сильно оскудеет, ведь они — основная пища большинства её обитателей.

Впереди меня ожидал приятный и волнующий сюрприз. Было сравнительно тепло, и снег почти не скрипел. Моё внимание привлекло чёрное возвышение, резко выделявшееся на белом фоне. Кабан?.. Вертлявый хвостик развеял сомнения. Точно — кабан! Поодаль, посреди низкой террасы, виднелось ещё несколько тёмных спин. Табун пасся на хвоще.

Горка зашевелилась, показалась длиннорылая морда с высоко торчащими ушами. Втянув воздух, кабан замер, вскоре голова опять исчезла. До моего слуха донеслось невнятное чавканье.

Тихонько снял ружьё, тщательно прицелился и, когда кабан вновь поднял голову, выстрелил. Табун переполошился и в неопикуемой панике, оглашая тайгу пронзительным визгом, рассыпался в разные стороны. А раненый зверь, волчком завертевшись на месте, поднял такой столб снежной пыли, что на некоторое время скрылся из виду.

Осторожно подойдя ближе, я выпустил ещё две пули. Жизнь не хотела покидать сильное тело. Клацающая клыками, секач попытался приподняться, но упал и затих, когда я выстрелил в упор.

Поняв, что кабан убит, я издал дикий вопль и запрыгал от радости. Немного успокоившись, стал осматривать добычу.

Это был довольно крупный, матёрый секач. Грозно поблёскивали две пары желтоватых клыков. Нижние трёхгранники, изогнутые, как турецкие сабли, торчали из челюсти на все двадцать сантиметров. Более короткие, верхние, загибались настолько круто, что, соприкасаясь с нижними, заточились до остроты ножа. Большое клинообразное тело покрывала жёсткая чёрно-бурая щетина, с густой подпушью, особенно длинная на загривке.

Пока кабан не остыл, начал свежевать. Поскольку к началу гона у самцов под кожей на загривке образуется хрящ, или, как говорят охотники, «броня», дело это оказалось непростым. Отмучившись, с трудом засунул в рюкзак голову секача и увесистый шмат ляжки. Всё остальное засыпал снегом. Охотничья удача сняла усталость. Шлось легко.

Лукса, узнав, что я принёс свеженины, закричал от удовольствия. По-быстрому нажарили мясо и, поставив вариться бульон, сели пировать. Сквозь поджаристую корочку, подогревая и без того волчий аппетит, соблазнительно сочились янтарные капли жира. Сковородка быстро пустела. Последний кусок Лукса бросил собаке:

— Держи, Пиратка. Может, твоего обидчика едим. — И, обращаясь ко мне, пояснил: — Прошлый год один секач ему брюхо распорол. Думал, пропал пёс, ёлка-моталка. Хотел пристрелить. Ружьё поднял, а он смотрит так преданно... Верит, что не обижу. В котомке в зимовье принёс. Снял с лабаза полосу сухожилий. Наделал ниток. Пасть стянул верёвкой, чтоб не кусался, и заштопал брюхо. Ничего, заросло!

— Лукса, я вот всё думаю, сухожилия ведь толстые, как из них тонкие нитки получаются?

— Что непонятного? Высохшие жилы видел? Если их помять, они на тонкие стрелки делятся. Бери их и скручивай нитку. Самые крепкие нитки с ног получаются. С хребта тоже неплохие, но слабее.

Было уже около десяти вечера, когда мы услышали приближающийся ритмичный скрип шагов. Возле палатки они замерли.

— Кто там? — спросил я.

— Своя, своя люди, — негромко и спокойно ответил голос. Было слышно, как подошедший отряхивается от снега.

— Нибида эмэкте*? — повторил на удэгейском вопрос Лукса.

Вместо ответа полог палатки распахнулся, и в чёрном проёме показался охотник. Я сразу узнал его, хотя шапка-накидка, редкие усы и бородка были покрыты густым инеем, белизна которого резко контрастировала со смуглой кожей и карими глазами. Это был одо Аки — дедушка Аки. Его губы, склеенные морозом, разошлись в приветливой улыбке.

— Багдыфи**! Би*** мал-мало гуляй. Отдыхай ноги надо, — на смешанном языке тихо проговорил он.

— Багдыфи, багдыфи! — ответил Лукса.

Я, освобождая место гостю, пересел к выходу и подбросил дров в печку. Аки пробрался на освободившееся место и, украдкой поглядывая на меня, стал выдёргивать из бородёнки ледышки.

— Ноги туда-сюда мало ходи, — посетовал он.

Я про себя подумал: «Вот это «мало ходи» — в семьдесят восемь лет прошёл двадцать пять километров от своей зимушки до нас по труднопроходимым торосам Хора!»

Переведя дух, Аки разделся. Улы и верхнюю одежду закинул на перекладину сушиться. Лукса налил ему наваристого бульона, достал из кастрюли мяса и подал кружку с разведённым спиртом. Узенькие глазки деда сразу оживились:

— Айя! Асаса****! Однако не зря ходи к вам.

Приняв «разговорные капли», он совсем повеселел. Простодушный, доверчивый, никогда не унывающий старик с по-детски ясной и чистой, как ключевая вода, душой был одним из тех аборигенов Уссурийского края, которых описывали ещё первооткрыватели этих мест. В его суждениях как в зеркале отражалась история и мировоззрение маленького лесного народа. (Лукса был на двадцать два года моложе, и его поколение уже во многом утратило самобытность удэгейского племени.)

* Нибида эмэкте? (удэг.) — Кто пришёл?

** Багдыфи (удэг.) — Здравствуйте.

*** Би (удэг.) — Я.

**** Айя! Асаса! (удэг.) — Хорошо! Спасибо!

Познакомился я с одо Аки в Гвасюгах ещё до начала охотничьего сезона, когда пополнял свою этнографическую коллекцию. К тому времени у меня уже были интересные приобретения: копья разных размеров, деревянный лук, стрелы с коваными наконечниками, женские стеклянные и медные украшения; охотничья шапка-накидка и ножны, расшитые разноцветными узорами. Прежде удэгейцы на своей одежде всегда вышивали орнаменты с тонким, изящным рисунком. Глядя на них, не перестаёшь восхищаться мастерством и высоким художественным вкусом вышивальщиц. Колоритнейшие вещи! К сожалению, в Гвасюгах оставалось всего несколько старушек, владеющих этим искусством, но и те из-за слабого зрения вышиванием почти не занимаются. Находок было немало, но я лелеял надежду обогатить коллекцию настоящим шаманским бубном. Такой бубен в стойбище был только у Аки.

Идти к местному старейшине одному было неловко, и я уговорил Луксу пойти вместе со мной. Постучались. Дверь открыла дочь. Одо Аки сидел на низкой скамейке и укладывал сухую мягкую траву хайкту в улы. Маленький, с невесомым телом старичок смотрел прямо и открыто. На мою просьбу ответил категорическим отказом и даже убрал с полки сэвохи — деревянные изображения удэгейских духов. И только после долгих переговоров с Луксой согласился лишь показать бубен.

Достав берестяной чехол из-за шкафа, Аки осторожно вынул из него родовую реликвию. Любовно погладил тугую с заплатами шкуру и несколько раз с расстановкой ударил по ней подушечками пальцев, жадно вслушиваясь в вибрирующие звуки. Мы притихли.

Держа бубен на весу, с помощью двух скрещивающихся ремешков, сплетённых из сухожилий, старик погрел его над плитой. Взял в руку гёу — кривую колотушку, обтянутую шкурой с хвоста выдры, и, прикрыв глаза, начал священнодействовать — камланить*. От низких, мощных звуков мной

* Камланить — исполнять ритуал, сопровождающийся пением и ударами в бубен, во время которого шаман, приходящий в состояние экстаза, общается с духами.

овладело смятение и странная готовность повиноваться. Идти туда, куда позовёт этот потусторонний гул. Казалось, будто слышу зов предков, давным-давно ушедших в иные миры.

Поблагодарив старика, мы попрощались. На улице Лукса рассказал, что в Гвасюгах не раз бывали всевозможные экспедиции, но этот бубен Аки никому так и не отдал и продолжает потихоньку камлать.

Забегая вперёд, скажу, что весной в дом Луксы, у которого я жил после выхода из тайги, пришла дочь одо Аки и сказала, что отец зовёт меня. Когда я вошёл, он сидел с бубном в руках:

— Камиль, я старый, сына нет. Бубну нужен молодой хозяин, которого любит Пудзя. Я знаю и Лукса говорил — Пудзя тебя любит. Возьми.

Так последний бубен последнего удэгейского потомственного шамана оказался у меня. Через две недели одо Аки перекочевал к «верхний люди»: вышел колоть дрова, взмахнул топором и упал — сердце остановилось. Может быть, и бубен отдал, предчувствуя скорую «перекочёвку».

Теперь он висит у меня в комнате под черепом медведя. Иногда я снимаю реликвию и, слушая глухие призывные звуки, вспоминаю Буге, Луксу, одо Аки. Но всё это произойдёт весной, а сейчас мы сидим в тесной палатке вокруг печки.

Я заварил свежий чай и разлил в кружки. Подал сахар. Аки от него наотрез отказался.

— Чай вкус теряй, — заявил он.

Пили долго, не торопясь. Я расспрашивал гостя о его жизни. Великолепная память старика хранила много любопытного.

Он в мельчайших подробностях описывал события полувековой давности, помнил названия речушек и перевалов, по которым ходил ещё в начале века.

Когда разговор коснулся тигров, пожаловался:

— Куты-мафа моя собака война объявил. Прошлый охота два ел. Теперь последний чуть не давил. Моя увидел — ушёл. Страх любит собака. Собака ест — пьяный ходи.

— Аки, тигр собак давит, домашний скот давит, а людей не трогает. Почему?

— Моя так думай: люди закон прими, не убивай куты-мафа. Куты-мафа умный — тоже свой закон прими: люди не убивай.

От такой наивности я улыбнулся. Аки пристально посмотрел на меня.

— Пошто смеёшься? Твоя не знай, как куты-мафа давно люди убивай. Много убивай. Теперь не трогай. Почему? Ты своя башка думай!.. Куты-мафа шибко умный, всё понимамай...

Действительно, почему тигр изменил свои повадки? Ведь в прошлом веке амурский тигр (между прочим, самый крупный среди своих собратьев) нередко был «волен» по отношению к человеку и, хотя избегал его, не считал неприкосновенным. Иные хищники буквально терроризировали обширные районы, поражая дерзостью и хитростью. Спасаясь от них, переселенцы с Украины и центральных районов России бросали свои хозяйства, уезжали подальше от владений людоеда. Отчаянная смелость некоторых зверей доходила до того, что они врываются ночью в избы и нападали на спящих.

В результате активной охоты на тигров их осталось на всей огромной территории Дальнего Востока не более трёх десятков. Тогда, в конце сороковых годов двадцатого века, и был принят закон о полном запрете охоты на владык Уссурийской тайги. С тех пор могучий хищник как будто переродился. Исчезли людоеды, реже стал страдать и домашний скот.

В чём причина изменения отношения тигра к человеку? Можно предположить, что те немногие, оставшиеся в живых, потому и уцелели, что именно они из сотен своих сородичей чётко усвоили: человек опасен и, если хочешь жить, избегай встреч с ним. Эта черта поведения постепенно закреплялась и на генетическом уровне передавалась потомству, став теперь отличительной особенностью всего амурского подвида. Похоже, рассуждения старого удэгейца не так уж и наивны.

После чая старик вкрадчиво спросил:

— Ай бё*?

Это выражение мне было знакомо и перевода не требовало.

* Ай бё? (удэг.) — Водка есть?

— Анчи, анчи. Элэ!* — твёрдо ответил я, зная, что если не остановить, то старики будут бражничать до утра, а днём стонать от головной боли.

Покурив, охотники опять принялись за мясо. Аки ел, облизываясь, сочно причмокивая, облизывая пальцы. Ест, а сам бурчит:

— Не мог чушка убивай. Секач деревом пахни.

Мне не хотелось спорить. Я радовался замечательному трофею, тем более что клыки у него были, как настоящие бивни!

Но охотников терзали совсем иные чувства. Лукса, уже изучивший мой характер, начал издали:

— Слышал, на севере якуты огненный гриб жуют. Они его с собой носят в кожаном мешочке.

— Какой такой гриб? — изумился Аки.

— Мухомор сушёный. Не всякий. Серый, кажется, годится. Захотел веселиться — пожевал. Говорят, лучше водки — голова утром не болит.

— О, шибко хорош гриб!

— Вот ты, Аки, — продолжал Лукса, — кабана ругаешь, а зря. Хороший кабан. Таких больших клыков я ещё не видел. Ты, Аки, наверно, тоже не видел?

— Чего так говори? — запальчиво возразил старик.

Но Лукса перебил его:

— Очень большой кабан. Давай, Камиль, выпьем за самого большого хорского кабана, — и с чувством поднял пустую кружку. Аки, так и не поняв хитрость сотоварища, насупился:

— Чего большой? Много больше гляди.

— Ох, и хитрый шеф у меня, — засмеялся я.

— Хитрецы в стойбище спят, а дураки в лесу сидят, — довольно хмыкнул Лукса.

Аки, оценив наконец ситуацию, преобразился: нетерпеливо заёрзал и стал искать глазами свою кружку.

— Твоя молодец, Камиль! Асаса! — примиряюще сказал он, выпив свою долю. — Беда, как хорошо. Дай, однако, табачку, моя кончался.

* Анчи, анчи. Элэ! (удэг.) — Нет, нет. Хватит!

Воспользовавшись переменной настроения старого промысловика, я, протягивая старику коробку «Золотого руна», спросил:

— Одо, вот вы всё ищите женьшень. А чем он так ценен?

Подобревший старик не замедлил с ответом:

— О-о-о!! Женьшень — корень учёный. Долго живи — много знай. Своя сила хороший люди дари. Плохой люди не дари.

Раскуривая трубку, Аки ненадолго примолк.

— Одна ночь, — продолжал он, — цветок гори яркий огонь. Эта ночь корень копай — любой болезнь лечи. Кто умер — живой делай. Однако эта ночь корень трудно копай. Дракон корень береги. Только смелый дракон победы.

— А вы верите в загробный мир?

— Чего такой? — заморгал старик.

Лукса, жестикулируя больше обычного, стал объяснять ему по-удэгейски. Вскоре тот понимающе закивал:

— Я так знай: умри — на небо ходи. Там все живи. Река, тайга, звери, верхний люди. Только обратно живи. Старика молодой делай. Моя тоже скоро туда ходи. Котомка готовил.

— А как вы попадёте туда?

— Вход найду — лыжня знай.

— Какую лыжню? — не понял я.

— На небе лыжню замечал? Это лыжня к верхним людям. Там, где она в горы упирается есть вход, — объяснил Лукса.

— Я читал, что у вас умерших на деревья кладут.

— Зачем деревья? Земля ложи. Бедный ложи берестяную кору, богатый ложи оморочку. Деревья только детка ложи. Земля детка ложи — мамка больше детка нет. Мамка роди, маленький юрта ходи, — продолжал разговорившийся Аки. — Одна промышляй. Шибко трудно роди. Моя старший мамка умри, детка умри.

— Так у вас что, две жены было?

Аки внимательно посмотрел на меня сбоку.

— Мужика всегда два мамка бери. Самый худой мужика одна бери... Зачем так говори? Одна!

Поняв, что обидел старика, я сменил тему разговора:

— Аки, а вы к какому роду принадлежите?

— Киманко я. Лукса — Кялундзюга. На Хоре два рода. Больше нет. Раньше люди много живи. После худой болезнь умри. Кто один тайга живи — живой ходи.

— И зверя, наверно, прежде больше было?

— О! Беда как много было, — возбуждённо закивал старый охотник. — Кабан, олень, куты-мафа, медведь шибко много было. Только соболь мало. Ружьё не купи — дорогой, собака! Сангми* делай. На большой зверь — большой сангми — «пау» делай. Зверя много, ружья нет — кушай мало.

— А сколько вы в те времена соболей добывали?

— Говорю — мало соболь. Два-три лови. Больше не лови. Соболю перевал живи. Шибко трудный охота. Один год пять лови. Второй мамка бери. Думал — новый котёл, топор купи. Хуза всё брал. Что делай без ружья?!

Проговорив так допоздна, легли спать. А я ещё долго лежал, переживая заново события памятного дня.

* Сангми (удэг.) — самострел.

Часть II

...Узнав тайгу, нельзя забыть её.

Юра Сотников

ХУДАЯ ВЕСТЬ

Старики ушли в стойбище встречать Новый год*. Пират увязался за ними — проведать гвасюгинских дружков. Мне же не до праздников. План горит. Но соболя почему-то перестали тропить. За два дня нашёл всего четыре новые тропки.

Предновогодний день посвятил Крутому. Там, на хороших сбежках, стояли две ловушки. По ним соболя прошли, но в одной пружина от мороза лопнула, а другая, хотя соболь и наступил на тарелочку, не сработала. Тут я сам сплоховал: положил под капкан влажные палочки. На морозе дужки к ним примёрзли и не сомкнулись.

Вечером превратил палатку в баню: загрузил в топку смолистых поленьев, поставил на печурку полную кастрюлю воды. Когда она нагрелась, помылся прямо у выхода. После такой, казалось бы, игрушечной помывки почувствовал себя

* На Новый год промысловики возвращаются в Гвасюги, чтобы сдать добытую пушнину, закупить продуктов, а главное, гульнуть.

заново рождённым. Кто бы мог подумать, что несколько литров горячей воды могут так освежить.

Примерно через два часа Новый год. Почему примерно? Да потому что время определяю по будильнику, который не проверялся более двух недель: транзисторный приёмник не работает — батарейки сели. Ну и ладно. Новый год на носу! Пора накрывать праздничную чурку...

Первое января. Где-то на западе нашей необъятной страны ещё только садятся за столы нарядные женщины и мужчины, а за тысячи километров от них в недрах глухой тайги просыпается одинокий охотник. Он продирает глаза, пялит бессмысленный взор на снующих кругом мышей, стряхивает иней, затапливает печь и снова ныряет в спальник, чтобы встать, когда прогреется палатка.

Как я встретил Новый год?

Нажарил полную сковородку рябцов, приготовил строганины. Ровно в двенадцать часов (опять же по-моему будильнику) поздравил себя и всех, кто ждёт меня дома, с Новым, 1975 годом. Выпив спирту, стал вслух беседовать сам с собой. Жизнь в одиночестве уже начала вырабатывать привычку смотреть на себя со стороны. И мне представился весьма странным косматый оборванец, сидящий, скрестив помусульмански ноги, на засаленном спальнике среди висящих на правилках ободранных шкурок и с блаженной улыбкой чокающийся с печной трубой, невнятно что-то бормочущий про удачу, Пудзю... А вокруг, по всему Хору, ни души. Со стороны, ей-богу, сумасшедший!

После третьего тоста на глаза попались ножницы, и я недолго думая обкромсал надоевшие из-за каждодневных «наледей» усы. Бороду пожалел — не тронул.

Разморённый жаркой печкой и «огненной водой», приподнял полог, чтобы проветрить палатку. Прилёг на спальник и незаметно уснул. Очнулся от пробравшего до костей холода. Дрова прогорели. В серой золе лишь красные глазки дотлевавших углей. И таким неприветливым, мрачным показался мне народившийся год. С трудом настрогал смолистой щепы и растопил печурку заново. Согревшись, залез в спальник досыпать. Окончательно проснувшись, выпил несколько кружек крепкого чая и отправился, как уже упоминал, на Фартовый.

Дед Мороз не забыл-таки заброшенного в сихотэ-алиньскую глушь промысловика и преподнёс ему новогодний подарок. На Фартовом стояло всего-то два капкана на подрезку. У первого, распластавшись во всю длину, лежал чёрный красавец. У второго снег тоже истоптан. Пружина из-под колдобины выглядывает. Ну, думаю, Дед даёт, совсем расщедрился: на два капкана — два соболя! Потянул за цепочку, а он пустой. Ушёл!!!

Капельки крови пунктиром обозначали след беглеца. Метров через сто он скрылся под полуистлевшим стволом кедра. Там соболь отлежался и сегодня уже выходил мышковать. Довольно крупный самец. Троп у него в этом районе много, и расположены они достаточно кучно.

Только собрался попить чай на солнцепёке, как услышал треск сучьев, стук клыков, грубый визг. Кабаны! Причуяв меня, драчуны коротко хрюкнули и бросились врассыпную.

* * *

Дни у промысловика похожи друг на друга, как близнецы. Встаёшь, растапливаешь печь, завтракаешь, идёшь на путик, проверяешь ловушки, ставишь новые, возвращаешься, опять затапливаешь печь, колешь дрова, ужинаешь, снимаешь шкурки (если вернулся с добычей), ремонтируешь одежду, заполняешь дневник и ложишься спать. Назавтра всё то же самое.

Сегодня обошёл Крутой. Пока пусто, хотя в душе уж на одного-то рассчитывал. Следов опять маловато. Что-то никак не уловлю в поведении соболей хоть какую-нибудь закономерность. Одну и ту же сопку то истопчут вдоль и поперёк, то за целую неделю ни разу не освежат ни единым следом; то бегают как угорелые и в мороз, и в снег, то сутками в тёплых норах отлёживаются.

В лагерь вернулся засветло. Луксин петушок сидел на берёзе и склёвывал почки. Увидев меня, не улетел. Привык уже и ко мне. Я поколол дров, промазал улы кабаньим жиром. Перед сном вышел из палатки. Над головой бесстрастно мерцали россыпи мелкого жемчуга. Созвездия не приходилось

искать. Они сами бросались в глаза. Небо в этот вечер выглядело громадным куполом, вершина которого высоко-высоко, а стенки сразу за деревьями.

Вокруг насквозь промёрзшая тайга, на бескрайних пространствах которой лишь кое-где разбросаны комочки жизни: звери и птицы. Чувство потерянности и заброшенности охватило меня. В лицо вонзались обжигающие морозные иголки.

Чтобы избавиться от нахлынувшей тоски и оповестить мир о том, что я жив и силен, достал ружьё и шарханул в звёзды. Выстрел громом пронёсся по тайге и долине реки, отдаваясь многократным эхом. В ответ донёсся волчий вой, полный презрения ко всему окружающему. Выл серый не «у-у-у», как пишут в книгах, а «бууу-бу», хотя вряд ли можно передать все тончайшие оттенки волчьей песни.

Жутковато становится в такие минуты. Правда, чаще сам на себя страх нагоняешь. Как только начнёшь прислушиваться к каждому звуку — услышишь и скрип шагов, и хруст ветки, и хриплое дыхание зверя. Но стоит отвлечься, заняться делом — как все эти пугающие звуки исчезают. Я думаю, что и в темноте человек испытывает страх из-за недостатка информации: не видит, что происходит вокруг, вот и мерещится всякое.

Без радио вечерами в палатке тишина космическая. Только печка поухивает, да изредка то дерево в лесу, то лёд на реке стрельнёт.

Самая неприятная процедура ожидает меня по утрам, и никуда от неё не деться. В палатке в это время настоящий морозильник. Если под открытым небом, например, минус 36°, то в ней минус 34 °С. Спальник от дыхания за ночь покрывается ломкой ледяной корочкой. Утром разогнёшь хрустящие края брезентового чехла, высунешься по пояс и, скрючившись над печуркой, как можно быстрее набиваешь её чрево дровами. Подождёшь смоляк и немедля ныряешь с головой обратно в спальник. Лежишь в нём до тех пор, пока живительное тепло не наполнит палатку. Случается, дрова с первой попытки не разгораются, и тогда истязание повторяется. Чтобы уменьшить продолжительность морозотерапии, смоляк и мелкие щепки готовлю с вечера.

Прежде растопкой занимался Лукса, и только когда он ушёл в стойбище, я оценил его природную тактичность. Он ни разу не упрекнул меня за то, что встаю последним, когда в палатке уже тепло.

* * *

Возвращаюсь по-прежнему без добычи. Что-то стали обходить соболя мои капканы. Не пойму, в чём дело. Может, неумело маскирую? Или зверьки запах рук чувуют? Много бы я отдал, чтобы понять причину.

Верховья Буге совсем оскудели, даже следы кабарожки исчезли. Она теперь согревает удалого соболя. Он таки сумел загрызть столь крупную для него добычу.

По следам восстановил, как это произошло. Соболю, вжимаясь в снег, подкрался к пасущейся в ельнике кабарге и попытался в три прыжка настичь её. Шустрый оленёнок успел отпрыгнуть в сторону и помчался вниз по ущелью. Отважный хищник бросился вдогонку. Так они бежали, петля по лесу, метров четыреста. На выходе из ущелья их следы скрестились в последний раз. Дальше на снегу был виден лишь след кабарги. Утопая в глубоком снегу, она отчаянно металась со страшным всадником на спине. Пытаясь сбросить его, прыгала из стороны в сторону, падала на спину — но освободиться всё никак не удавалось. Цепкий наездник, опьянённый кровью, тем временем всё глубже и глубже вгрызался в шею. Прыжки кабарожки стали короче. Изнемогая, она перешла на нетвёрдый шаг. На снегу появилась кровь, кое-где валялись клочья шерсти. Дважды она падала, но поднималась. Наконец завалилась на бок... Долина в этом месте узкая, и шоколадное, со светлыми пятнами тело кабарожки было видно издалека.

Зимой тайга не может скрыть свои тайны. Росписи на снегу выдают их в мельчайших подробностях.

Соболь уже дважды приходил кормиться. Съел часть ляжки, язык. По отпечаткам лап — матёрый. Пожалуй, самый крупный среди тех, что обитают на Буге.

Я осторожно вырезал на брюхе кабарги мешочек с мускусной железой — «струю» размером с куриное яйцо. Охотники

считают настойку из выделений этой железы тонизирующим средством.

Уходя, замаскировал на подходах две ловушки. Соболь обязательно придёт к своему трофею ещё не один раз.

* * *

Привычную для меня в последнее время вечернюю тишину нарушило мерное поскрипывание лыж. Неужто Лукса?! Как был раздетый, выскочил наружу. Маленький тёмный силуэт с небольшими, почти детскими нартами выплыл из-за деревьев. Это был одо Аки. Возвращаясь на свой участок, он завернул ко мне переночевать. Радость от встречи с одо была омрачена худой вестью: Луксу положили в больницу с обострившейся язвой желудка. Обидно. Неужели до конца сезона проболеет?

Перекусив, старик достал из берестяного коробка листок бумаги. Макнул его несколько раз в кружку и, помешав чай ложкой, выпил приготовленный напиток маленькими глотками. Я с любопытством наблюдал за этими странными манипуляциями.

Перехватив мой взгляд, старик похвалился:

— Шибко хорош медикамент доктор давал, однако пора новый пиши. Много букв пропади.

— Какой медикамент? — ошарашенно пробормотал я.

Старик осторожно протянул мокрый листок.

— Вот.

Это был обычный рецептурный бланк, на котором едва проступали размытые буквы и синеватая печать.

— Для чего вам этот медикамент? — пряча улыбку, заинтересовался я.

— Сон дари. Медикамент пей — сон иди. Доктор хорошо лечи.

Я деликатно промолчал. Прихлёбывая чай, Аки рассказывал деревенские новости.

Тихая речь старика, потрескивание дров ласкали слух, убаюкивали, настраивали на лирический лад. Я, как всегда, размечтался и унёсся мыслями к тому дню, когда с пухлыми связками шурупов появлюсь в конторе и завалю ими стол охотоведа...

— Ыууу-ыу, ыууу-ыу, — донеслось из-за Хора.

Жуткий волчий вой-стон медленно нарастал и неожиданно угас на длинной плачущей ноте. Дикая тоска по крови слышалась в нём.

— Мясо проси, — прокомментировал одо Аки, невозмутимо допивая свой «медикамент». Вдруг он встрепенулся, словно вспомнил что-то важное, и даже шлёпнул себя по беленькой головке.

— Совсем худой башка стал. Лукса говори: скоро не приди, ты его капкан сними. Однако шибко не сними. Лукса живот обмани — тайга ходи. Я его знай.

— Хорошо, если через две недели не придёт, часть капканов сниму.

Тут я не утерпел и задал вопрос, давно вертевшийся на языке:

— Аки, если не секрет, сколько вы нынче соболей взяли?

Старик нахмурился:

— Пошто соболю пугай? Моя говори — соболю новый место ходи, — и быстро перевёл разговор в другое русло.

— Пошто твоя стрелка? — спросил он, указывая на висевший над чуркой компас.

— Чтобы не заблудиться, когда солнце скрыто тучами.

— Знай, знай. Пошто стрелка ходи? Пошто сам дорога не смотри? — уточнил старик.

Ему было непонятно, как в тайге можно заблудиться.

Пока разговаривали, я разулся и повесил сушить улы на перекладину. Глянув на подошву, ахнул — она в нескольких местах треснула поперёк. И поделом мне. Сушу прямо над печкой. Сколько раз Лукса говорил, что кожа от жара становится ломкой. И почему человек никогда не слушает других? Обязательно надо на своей шкуре убедиться.

Охотника, как и волка, ноги кормят. Они предмет особой заботы, особенно зимой. А улы — самая подходящая для промысловика обувь: лёгкая, тёплая и удобная. Шьют их из шкур, снятых с шеи или спины лося, изюбря. Годится и со спины кабана. Лучше всего шкуры, добытые зимой, так как кожа в это время года плотнее и толще.

Выделка кожи для ул — процесс не сложный, но длительный. Обувь из правильно выделанной кожи получается

мягкой и прочной. Внутри улы выкладывают травой хайкта, специально для этого заготавливаемой. Она хорошо сохраняет тепло и в то же время служит своеобразными портянками, предохраняющими ноги от мозолей. Помимо этого в сильный мороз на ноги ещё надевают меховые чулки.

* * *

Что-то стал быстро уставать в последние дни. Всё делаю через силу. Видимо, выдохся, или, как говорят спортсмены, произошло «накопление остаточной усталости». Постараюсь завтра уменьшить нагрузку, хотя это и непросто. Когда за очередной волной сопки открываются новые голубеющие дали, чем дальше обращаешь взор, тем заманчивей и богаче представляется тамошняя тайга. Так и влечёт туда, а что именно — трудно понять. Неизвестность? Пожалуй. Она во все времена манила и манит людей за горизонт.

Несмотря на усталость, аппетит прорезался такой, что хоть из палатки не выходи. Уже через пару часов начинает сосать под ложечкой со страшной силой. И это понятно. Ведь раньше ходил в основном по накатанной лыжне, а теперь, в поисках мест богатых соболем, всё больше по целине.

Прошло ровно двадцать дней, как Аки ушёл на свой участок, но за это время ни одна западня не порадовала меня вытоптанной «ареной». Что делать? Время летит. Неужели охотовед окажется прав и я не вытяну план?

Сегодня на соседнем ключе Улантиково нашёл, наконец, прекрасные тропки. Выставив по склонам восемь ловушек, повеселел. Надежда оживила охотничье сердце.

Однако злой рок продолжает преследовать меня. Только я спустился к ключу, как монотонно-серое небо словно разверзлось: густо повалили белые хлопья. Все мои ловушки на подрезку засыпет, а на приманку соболь по-прежнему не идёт.

Прошло два пустых дня. Сегодня вечером, словно услышав мои молитвы, унылый облачный покров наконец распался на рваные куски, оголив синеву небесной сферы. Красный холодный шар озарил края серых туч, отчего те потемнели изнутри ещё сильнее. Вскоре солнце скрылось за сопкой, но

тучи ещё долго продолжали полыхать прощальным огнём. Стало грустно. Закат для меня — это всегда печаль, ощущение некой потери.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Мороз нынче как по заказу. Заставляет резво ходить и в то же время не настолько силён, чтобы замёрзнуть при установке ловушек.

Поднимаясь по ключу, я заметил на пологом склоне сопки с десятком ворон, вьющихся над разлапистыми кедрами. «Неспроста летающие волки собрались», — подумал я и направил лыжи в их сторону. Шагов через двести появились сначала следы спокойно кормившихся, а затем в панике разбежавшихся кабанов. Пытаюсь по следам восстановить, что здесь произошло, как вдруг с вершины утёса, у подножия которого я стоял, донёсся грозный, леденящий сердце рык. Поднял голову и обомлел — *тигр!* Из оскаленной пасти торчали, словно финки, острые клыки. Нижняя губа нервно вздрагивала. Кончик хвоста подёргивался.

Страх пронзил моё сердце, ноги противно заныли и как будто отнялись, по всему телу волнами забегали колючие мурашки. Подобную встречу я давно ожидал и даже, признаюсь, по-мальчишески мечтал о ней, рассчитывая сфотографировать тигра. Поэтому психологически был готов и в явную панику не впал, хотя от напряжения вибрировал каждый мускул, а о своём желании сфотографировать даже не вспомнил.

Стал медленно пятиться назад. Всё время, пока тигр был в поле зрения, он так и стоял в царственной позе, не сводя с меня глаз. Его тугой хвост напряжённо замер в воздухе. Как только тигр скрылся из вида, я развернулся и, то и дело оглядываясь, заскользил в долину. Разочарованные вороны криками осуждали моё бегство.

Весь день не покидало чувство, что могучая кошка продолжает следить за мной. Перед глазами стояла огромная рыже-чёрная голова с оскаленной пастью, закрывшей, как мне

показалось в тот момент, полнеба (верно говорят — у страха глаза велики). Проходя очередной кедрач, услышал шелест. Замер. Шелест повторился. Боязливо оглянулся — никого нет, а шелест всё ближе. Ну, думаю, конец — от судьбы не уйдёшь! В этот момент вижу, как по стволу спускается вниз головой, громко шурша, небольшая пичуга с коротким хвостиком и длинным острым клювом — неумолимый поползень. Непонятно, как такая крохотная птица умудряется производить столько шума. Невольно подумалось: пуганая ворона и куста боится.

Умом я, конечно, понимал, что великий сородич удэ не собирался нападать, но тигр есть тигр. Даже размер следа пугает. Тем не менее я был благодарен судьбе, давшей возможность увидеть так близко красу и гордость Уссурийской тайги.

Могучий, царственный зверь на фоне вековых кедров остался в памяти самым волнующим и ярким воспоминанием. Меня поразило его благородное поведение. Тигр всем своим видом как бы говорил: «Иди своей дорогой, и я тебя не трону».

К обеду следующего дня, добравшись до устья ущелья, завернул в ельник проверить ловушки возле кабарги. Но там уже ничего не было. Две непальские куницы затащили остатки оленёнка под лесину и доели его. Надо признать, что эту операцию они провели виртуозно — обошли обе ловушки стороной.

Хожу по тайге, люблюсь ею, радуюсь тому, что у нас есть снег, морозы. Становится даже обидно за тех, кто живёт в жарких странах. Ведь они лишены нашей белоснежной, сказочной зимы. Никакого разнообразия: круглый год одно и то же — бесконечное лето.

Осмелюсь не согласиться с утверждением, что зимой в тайге скучно и жизнь в ней замирает. Бесспорно, летом она многообразнее, но зато недоступна взору. Это только на первый взгляд зимняя тайга сурова, безжизненна и ничего в ней не меняется. Наблюдательный же человек заметит немало перемен даже в течение одного дня. В это время вся жизнь тайги — как на ладони, ничего не утаить — следы на снегу поведают о каждом шаге. Да и мы тоже сколько наследили

в окрестностях Буге. Если посмотреть сверху, так вся тайга, словно пирог, изрезана на мелкие ломтики колеями от наших лыж. Следы эти сейчас зримы, вещественны, но пригреет солнышко, и они исчезнут.

Порой так же происходит и в жизни. Доживёт человек до глубокой старости, а умрёт — никто и не заметит. Исчезнет — словно снег растает. Другой же и проживёт недолго, а люди с благодарностью вспоминают о нём долгие годы. Наверное, это и есть счастье, когда знаешь, что после тебя остаётся не снежный, а прочный, добрый след в памяти людей.

* * *

Необычно тёплый для января день. На корнях буреломного отвала наливаются солнечным светом и, созрев, падают первые капли. Потепление особых восторгов у меня не вызывает. Ночью подморозит, снег зачерствеет коркой, и соболя вообще перестанут тропить.

На путиках опять одни разочарования. Порой охватывает отчаяние, но я уговариваю себя, что время ещё есть и можно наверстать упущенное. Правда, с каждым днём эти уговоры всё больше похожи на самообман.

Единственная отрада для меня в последнее время — обед в ясный, тихий день. Выберешь между деревьями солнечный пятачок. Положишь камусом вверх лыжи, на них меховые рукавицы. Под ногами умнёшь ямку. Достанешь из рюкзака сухарь, термос с чаем. Удобно усядешься и млеешь под горячим потоком полуденных лучей* в окружении могучих кедров.

В сладкой дрёме стоят сопки. Редкое постукивание снующего по стволу дятла и невнятное бормотание ручья под снегом лишь подчёркивают сонную тишину. Солнышко ластится, пригревает. Кожа впитывает каждый его лучик, каждый зайчик. На душе становится легко и приятно. Забываешь о неудачах. Открываешь термос и наслаждаешься душистым сладким чаем, устремив мечтательный взор на горные дали, лёгкие облака, плывущие в прозрачной лазури...

* Выражение «горячий поток полуденных лучей» — не преувеличение. В конце января в этих широтах солнце в полдень так же высоко, как в Крыму.

Три дня провалялся с жестокой простудой — угодил в полынью на Разбитой.

От избытка свободного времени так наточил ножи и топор, что руки теперь все изрезаны.

На четвёртый день рискнул поколоть дрова и сломал топорщице. Пришлось тесать новое. Через час удобная ясеневая ручка была готова. Расколов несколько чурок, выдохся и стал прогуливаться по стану.

Над головой тонко зазвенели серебряные колокольчики. Это стайка клестов облепила соседнюю ель и, перезваниваясь, принялась шелушить еловые шишки, ловко вытаскивая сытные семена. Сейчас клесты едят больше обычного — вывелись птенцы, и родители едва успевают кормить прожорливых деток кашицей из еловых семян. Трудный экзамен придумала для них природа. Январь, мятко говоря, не самое лучшее время для вскармливания потомства.

Удивительно хорошо в тайге. И дышится легко, и думается свободно. Прав был Новиков-Прибой, говоря, что «охота — лучший санаторий».

Вечером, затопив печь, вышел за водой. Оглянувшись, обратил внимание, как робко проклёвывается дым из трубы. Остановился и стал наблюдать. Первые секунды дым выползал вяло, как бы нехотя. Постепенно жиденькая струйка оживала, набирала силу, и через пару минут из трубы уже вылетал упругий белый столб. Донеслось энергичное поухивание печурки. Дым тем временем светлел. Вот показался язычок пламени — красный, трепещущий. И вскоре не язычок, а огнедышащий шпиль рвался ввысь, освещая наше жилище. Печь же запела ровно, и чем сильнее становился жар в её чреве, тем чище и выше звучала её песня.

* * *

Ну, как снова не вспомнить поговорку: не было ни гроша, да вдруг алтын. Проверял Фартовый (опять он!). У первого же капкана кто-то метнулся за дерево. Соболь? Точно — он, голубчик! Зверёк изо всех сил рвался прочь, но железные челюсти держали крепко. Соболь яростно набрасывался на них, грыз, кроша зубы. Однако тщетно. Капкан не отпускал.

Я первый раз видел соболя живым. До чего грациозный, ловкий и невероятно красивый зверёк!

Прижав рогулькой к снегу, взял его в руки, чтобы лучше разглядеть. Оказывается, глаза соболя при солнечном свете горят как изумруды. Взгляд бесстрашный, мордочка добродушная, даже не верится, что перед тобой отъявленный хищник.

Чтобы усыпить зверька, я использовал известный у промысловиков приём — «заглушку». В выразительных глазах соболя, потемневших от боли, появилось недоумение, как у человека, смертельно раненного другом. Не было в них ни злости, ни страха. Только удивление и укор. Сердце, устав биться, сокращалось всё медленней. Тело обмякло, головка поникла, лапы вытянулись. Глаза потемнели, стали тусклыми, невыразительными.

Превращение красивого, полного жизни зверька в зурядный меховой трофей так потрясло меня, что я разжал пальцы. Через некоторое время соболь зашевелился и медленно поднял голову. Смотрел он по-прежнему убийственно спокойно. В такие минуты, наверно, и проявляется истинный характер. Его поведение резко отличалось от поведения норки и колонка в такой же ситуации. Те до последней секунды злобно шипели бы, пытаясь вцепиться в любое доступное место зубами и когтями. Соболь же понимал, что противник намного сильнее и борьба ничёмна и унизительна.

Я почувствовал, что потеряю всякое уважение к себе, если убью его. Положил соболя на снег и разжал пальцы. Зверёк не заставил себя долго ждать: встрепенулся, замер на секунду и размеренными прыжками, не оглядываясь, побежал в глубь тайги. А мои руки ещё долго хранили тепло его шелковистой шубки.

Кто-то из великих знатоков человеческих душ, писал: «Бойтесь первого порыва, ибо он бывает самым благородным». Это так: повинуясь первому движению души и отпустив великолепную добычу, я уже через несколько минут испытывал сожаление — за шкурку такого зверька я получил бы немалые деньги. Но, вернувшись домой, и много позже, вспоминая этот случай, я понял, что был прав, что всё это было не зря! Что стоило поймать такого редкого красавца,

а потом отпустить только для того, чтобы ощутить внезапное очищающее просветление.

Летом, в городе, когда тоска по тайге особенно сильна, я закрываю глаза, запрокидываю голову к солнцу, и перед моим мысленным взором оживает одна и та же картина: тёмно-коричневый соболёк, спокойно, с сознанием собственного достоинства, убегаящий от меня по искрящейся белой целине. На душе становится легко и радостно.

Спустившись с кручи на пойму, я буквально отпрянул от неожиданности. На слегка припушённой лыжне отчётливо виднелись внушительные отпечатки. Тигр! Крупная сердцевидная пятка, по форме напоминающая треугольник с прогнутым внутрь основанием и закруглёнными вершинами, окаймлена веером овальных вмятин от четырёх пальцев. Опять «священный дух удэ» напомнил о себе. Отметин от когтей не видно: они у тигра втяжные и оставляют следы, лишь когда зверь встревожен или готовится к нападению. Вскоре он сошёл с лыжни и побрёл по целине, вспахивая лапами снег. Тигриная борозда похожа на кабанью, но гораздо глубже, шире, с более крупными «стаканами» от лап. Сразу понятно, что прошёл хозяин тайги.

От тигриных траншей меня отвлекла пихта с ободранной на высоте двух метров корой. Сохатый? Нет, не станет он глодать кору старого дерева, да и содрано мало, всего сантиметров тридцать. Ниже задира разглядел пять глубоких борозд от когтей. Так это ж медвежья метка! С другой стороны дерева ещё один заDIR, метром выше. Интересно, почему они на разной высоте? Ведь обычно медведь старается ставить их как можно выше, чтобы другие, видя, какой здоровяк хозяйничает здесь, остерегались нарушать границу его участка. Скорее всего, это метки медведицы и её двухлетнего пестуна.

Я направился в боковую лощину к засыпанной снегом ловушке, чтобы освежить её. Гляжу, около неё четыре рябчика прохаживаются. Пошёл за одним, так он, чудак, вместо того, чтобы взлететь, долго бежал вперевалку впереди меня. Встал на крыло, лишь когда я, развеселившись, с гиканьем хлопнул в ладоши.

День завершился неожиданным подарком. Я даже присвистнул, увидев, что в два рядом стоящих капкана, поставленных просто так, на всякий случай, попались две норки.

И опять девственный лес трещит в объятиях жгучего мороза. Опять стыннут, звонко лопаются деревья. Заиндевелые кусты в хрустальном сиянии. Кедровая хвоя поблёскивает, как соболя ость. Плотный воздух вливается в лёгкие густым жгучим настоем.

Скрипучая лыжня увела меня в верховья Буге дальше обычного. На межгорном плато сразу бросилось в глаза чёрно-бурое пятно на снегу. Кабан? Лось? Почему не движется? Может, спит? Осторожно, держа ружьё на изготовку, приблизился и увидел, что это правда кабан, но мёртвый. Настигшая его смерть была мгновенной. Сильным порывом ветра от сухостоины сорвало массивный отщеп, и он, падая с высоты, пронзил вепря насквозь, как копьё. Оказывается, и в тайге происходят несчастные случаи. Только виновника не накажешь — ищи ветра в поле.

Ходить в сравнении с началом сезона стало заметно легче. Толща снега надёжно укрыла все поваленные деревья, кустарники, камни, и они теперь не мешают. На обратном ходе, чтобы сократить дорогу, сошёл с лыжни и покатился с горы к речке напрямки, но на скорости угодил в засыпанную пушистым снегом яму. Лыжи изогнулись, предательски затрещали и... переломились пополам. Закинув обломки на плечо, попытался идти без них, но не тут-то было. Как только опираешься на ногу, она проваливается в снег по самый пах. С трудом вытацишь её, но при следующем шаге всё повторяется.

Проковыляв так с десятков метров, взопрел. Горячий солёный пот заливал глаза. Ноги гудели от напряжения и отказывались идти дальше. Пораскинув мозгами, срубил ольху. Вытесал из неё две плоские полуметровые плашки и прибил их прямо на камус (коробочка с гвоздями, верёвочками, проволочками у меня всегда с собой). Получилось неплохо. С этими «заплатками» я так и проходил до конца сезона.

Довольный и гордый тем, что сумел устранить поломку, завернул на памятную протоку, где с месяц назад завалил секача. К оставленной мной части туши стекались соболя

тропки: крупные следы самцов и миниатюрные самочек. Снег, которым я засыпал веоря, разрыт с трёх сторон.

Соболя по каким-то неуловимым для меня признакам отличают следы зверька, побывавшего у богатой добычи, и по ним выходят на место его кормёжки. Замаскировал на подходах к мясу все четыре капкана, что лежали в котомке.

На Разбитой по берегу залива на днях опять бродил тигр. Событие уже привычное, но эти следы интересны тем, что проходили сквозь заросли колючего кустарника. Похоже, могучая кошка таким образом расчёсывала свою шкуру.

После ужина допоздна ремонтировал снаряжение и одежду. Всё уже изрядно обтрёпано, изношено, но надо как-то дотянуть до пятнадцатого февраля — конца сезона. От того, что скоро домой, — и радостно, и грустно. Очень хочется к родным и друзьям, но в городе, попав в сумасшедший водоворот дел и встреч, быстро отдаляешься от природы. Привыкаешь к заасфальтированным, дышащим выхлопными газами улицам, каменным домам-клеткам, к мысли, что живёшь нормально — как все.

Но однажды вдруг попадётся на глаза одинокая старая ель, сохранившая в городском парке дикий, угрюмый вид, и сердце острой болью пронзит тоска по тайге, по звериным тропам, чуткой тишине зимнего леса. Однако пройдёт время, тоска опять утихнет, и городская суэта затаянет в свой неумолимый круговорот. Один раз заглушишь эту тоску, второй раз, третий, но, в конце концов, плюнешь на всё, соберёшь рюкзак и в лес...

Все мои родственники и друзья в один голос твердят: «Как можно в тайге одному? Столько опасностей! Случись беда — даже помочь некому». (Лишь моя жена Танюша с пониманием относится к моей страсти к тайге и горам.) Раньше, не имея достаточного представления о таёжной жизни, я, скорее всего, говорил бы то же, что и все, но теперь смею утверждать: в тайге опасностей не больше, чем в городе. Сами звери на обострение отношений не идут. Те же ЧП, что случились со мной, справедливой будет отнести на счёт моей неопытности. В тайге всё естественно. Жизнь проще, здоровей и спокойней.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

На высоких парусах разлетелись и скрылись за зубцами гор облака. Когда я добрался до самой дальней точки Крутого, в небе царило слепящее солнце. Над бесконечными гребнями серо-зелёного моря, рассечённого белой извилистой лентой реки, изредка скрипуче гнусавил ворон.

Крутой наконец расщедрился и подарил крупного соболя приятного шоколадного цвета. Поднял добычу, чтобы освободить от капкана, а у него и на задней лапе капкан, только без цепочки. Тут я смекнул, что это тот самый самец, что ушёл в декабре. Здоров чертяка! Мне ещё когда ставил капкан, показалось странным: отпечатки лап крупные, а прыжки короткие. Судя по его бравому виду, не похоже, чтобы он недоедал. А я-то расстраивался — думал, что погибнет.

В лагерь возвращался, напевая нескладные, сочинённые мной ещё в Якутии, куплеты.

Не ищите меня у людей,
Среди них я случайный гость.
Я живу там, где воздух чист,
А на тропах зверей помёт.
 Не ищите меня в городах,
 Хоть любитель я кабаков,
 А живу я в горах
 На брегах говорливых вод.
Здесь друзья мои — добрые звери
И хранитель зверей — дикий лес.
И мы вместе уходим на север,
Где ещё не бывал человек.
 Год от года теснят нас всё дальше,
 И остался один лишь Таймыр.
 И на плечи совсем не давит
 Груз дорог и бурных стремнин.

Ничто не предвещало того испытания, которое предстояло мне выдержать этой ночью...

Я уже готовился ко сну, как резкий порыв ветра наполнил палатку таким густым и едким дымом, что пришлось

откинуть полог. Тут совсем рядом раздался жуткий волчий вой. Душераздирающее «ьюуу-ью» понеслось по долине, будоража тайгу. По спине пробежал озноб, руки сами нащупали и вынули из щели между спальником и брезентовой стенкой палатки ружьё и привычно вогнули патрон с картечью. Остальные патроны и нож легли рядом.

Вой доносился от подножья сопки, вплотную подступавшей к ключу. Чтобы отпугнуть зверей — волки зимой поодиночке не ходят, — высунул наружу ствол ружья и полоснул ночь резким, как удар бича, выстрелом. Вой прекратился, но ненадолго. Вскоре раздался ещё ближе.

Страх сковал меня. Я понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, однако оцепенело сидел, боясь пошевелиться. Воображение рисовало ужасную картину: волки окружили палатку и готовы ворваться, чтобы растерзать меня.

Время, будто заключив союз с волчьей стаей, тянулось невыносимо медленно. Мороз крепчал. Дров в палатке оставалось совсем немного — я не рассчитывал топить всю ночь. Приходилось экономить каждое полено. И всё же к трём часам положил в топку последнее. Когда оно прогорело, палатка стала быстро остывать. Холод проникал сквозь одежду всё глубже и глубже.

Чтобы окончательно не замёрзнуть, нужно было залезть в спальник, но сделать это мешал страх: в мешке я буду скован в движениях и не смогу обороняться.

Мысленно перебрал все вещи, находящиеся в палатке: чем ещё подкормить огонь? Но ничего не находил, а гора дров совсем рядом! Рядом и в то же время невероятно далеко — выйти из палатки и пройти пять метров до груды поленьев меня не могла заставить никакая сила. Брезентовое убежище представлялось неприступным бастионом, покинув который я стану беззащитным.

В печке дотлевали последние угольки. В конце концов мороз победил страх, и я, с трудом распрямив затёкшие ноги, придавил вход в палатку спальником Луксы. После этого обутый, с ножом в руках забрался в мешок, где и провёл остаток ночи в тревожном забытии. Сквозь дрему вздрагивал от каждого шороха. По мере того, как ночная мгла сменялась робким рассветом, во мне нарастала злоба на волчье племя.

Восходящее солнце с каждой минутой вливалось в моё сердце смелость, изгоняя вместе с темнотой страх.

Вой не прекращался. Я проверил ружьё, воткнул в чехол нож и, готовый к схватке, откинул край брезента. Солнце уже показалось в проёме между сопок. Земля чуть припудрена порошей. Держа ружьё на изготовку, крадучись пошёл мимо груды дров к месту, откуда волк выл в последний раз. Я должен был непременно убить его, и даже мысль о том, что волк не один, что там, быть может, целая стая, уже не могла остановить меня.

Приблизившись к сопке, огляделся, пытаюсь понять, куда они могли так быстро и незаметно разбежаться. Как ни странно, вокруг ни единого следа. И тут прямо над моим ухом раздалось противное и тягостное завывание. Я вскинул ружьё, но... стрелять было не в кого! Вой издавала старая ель, раскачиваемая ветром. Я захохотал, как сумасшедший. Какой позор! Надо же так опростоволоситься! А ещё пою: «Здесь друзья мои — добрые звери и хранитель зверей — дикий лес...» Умора!!

Страх отнял у меня способность трезво мыслить, иначе бы я сообразил, что волк не станет всю ночь сидеть на одном месте возле палатки и выть, не испугавшись даже выстрела.

Когда я вечером возвратился с очередного обхода, «вой» прекратился, и больше я его никогда не слышал.

ТАЙГА ЛЕЧИТ

На Фартовом ни один из двадцати капканов не сомкнул челюсти. Ну, ничего, цыплят по осени считают — хорохорился я.

Есть на этом путике одно приветливое место, которое не хочется покидать. Это обширная, заснеженная поляна в изумрудной раме патлатых кедров. На Буге всюду, куда ни пойдёшь — непролазная чащоба. И вдруг — чистое пространство, по которому слабый ветерок перекатывает жёлтые волны вейника*. Этот контраст будоражит воображение.

* Вейник — полевой злак с красивой густой метёлкой.

Сразу представляются дымящиеся юрты, охотники, возвращающиеся с добычей. А совсем близко, в тёмном распадке затаились воины враждебного племени...

Позже Лукса подтвердит, что на этой поляне действительно когда-то было становище его предков, кочевавших по всему Сихотэ-Алиню. Непонятно только, почему они облюбовали место, на восемь километров отстоящее от Хора? Ведь река — главная дорога и кормилица для таёжных жителей.

На этой поляне я всегда останавливаюсь на отдых и почти всегда вспоминаю брошенный посёлок золотоискателей в Якутии у подножья перевала на Гонам. Там мы оказались во время поисков Юры и Саши. Картина, надо сказать, довольно удручающая: стоят крепкие, добротные дома. В каждом дворе баня, летняя кухня, сарай. В центре посёлка двухэтажный дом. Рядом с ним постройка с ржавым листом, на котором угадываются буквы «МА...». Улицы, дворы, огороды уже сплошь заросли молодыми деревьями.

Мы обследовали посёлок в надежде найти следы пребывания ребят. В одном из домов на некрашеном полу я увидел куклу в выцветшем платье. Горло невольно сдавило. Лет пятнадцать назад здесь было шумно, многолюдно. В каждом доме бурлила жизнь, а теперь тихо, как на погосте. Интересно, где сейчас хозяйка этой куклы?

И сегодня я, как обычно, остановился на краю любимой поляны. В этом оазисе, защищённом от ветров, всё мело и купалось в тёплых, ласковых объятьях февральского солнца. Расстегнул телогрейку, снял шапку. Ветерок приятно холодил разгорячённое ходьбой лицо.

Наблюдаю, как на кончике ветки повисает капля с бегающей искоркой солнца. Когда она налилась в полную меру, искорка испуганно забилась, словно не желая падать. Но, так и не сумев вырваться из тонкой оболочки, вместе с каплей исчезла в снегу.

В этот момент мне на голову уселась маленькая пичуга. Её остренькие коготки впились в кожу. Весело присвистнув, она дёрнула клювом волосок. От неожиданности я вздрогнул. А отважная шалунья, перепорхнув на дерево, что-то возмущённо пропищала.

Спускаясь с сопки, чуть не наехал на отдыхающих косуль. Они пружинисто вскочили и в ужасе рассыпались в разные стороны. Бег у косуль своеобразный: несколько прыжков небольших и частых, затем один огромный, летящий, и опять череда коротких, как бы разгонных.

Буро-коричневая окраска делает их практически невидимыми среди деревьев, и только белые пятна на заду (охотники их называют «зеркалом») некоторое время мелькали между деревьями. Они копытили тут листья и траву. Рядом в снегу глубокие овальные ямки — лёжки. Эти олешки зимой деятельны только в утренние часы. После полудня они обычно отдыхают, пережёвывая жвачку.

Поднятые мной косули, судя по толстой шее и рогам, в два раза превышающим длину ушей, — четырёх-пятiletки. (У молодых шея тонкая и рожки вровень с ушами.)

* * *

Под Разбитой прошла стая волков. На сей раз не мифическая, а самая что ни на есть настоящая. Вожак — матёрый волчище. Отпечатки лап — десять на шесть с половиной сантиметров. У остальных заметно мельче. По форме их след похож на собачий, но отличается расположением пальцев.

Шли гуськом, след в след. Только на крутом повороте у поваленного кедра появились разброды. Судя по ним, в стае, кроме матёрого, — волчица, два прибылых* и три переярка**. Эти лыжни не боятся. Даже немного прошли по ней.

Одинокий скиталец-тигр, делая очередной обход своих владений, вышел на след этой стаи и двинулся по нему. Теперь, надо полагать, серые не скоро появятся в этих местах. Тигр задаст им перца, поскольку с волками и собаками эти могучие кошки враждуют испокон веку.

По моим наблюдениям, в бассейне Буге живёт два тигра. У одного из них под ясенем, возле Разбитой, что-то вроде уборной. Уже не первый раз вижу там кое-как присыпанные снегом экскременты: верёвки, сплетённые из остевых волос

* Прибылой — волк этого года рождения.

** Переярочек — волк прошлогоднего помёта.

кабаньей шерсти и, как ни странно, совершенно не имеют запаха. Стало быть, КПД желудка тигра практически сто процентов.

На обратном ходе вышел на Хор посмотреть, не появились ли там норки. И не зря. По берегу петляли два свежих следа: самки и её кавалера. Они пересекли реку и скрылись в тальниках. Я пошёл было следом, но не успел сделать и пяти шагов, как почувствовал, что снег уходит из-под ног. Инстинкт самосохранения сработал мгновенно: я откинулся назад. На том месте, где я только что стоял, свинцовая вода жадно пожирала снежный пласт и, угрожающе бурля, требовала новой порции. Лёжа на краю полыньи, упираясь в снег руками, отполз на безопасное расстояние. После чего встал и вернулся на берег. Только тогда облегчённо вздохнул.

По кромке провала было видно, что лёд, укрытый толстой снежной шубой, «съело» быстрым течением, и, стоило ступить на него, он рухнул. Если бы я не успел оттолкнуться назад, то меня с лыжами на ногах сразу затянуло бы под лёд.

Этот урок лучше многократных наставлений Луксы приучил выходить на реку только с посохом и перед каждым шагом проверять им прочность ледяного панциря.

Ура-а! Ура-а! Лукса вернулся! Изрядно исхудавший, побледневший, но весёлый и всё такой же неугомонный. По стану, прыгая от восторга, носился поджарый Пират. Тоже отощал на скудных гвасюгинских харчах. Я сбросил ему с лабаза кетину. Благодарно лобызнув меня, пёс набросился на любимое лакомство.

— Немного подшаманили и ладно. Хотели ещё неделю держать. Уговорил. Задышаться стал в каменном мешке. Каждую ночь Буге снился. Никак нельзя нашему брату без тайги. Панты вот принёс. — Лукса достал из кармана бутылочку с тёмно-коричневой жидкостью. — Панты и Буге быстро вылечат.

Истосковавшись по живому общению, я, не закрывая рта, рассказывал про свои охотничьи новости и происшествия. При этом невольно прислушивался к своему голосу. Поначалу мне даже казалось, что говорю не я, а кто-то другой. Настолько отвык от собственной речи.

Лукса, попыхивая трубкой, внимательно слушал. Узнав, что днём я чуть было не отправился кормить рыб, помрачнел:

— Чего так делал? Река — обманщица.

Помолчав, добавил:

— Однако, бата, со мной в молодости ещё хуже было. Думал, совсем конец.

Лукса раскочегарил потухшую трубку и продолжил:

— После Нового года все уже разошлись по участкам, а я, как всегда, загулял. Возвращался на Буге один. У второго прижима нартовый след шёл вдоль полыньи. Дело обычное. Вдруг слышу: «Трх, трх» — лёд лопается. Не успел опомниться, как закачался на отколовшейся льдине, будто в оморочке. Хотел по нартам перепрыгнуть на торос, но льдина маленькая, накренилась, и я в воду свалился. Одна лыжа слетела, а вторая, как парус, по течению тащит. Ладно, успел в край полыньи вцепиться и ногой вертануть так, что лыжа съехала. Лёд гладкий, руки скользят, не знаю, как выбрался. Спасибо Пудзе — пожалел. Долго потом болел, ёлка-моталка. С рекой, паря, не шути. Не ленись, всегда лёд проверяй... Говорим, говорим, однако живот есть просит. Копчёной рыбки принёс. Устал в больнице от каш. Давай, пировать маленько будем.

Лукса извлёк из котомки завернутую в какую-то грязную бумагу рыбу. Вид обёртки совершенно не возбуждал аппетита. Мне даже показалось, что она покрыта плесенью. Но приятно пахнущая дымком и сочающаяся жиром кетина, оказалась великолепно. Съели всю за один присест.

Лукса взял промасленную бумагу и покачал головой:

— Совсем грязная.

«Не то слово», — мысленно поддержал я его и несколько не удивился тому, что он бросил обёртку в печку. Но когда охотник, допив чай, извлёк её обратно и положил на наш стол, я потерял дар речи: бумага была не только целая, а стала чище и белее. Впрочем, зелёные пятна, которые я принял за плесень, сохранились.

Видя моё изумление, Лукса, кивнув на бумагу, произнёс:

— Горная шкурка. На горе Ко её много. Удобная: в огонь бросил — опять чистая. Охотовед говорил — это минерал. Трудное название, не помню.

Я наконец сообразил, что это даннеморит — минерал, встречающийся в нашей стране только на отрогах Сихотэ-Алиня.

НЕ СЕРДИСЬ, ПУДЗЯ

Ночью снилось, будто кто-то тянет меня за ноги в чёрную бездну. Я отчаянно цепляюсь за всё подряд, но погружаюсь в неё всё глубже и глубже. Проснулся весь в поту и долго не мог успокоиться.

В палатке тепло. Лукса уже позавтракал и ушёл откапывать капканы. Через полчаса я тоже был на лыжах и брёл по Глухому. Он оправдал своё название. На нём действительно всё глухо. Ни одного свежего следа.

Вернувшись к становищу, принялся готовить ужин. Вскоре подъехал шатающийся от усталости наставник — ослаб за время болезни. Я обратил внимание, что он сильно возбуждён.

— Что-то случилось?

— Отгадай загадку, — предложил он вместо ответа. — В лице сидит, скребётся, пыхтит, тронешь — рычит.

— Медведь?

— Верно. Потеплело, вот и проснулся. Со стенок труху соскребают. Постель помягче делает. Пойдёшь со мной?

— Ты ещё сомневался?! — обиделся я.

Весь вечер тщательно готовились. Отливая в колупе* пули, Лукса всё сокрушался, что тигр много ходил по одному из его путиков.

— Пока не буду туда ходить. Увидит, что следы топчу, — всякое думать начнет, сердиться будет.

— Лукса, ты же говорил, что тигр очень умный зверь. Всё понимает.

— Да, куты-мафа, что думаешь даже знает. Подумаешь: не буду стрелять, — он понимает и тоже думает: не буду его трогать. Но когда куты-мафа далеко, он не знает, что я думаю. Не понимает, зачем по его следам хожу, и сердится.

Я не раз слышал, что некоторые промысловики до сих пор настолько боятся тигра, что стоит ему появиться на участке, бросают охоту и покидают это место, порой навсегда.

Лукса сегодня снял четырёх соболей, и, хотя прошло больше месяца, ни один из них не попорчен мышами. Закончив приготовления к охоте, он раскурил трубку и задумался, глядя

* Колуп — форма для литья пуль.



по обыкновению сквозь щёлку в дверце, на переливы огня в печурке.

— О чём думаешь? — потревожил я его.

— Так, вспоминаю... Раньше ведь как было? Перед большой охотой к Аки с белым петухом шли. Он надевал шапку

с рогами, маску — хамбабу. На пояс вешал кости медведя, рыси, железные погремушки. Под бой бубна в тайгу вёл. Там большой костёр жгли. Котёл с водой ставили. Шаман вокруг ходил, камланил, волшебные слова говорил, пахучим багульником дымил — злых духов отгонял. Как вода закипала, петуха в котёл бросал — Пудзе подарок делал. Только тогда на охоту шли. Сейчас так не делаем, а хороший охотник всё равно без добычи не остаётся...

Встали одновременно, как по команде. Не спеша собрались. Продули стволы ружей. Заткнули их комочками мха. Лукса набил печь сырым ясенем, закрыл поддувало: «Пока огонь в печке — удача с нами». И, взяв Пирата на поводок, скомандовал: «Га!»* Долго шли по долине ключа. Свернув в один из боковых распадков, стали карабкаться на сопку.

Чем дальше, тем круче склон. Чтобы не скатиться вниз, всё чаще хвататаемся за кусты и подлесок. В закрытой со всех сторон ложбине Лукса встал.

— Передохнём? — спросил я.

Вместо ответа он показал на дерево в метрах десяти от нас. Я понял — пришли!

Липа была старая, с раздвоенным стволом и тёмным зевом у развилки.

Пират, почуяв запах зверя, вздыбил шерсть и взволнованно завертелся вокруг неё, шумно вынюхивая, откуда сочится медвежий дух. Найдя это место, принялся грызть ствол, повизгивая от возбуждения.

Лукса снял лыжи и, подойдя к липе, прижался к ней ухом — внутри тихо.

Я тем временем метрах в семи утрамбовывал небольшую площадку, обламывал закрывающие обзор ветки. Тот, кто бывал на медвежьей охоте, представляет, с какой тщательностью всё это выполняется.

Лукса поручил мне держать под прицелом лаз, а сам обухом топора принялся бить по стволу — будить лежебоку. Стукнув раз десять, замер. Стая снежинок закружилась в воздухе. В томительной тишине, казалось, был слышен шелест их падения. Лукса ударил ещё раза четыре, но косолапый

* Га! (удэг.) — Пошли!

либо крепко спал, либо затаился. У меня стали мёрзнуть руки. Указательный палец уже не чувал спускового крючка. Нервный озноб усиливал ощущение холода.

Видя моё состояние, наставник подошёл, чтобы дать мне возможность отогреть руки в меховых рукавицах и обмозговать, как выманить засону.

— Будем стрелять по стволу. Заденем — вылезет, — решил он.

Поочерёдно всадили четыре пули, стреляя каждый раз всё ниже и ниже. Из дупла ни звука.

Теперь Лукса взял лаз под прицел, а я принялся рубить отверстие в месте, подсказанном собакой. Дерево поддавалось с трудом, и, когда я выдохся, Лукса сменил меня. Прорубив наконец небольшое отверстие, он припал к нему одним глазом. Через некоторое время обернулся и приложил обе руки к щеке — спит. Я подошёл и тоже заглянул в дупло. Густо пахнуло прелой древесиной. Когда глаз привык к темноте, разглядел внизу чёрный ком. Длинная шерсть чуть колыхалась. Мне даже почудилось сладкое пощипывание.

Чтобы не портить медвежью квартиру, решили поднять мишу и стрелять на выходе. Лукса отломил длинную ветку и заострённым концом принялся тыкать в зверя. Медведь завозился, рявкнул и, видимо, схватил ветку лапой, так как она мгновенно исчезла в дупле. Потом гулко заворочался и стал карабкаться по пористым стенкам древесной трубы наверх. Вот из лаза показали широкие лапы, оскаленная пасть.

Я выстрелил. Медведь взревел и, к нашему ужасу, медленно скрылся в утробе липы. Глухой удар подтвердил преждевременность выстрела.

Наставник наградил меня свирепым взглядом и, срезав ветку потолще, опять потыкал медведя. Тот не реагировал. Лукса произнёс традиционное:

— Не сердись, Пудзя. Состарился совсем медведь. Не ругай за испорченную берлогу — медведь сам виноват. Мы долго просили выйти. Не послушался.

Расширив топором дыру, вдвоём кое-как вытянули косолапого. Когда рассматривали его в «глазок», Лукса определил:

пестун. Мне же показалось, что перед нами чуть ли не медвежонок. Ошиблись оба. «Медвежонок» оказался довольно крупным самцом килограммов на сто двадцать-сто тридцать (гималайские мельче бурых). В дупле, у самого дна, в мягкой трухе имелось глубокое комфортабельное ложе, оно-то и скрадывало истинные размеры хозяина.

Не теряя времени, начали свежевать добычу. Иссиня-чёрную, с серебристым глянецом «шубу» с белоснежной чайкой на груди (из-за неё гималайского медведя ещё величают белогрудым) снимали аккуратно — Лукса обещал после выделки подарить её мне.

Глядя на длинные, слегка загнутые клыки, я невольно поёжился. Один из них, верхний был сломан и, похоже, давно — место слома уже отполировалось.

Медведь оказался довольно упитанным. По бокам и на ляжках слой сала в пол-ладони, на спине и лапах — с палец, а внутренности так буквально залиты жиром.

— Запасливый лежебока, — радовался наставник.

Закончив свежевать, разрубили тушу на части и забросали снегом. Сердце, печень и часть мяса сложили в рюкзаки. Лукса ещё вырезал, предварительно перетянув шейку верёвочкой, целебный желчный пузырь. Поколебавшись, вынул глаза медведя и, подойдя к дереву, положил их на толстый сук, навстречу первым лучам солнца.

— Пусть Пудзя видит, что мы соблюдаем закон, — сказал охотник.

Пока разделявали добычу, двигались мало и основательно продрогли. Споро наломав сушняк, запалили костёр. Повалил густой дым. Оранжевые язычки пламени пробились сквозь него и с весёлым потрескиванием разбежались по веткам во все стороны. Слившись в горячее, трепещущее полотно, взметнулись в холодную высь.

Бывалый таёжник достал из своей котомки мешочки с сахаром, чаем и прокопчённый котелок. Я набил в него снег и подвесил на косо воткнутую палку. Лукса подложил ещё сучьев и, шуря глаза, пододвинулся к костру:

— Люблю огонь. Он живой. Рождается крохотным язычком, а покормишь дровами — вырастает до жаркого солнца. Согреет и умирает.

Действительно, пламя костра завораживает, глядя на него, как будто попадаешь под гипноз невидимых сил. Не случайно наши предки боготворили и берегли огонь.

— Костёр обещает ясную погоду, — неожиданно изрёк удэгеец.

Я с недоумением глянул на него.

— Чего глаза вывернул? Не на меня смотри, на костёр смотри, — довольный произведённым эффектом, произнёс Лукаса. — Видишь, по краю угли быстро покрываются пеплом — быть солнцу. Если тлеют долго — быть снегу.

Попив чаю и отогревшись, зашагали к «дому».

Добрались засветло и пировали до ночи.

Лукаса, забыв про язву, отправлял в рот самые жирные куски. Когда я пил наваристый бульон в прикуску с сухарём, у меня во рту что-то хрустнуло. От неожиданности я охнул. Неужто зуб? Схватил зеркало — точно: передний клык обломился.

— Отомстил миша, — прошептал суеверный удэгеец.

— Лукаса, да медведь тут совсем ни при чём. Зуб был мёртвый, просто время пришло, — возразил я, хотя сам тоже невольно вспомнил сломанный клык.

ТАЛА

Выхожу всё раньше и раньше, а возвращаюсь всё позже и позже. И это при том, что день заметно удлинился. Если в начале сезона я ходил по пять-шесть часов и путики были не более пятнадцати километров, то сейчас путики вдвое длиннее и снег месишь, зачастую по целине, десять-одиннадцать часов кряду. Однако светового дня всё равно не хватает: так хочется найти более уловистое место и расставить как можно больше ловушек.

Этой ночью приснилось, как будто поймал двух соболей, причём второго — в последнем капкане в конце путика. Наяву всё так и произошло. Первого снял в теснине между сопков. Правда, если бы прошёл хоть небольшой снежок, я уже не разыскал бы его: от постоянных ветров снег в этом месте

спрессовался, и соболю, протащив капкан с потаском более ста метров, оставил на нём лишь едва заметные царапины. По ним-то и обнаружил зверька, застрявшего в переплетении лоз дикого винограда. Второй действительно оказался в последнем капкане под скалистой кручей.

Вечером, выслушав мой рассказ, Лукса сказал:

— Хороший охотник видит зверя сквозь сон, — и, привычно глядя в огненный зев печурки, добавил: — Настоящим охотником стал. Человека шибко трудно разглядеть — время надо, но на медвежьей охоте сразу видно. Я всё думал, что за парень? Городской, а в тайгу пошёл. Боялся, опасность будет — оробеешь, подведёшь. Теперь так не думаю. Возле медвежьей квартиры не всякий может стоять. Давай, бата, следующий сезон опять вместе соболя промыслять. Зимовье поставим. Тепло, просторно будет.

От таких слов у меня приятно защемило сердце. Упругий, судорожный ком сдавил горло. Не в силах вымолвить ни слова, я молча пожал сухую, крепкую руку наставника. Нахлынувшее чувство признательности искало выход. Хотелось сделать что-нибудь приятное для этого скупого на похвалу человека, ставшего мне близким, почти родным за время охоты. Я снял с себя серый, толстой вязки шерстяной свитер и смущённо протянул ему.

Лукса обрадовался подарку, как ребёнок.

— Спасибо, бата. Надевать буду, тебя вспоминать буду.

Надо сказать, мне здорово повезло с наставником. Впервые я по-настоящему осознал, как мне не хватает его, в тот день, когда он не вернулся из стойбища после Нового года. С ним было легко и надёжно. Общение с ним учило меня понимать тайгу, повадки зверей, птиц; я стал чувствовать себя частицей этого великолепного и богатого края.

Через неделю завершится промысловый сезон. Охотники покинут свои участки, и на всём протяжении Хора, от истоков до Гвасюгов, река опустеет. А кажется, только вчера я вынимал из капкана своего первого соболя. Вот уж действительно — время на охоте течёт медленно, только когда готовишь ужин.

На обрывистых южных берегах снег начал подтаивать. Кое-где даже выросли настоящие сосульки. В воздухе зави-

тал свежий хвойный аромат. Тонконогий паук, обманутый теплом, вылез из своего убежища и разгуливал по отмякшему снегу.

В бассейне Буге есть ещё один уголок, посещение которого всегда волнует меня. Находится он в конце Глухого. В этом месте растёт диковинное дерево: искорёженный временем тис, или негной-дерево. Внешне нечто среднее между елью и кедром. На нём, из-за обилия веток с густо растущими плоскими хвоинками, к концу зимы скапливается гора снега. Видимо, по этой причине верхушка обломана, а ствол расщеплён почти до основания, отчего он напоминает старый гриб с треснутой красноватой ножкой и массивной шляпкой — белой сверху, зелёной снизу.

Негной-дерево доживает до сказочного возраста в три-четыре тысячи лет. Растёт оно очень медленно и достигает метр в обхвате к исходу второго тысячелетия. Мой тис, судя по толщине ствола, был старцем ещё до возникновения Киевской Руси.

Тис — древнее, но, к сожалению, вымирающее дерево. Относится оно к хвойным, но хвоя ядовита и почти не содержит смолы. Вредители избегают его. За странные для хвойной породы плоды, похожие на ягоды рябины, тис ещё называют елью с красными ягодами. На моих путиках всего два таких дерева: здесь и на Крутом. Оба не первой молодости, а принять эстафету, длящуюся миллионы лет, некому — вокруг ни единой поросли.

С обхода пришёл раньше обычного. Решил порыбачить под скалами напротив становища. Наскоро хлебнув чайку, спустился на лёд. Разгрёб улами снег, и из-под лезвия топора полетели гранёные, с хрустальным переливом осколки. Через десять минут лунка была готова. Опустил в непроницаемую тьму «краба» и, слегка подёргивая леску, склонился в ожидании. За полчаса ни одной поклёвки. «Может, перейти к границе между спокойной водой залива и стремительным течением основного русла?» — заколебался я, как вдруг — резкий рывок. Подсёк и, перехватывая, тяну леску на себя. Она больно режет пальцы. Сильная рыба сопротивляется отчаянно, но всё-таки это не тот пудовый таймень, с которым мне довелось тягаться на реке Арму лет шесть назад. Вскоре крупный,

упругий ленок, отливая пятнистой, коричневой чешуёй, забился на снегу. За ним с интервалом в несколько минут вытащил ещё двух. После этого — как обрезало, клёв прекратился. Закинул ленков на лабаз. Вечером Лукса приготовил из них отменную талу*. Тот, кто ел, подтвердит — нет ничего вкуснее.

Приготовить её может каждый. Для этого необходимо лишь поймать ленка, а ещё лучше — тайменя. Слегка подморозить, после чего отсечь голову и хвост. Надрезать шкуру вдоль спины и брюха. Сняв её, отделить мякоть и нашинковать тонкую янтарно-жемчужную лапшу. Посыпать солью, сбрызнуть уксусом, перемешать и снова подморозить. Всё! Блюдо готово. Да какое! В тайге много деликатесов, но вкуснее этого я не едал. Кладёшь щепотку на язык, и во рту тает что-то божественное.

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

Ночью прошёл самый обильный за эту зиму снегопад. Тайга стала густой, как летом, только не зелёной, а белой. Ветви, придавленные тяжёлой кухтой, безвольно согнулись до земли.

Не напрасно я держал весь сезон несколько капканов на приманку. Сколько раз приходилось подправлять просевшие хатки, докладывать мяса. И вот, наконец, пробил их час. Не хватает уже соболю мышей. Многочисленные в начале зимы, теперь они редко попадают ему на обед. Опытный Лукса ещё в ноябре говорил, что к концу зимы соболь всё равно пойдёт на приманку.

На Фартовом до сих пор стояло три хатки. В первой соболь, доставая мясо, как-то изловчился и переступил тарелочку. В другой, ещё до прихода соболя, в капкан попалась сойка. Тот, не будь дураком, съел и её, и приманку. В надежде, что он вновь посетит это место, положил свежий кусок кабанятины и перенастрожил ловушку.

* Тала — излюбленное блюдо северных народностей. Готовится из сырого мяса ленка, тайменя, хариуса.

Дойдя до вершины путика, завернул на обратный ход и увидел на «мёртвой» пороше свежайший след соболя, терявшийся в широком зеве распадка. «Попробую догнать», — загорелся я. След попетлял по склонам и привёл... к хатке, оставленной мною три часа назад.

За небольшой промежуток времени здесь произошли большие перемены. В капкан опять угодила сойка, и два соболя, привлечённые её криком, уже полакомились ею и отдыхали в снежных норах неподалёку. Я насторожил ещё три ловушки с таким расчётом, что если в одну из них снова попадёт сойка, то оставшиеся не дадут соболям безнаказанно уйти. А приманку затолкал поглубже и закрепил палочками.

На подходе к стану меня догнал довольный Лукса — снял трёх соболей, и всех на приманку. Быстро он навёрстывает упущенное за время болезни!

* * *

Сегодня планировал вернуться с охоты пораньше, чтобы просушить, вытряхнуть спальники и наколоть дров. Но соболю, неторопливо бежавший поперёк ключа, спутал все мои карты.

Глядя на свободный бег зверька, я невольно залюбовался им. Сколько ловкости, изящества в его движениях! Заметив меня, соболёк, почти не меняя темпа, пересёк пойму и стал взбираться по обрывистому склону. Я с лихорадочной поспешностью рванул за ним, но, увы... Подъём, который соболю взял легко и быстро, я месил, увязая в сыпучей снежной крупе, минут пятнадцать. Когда мучительное восхождение закончилось, передо мной открылась ещё более безрадостная картина — за пологим бугром вздымался не менее крутой склон.

Карабкаясь на него под гулкие удары сердца, невольно вспомнились слова Луксы: «Соболю от охотника никогда вниз не идёт. Всегда вверх».

Одолев подъём, побежал вдоль следа. Широкая терраса привела меня в соседнюю падь. Соболю успел там так напетлять, что моего охотничьего опыта было недостаточно, чтобы расшифровать эти письмена.

В сердцах плюнул и побрёл к стану соболей стёжкой, не обращая на неё поначалу внимания, но метров через

двести она неожиданно оборвалась у берёзы. Меня это озадачило. Обошёл вокруг — дальше никаких следов. Зато между корнями обнаружил лаз. По обледенелой горловине понял, что соболь пользуется им довольно часто.

Сгушающаяся темнота торопила: обтоптав снег у ствола, насторожил перед лазом две ловушки.

Насилу дождавшись утра, чуть свет побежал к берёзе, хотя мало верил в удачу.

Напрасно! Соболю угодил в капкан сразу, как только вышел из убежища. Метнувшись в сторону, попал во второй. Этому трофею я радовался вдвойне, поскольку достиг заветного рубежа — выполнил план по соболю и тем самым утёр-таки нос охотоведу, не одобрявшему решение директора госспромхоза о приёме на работу худющего городского очкарика.

В амбарчике, где соболя съели вместе с приманкой двух соек, попалась... сойка. И всё повторилось по отработанному сценарию, в последнем акте которого я опять остаюсь с носом.

Деловые соболя уже понарыли вокруг жилых нор, а в сторонке в небольшом углублении устроили уборную. Нагуливая жир на дармовом питании, они наверняка посмеивались над незадачливым охотником. Зло взяло. Сколько ж они будут издеваться надо мной?!

Расставил все имевшиеся капканы у лазов, на тропках, вокруг приманки и тщательно замаскировал свои следы. Послезавтра на этом путике всё снимаю — неужели никого из них не успею поймать?

* * *

Сегодняшнее утро подарило восход, напоминающий извержение вулкана. Прямо над тёмным конусом горы разгоралось бордовое зарево, обрамлённое клубами тяжёлых, почти чёрных туч. Имитация извержения была настолько правдоподобной, что я невольно прислушался — не слышно ли гула?

Вчера разоружал Глухой, нынче очередь Крутого. Один из тех хитрых обжор, что столько дней безнаказанно пировал на дармовых харчах, всё же попался. Второй оказался

хитрей и покинул место, где каждый день лязгают железные челюсти.

Сходил к берлоге, забрал остатки мяса. Лукса большую часть за эти дни уже перенёс на лабаз. Прорубленное в липе отверстие промысловик по-хозяйски заделал двумя слоями коры, плотно прибив её к стволу деревянными клинышками: бережёт берлоги на своём участке.

Почерк бега соболей изменился. Заметно, что они возбуждены, проявляют повышенную активность. Бегают в основном парами и всё больше прямо, ни на что не отвлекаясь. Лукса говорит, это ложный гон начался. Настоящий будет в июле. А поскольку беременность у соболюшек длится около двухсот восьмидесяти дней, потомство появится, как положено, — весной.

ПРОЩАНИЕ

Четыре месяца пролетели как быстрая птица. Завтра выходим. Я уже предвкушаю жаркую баню с душистым берёзовым веником, просторную светлую избу, чистые постели. Что ни говори, а некоторые неудобства палаточной жизни со временем начинают утомлять. В зимовье они не так заметны. По крайней мере, в нём можно выпрямиться во весь рост, да и топить печь постоянно не требуется.

Впервые собрался на охоту раньше Луксы. Над промёрзшими вершинами хребта едва затлел рассвет, а я уже стоял на лыжах. Путик решил пройти в обратном направлении: сначала по пойме, а потом по горам. Дело в том, что к середине февраля солнце к полудню поднимается уже высоко и снег на пойме, подтаивая, липнет к камусу тяжёлым бугристым слоем.

У ближней протоки открылась радующая взор любого промысловика картина. Снежный покров истоптан мелкими следочками норки, а на краю промоины торчит пружина. Ну, думаю, подфартило напоследок. Осторожно потянул на себя цепочку. Капкан пошёл неожиданно легко, и... (о, ужас!) между дужек лишь коготки. Ушла!

Я совершил ошибку, прикрутив два капкана к общему потаску. Это рационализаторство вышло боком: когда норка съёрнула первый, второй капкан сработал вхолостую. Проклиная свою «изобретательность», рванул напрямик на перевал. Там на свежих тропках стояло три ловушки, и я надеялся, что напоследок фортуна всё же улыбнётся мне. Но, увы...

Эти утренние неудачи поначалу расстроили меня. Но с каждым шагом в душе пробуждалось и нарастало ощущение той богатырской силы, от которой, как во сне, всё легко и просто. От того, что так весело и щедро смеётся солнце, искрится снег, от того, что план выполнен и будет хороший заработок, от того, что скоро домой, — настроение стремительно улучшалось.

Сердце наполнило ликование, рвавшееся мощной лавиной из груди. Чтобы дать выход этому восторгу, я во всё горло завопил марш «Прощание славянки». Теперь можно не бояться, что обитатели Буге, не выдержав моего кошмарного пения (слух у меня отсутствует напрочь), в панике разбегутся. Зато эта необычайно красивая и жизнеутверждающая мелодия очень точно отражала моё состояние: редкое, незабываемое ощущение счастья, любви ко всему на свете. Казалось, что и тайга отвечает взаимностью, восторгаясь и ликуя вместе со мной.

Вечер посветили упаковке снаряжения и добычи. Палатку, печку, капканы оставляем здесь — Лукса решил рубить зимовье сразу после ледохода, когда сюда можно будет подняться на моторной лодке.

Почаёвничав, разлеглись на шкурах и долго обсуждали итоги сезона, строили планы на будущее. От мысли, что завтра покидать этот исхоженный вдоль и поперёк ключ, милые сопки, защемило сердце. Долгих восемь месяцев не будет у нас чаепитий у жаркой печурки, неторопливых, душевных бесед, чувства приятной усталости от настоящей мужской работы...

Утром позавтракали последний раз в палатке, ставшей для нас практически родным домом. Загрузили нарты, впрягли в них Пирата. Окинули прощальным взглядом гостеприимный Буге и, отсалютовав из ружей, тронулись в путь, толкая нарты шестом-правилом.

Из памяти невольно всплыли строки из Юриного стихотворения:

Тайга, тайга, мне скоро уезжать...
И где бы ни лежал мой путь,
Я знаю, что вернусь к тебе обратно...

Проходя мимо «святой семейки» — деревянных идолов, Лука остановился:

— Спасибо, Хозяин. Мы плохие охотники, но ты много соболей дал.

И, почтительно приложив руку к сердцу, пошёл дальше. Я на всякий случай проделал то же самое. За время охоты у меня выработалась привычка соблюдать местные языческие ритуалы.

Конечно, успех охоты в основном определяется знанием и упорством промысловика, но бывает, что и умудрённый опытом таёжник терпит неудачу. И тогда он готов поверить в разного рода приметы, предзнаменования. Хотя зачастую всё дело в слепом случае, который может повлиять на исход сезона как новичка, так и бывалого промысловика.

Невзлюбившая нас погода усердно пакостила и в этот день. Едва успели пройти Разбитую, как повалил сырой снег. Тёплый ветер склеивал снежинки в тяжёлую влажную массу, прилипавшую к лыжам и нартам. Правда, когда лыжи промокли насквозь, снег липнуть перестал, но от «выпитой» лыжами и камусом влаги они превратились в пудовые кандалы. Сами мы стали похожи на мокрых куриц.

Тем не менее до Джанго добрались сравнительно быстро, но дальше русло на протяжении километра покрывала льдистая каша свежей наледи, отнявшая у нас много сил. Идти с прежней скоростью уже не могли.

Лука, привычный к таким переходам, подбадривал, но я совершенно выдохся. Горячий солёный пот заливал глаза. Шёл на автомате, словно в полусне, не представляя ни сколько сейчас времени, ни где мы находимся. Не заметил, как посерел и умер, уступив место ночи, день. В голове крутились бессвязные обрывки мыслей, среди которых назойливо повторялась только одна: «Идти... идти...»

Казалось, этому кошмару не будет конца. Тёплый южный ветер как-то незаметно сменился на западный — холодный. Начало подмораживать.

Из мокрых куриц мы медленно превращались в рыцарей, одетых в ледяные латы. Теперь каждое движение требовало дополнительных усилий. Непонятно как, но я потерял рукавицы. В довершение ко всему на правой лыжине порвалось крепление. Надо было заменить ремешок, но от усталости мной овладело полное безразличие, и я притулился к торосу.

О-о-о!!! Какое это блаженство — сидеть и не шевелиться. Мысли смешались, закружились быстрее и быстрее...

Луксе понадобилось немало времени, чтобы привести меня в чувство. Крепление уже было отремонтировано. Я встал и, пошатываясь, побрёл за наставником. Как добрались до стойбища — не помню. К действительности вернул дружный лай гвасюгинских собак. К дому Луксы подошли в пятом часу ночи.

Мне едва хватило сил раздеться и упасть в приготовленную постель...

Когда открыл глаза, долго не мог понять, где нахожусь. Поразили непривычное тепло, тихая музыка, простенький коврик на бревенчатой стене. Наконец сообразил — я в Гвасюгах, у Луксы.

Ура!!! Не надо больше заботиться о дровах, ставить на морозе капканы, ходить по целине, карабкаться по крутым склонам.

Сладко потянувшись, уткнулся в подушку и вновь забылся глубоким, безмятежным сном младенца.

**МАХА, ИЛИ ИСТОРИЯ
ЖИЗНИ КУНИЧКИ**







Сыну Олегу посвящается

1

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо ещё слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая большую голову, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок. Остальные, словно по команде, поднимали дружную возню и следовали его примеру.

Накормив несмышлёнышей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студёной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство взволнованно сопело, попискивая тянулось к матери и успокаивалось, блаженно почмокивая.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днём густели. На головках потешно затопорщились треугольные ушки. Вскоре прорезались чёрные глазёнки, и несмышлёныши всё чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий вверх лаз. Через него врывались незнакомые будоражащие запахи, доносился невнятный шум тайги.

Самая маленькая, но в то же время и самая подвижная кроха — Маха — уже не единожды пыталась дотянуться

до кромки лаза, чтобы хоть глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала её вниз.

В дупле становилось тесно. Наконец настал день, когда куница сама вывела малышей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя голосом смелых и подталкивая лапой робевших. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, щенята потихоньку спустились на землю. С интересом огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею заранее.

Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула её к малышам. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный испуг прошёл, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушиную голову лапкой. Она покатилась с бугорка в траву, и кунята дружно кинулись за «убегавшей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвои, шалуны часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубки, устрашающе уркали на «врага» и, шлёпнувшись вниз, затаивались в траве. Затем, пластая по земле, выслеживали «дичь», мгновенно вскидывались и опрокидывали её на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу боли.

Маха уже не ощущала слабости в лапах. Приобрела быстроту и точность движений. Несмотря на изящное и, казалось, хрупкое телосложение, она была заводилой всех потешных потасовок и достойно отбивалась от более рослых братьев.

Убегая в пылу игры всё дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро они уяснили, что мелкие, но голосистые птахи, шустрые бурундуки, доверчивые рябчики, проныры-мышы не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подросткам для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не терпелось узнать, что скрывается в непролазных зарослях черемухи, но она не решалась покидать обжитые пределы.

Однажды, на исходе тёплого, тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха всё же набралась смелости и шагнула в таинственную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка услышала глухой шум. Сквозь ветви блеснул упругий поток, падавший с двухметрового уступа. Кипевшая в каменном котле вода гоняла крутые буруны, закручивала глубокие подвижные воронки. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей стихал, раздавался вширь и спокойно струился мимо живописных заводей. На зеркальной глади мигали круги от жирующей рыбы, царственно колыхались листья стрелолиста, плавали утки, лихо скользили между хлопьев пышной пены водомерки. В тёплой воде песчаных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебежали с места на место длинноносые кулички. Маленькая путешественница заворожённо разглядывала вновь открывшийся мир, как вдруг неведомое прежде чувство предупредило её об опасности. Обернувшись, она увидела злые колючие глаза незнакомого ей зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку своё потомство, она выбралась из подземного убежища на разведку. Глядя в упор на Маху, норка с воинственным стрекотом бросилась к ней. Бедная куничка попятилась, затравленно огляделась — куда деваться? Позади вода, а впереди — ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невозможном прыжке перелетела через голову окаменевшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погружённого в лёгкий туман, разбудила не птичья разноголосица, а громкие, грубые голоса. Встревоженная куница-мать выглянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками за спинами, связками ремней и верёвок на плечах. Шествие возглавлял лопухий пёс.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно намеченной сосне делать борть для нового роя диких пчёл.

Подойдя к дереву, один из них начал привычно подниматься по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жёсткой полудугой охватывавший золотисто-рыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чувствуя беду, припала к подстилке. Насторожённо, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось малышам. Они притихли и сбились в кучу.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от страха. Охристая древесная пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

В это время верхолаз обнаружил дупло. Он засунул в него руку и, коснувшись мягкого пуха, непроизвольно отдернул её, но было поздно. Как ни велик был страх куницы перед человеком, великий инстинкт материнства оказался сильнее — сделав молниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в оттопыренный палец врага.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку с вцепившейся куницей, стряхнул её резким, энергичным взмахом, и та полетела вниз, прямо в лапы подскочившей собаки.

Грудастый кобель прижал её к земле, пастью схватил поперёк тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяйина, прокусил затылок.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая ещё редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо покряхтел и спрятал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу плотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дно дупла. Кунята, слабо отбиваясь от болезненных уколов, тонко верещали. Ободрённый бортник надел на руку выдавшую виды шляпу и, действуя ею как клешней, поочерёдно выудил из гнезда трёх беспомощно барахтавшихся щенков, засунул их в мешок.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они присмирели и успокоились.

Оживлённо обсуждая непредвиденную охоту, бортники поставили на стволе тамгу-знак в виде двойного угла и ушли

восвояси, довольные тем, что так быстро обзавелись новой бортью (обычно её приходится вырубать целый день) и заодно избавили будущих новосёлов от опасных грабителей, ибо все кунницы обожают мёд и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалеку зверофермы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в выщерблину между рёбрами дупла и не шелохнувшись просидела там до захода солнца.

Всё это время её никто не беспокоил. Маха осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решила выглянуть. Небо было ещё прозрачным и просторным, но в тайге уже сгустились сумерки. Осмотревшись и не приметив ничего подозрительного, Маха опасно спустилась на землю.

Над травой толклась мошкара, зло гудело комарьё; пискнула и неслышно исчезла во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц — всё в лесу шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный носик Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась ещё больше. Упорно рыскала она между переплетений обнажённых корней, но не находила иных следов. Невыносимая тоска и отчаяние охватили маленькое осиротевшее существо.

Внезапно Маху обдало воздушной волной, и жгучая боль пронзила бок. Над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-чёрным макушкам сосен промахнувшийся филин.

Куничка запоздало шарахнулась в сторону и помчалась направо вниз по косогору, прочь от страшного места. Вслед жутко ухал раздражённый неудачей налётчик.

Перепрыгивая колодины, ветки, рывины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, мокрая, исхлёстанная ветвями, Маха выбилась из сил. В изнеможении забралась она под выворотень, отдышавшись, зализала горевшую огнём рану, обессиленно вытянулась и уснула.

Выкатившийся на уже поглубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву,



заиграли радужными искорками водяного бисера, нанизанного на тонкие нити паутинок.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал в полную силу. Лежавшую ничком Маху разбудил близкий шелест: приподнившаяся ежиха с вереницей ежат шумно продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из тёмного угла выворотня на Маху неприветливо поглядывал паук. Среди корней тяжко ворочался, поблёскивая матовой бронёй, жук-олень. Однако всё это не занимало осиротевшую Маху. Она с щемящей тоской вспоминала мать и весёлых, задиристых братишек. Где они сейчас? Что с ними? Кругом кипело столько запахов, но все чужие, незнакомые.

От перенесённого потрясения и непосильного бега Маха даже после отдыха имела жалкий вид. Мышцы всё ещё подёргивались, кровь на боку запеклась, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на солнечные блики, бегающие по дну говорливого ключа, поняла, что хочет есть и пить. Жажду утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное ей не удалось. Наконец после долгих поисков Маха заметила просеменившую в норку остромордую мышку. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные чёрные глазки алчно заблестели, по шубке словно пробежал электрический ток, мышцы напряглись, вновь наливаясь силой.

Маха вспомнила, как мать в таких случаях затаивалась у входа и не шевелясь поджидала появления хозяйки норы. Теперь маленькая куничка сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. И когда ничего не подозревавшая мышь выбралась на свет, Маха придавила её к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву, пока та, наконец, не стихла. Опьянённая кровью куничка в восторге несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы её победу мама!

Так закончилось детство и началась самостоятельная жизнь Махи.

Утолив голод, воодушевлённая успешной охотой, куничка взобралась на скалистую террасу. Надо было оглядеться и решить, оставаться тут или искать для жительства более подходящее место.

Перед ней простиралась межгорная впадина, окружённая пологими увалами с запада и зубчатой цепью гор с востока. С их ломаных граней, поросших кудрявыми соснами и островерхими елями, стекали светло-серыми языками осыпи. Широкое дно впадины покрывал лиственный лес, разделённый блестящей извилистой нитью ручья на два неровных ломтя.

Повстречав на спуске с террасы метки других кунич, неопытная Маха решила, что и ей тоже можно здесь поселиться, и устроилась отдыхать в дупле сучковатой старой ели.

Когда освежённая сном куничка выглянула наружу, то увидела в закатных лучах солнца рыжую акробатку-белку. Та раскачивалась на ветке соседнего дерева, ухватившись за неё одной лапкой, потом мгновенно перевернулась в воздухе колесом и помчалась вверх по стволу. С завистью провожая её взглядом, Маха заметила на стоящей неподалёку берёзе

искусно сплетённую чашу гнезда и перепрыгнула поближе. В нём лежали голубенькие яйца. Подлетевший зяблик с криком заметался, запорхал вокруг, но был не в силах остановить грабительницу. Прокусив скорлупу, Маха, жмурясь от удовольствия, выпила содержимое яйца. С этого дня она уже не упускала возможности полакомиться яйцами, а порой и птенцами. Но не всегда её набегги оставались безнаказанными: приметив как-то гнездо горлицы и убедившись, что хозяев нет, Маха прыгнула к небрежно сооружённому из сухих веточек гнезду-настилу. Два писклявых пуховичка, широко раскрыв клювы, настойчиво требовали пищи. Куничка не успела даже протянуть вооружённую когтями лапу, как на неё налетел крылатый вихрь. Яростные, болезненные удары клюва по темени сразу остудили охотничий пыл Махи. Спасаясь от новой атаки, она поспешила укрыться в густом кустарнике.

2

Время шло. Повзрослевшая Маха усвоила, где находятся изблюбленные места кормёжки рябчиков, куда улетают они отдыхать на ночь, какая куча хвороста изобилует мышами, в каком ельнике обитают белки, под какими пнями вырыты норки бурундуков. Изучила повадки своей добычи. Научилась ловить и быстро расправляться с ней. В её движениях появились непринуждённая лёгкость и грация. В характере — выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако нападать на них пока не решалась.

Однажды она заметила хорошо натопанную тропинку, которая вывела её в небольшую котловину, заросшую чернолесьем. Проследовав через болотину, Маха поднялась на сухой взлобок, покрытый оспинами свежих ямок, выветрившимся помётом, обломками покусанных веток и обглоданными костями. Чуть дальше, между отполированных снизу стволов резвились большеголовые волчата.

Маха почувствовала, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедля повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала, что тропинкой уходить не следует.

Взобравшись на расщеплённую ветром ольху, куница пошла верхом. И благодаря этому избежала встречи с матёрым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Всё реже и реже спускалась она на землю, где на каждом шагу подстерегали опасности. Только на деревьях, среди зелёной листвы, Маха чувствовала себя уверенно. Птицы и белки, обитавшие здесь, завидев её, поднимали тревожный гвалт и в панике разлетались, разбегались кто куда.

Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило жёлто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подёрнулась нежным пушком новой шёрстки. Ощущение одиночества и беспомощности прошло. Маха стала полновластной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха, не обращая внимания на малоприятные вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль ключа к отлогому берегу реки, куница услышала треск и густой шум падающего дерева. Маха встрепенулась и, взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть место, откуда донёсся шум, но частая листва скрывала от неё низкий берег.

Размашисто прыгая по ветвям, Маха перебралась поближе. Слабый ветер мягко шелестел листвой и скрадывал шум прыжков.

На краю узкой прибрежной гривки, сплошь заросшей тальником, над поваленным деревом горбились чёрные силуэты — два солидных бобра сосредоточенно объедали молодую сочную кору осины. В глубине леса хрустнула хвостина под чьей-то неосторожной лапой. Пугливые звери мгновенно встали столбиками. Насторожённо огляделись. И, более полагаясь на слух, чем на зрение, нырнули в заводь, предупреждая остальных членов колонии об опасности мощными и хлёсткими, как выстрел, ударами чешуйчатых хвостов. Брызги взметнулись ввысь, и отражённый лик луны разлетелся на жёлтые осколки.

Лес ответил ещё большим переполохом. Какой-то скрытый непроглядной тьмой таёжный исполин обеспокоенно хрюкнул и, с оглушительным треском тараня глухолесье, понёсся прочь. Шум быстро распространялся вширь, но, удаляясь в глубь чащобы, постепенно стих. Зато в заводи завозился кто-то большой, могучий.

Приближался рассвет. Река облачалась в молочные одеяния. Ели на противоположном берегу постепенно исчезали в волнистой мгле, словно таяли, и вскоре лишь верхушки самых высоких торчали из тумана точно молоденькие ёлочки на заснеженном поле. От воды дохнуло промозглой сыростью. Зябко передёрнувшись, Маха побежала было по откосу на сухое продуваемое взгорье, как вдруг в глубине кроны ближней берёзы бестолково хлопнул крыльями рябчик.

Куница сноровисто вскарабкалась по гладкому, в чёрных отметилах стволу к спящему выводу. Цапнула подвернувшуюся курочку, но, не удержавшись на ветке, неуклюже шмякнулась вместе с добычей на землю. От сильного удара она разжала коготки и выпустила рябуху. Той бы сразу взлететь да раствориться в лесных крeпях. Ан нет! Глупая, тоненько запищала и, путаясь в траве, суматошно засемила прочь. Маха настигла её одним броском.

Подкрепившись, куничка перешла через ручей по поваленной лесине, как по мостику, и чутко обернулась: в её сторону бежала пара куниц. Махе и прежде попадались их следы, но она инстинктивно избегала встречи с соседями.

Увидев незваную гостью, куницы негодуя застрекотали. Несдобровать бы Махе, если б не отчаянное бегство. Разъярённые хозяева настырно преследовали её до тех пор, пока не выдворили за пределы своей вотчины.

Выскочив на усеянное крупной галькой ложе речки, Маха припустила без оглядки вверх по стиснутому крутobокими сопками сухому руслу.

Гонимая паническим страхом, она уходила всё дальше и дальше. За спиной уже осталось немало кривунов и скалистых прижимов, когда до неё докатился мощный гул. Махе ещё долго пришлось бежать, прежде чем она увидела глубокий разлом-колодец, в котором, с рёвом переливаясь через глыбы камней, дымясь летучей моросью, бесследно исчезала река.



Перебравшись по груде каменистой осыпи на лесистую кручу, Маха заметила сквозь просветы леса планирующего к основанию пушистой лиственницы небольшого зверька в серой бархатистой шубке. Это была безобидная белка-летяга. Куница бросилась к колцу дерева в расчёте перехватить её на месте посадки, однако летяга в последний миг выполнила

замысловатый вираж и пристволилась метрах в шести, но не успела она вскарабкаться и до середины ствола, как её всё-таки настигли клыки шустрой разбойницы.

Осваивая новые владения, Маха набрела на затерявшееся в горах озерцо. И сразу же в зарослях осоки взяла свежий след жировавшего беляка. Зайчиха, пытаясь отвести нависшую беду от потомства, сделала три гигантские сметки в сторону и с силой забарабанила передними лапами о землю. Но поздно, Маха уже нашла затаившихся малышей. Играючи поймала и тут же съела одного из них. Насытившись, стала великодушной и остальных, разбежавшихся в суматохе, разыскивать не стала...

Незаметно пролетело лето. Вот уже первый заморозок, возвещающий о скором увядании природы, выбелил травы и запалил по склонам сопок многоцветные костры. На изумрудном хвойном поле, усеянном плотными смолистыми шишками, жёлтым пламенем полыхали берёзы, осины. Яркими мазками горели гроздья рябины, плоды шиповника. Сочно чернели кисти черёмухи. Между сосен адела брусника. Зазывающе-кокетливо кивали рогатые букетики лещины. Колонии опят сплошь покрыли пни и валежины.

Все обитатели леса жировали на богатых кормах, готовясь к длинной зиме. Маха частенько посещала излучину реки, сплошь заросшую черёмухой, и вот однажды, когда она забралась в самую гущу спелых гроздей и принялась с удовольствием поедать вяжуще-сладкие ягоды, неподалёку кто-то шумно засопел. Маха резко обернулась. На старой разросшейся черёмухе колыхались ветки. Одна из них изогнулась и, описав крутую дугу, замерла между стволов, где на «троне» из веток восседал медведь. Забавно причмокивая и довольноно урча, он отправлял в громадную пасть черёмуховые кисти одну за другой. Косолапый не утруждал себя лишними движениями, а заламывал к себе самые плодоносные ветки.

Насторожив уши, время от времени поглядывая на косматого громилу, Маха торопливо набила желудок и, не держиваясь, вернулась в сопки...

День ото дня холодало. Порывистый ветер безжалостно срывал поблёкшие листья. Обгоняя всклокоченные тучи, потянулись на юг, в тёплые края, разномастные птичьи косяки.

Привольно жилось теперь Махе в поредевших кронах. Походание принесло приятные перемены — исчезли, наконец, докучливые кровососы. Разоряя по ночам беличьи гнёзда, она всё реже спускалась на землю.

С наступлением темноты тайга оглашалась трубным рёвом. Зычные, басовитые ноты, набирая мощь и силу, звучали слитно, напористо. Накаляясь первобытной страстью, рёв взвивался до трепетно вибрирующих переливов и, не выдерживая напряжения, как бы скалывался, захлёбывался, шумным, сиплым стоном. Тайга и небеса на мгновение замирали и откликались стозвучным эхом. Благородные олени-маралы, переселенцы с далёкого Алтая, вызывали соперников на честный бой. Маху этот могучий рёв не волновал, но когда он раздался совсем близко, то врождённое любопытство погнало её туда, где на краю опушки, выбеленной луной, ревел, горделиво запрокинув на спину ветвистые рога, красавец бык.

Белые, острые концы отростков угрожающе поблёскивали словно пики. Рядом мирно паслись три ланки. Оборвав вызов на низком протяжном стоне, марал от избытка чувств запустил рога в заросли орешника и принялся крутить ими, спутывая ветки в узлы и тут же разрывая их на части.

В это время со стороны сопки послышался нарастающий треск. Маха проворно вскарабкалась на вершину сосны и оттуда увидела, как на открытый пятачок из леса выломился молодой рогац.

Налитые кровью глаза горели, как раздутые угли, ноздри трепетали, шерсть на шее дыбилась. Увидев хозяина гарема, бык протрубил ответный вызов, нацелил на соперника острые рога и, изнемогая от ярости, с силой забил копытами о землю. Угроза не подействовала, и тогда пришелец ринулся в атаку, рассчитывая обратить хозяина в бегство, а самому завладеть ланками. Разогнавшись, он попытался боднуть острыми пиками незащищённый литой бок хозяина гарема. Но опытный боец отскочил в сторону и сам ответил точным ударом. Холостяк не устоял, повалился, но, быстро вскочив, вновь разъярённо кинулся на противника. Оглушительный треск рогов заставил вздрогнуть Маху. Олени, сдавленно хрипя и фыркая, то разбегались, то вновь сшибались и, скрестив рога, топтались по кругу.



Пожухшая трава на месте сражения была уже выбита копытами до земли. Пар поднимался от разгорячённых, почерневших от пота тел. С губ хлопьями слетала кровавая пена.

Статный пришелец горячился, напал безостановочно, но чувствовалось, что он, несмотря на молодость, выдыхается. Не так стремительны стали атаки. Сам он едва успевал

уворачиваться от ответных ударов. Взмыленные бока ходили ходуном. Розовый язык вывалился наружу; глубокая рана на груди кровоточила.

Закалённый в турнирных боях хозяин гарема отбивался хладнокровно и, воспользовавшись тем, что соперник попытался перевести дух, неожиданно мощным броском оттеснил противника в кусты и, сделав резкое движение сильной шеей, повалил соперника наземь. Вскинулся на дыбы. Ещё мгновение — затопчет, иссечёт пришельца острыми копытами, но бессмысленная жестокость не в чести у животных.

Оставив посрамлённого смельчака, он вернулся в общество притихших маралух, оглашая окрестности ликующим победным кличем. Поверженный бык медленно поднялся и, не оглядываясь, удалился к глухой старице зализывать раны и восстанавливать силы на мясистых подводных побегах.

3

Дни становились всё короче, а ночи длиннее и холоднее. В тех местах, где ручей замедлял свой бег, берега уже обметало узорчатым ледком. Пронизывающий ветер обжигал чёрные оголённые ветки. Зима стучалась в мёртво сквозящий лес.

Высунувшись однажды из дупла, Маха не признала окрестностей. Чего-то белого, незнакомого навалило сразу столько, что тайга совершенно преобразилась. Земля как бы приподнялась, а деревья опустились, стали ниже ростом. Ветви, кусты, валежины, заплыв белым жиром, растолстели. Нижние лапы елей, согнувшись под тяжестью покрова, образовали покатые шатры — удобные прибежища для обитателей леса.

Маха сначала понюхала, потом полизала переливчатые блёстки. Осторожно ступила на неслежавший пух, попоной укрывавший толстый сук. Он податливо сминался, слегка хрустел и приятно охлаждал лапки.

Сверху на спину серебром посыпалась кухта*. Куница с непривычки поёжилась и брезгливо отряхнулась. Упругая волна прокатилась по роскошной шубке, которую теперь было вовсе не узнать. Более светлый зимний мех достиг полной

* Кухта — снег, падающий с веток.

пышности. Глянцевая ость мягко струилась, мерцала янтарными искорками. Густая подпушь должна была надёжно защитить от морозов и пронизывающих ветров.

Сообразив, что теперь лучше ходить понизу, Маха спрыгнула на белый волнистый покров и глубоко погрузилась в пуховую перину. Выбравшись, с удивлением осмотрела ямистый след и, приноравливаясь к снежной рыхлости, отправилась в ельник, где частенько удачно охотилась на рябцов.

Пробегая через бурелом, она столкнулась с незнакомым ярко-охристым зверьком в чёрной «маске». Оба замерли, напрягшись, как туго закрученные пружины. Немигающим взглядом долго прощупывали друг друга, старательно цедея носами морозный воздух.

Рыжий колонок был на редкость злобным и агрессивным созданием. Держался вызывающе, однако, уступая Махе в силе, не осмеливался напасть первым. Видя нерешительность дальней «родственницы», он, воинственно выгнув спину, свирепо ощерился и, резко прострекотав, всё же сделал несколько устрашающих выпадов. Не довольствуясь этим, обдал куницу скверно пахнувшей струёй и только тогда нырнул в снег, где чувствовал себя словно рыба в воде.

Обежав ельник, в котором обычно хоронился табунок, Маха с удивлением обнаружила, что лесных курочек, отдыхающих по ночам под прикрытием еловых лап, нигде нет. И не успела поразмыслить над тем, куда могла запропасться её любимая добыча, как снег перед ней покрылся белыми снопами взрывов, обдавая куницу искристой пылью, из-под лап выпархивали рябчики. Встревоженные подозрительным хрустом курочки рассаживались на деревьях и, внимательно наблюдая за своим извечным «пастухом», перелетали в глубь леса, как только он пытался приблизиться. Кожистые зубцы на лапках рябчиков к зиме отвердели, и птицы без труда могли сидеть даже на обледенелых ветках.

Маха быстро усвоила, что рябцы с появлением снега, набив за день берёзовыми почками полный зоб, вечером, прямо с дерева ныряют в пышные сугробы и сидят там всю ночь, пока восходящее солнце не ослабит мороз. Под снегом тепло и безопасно: к убежищу ни единого следа — попробуй-ка найти! Только опытный глаз может отличить лунку лесной

курочки от вмятины, оставленной свалившимся с ветки снежным комом. Научившись распознавать спальные рябчиков, Маха тем не менее за зиму всего несколько раз сумела полакомиться их белым нежным мясом: осторожные птицы делали под снегом боковые ходы, и она зачастую прыгала на лунку, под которой была пустота.

При неудачной охоте на рябцов или белок Маху выручали мыши. Приблизившись к куче хвороста или валежин, Маха слушала, откуда донесётся писк, возня мышшиной братии, и, определив это место, исчезала в сугробе, чтобы вскоре появиться с добычей. Несколько мышшек ей хватало, чтобы насытиться.

В сильную стужу, когда прокалившиеся на морозе стволы звонко лопались, Маха становилась малоподвижной и если перед этим охота была успешной, то не выбиралась из логова сутками.

После одной из таких вынужденных отсидок проголодавшаяся куница заметила лунку непривычно большого размера и, перейдя на мелкий шаг, подкралась к ней. Из-под снега исходил аппетитный запах громадной бурой птицы, которую Махе доводилось видеть на соснах, где та поела длинную хвою. Это был запах глухаря.

Долго стояла куница с приподнятой лапой. Взволнованно принюхивалась к дразнящему аромату. По телу волнами прокатывалась пьянящая охотничья страсть. Близость добычи манила. И всё же, несмотря на голод, Маха робела, догадываясь, какая сила таится в пернатом гиганте. Наконец воспоминание о том, как испуганно отлетали, завидев её, глухари, придало куничке решимость. Остановившись через каждые три-четыре шажка, она всё же подкралась к спальной и, поколебавшись секунду, нырнула в снег.

Застигнутый врасплох петух, энергично хлопая тугими крыльями, выметнулся из сугроба и, обвитый, словно змеей, длинным телом Махи, понёсся по снежной целине. Грузно оторвался и, с трудом лавируя между ветвей, полетел сквозь лес, медленно набирая высоту. Тем временем две пары длинных клыков всё глубже вонзались в его шею.

Пытаясь языком вытолкнуть набившиеся в пасть перья, Маха ослабила хватку. Глухарь в то же мгновение взмыл вверх

и перекувырнулся в воздухе. Когти охотницы предательски заскользили по плотному оперенью. Надеясь на избавление, петух принял закладывать такие крутые виражи и спирали, что куничка едва удержалась: полетела было вниз, но в последний миг всё-таки исхитрилась вцепиться зубами в длинные хвостовые перья и запустить крючковатые когти в огузок.

Истекая кровью от ран на шее, скованная потяжелевшим хвостом, птица неуверенно тянула над макушками деревьев. Но и у куницы силы иссякали, мышцы от невероятного напряжения свело болезненной судорогой.

В это время глухаря, зацепившегося крылом за вершину сосны, резко повело в сторону. На сей раз измотанная куница не удержалась и сорвалась в снег. Освободившийся от ноши глухарь выправился и спланировал к устью распадка. Но жизнь вместе с горячей стружкой крови уже покидала таёжного красавца.

Маха выбралась из сугроба и с неожиданным для себя проворством побежала на шум бившейся в агонии птицы. Ожесточённая поединком куничка, наслаждаясь властью победителя, рвала и трепала уже мёртвого глухаря. Перья летели по ветру, словно хлопья сажи.

Утолив голод, удачливая охотница насилу затащила остатки жертвы под заснеженную валежину. Нагрела подстилку из сухой травы, листьев и провела в потаённом убежище несколько беззаботных дней. На лопатках и животе у неё впервые за зиму появился жирок.

На исходе четвёртого дня её сытый покой нарушил залистый лай. От резких, пружинистых прыжков белки, преследуемой собакой, с еловых лап тихо срывался и повисал меж стволов облачками мелкий снег. Вот изнурённая беглянка затаилась. Сухо щёлкнул выстрел, и подошедший на лыжах охотник вынул из сугроба убитого зверька. Лай, удаляясь, понёсся к другой стороне распадка. Зверобой торопливо заскользил следом.

Дождавшись сумерек, Маха, тревожно озираясь, выбралась из убежища. Со стороны ручья ветер нёс резкий запах дыма. Среди чёрных стволов мелькнул страшным глазом костёр — неизменный спутник человека. Появление его в лесу

не предвещало ничего хорошего. Однако обленившаяся от сытости и покоя куница отогнала недобрые предчувствия и, побегав немного, юркнула в глубокое дупло дерева. Беспечно свернулась там калачиком и, накрывшись вместо одеяла пушистым хвостом, уснула.

Когда на востоке проклюнулось холодное тусклое солнце, охотник, ушедший давеча слишком далеко от деревни и вынужденный заночевать в лесу, быстро собрался и, подгоняемый морозом, заспешил домой. Аккуратная строчка свежих следов, пересекавшая его старую лыжню, сразу привлекла внимание.

— Куница! Вот это удача! Сезон только начался, а богатая добыча сама бежит навстречу, — обрадовался промысловик, а увидев, как близко прошли они вчера от покинутого куницей убежища, набросился на пса: — Ну и бестолочь ты, Актабан! Куда глядел? Куница под носом была, а ты белок считал! Ну, ничего, от нас, брат, не уйдёшь!

К их счастью, раздобревшая куница верхом почти не ходила, и пёс, взяв выходной след, быстро нашёл её новое пристанище. Нетерпеливо взлаивая и скуля, Актабан старательно заскрёб когтями кору заиндевелой сосны.

Хозяин сразу разглядел на высоте пяти-шести метров чернеющий пятачок дупла.

Унимая волнение, он скинул котомку, прислонил к ней ружьё. Несколько раз шарахнул обухом топора по ровной, без единого сучка, бронзовой колонне. Пугливые снежинки окутали сосну, покрыли серебристой пылью тёмную фигуру человека.

Тихо. Маха затаилась крепко и ничем не обнаруживала своего присутствия. Это обстоятельство не смутило охотника. Он срубил молодую ель, окоротил разлапистые ветки и, прислонив её к стволу, поднялся по ней к дуплу, словно по лестнице.

Надев на рукавицу брезентовую верхонку, запустил руку в дупло сначала по локоть, а затем, скинув телогрейку, по самое плечо, но до дна так и не дотянулся. Заткнув лаз шапкой, он простучал ствол топором и по звуку определил нижнюю границу полости. Вырубил отверстие и с надеждой пошарил в нижней части дупла, но Маха молча увернулась и вскарабкалась по губчатой трубе наверх.



Спустившись на землю, человек вынул из котомки сетчатый «рукавчик», скобки и несколько завитков бересты. Срезал прутик чуть длиннее «рукавчика». Заострил с одного конца и расщепил с другого. Открытый конец ловушки прикрепил скобами к верхнему лазу, а глухой оттянул рогулькой перпендикулярно к стволу. В прорубленное снизу отверстие

сунул горящую бересту и стал терпеливо ждать. У подошвы сосны, повизгивая от возбуждения, вертелся готовый помочь пёс. Сухая труха стенок затлепа, наполнила дупло удушливым чадом. Из верхнего лаза потянулась струйка синего, вперемежку с чёрным, дыма.

Во рту у Махи стало вязко и горько. Казалось, минуты её жизни сочтены. Задыхаясь, она вдавила нос в пористые гнилушки и стиснула челюсти. Дышать стало легче.

Мёртвая тишина поколебала уверенность охотника.

— Что за чертовщина? Неужели куницы в дупле нет? Небось сидит сейчас где-нибудь в ветвях, насмехается. Либо вообще ушла грядой. Да не должна бы — Актабан не зевнёт. Хотя вчера вон как оплошал, — засомневался он, совершенно сбитый с толку.

Устав стоять на вертяливой лестнице, охотник слез передохнуть. Собрал хворост, наладил костерок, заварив крепкий душистый чай и отхлёбывая его крохотными глотками, то и дело поглядывал на солнце. Проводить вторую ночь у ноды* ему не хотелось. В тайгу он пошёл только на разведку, чтобы определить, в какой стороне нынче держится белка, а вечером вернуться в деревню. Но Актабан, облаивая белок одну за другой, увёл хозяина за перевал, а вот сегодня карты спутала куница...

— Да чего ради морозиться понапрасну? Нижний ход забью. Если куница в дупле, то рукавчик не даст ей уйти — спеленает намертво. Переночую в тепле, а завтра сюда к обеду с палаткой, печуркой и продуктами на пару недель белковать вернусь, — убеждал себя охотник, незаметно собираясь.

Лайка недоуменно наблюдала за хозяином и ни в какую не хотела идти следом. Охотник вынужден был вернуться к сосне и взять упиравшегося Актабана на поводок.

Едва ли они успели пройти и треть пути, как ударил шквальный ветер, утопив всё в снежной мгле. К ночи вьюга разыгралась в полную силу. Закачалась, застонала тайга. Хлёсткие, напористые порывы ветра срывали с деревьев улежавшиеся снежные глыбы. Одна из них по воле случая угодила в рукавчик и сместила деревянное кольцо.

* Нодья — особый костёр для зимней ночёвки. Делается из 2—3 сухих хвойных стволов, уложенных один над другим.

Смышлёная узница протиснулась в образовавшуюся щель и покинула осаждённую крепость.

Морозный воздух, снежная круговерть быстро взбудрили её. Вскоре Маха нашла буреломный отвал и в затишье повалилась в снег, освежая прокоптившуюся шубку и стряхивая с себя приставший мусор. Инстинкт и приобретённый уже горький опыт подсказывали, что оставаться в этом лесу опасно.

Перебиваясь в дороге случайной пищей, снова и снова карабаясь на скалы, ныряя в распадки, беглянка достигла высоких, мощных хребтов и углубилась в молчаливый сумрак перестойных ельников.

Облюбовав межгорное урочище, избобиловавшее белками и рябчиками, Маха обследовала участок и, убедившись, что он свободен, застолбила запаховыми метками свою вотчину...

Однообразно потекли морозные дни. Порой казалось, что тайга вымерла. Лишь неприятный скрежет сойки, гулкое постукивание работяги дятла да резкие выстрелы лопающихся от стужи деревьев изредка тревожили стылое таёжное безмолвие.

Промёрзшие насквозь отроги тянули заиндевшие вершины в поднебесную высь, поближе к солнцу, но и там не находили тепла.

Глубина снежного покрова позволяла куннице ночевать в пустотах под сугробами: в них теплее и в случае опасности всегда можно уйти от преследователей снежным тоннелем.

Пробежки по пушистой перине утомляли маленькую хищницу, и, обегая как-то раз свои владения, Маха воспользовалась попутной лосиной тропой. Местами следы широко разбрелись — это лоси глодали кору деревьев, обкусывали кончики веток редкой здесь осины, поедали пряди лишайников, в ельниках отдыхали прямо в снегу, оставляя после себя овальные лёжки с чуть обледенелыми стенками, хранящими примёрзшие бурые шерстинки. Потом следы вновь сливались в одну тропу и вели к изголовью короткого ложка, откуда, несмотря на мороз, дымящимся родничком вытекала рыжая струйка воды, обрамлённая красной глиной с белым налётом соли, перемешанной множеством копыт. Со дна вылизанных лосями углублений, глухо шипя, выбивалась охристая жижа, вскипавшая время от времени пузырчатыми кругами. Полизав солоноватую накипь, Маха закусил её терпкой рябиной

и направилась к устью лога, где возбуждённо шныряли бестолковые сойки. Гребни сугробов вокруг оказались сплошь исчирканы копытами, в воздухе витал волнующий запах крови. Куничка закрутилась по лесу и в примятых зарослях калины нашла растерзанную волчьей стаей лосиху.

Маха обошла полусъеденную тушу и, воровски озираясь, с жадностью набросилась на прихваченное морозом мясо. Постоловавшись, залегла неподалёку, рассчитывая надолго освободиться от забот о пропитании, но неслышно вернувшаяся среди ночи стая волков нарушила её планы. К утру от лосихи остались только обглоданные кости, да и то только самые крупные и прочные.

4

Долго тянется зима, но и у неё есть конец. Весна, словно извиняясь за свою медлительность, дружно и бесповоротно вступила в свои права. Запылавшее жарким костром солнце заполнило промороженное дно тайги живительными волнами тепла.

Под напором пробудившихся жизненных соков лес быстро преобразался. Ветви набухли, деревья загустели. На южных склонах заржавели первые приствольные круги. Съёжившиеся снега плавились, насыщались влагой. Однако ночью отяжелевшие кристаллы вновь спаивались морозом, образуя прочный наст.

Для копытных и боровой птицы наступила самая тяжёлая пора. Олени проваливались сквозь наст и резали голени об его острые кромки. Боровая птица, особенно рябчики, укравшиеся под снегом, по утрам с великим трудом пробивали обледелую крышу.

Зато волки и рыси благоденствовали. Для них пришло время долгожданного пиршества. Больше всех лютовали оголодавшие за зиму серые разбойники. В приступе необузданной жадности они без меры резали косуль и стельных лосих. К счастью, эта ужасная пора непродолжительна.

Всё увереннее гремели ручьи. Быстро таяли, обрастая накопившимся за зиму лесным мусором, ноздреватые сугробы. Появились обширные проталины, покрытые шершавой

коростой спрессованных за зиму листьев, травы и хвои. Местами они были испещрены бугристыми прожилками кротовых ходов и свежими холмиками жирного перегноя.

На рассвете Маху дразнили булькающие звуки тетеревиных песен. Краснобровые петухи горделиво выпячивали иссиня-чёрную грудь, распушив лирообразный хвост, демонстрировали на обсохших полянах свою силу и удаль. Наиболее воинственные, хлопая крыльями, набрасывались на соперников. Но, несмотря на турнирный экстаз и стремление привлечь внимание тетёрок, петухи были достаточно бдительны и Маху близко не подпускали.

Днём в единственную здесь берёзовую рощицу слетались дятлы. Они пили из специально пробитых в коре дырочек сладкий сок. Махе он тоже пришёлся по вкусу, и она охотно припадала к источнику сочащейся влаги, чтобы утолить жажду, подкрепить силы.

Каждый уголок леса наполнялся жизнью. Зашелестели клейкой листвой деревья. Духовитая травка покрыла склоны бархатисто-изумрудным ковром. Зацвела черёмуха, за ней — рябина, калина. Незаметно весна перешла в лето.

Мало-помалу стихали брачные песни птиц. Смокли трели обременённого семейными заботами зяблика. Почти каждый день после полудня над тайгой вызревали между двух хребтов тёмно-лиловые тучи. Жизнь в урочище перед грозой замирала; томительное напряжение росло; духота стужалась, становилась невыносимой. Какое-то невидимое парализующее поле пронизывало всё живое. Наконец из непроницаемо-чёрных туч срывался к земле тугой, ослепительный снап света, на мгновенье озарявший притихшую долину белым сиянием. И вновь воцарялся полумрак. Затем оглушительный треск раскалывал пространство, прокатывался по горам, сотрясая каменные отроги. Отдыхавший за могучей спиной хребта ветер пробуждался и разъярённо врывается в долину. Следом, из разом прохудившихся небес низвергался на ещё не успевшую подсохнуть землю очередной щедрый ливень.

По утрам, облаканная солнцем, земля дымилась влажными испарениями. Свежо пахло листвой и хвоей, тучные травы, заполнившие лес, мешали бегать. Маха, мокрая от росы, то и дело брезгливо отряхивалась и спешила пере-

браться в продуваемый ветерком верхний ярус. Где распластавшись на тёплой коре толстого сука, беспечно дремала до следующего ливня, от которого спасалась в дупле или под многослойным пологом облюбованного ею елового шатра. Здесь всегда было сухо, а иной раз даже удавалось добыть прятавшуюся от дождя пичугу. Если верховая охота случалась неудачной, то куница всё спускалась вниз и, забравшись на корягу или пень, терпеливо снося укусы мошек, назойливо лезших в нос и уши, караулила коротколапых кротов, выбиравшихся из-под земли за дождевыми червями. Её упорство неизменно вознаграждалось вкусным обедом.

Иногда Маха спускалась вдоль набухшего ручья к реке, где ловила увлечённых базарной болтовней лягушек. Возле неглубоких заливов куница частенько видела лосей с неуклюжими смешными телятами на ногах-ходулях. Они паслись на обильном разнотравье, отдавая предпочтение иван-чаю.

Взрослые лоси с удовольствием заходили в заводь и бродили по брюхо в воде. Отщипнув пучок водорослей, они вскидывали головы, с наслаждением отфыркивались от стекавшей по горбоносим мордам воды и хрумкали сочные стебли.

Однажды, безуспешно прогонявшись по деревьям за белкой, раздражённая падением с мокрых ветвей, Маха отдыхала на узкой надпойменной террасе. Вдруг ей почудился лёгкий шелест. Навострив подвижные ушки, куница мелкими шагами прошла по полуистлевшему стволу и мягко прыгнула на обомшелый валун.

Впереди, под скалистым обнажением зияла узкая брешь. Из неё веяло холодом, а между камней струился ручеёк. Скользя по крутым бокам гольшей, сильно замочив лапы, Маха проникла в мрачный каменный мешок, покрытый осклизлым чёрным налётом. Гулкое эхо капли с невидимого свода нарушало тягостную тишину.

С живым интересом оглядев влажно поблёскивающие стены, таинственные ниши и щели, куница пошла дальше. Дно грота поднималось вверх ступеньками. Вскоре дорогу загородил высокий известковый выступ, заплывший сверху ледяным козырьком, из которого торчала наполовину вытаявшая туша бурого медведя. От падающих на Маху холодных капель шубка отсырела, и куница поспешила на волю погреться и обсохнуть...

Минул ещё один год, и снова наступило лето, третьё в жизни лесной охотницы. Всё это время Маха по-прежнему обитала в полюбившемся межгорном урочище, изученном до последнего кустика. По-прежнему бродила она в одиночестве, не встречаясь с другими куницами, — Маха хорошо помнила, как пара соплеменниц когда-то чуть не загрызла её, изгоняя из своих владений.

Но вот однажды, тёплой лунной ночью, Маха заметила бегущего по её следу сородича-самца. Сначала она оробела. Птицей взлетела по стволу на вершину дерева. Самец последовал за нею. Но прошло то время, когда Маха чувствовала себя беззащитным существом. Повзрослевшая куница не собиралась уступать свои владения без боя. Желая напугать преследователя, она свирепо оскалила пасть, сморщила нос и даже устрашающе зашипела.

Обескураженный самец, имевший к очаровательной куничке совершенно иные намерения и не ожидавший такого приёма, покорно спрыгнул вниз и, забравшись в траву, выжидающе вытянулся поодаль. Маха тем временем воспользовалась появлением тумана и ушла верхом в глубь тайги. Настойчивый незнакомец вновь разыскал её и, почтительно соблюдая дистанцию, повсюду следовал за ней.

Между тем куница проголодалась. Разглядев мельтешивших среди деревьев зайчат, Маха, припадая к земле, неслышно подкралась к ним. Зайчата, не подозревая, какая опасность подстерегает их за кустом можжевельника, беспечно играя, приближались к засаде.

Не сдержавшись, Маха в преждевременном прыжке попыталась достать одного из них. Высоко вскидывая зад, косые рассыпались в разные стороны, и один из них угодил прямо в лапы настойчивого ухажёра. Несчастливая жертва коротко и пронзительно проверещала и стихла. Облизнув окровавленную морду, самец приосанился и призывно зауркал, приглашая пленившую его куницу на трапезу. Оценив, наконец, доброжелательность кавалера, Маха с нарочитой медлительностью приблизилась. Они обнюхали друг друга. Помолвка состоялась.

После совместного пиршества куница великодушно дозволила сопровождать себя. Ободрённый самец, радостно размахивая хвостом, то с нежностью прижимался к её боку, то, лапаясь, тёрся головой о её грудку. Такое непривычное обращение действовало на Маху возбуждающе. Она с наслаждением замирала от щекочущих прикосновений, шурила глазки. Игриво, только для вида, увёртывалась, ворчала, но, охваченная неизъяснимым томлением, вновь замирала. Пришла пора брачных игр.

Когда любовные утехы надоели и Маху стал тяготить нежный ухаждёр, она бесцеремонно выставила его за пределы участка и вернулась к привычному уединённому образу жизни.

Поселившийся в соседнем распадке самец первое время регулярно навещал её, но Маха не проявляла к нему прежней симпатии. Встречала неприветливо, а если он ненароком заглядывал визит, решительно прогоняла...

6

Осень выдалась на редкость ненастной, холодной. Тайга, не просыхавшая всё лето, теперь и вовсе потонула в сырости. На поверхности земли не осталось ни одного углубления, в котором не поблёскивала бы вода. Над рекой и низинами пластался молочным разливом туман. Нудно, тоскливо шумел лес. По небу косматыми табунами нескончаемо тянулись свинцовые тучи. Порывистый ветер безжалостно трепал, срывал листья. Опалённые первыми заморозками травы поникли.

Не уродили ни орехи, ни жёлуди, ни ягоды. Не было даже грибов. Валом откатились на запад, за перевал, спасаясь от бескормицы, белки, улетели кедровки, сойки, кукушки, клесты. Утянулись на юг перелётные караваны. Всё живое покидало, обходило стороной бесплодный край. Маха, прижившись на новом месте, не решалась последовать вслед за белками в леса, откуда она в своё время была изгнана. В довершение ко всему, в начале зимы после обильных снегопадов ночью случилась необыкновенная оттепель с настоящим ливнем. К утру северный ветер принёс столь резкое похолодание, что щедро политые снега схватились ледяной коркой, навсегда замуравившей большую часть боровой птицы в снежных спальнях.

Для Махи наступили тяжёлые дни. В редкий выход ей удавалось поймать полёвку, но мелкая добыча лишь распяляла аппетит.

В поисках пищи она забралась на гладкоствольную осину и высоко над землёй заметила отверстие непривычной прямоугольной формы. Маха заглянула в него. Грозный хозяин квартиры — дятел-желна — не одобрил любопытства куницы и сильно ударил её клювом по голове.

Ошеломлённая Маха спустилась вниз и, съев несколько случайно уцелевших плодов шиповника, вспомнила про пещеру под высокой кручей, где она видела вмёрзшего в лед медведя. Как можно было забыть про этот склад мяса?! Там ведь его столько, что и на год хватит!

Нетерпеливо спустившись на памятную террасу, куница застыла от удивления. На месте высокой кручи опрокинутым конусом темнел глубокий провал. Росшие когда-то высоко наверху, деревья целиком исчезли в нём, и только сомкнувшиеся у центра макушки едва выглядывали из образовавшейся воронки. Не желая мириться с угрозой гибели, они поддерживали друг друга ветвями, а корнями ещё пытались удержать разошедшиеся пласты почвы.

Дотошно обследовав склоны провала, неровными, ступеньками уходящие вниз, и не найдя ни одной подходящей лазейки, чтобы проникнуть в глубь, Маха совсем приуныла. Ей стало казаться, что не осталось в жизни ничего, кроме бед и напастей.

Находясь в беспрестанном поиске пищи, куница отошала. Мех потускнел, вытерся, местами слипся от смолы. Маха изменила своим привычкам и всё чаще рыскала по вымершей лесной пустыне днём. Пища, которой она прежде гнушалась, стала желанной.

Однажды, когда стало совсем невозможно, охотнице всё же посчастливилось найти под трухлявым пнём норку бурундука. Вытащив запиравшую вход моховую пробку и расширив где когтями, где зубами узкий проход, Маха добралась до опрятной, сухой кладовой с небольшим запасом орехов, семян и ягод, аккуратно сложенных в отдельные кучки.

Полосатенький хозяин, разбуженный гулкой вознёй, возмущённо пища, метался по спальне и пытался выскочить на волю, но Маха закрывала собою проход. Бурундучок с отчаянной смелостью, порождённой страхом, ринулся на гра-



бительницу. Куница, оставив орехи на десерт, наградила смельчака смертоносным ударом и тут же съела его.

От забытой сытости по телу разлилась дремотная истома. Маха проспала больше суток, а проснувшись, доела скудные запасы кладовой. Вскоре, однако, голод с новой силой напомнил о себе и в который раз погнал Маху к парящему истоку ручья, где в окружении кустов, сверкавших ёжиками густой изморози, до сих пор держались утки.

Этот визит ничем не отличался от предыдущих. Сидевшие на сахарных закраинах льда птицы были начеку. Они успели отплыть на середину чадающей белыми завитками пропарены и крикливо насмеялись над неловкостью куницы. Маха раздосадовано фыркнула и несолоно хлебавши побежала прочь.

Иногда её выручали личинки короедов, златок, усачей. Маха умудрялась добывать их из-под трухлявой коры елей. После одного из таких скудных завтраков она, гонимая голодом, перешла через седловину и вышла на противоположный склон горы, поросшей высокоствольным лесом.

Спускаясь по нему, Маха сначала услышала, а потом и увидела из-под нависших еловых лап дерущихся зверей: сильный голенастый лось бился насмерть с медведем-шатуном. Они кругами ходили друг против друга. Медведь устрашающе ревел. Из широко раздутых ноздрей с шумом вырывался пар.

Мосластый шатун всё пытался зайти сбоку, но лось понимал, чем это ему грозит, тут же разворачивался навстречу, стремясь, в свою очередь, нанести удар копытом.

Медведь ловко уворачивался и одновременно загребал широкой лапой, пытаясь распороть лося длинными когтями тугое брюхо. Бесконечные атаки измотали обоих, но успеха никому не принесли.

Внезапно шатун изменил тактику: попятился назад и устал сел на задние лапы. Скрывая свой хитроумный замысел, он, тяжело дыша, привалился лохматой глыбой к дереву. Поддавшись на уловку, лось повернулся бежать, но в то же мгновение коварный медведь одним прыжком настиг его. Лось встал на дыбы и метнулся в сторону, но медведь уже успел прокусить ему шею, решив исход поединка в свою пользу.

Удостоверившись, что лось мёртв, взъерошенный победитель не сразу подошёл к добыче: протяжно, поводя боками, вздыхал, остывал от возбуждения.

Ел он долго и жадно, не обращая на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Набив желудок, косолапый затащил остатки добычи в бурелом и залёг тут же.

Маха несколько раз посещала это место в надежде поживиться за чужой счёт. Однако шатун так и не ушёл, пока не съел всю тушу без остатка, разбросав вокруг лишь острые раздвоенные копыта да добела обглоданные челюсти.

Бедствуя от голода, куница мерзла, не согреваясь даже в покинутых беличьих квартирах. От постоянного недоедания у неё кружилась голова, выворачивало внутренности. Однажды Махе, забывшейся коротким сном, зримо привиделся просторный, полный бурной, радостной жизни сосновый бор. Бор, где она родилась, где ей были неведомы голод, холод,

а в говорливом ручье текла самая вкусная на свете вода. Днём и ночью это видение стало преследовать её.

Стоило Махе лишь задремать, как снова представлялся родной бор, кишаший рябчиками и белками. Она ловит их, безостановочно ест и никак не может наесться. Смятение росло, и, наконец, настал миг, когда какая-то неподвластная ей сила неудержимо погнала Маху к родному урочищу.

Поднявшись на взгорье, куница свернула на юг и устремилась к заветной цели. В предрассветный час она чуть не столкнулась с рысью, выплывшей, словно привидение, из запалённой восходящим солнцем изморози. Куница попятилась и бесшумно исчезла в зарослях, но поджарая кошка заметила её и кинулась вдогонку. Маха немедля взлетела по шершавому стволу на ель и, перемахивая с ветки на ветку, благополучно ушла от преследования.

В пути кунице пришлось преодолеть немало шетинистых круч, ниспадавших с гор бугристых ледопадов и непролазных чащоб, прежде чем её взору с высокого отрога открылись знакомые очертания сопок. Радость наполнила сердце скитальицы. Всё веселей, уверенней бежала она по заснеженной тайге. Достигнув последней водораздельной гряды, куница вскарабкалась на одиноко стоящую сухую ель, растопырившую сучья, словно костлявые руки, и оторопела.

Перед ней, далеко внизу, повторяя изгибы ручья, чернела прокопчённая жилка лесовозной дороги. На пологом склоне, там, где простирался столь желанный заповедный бор, была пустошь, покрытая золотистыми спилами пней.

Спустившись с горной кручи к ручью и быстро перебежав пропахшую соляжкой дорогу, Маха с надеждой направилась через вырубки к темнеющему вдали лесу.

С каждым прыжком остаток бора надвигался непроглядной стеной и был уже не таким крошечным, как показалось Махе с макушки ели. А когда оттуда донёсся задорный посвист рябчика с короткой трелькой, она и вовсе воспряла духом.

Но непродолжительной была её радость. Привычную тишину зимней тайги нарушало звонкое потрескивание заведённой мотопилы. Мерное тарыхтение зачастило, перешло в докучливое осиное жужжание. Вскоре мохнатая крона крайней сосны качнулась, и вековое дерево с густым шумом рухнуло, подняв патлатыми ветвями облака снежной пыли.

Со стороны ручья послышался надрывный рокот. Это полз за новыми хлыстами* мощный лесовоз. На родине Махи хозяйничали лесорубы.

Сделав полукруг, куница перешла на западный склон. Здесь снежный покров сверкал девственной белизной и прельщал обилием беличьих кормовых тропок, лунками ночевавших рябцов. А возле поваленных ветром осин хрустящая простыня была утрамбована заячьими лапками и усеяна коричневыми орешками помёта.

Пройдясь по свежим беличьим следам, тянувшимся по когорю, Маха вскоре увидела прыгунью, занятую раскопкой старых запасов. Белка тревожно зацокала, но не успела даже заскочить на дерево.

Впервые за много дней куница наелась до отвала. Сердце её отмякло, ушло ожесточение. Бельчатина основательно подкрепила силы странницы, и она легко обежала родовые владения.

Повсюду Маха натыкалась на вонючие лесовозные дороги, запустившие свои щупальца почти до перевальных хребтов, отовсюду доносился гул моторов. Отступавшая под натиском мотопилы и могучих тракторов тайга с высоты водораздельной гряды была похожа на шахматную доску: тёмные острова леса чередовались с белыми полями сплошных вырубок, изъеденных свежими оспинами пней.

В стороне Большого хребта, откуда пришла Маха, лес упрямо топорщился нетронутым коренным древостоем, но возвращаться в опустевшие от бескормья крепи куница не желала.

Смирившись с близостью рокочущих машин и людей, она обосновалась в истоках ручья, возле скал, изукрашенных цветистой накипью лишайников. Выбор Маха сделала удачно — это место являлось заказником.

7

Незаметно для себя куница освоилась с шумными соседями. Ночью, во время длительных прогулок, люди её не беспокоили, а днём она отдыхала в потаённых убежищах.

Пробегая как-то в середине зимы по лесу, Маха увидела строчку лисьих следов. Поначалу она не придала им особого

* Хлыст — ствол дерева, очищенный от веток.

значения. Только отметила про себя, что стёжка, обычно ровная и опрятная, как-то странно вихляет. Но, обнаружив метров через двадцать вторую подряд лёжку, насторожилась. Оглядев следы внимательней, куница определила, что лиса передвигается с трудом.

Маха потрусилась по следу и почти сразу увидела горящую факелом лису-огнёвку. Пользуясь прикрытием выворотня, куница опасно приблизилась к ткнувшейся мордой в снег кумушке и замерла, не сводя с неё оценивающего взгляда. Отрывисто уркнула — лиса не шелохнулась. Тусклые, полуоткрытые глаза ничего не выражали. Даже пышный мех не мог скрыть её немощи.

Куница смекнула, что рыжая настолько слаба, что не в силах даже стоять. Глаза Махи загорелись: как и всякий проголодавшийся хищник, она не могла упустить возможности сытно перекусить.

Дрожа от возбуждения и дивясь собственной дерзости, куница прыгнула на лису и впилась ей в горло. Та жалобно застонала. Вяло отбиваясь, попыталась встать, но лапы предательски подогнулись. Маха почти без борьбы завладела неожиданной, богатой добычей. Надолго обеспеченная мясом она отъелась, набралась сил, и у неё пробудилась потребность к странствиям, которая и завела нашу путешественницу в долину ручья, прижавшегося к скалистому кряжу, изрезанному узкими расщелинами.

У подножия кряжа, на старой делянке, среди мелкокося, чудом сохранился островок могучих сосен. У корней медных колонн были вырезаны какие-то наполовину заплывшие смолой знаки.

Обследовав деревья поочерёдно, Маха обнаружила, что наверху ко многим стволам плотно привязано корьё. Это обстоятельство заинтересовало её, а когда она взобралась, ей почудилось, что из-под корья сочится аромат, от которого любая куница теряет покой.

Маха принялась грызть кору слой за слоем. Работа продвигалась медленно, но к утру проклюнулась дырочка, пахнувшая густым медовым духом. Теперь куница не сомневалась, что в дупле её ожидает самое восхитительное на свете лакомство. Она зажмурилась от удовольствия. Беспреданно глотая слюну, воодушевлённая добытчица расширила отвер-

стие, освободила канал от утепляющей прокладки из берёзовых веников и с жадностью набросилась на душистые соты.

Мёд был густой, прозрачный. Маха с наслаждением отрывала переливчатые тянучки и проглатывала вместе с оцепеневшими пчёлами. Наевшись до дурноты, куничка не захотела покидать сладкую борть, опасаясь, что кто-нибудь другой воспользуется найденным ею кладом. Утолив жажду лежавшим на сучьях снегом, она нагребла под себя берёзовые листья с веников и, вдыхая пьянящий аромат, уснула.

И надо было случиться так, что в это самое время делал объезд своей лесной пасеки её хозяин. Увидев под сосной кусочки коры и развеянные ветром листья, он сразу понял, что борть ограблена. Сокрушённо причитая, обошёл ствол и по следам определил, что на пасеке разбойничала куница. Чтобы спасти своё хозяйство от полного разорения, бортник решил изловить воровку.

Разбуженная чирканьем лыж, Маха слышала, что под деревом топчется человек. Это несколько обеспокоило её, но вскоре шаги удалились, и куница, уже притерпевшаяся к соседству людей, осталась спать на своём духовитом ложе.

Расстроенный пасечник, убедившись, что на остальных соснах борти пока не тронуты, ушёл в деревню, а поутру вернулся со связкой ловушек. Срубив длинную жердь, прикрутил к ней проволокой насторожённый капкан и приставил его к стволу таким образом, что тарелочка ловушки оказалась точно против темневшего отверстия. Сочтя этого недостаточным, он нагрёб внизу снежную «хатку», положил в неё добрый кусок мяса, а у входа насторожил второй капкан. Вокруг «хатки» раскидал для верности ещё и накроху из гусиных потрохов. Перевалив кряж, он спустился к дороге и уехал домой на попутном лесовозе.

Маха слышала, что к её убежищу вновь походил человек и возился в этот раз довольно долго. Теперь она не на шутку всполошилась, ибо понимала, что он зачистил неспроста. Не высовываясь из дупла, куница насторожённо прислушивалась к каждому звуку и, когда выход накрыла смутная тень, в ужасе сжалась. Но немного погода послышался удаляющийся скрип лыж, и всё стихло. Маха перевела дух. Тем не менее лишь через пару часов она совершенно успокоилась и попыталась выбраться. Но что это?

Выход из борти загоразживал чёрный кружок, противно пахнувший железом и человеком.

Долго не решалась Маха прикоснуться к подозрительному предмету, отдающему смертным духом. Вновь и вновь обнюхивала его. Напряглась до болезненности, вслушиваясь в малейший шорох, но подвижные уши улавливали только неясный шёпот ветра в густой кроне сосны.

От сладкого Маху мучила жажда, и соблазнительная близость снега в конце концов заставила превозмочь боязнь. Всё ещё колеблясь, куница намерилась тихонько отодвинуть кружок в сторону с тем, чтобы увеличить щель и выйти, но едва она коснулась коварной тарелочки, как створки капкана сомкнулись и острая боль пронзила лапку, растеклась огнём по всему телу.

Маха отпрянула было назад, но стальные челюсти держали мёртвой хваткой. Превозмогая мечущуюся по телу боль, она забилась что было сил — увы, безуспешно.

Тогда куница сама бросилась на «врага». Яростно рвала, грызла ловушку клыками, но эмаль на зубах только крошилась о неподатливую сталь. Дужки держали крепко, а тарелочка и сторожок, болтаясь из стороны в сторону, лишь бесстрастно брякали.

В попытках освободиться прошло несколько часов. Солнце село за гребень хребта. Мороз усиливался. Пережатые пальцы одеревенели, и боль незаметно отступила. От беспрестанных рывков и подёргиваний кожа и сухожилия размочалились. Маха перекусила остатками клыков омертвевшие размочаленные ткани и освободилась наконец от ненавистой железки.

Не обращая внимания на рану, она принялась разгребать листву, перегрызая веточки, чтобы докопаться до подошвы борти, а докопавшись, стала спешно грызть пластырь, преграждающий путь к свободе. Работала без отдыха, словно догадываясь, что времени ей отпущено мало и если к утру не покинуть эту западню, то случится непоправимое.

Вот уже загорелась на востоке малиновая заря, ударили первые лучи солнца.

С не меньшей поспешностью шёл к сосне бортник, мечтавший не только оградить своих пчёл-кормильцев от разбоя, но и добыть ценную шкурку.

Приближаясь к приметному месту, он издалека увидел, что его труды не напрасны — ловушка сработала! Сердце распирало от гордости и восторга. Ему уже чудилось во мраке лаза сияние меха дивной красоты. Но, подойдя ближе и приглядевшись внимательней, он был озадачен появлением у нижнего края пластыря второго отверстия. Это открытие кольнуло бортника неясной, болезненной догадкой.

Всё ещё не теряя надежды, он обежал сосну и увидел на снегу парные следы с алыми пятнышками крови. Сладостные минуты ожидания знатной добычи сменились горьким разочарованием.

За зиму человод, обходя разбросанные в окрестных лесах борти, ещё не единожды навевывался к пострадавшей сосне в расчёте встретить следы воришки, но напрасно. Куница больше не появлялась.

8

Насмерть перепуганная Маха, припадая на повреждённую лапу, долго бежала через большие и малые речушки. Поднималась по крутым распадкам в горы, спускалась в заснеженные долины. Сторонясь дорог, санных путей и лыжных проходов, она уходила всё дальше и дальше от злосчастного места. Чем дремучей, непроходимей становилась тайга, чем выше вздымались беловерхие горы, тем свободней и уверенней чувствовала себя куница.

Наконец она достигла рубежа лесов, раскинувшихся на крутых отрогах Дальнего хребта. Белые грани его вершин оживляли сумрачную, обомшелую хвойную чащу. Недоступные для людей дебри надежно укрыли её.

Тишина, настоянный на хвое воздух, нетронутый, первозданный лес — как радостно ощущать всё это после враждебного мира грязных, вонючих дорог, чихающих дымом железных чудовищ и вездесущих людей.

Здесь, вдали от человеческого жилья, в плотной кроне покорёженной временем ели Маха отыскала покинутое беличье гнездо-гайно — и надолго обосновалась в круглой тёплой камерке — она готовилась стать матерью.

Каким встретит окружающий мир её детей?

БОЦМАН







Братья, образумьтесь!

Часть первая

Изящные косули, спасаясь от вьедливых кровососов, лёгкими скачками взбирались по уступам на гору. Они искали продуваемую площадку для отдыха. Внизу тускло серебрились в отсветах доглевашего заката пенные бороды речных порогов.

Одна из каменистых террас, поросшая кустиками голубики, приглянулась старой оленухе. Косули остановились, осмотрелись, процеживая трепетными ноздрями струйки воздуха. Уверившись, что опасности нет, первым улёгся беспечный молодняк. Оленуха, поджав под себя ноги, легла последней.

Пережёвывая бесконечную жвачку, животные то и дело настораживали длинные уши, вслушиваясь в таинственные шорохи. Однако усталые веки всё чаще прикрывали выразительные глаза. Вскоре табунок чутко спал.

Рослый, мощного сложения самец рыси, прозванный окрестными звероловами за пышные бакенбарды на щеках Боцманом, давно наблюдал за оленями и теперь бесшумной тенью соскользнул по склону на террасу.

Кот уже примерялся к прыжку, как вдруг лапами ощутил необычное подрагивание горы и услышал нарастающий гул.

Косули вскочили, заметались по площадке с тревожным сильным блеянием.

То ли порыв ветра, то ли всесокрушающее время подтолкнуло зыбкое равновесие: чудом державшаяся на гребне отрога каменная громада качнулась и покатилась вниз, дробясь о скальные лбы, увлекая за собой новые глыбы попеременно со срезанными стволами деревьев.

Боцман шарахнулся было в сторону, но край лавины зацепил его и швырнул в нарастающий грохот вслед за окровавленной тушей оленухи...

Камнепад, дымясь серым облаком пыли, достиг подножия горы и, слизнув прибрежные вязы, затих ошестинившимся валом на середине реки.

Полуживой, оглушённый кот, придавленный добела ошкуренной лесиной к груди обвальной мешанины, лежал, не имея возможности пошевелиться, — даже вдох причинял невыносимую боль. Под ним многогласо шумел речной поток. Надежд на спасение не было.

Под утро речная долина за клубилась быстро густеющим туманом, и через пару часов волнистая мгла поглотила всё вокруг. Но когда наконец, ближе к полудню, сквозь туман расплывчатым пятном робко обозначилось солнце, просочившееся тепло растревожило, всколыхнуло молочную толщу и промозглая муть зашевелилась, поползла мохнатыми космами по лесистым склонам, тая на глазах. Вскоре солнечные лучи начисто вымели долину.

Припекало. Временами к израненному зверю возвращалось сознание, и тогда начинала мучить жажда. Вода многогласо шумела прямо под ним, но была недосыгаема. Вечерняя прохлада только усилила страдания — на запах крови отовсюду со звоном слетались полчища комаров и мошки. Кот оказался погребённым под этой шелестящей крылатой массой. Тысячи безжалостных хоботков протискивались сквозь густую шерсть и впивались в его кожу. И без того измочаленное камнями тело превратилось в сгусток пронзительной боли и жгучей чесотки.

Задыхаясь от набившихся в нос и пасть насекомых, Боцман заходил в приступах раздрающего кашля. Ему ещё повезло, что язык обвала вынес его на середину реки: в сыром

прибрежном лесу, где сосушей твари куда больше, он вряд ли пережил бы эту ночь.

Взошедшее светило поубавило кровососов, однако на смену им появились мухи. Они садились на разрывы кожи и, откладывая яйца, подолгу копошились в них. На следующие сутки раны побелели от шевелящихся личинок. Выедая подрагивающие волокна мышц, прожорливые червячки проникали в тело всё глубже и глубже. Самые жестокие мучения причиняли личинки, раскормившиеся на расшибленном носу. Щекоча до сумасшествия, они вереницей заползали в ноздри, образуя там живой кляп. Теряя последние силы, кот всё реже приходил в себя. В небе выжидающе парили стервятники-коршуны.

...К исходу третьего дня долину накрыли черногрудые тучи. На ходу созревая, они обрушили на kota потоки животельной влаги. Прохладные струи уменьшили зуд, принесли некоторое облегчение. Пленник, молча преодолевая боль, вывернул голову вбок и в таком неудобном положении жадно ловил драгоценные капли.

Дождь шёл всю ночь и всё утро. Река вздулась, забурлила, валуны, уступая её напору, со скрежетом поползли по неподатливому каменистому дну. Высокие буруны уже лизали коту задние лапы. Ужас подступавшей смерти охватил припечатанного к угловатым обломкам пленника.

Вершина ненавистной лесины всплывала вместе с прибывающей водой, и её тяжёлый комель всё сильнее плющил грудную клетку.

Боцман уже почти испустил дух, когда лесина вдруг всплыла целиком и, вытягиваясь по течению, свезла его с камней на быстрину. Поток подхватил полуживого зверя и понёс, то загоняя в пучину, то вышвыривая между коряг и ошкуренных стволов. Давясь и отфыркиваясь, кот ловил редкие мгновения для вдоха.

Впереди показался скалистый прижим с чёрными сотами промоин. Бедолагу несло прямо на отбойное место, туда, где река бесновалась в мощных водоворотах. Один из них захватил рысь и, прокрутив с десяток раз, затянул в заполненный водой карман. Кот, теряя сознание, отчаянно заскреб острыми когтями по отполированным стенкам и, зацепив-

шись за удачно подвернувшуюся выемку, сумел выбраться на пологий уступ внутри полузаотопленного грота.

Долго не мог отдышаться истерзанный зверь. Через полчаса прибывающая вода вновь настигла его и заставила отползти повыше. Здесь Боцман, не торопясь, вылизал раны шершавым мускулистым языком и осмотрелся. В конце мрачного мешка угадывался манящий свет.

Рысь приподнялась и, с трудом переставляя непослушные лапы, побрела по узкому каналу. Шла всё уверенней — тьма с каждым шагом становилась всё прозрачней, и вскоре Боцман оказался на дне конусообразного провала.

Над ним неумолчно шумела промытая, освежившая тайга. Ветер, стряхивая последние капли, уносил взлохмаченные пласты низких туч за гребень отрога. В синие разрывы хлынули веером золотистые снопы.

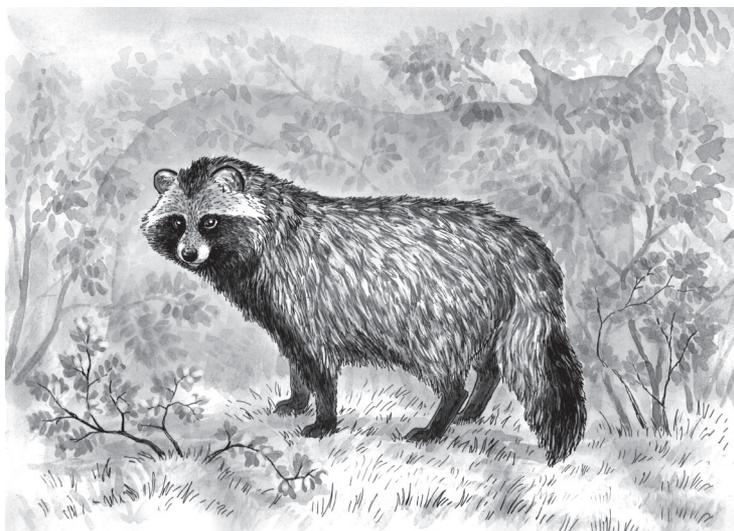
Блаженно жмурясь, рысь долго грелась и обсыхала на солнцепёке. Затем подкрепилась сновавшими в траве мышами и вновь принялась вылизывать гноящиеся, горящие пульсирующей болью раны.

Инстинкт предков поднял кота на ещё слабые лапы и повёл к примечательному овражку. Его вытянутое изголовье покрывали роднички с вонючей водой и жирным целебным илом. Грязевые ванны незамедлили сказаться: язвы и раны быстро затягивались нежной кожицей.

Добывал пропитание Боцман тут же, неподалёку от источника. Поначалу довольствовался птишками и мышами. А на третий день ему крупно повезло. Сопровождая взглядом промятый в податливом грунте свежий след, он заметил копошащуюся в кустах енотовидную собаку.

Внезапно появившись перед ней, кот так напугал мохнатую толстуху, что та на какое-то время оцепенела. Придя в себя, попыталась бежать, но неловко оступилась на осклизлой колодине и завалилась на бок. Покорившись судьбе, енот сжался в пушистый ком, смиренно ожидая приближающейся смерти.

Отправившись вечером к месту удачной охоты полакомиться остатками добычи, Боцман наткнулся на убежище ещё одной собаки. Но та настолько глубоко забилась в отнорок между узловатых, бугристых корней тополя, что была



недосягаема для крупного кота. Боцман не растерялся и принялся разрывать землю сверху. Чтобы добраться до своей жертвы, ему пришлось вырыть целый котлован. Когда извлекал дрожащую енотовидную собаку, то обнаружил там ещё и вторую — поменьше.

Коту, чтобы насытиться, и одной лишнего было, но он терпеть не мог этих плодовитых чужаков, недавно объявившихся в его владениях, и беспощадно давил их на своей территории.

Уже через неделю после первой грязевой ванны Боцман преобразился, обрёл присущий ему лоск. Надо сказать, что он был редким великаном среди своих сородичей и в то же время стремительным, как ветер. В его грозном облике особенно выделялась характерная голова: округлая и короткомордая, рот и глаза в кайме светлых ободков. Слегка вздёрнутая после схватки с молодым медведем верхняя губа, щетинистые усы и вертикальные тёмные полосы у переносицы придавали коту свирепое, беспощадное выражение, несколько смягчаемое кокетливыми кисточками чёрных волос на кончиках подвижных ушей. В мерцающем блеске бронзово-жёлтых глаз угадывалась дикая и независимая натура.

Мягкий, густо-палевый, с серебристым отливом мех украшал рассыпанный по всему телу бурый крап. Передвигалась рысь на длинных, сильных ногах легко и грациозно, но главное, совершенно бесшумно, что вместе с острым зрением, молниеносной реакцией и острейшими когтями обеспечивало ей неизменный успех в охоте.

Пёстрым потоком текла таёжная жизнь. Мелькали дни, недели, месяцы. То сытые, то голодные, то солнечные, то пасмурные. Незаметно пришло время долгих ночей, породившее трескучие морозы.

Стылыми, звёздными ночами Боцман бродил по лесистым отрогам в поисках пропитания, а с восходом солнца выбирал тихое, защищённое от ветров место с хорошим обзором и дремал под едва гревшими лучами светила.

* * *

Как-то на исходе зимы, когда удлиняющиеся солнечные дни вдохнули первый трепет жизни в оцепеневший в спячке лес и южный берег реки оброс тоненькими сосульками, Боцман застал возле недоеденного им беляка кошку с густыми длинными кисточками на ушах. Возмущённый кот резко зафыркал: «Как смеешь! Моё!»

Кисточка пригнула шею и отползла. Всем своим видом она как бы говорила: «Я, конечно, виновата. Но я так голодна!»

Боцман ещё поворчал для порядка, но гнев его, постепенно слабея, вскоре и вовсе улетучился. Не спеша отрывая куски мяса, он то и дело с интересом поглядывал на незваную гостью. Насытившись, лёг поодаль, милостиво разрешив Кисточке доесть зайца. Случай свёл их вовремя — наступала пора свадеб.

* * *

Любовные утехи настроили кота на беспечный лад, и, когда ветер донёс со дна долины чуть различимый звук, похожий на крик человека, он лишь ненадолго наострил уши. Млеющая в ожидании скорой весны тайга и безмятежный

пересвист птах быстро заглушили тревогу. Да ещё солнце, наконец, стряхнуло с себя прилипший клочок тучи и весело засверкало слепящим оком. Однако спутница заволновалась и задвигала ушами.

Ветер дул приближающимся зверобоям в лицо, и имея деревья густой летний наряд, они ещё долго продвигались бы незамеченными, но в зимней обнажённости Кисточка заметила какое-то движение в просветах между стволов.

Насторожился и Боцман. Приглядевшись, он увидел, как через разреженный прогал проскочили разношёрстные собаки с крутыми баранками хвостов и, молча рыская в подлеске, начали подниматься в гору. Сами по себе собаки пугали не больше, чем годовалые волки, но Боцман знал, что в тайге за ними всегда следует человек с тускло блестящей палкой. Встревоженные кошки побежали вверх, держась крутых склонов.

Поднявшись на перевальную седловину, Боцман остановился, пропуская Кисточку. Отсюда он разглядел людей, карабкающихся за лайками на длинных «лапах». Сначала одного, потом второго, третьего. В руках у каждого поблёскивала та самая палка, которой кот страшился больше всего на свете. Он помнил — из них вылетает и впивается в тело острой болью гром, после чего из раны течёт кровь и пропадают силы. Несмотря на то что двуногие были ещё далеко, это воспоминание подстегнуло Боцмана, и он поторопился за Кисточкой.

Тем временем свора вышла на их «горячий» след и, разрывшись азартным лаем, ринулась в погоню. Кошки сначала легко отрывались от преследователей на своих мохнатых лапах-снегоступах, но, непривычные к продолжительному бегу, быстро утомились.

Вязкие, выносливые лайки быстро сокращали разделявшее их расстояние и гнали уже «по-зрячему». Собаки теперь не лаяли, а, распалённые видом беглецов, захлёбываясь, рыдали от страсти. Боцман знал, что они, так же как и волки, не умеют лазать по деревьям. Ища спасения, кот взлетел на огромную суковатую берёзу. Изрядно отставшая, задыхающаяся Кисточка, следуя его примеру, тоже взобралась на первое попавшееся дерево.

Набежавшая свора окружила затаившуюся в развилке кошку. Злобный лай зазвучал часто и испуганно. Он нёс охотникам весть: «Зверь остановлен, поторопитесь».

Появление запаренных хозяев собаки встретили невообразимыми прыжками и яростным клацаньем клыков на окружённую беглянку. Каждая из них стремилась убедить своего властелина в том, что именно она настигла и загнала свирепо шипящую добычу на развилку дерева и заслуживает в награду самый лучший кусок мяса.

Бежавший впереди охотник с рыжей бородой во всё лицо устремил палку на Кисточку. Польшнул язык пламени, грянул гром. Кошка взвыла от пронзившей грудь боли, рванулась было по стволу выше, но обмякшие лапы судорожно цапали пустоту — она летела вниз.

Боцман, увидев рыжебородого зверобоя, вскинувшего воронёную палку в их сторону, громадным прыжком сиганул на белую перину и под прикрытием густого пихтача ушёл незамеченным. Иногда он оглядывался, надеясь увидеть бегущую следом Кисточку, но ему в морду неслись только удары грома. И невдомёк было ему, что это добивали его подругу.

Удалившись на безопасное расстояние, кот залёг в непролазном буреломе, в ожидании спутницы, но она так и не появилась. С наступлением ночи рысь, покружив по лесу, вышла к тому месту, где их загнали на деревья, и застыла в немом ужасе.

Лунный свет озарял неестественно вывернутое тело Кисточки — без головы и шкуры. Обнажённые мышцы с желтоватыми отметинами подкожного жира уже прихватило морозом. Вокруг на истоптанном снегу валялись обслюнявленные бумажные трубочки с едким запахом дыма. Они походили на белых, с чёрными головками, червей.

Боцман несколько минут вглядывался в обезображенную Кисточку. Затем повернул голову в ту сторону, куда ушли люди и собаки. Кот не умел плакать, но его пылающие зелёным огнём глаза застлал влажный туман. Он смертельно возненавидел Рыжебородого, поднявшего на них громовую палку, и противную, тошнотворную вонь от белых «червей» на снегу.

После гибели подруги Боцман как-то сник. Всё окружающее казалось ему теперь враждебным и неприветливым.

Отрешившись от всего, кот часами угрюмо лежал на снегу. Прежде он так и жил — одиноким, мрачным отшельником, а с Кисточкой успел оттаять, привязаться к нежной спутнице. Но её так быстро не стало...

* * *

Известно, время — лучший лекарь. Мало-помалу пробуждался интерес к жизни и у Боцмана.

В тайгу пришла весна. Из-под ужимающихся и оседающих под лучами ожившего солнца сугробов зазвенели ручьи. Облезли до черноты опушки. Покорствуя напору живительных соков, ветви кедра затопорщились розово-кремовыми свечками, щедро припудренными белой пылью. В полдень разомлевший лес источал горьковато-смоляные запахи, от которых сладко кружилась голова.

Однажды, после долгой прогулки по гребням кряжей, притомившийся Боцман спустился к реке, полной предзакатной тишины, покоя и свежести. Вылизав языком взерошенную ветвями шерсть и помыв лапами морду, он распластался на тёплом стволе поваленной ольхи возле устья ручья, обозначенного широким полукружием разноцветной гальки. Отдыхая, он блаженно жмурился от ласковых переливов нескончаемых водяных бликов.

Пойму заливал свет тлеющего заката. Чуть слышно прошелестела в траве гадюка. Она соскользнула по наклонной каменной плите в воду и, высоко подняв головку, поплыла на другой берег. Выбежал из кустов к реке горноста́й в бурой летней шубке и принялся жадно лакать воду.

Ни юркий зверёк, ни Боцман не видели сквозь отсвечивающие гребешки переката тёмной спины тайменя. Речной великан живой торпедой пронёсся под водой несколько метров и, окатив берег крутой волной, тут же исчез. Вздогнувший кот оторопело уставился на голый, мокрый речной валун, где только что стоял горноста́й...

Боцману уже изрядно приелась зайчатина, которой питался последние месяцы, и он решил побаловать себя олениной, но косули никак не попадались — после многоснежной зимы они стали крайне редки. Исходив окрестные распадки

и горы, кот всё же высмотрел под скалой одного упитанного бычка. Подкрасться к нему, из-за окружавших скалу курумников, было невозможно — увидит издалека и умчится, играючи, высокими прыжками — дугами.

Зная, что оленёнок рано или поздно обязательно пойдёт к ручью на водопой, кот нашёл проход, который ему не миновать. Забравшись на дерево, он затаился среди листвы на толстой ветке. Над головой что-то затрещало. Рысь невольно сжалась, но, подняв глаза, увидела падающий с вершины дерева полусгнивший сук — «ложная тревога».

Прошло часа четыре, а Боцман всё ещё терпеливо лежал в засаде. Но вот, наконец, послышался едва уловимый стук копытец. Бычок шёл осторожно — оберегал от веток молодые, ещё покрытые опушённой кожей, вилообразные рожки с тремя небольшими отростками. Рысь стрелой сорвалась с дерева и, обрушившись всей своей массой на кирпично-ржавую спину косули, разом прокусила клыками позвонки. Косуля упала. Тут же попыталась вскочить и, как обычно, умчаться легко и свободно, но, только что полные сил, мышцы не повиновались.

Полакомившись сочным, парным мясом, Боцман завалился на спину и, лениво разметав на траве лапы, стал кататься с боку на бок, то выгибаясь, то надолго замирая.

После обильной трапезы хотелось пить. Кот оттащил остатки косули под буреломный отвал, почистил о сухостину когти, с наслаждением потёрся о бугристую кору и спустился, наконец, к горному ключу. Заходя в воду, вспугнул маленьких уток-чирков. Те улетели вниз по течению плотной, стремительной стайкой.

Утолив жажду, рысь укрылась от слепней под разлапистой елью. Нежась в её прохладе, сытая и благодушная, она наблюдала, как вылетают из воды и с причмокиванием ловят насекомых шустрые хариусы, как по воронёной поверхности рассыпаются серебристыми молниями испуганные кем-то мальки. Внезапно откуда-то сверху лёгкой, прозрачной тенью неслышно соскользнула скопа. Слегка чиркнула по волнистой ряби переката, и в её крючковатых когтях забился, сверкая перламутром, нерасторопный хариусёнок.

Но недолго Боцман пребывал в блаженном состоянии. С того места, где лежала косуля, послышался характерный шум: кто-то явно терзал недоеденную тушу.

Пришлый кот даже не соизволил поднять морды при появлении хозяина добычи, а только глянул исподлобья. Столь дерзкого поведения Боцман не мог стерпеть и яростно зашипел на наглеца. Тот в ответ разинул пасть, обнажив чёрные выкрошившиеся зубы.

Внимательно разглядев облезлого, с прогнувшейся спиной незнакомца, кот сообразил, что перед ним совершенно дряхлый старик.

Боцман хорошо знал закон тайги — прав сильнейший, но не мог унижить себя дракой с беззубым зверем. Он просто подошёл к косуле с другой стороны, и коты, то и дело искоса поглядывая друг на друга, мирно потрапезничали. Вскоре пришелец насытился и, поблагодарив взглядом, удалился, а хозяин примостился подремать на выворотне. В это время к косуле, привлечённый кровавым потаском*, приближался... медведь.

Услышав сквозь сон оглушительный хруст мозговых костей, Боцман поначалу только облизывался, но довольное урчание косолапого обжоры наконец разбудило его. В вспышке слепящего возмущения кот бесстрашно подскочил к грабителю и впился испепеляющим взглядом в крохотные медвежьи глазки. Напружинив лапы, он приготовился биться за свою добычу.

В ответ из широко развершейся пасти вырвались низкие громоподобные раскаты. Этот рёв и мощные клиновидные клыки охладили праведный гнев кота: здравый смысл ему не был чужд. В бессильной ярости и обиде закружил он вокруг мародёра, но, сознавая неоспоримое превосходство медведя в силе, отступил с притворным равнодушием, тем более что туго набитое брюхо не располагало к рискованной схватке.

* * *

Всё лето Боцман провёл в покое и достатке. Вольготная жизнь никем не нарушалась. Волки и медведи заставляли проявлять известную осторожность, но кот избегал лобовых столкновений. Впрочем, и те не искали встречи с ним. Каждый ходил своей дорогой, уважая права соседа.

* Потаск — в данном случае след от добычи, когда её волокут по земле или снегу.

В тайге лишь с людьми он никак не мог ужиться, хотя никогда не посягал на их интересы, а завидев, первым уступал дорогу. Эти существа всегда были агрессивны и при каждом удобном случае выпускали из своих железных палок разящий гром, к счастью без последствий для него.

В этот год кот больше ни разу не слышал и не видел их до той поры, пока не опали листья, а земля и деревья не укутались в белые одежды. Хотя молодой снег вскорости растаял, спокойная жизнь кончилась. Вновь по отрогам и распадкам потянуло дымом, забрехали злобные псы, загромыхали тускло блестящие палки. Только теперь Боцману показалось, что армия зверобоев и их верных прислужников — собак стала ещё многочисленней.

Умудрённый кот мастерски ухитрялся не попадаться на глаза промысловикам, за что заслужил репутацию зверя-невидимки. В то же время, невзирая на печальный опыт, он не мог избавиться от присущего ему любопытства: люди манили его своей непостижимостью. По ночам Боцман спускался с гор то к одному, то к другому охотничьему логову. На подступах к ним он натёкался на мёрзлые ободранные тушки, в основном соболей и резко пахнущих норок. Беличьих не было. Видимо, их съедали собаки. Мясом же соболей и норок они брезговали.

Выбрав место поуцромней, кот подолгу наблюдал за загадочной жизнью двуногих.

Любил он ходить и по лыжному следу: ему было интересно знать, что делают охотники в его владениях. Кот изучил повадки промысловиков, а некоторых даже знал в лицо. Охотничьи ловушки и приманку возле них, чуя, что они таят смерть, Боцман рассматривал издалека. Случалось, в ловушке ещё бился соболь или норка, реже колонок или горностаёй. Обессилев в бесплодных попытках освободиться, они через день-два коченели.

В один из таких обходов после лёгкой пороши Боцман явственно уловил аппетитный запах. Неподалеку от лыжного следа под деревом парил в воздухе, слегка покачиваясь, здоровенный косой. Недоумению кота не было предела — чего это вдруг длинноухий кружится над снегом словно птица? Ему не хотелось есть, но это его извечное любопытство...

Боцман прикинул — если встать на задние лапы, то до косога можно дотянуться. Мелкими семенящими шажками он приблизился к «летающему» зайцу и тут же отпрянул от внезапной боли: на левой передней лапе, повыше широкой ступни сомкнулись железные челюсти.

Человек, поставивший ловушку, был, конечно, искушённым в своём деле промысловиком, но он не учёл, что Боцман намного превосходит силой своих собратьев. Уже через час капкан был сорван с поводка, и рысь на трёх лапах бежала прочь от страшного места, в сторону безжизненного поля каменных россыпей, раскинувшись под высокими скалистыми вершинами, — туда куда охотники и собаки никогда не заходили.

Ловушка с обрывком поводка цепко сидела на ноге, и её тарелочка при каждом прыжке вызванивала о железную станину «тринь-дзинь, тринь-дзинь».

Добравшись до хаотичного нагромождения обломков скалы, Боцман забрался в пустоту между угловатых глыб. Здесь, в относительной безопасности, потрясённая и измученная рысь забылась тяжёлым сном. К болезненной хватке железной пасти она притерпелась и спала на удивление долго. После сна происшедшее уже не казалось таким страшным, и кот вознамерился во что бы то ни стало избавиться от неудобной побрякушки — она саднила кость, а главное мешала ходить и своим позвякиванием могла вспугнуть добычу.

Боцман сел, чтобы задними лапами стянуть дуги, туго зажавшие переднюю, но пружина капкана застряла между камней. Превозмогая боль, кот задёргал ногой. Капкан, сдирая шкуру, медленно сползал, но, достигнув широкой ступни, застрял. Тогда сметливый зверь потянул лапу на себя без рывков. Верхняя доля пружины, получив упор о камень, стала прижиматься к нижней, и чем сильнее тянул Боцман, тем слабее становилась стальная хватка. Наконец дуги раздвинулись настолько, что лапа выскользнула из тугих тисков.

После этого происшествия рысь, чтобы не стать жертвой новых хитростей двуногих, удалилась на не посещаемый зверобоями голец, державно господствовавший над окрестными вершинами, и, промышляя там куропаatok, жила безбедно, несмотря на свирепствовавшие там ветра и трескучие морозы.

Ниже беловерхой вершины, в ельниках, стекавших зелёной лавой по горным ложбинам, обитали маленькие безрогие олени — кабарожки. Коту порой удавалось полакомиться их суховатым, но нежным мясом.

Привыкнув к тому, что на Лысой горе снежный покров нарушается лишь следами крохотных копытец кабарги да набродами куропаток, Боцман был крайне удивлён, когда увидел округлые вмятины рысьих следов. Дня два назад кошка — а это была именно кошка! — прошла по гребню кряжа в сторону холмистой долины.

Кота вдруг охватила неясная, сладостная истома. Покинув было след, он вернулся обратно и пошёл по нему не останавливаясь, ступая точно в отпечатки лап самки. Прерывистая стёжка привела на пологие увалы, где к ней присоединялись с разных сторон следы трёх котов. В разгар ночи, по резким и страстным воплям, далеко слышным в тишине промороженной тайги, Боцман нашёл всех четверых на лесистом скате. Завидев изящную самку, он пришёл в ещё большее волнение.

Очаровательная кошечка в дымчато-серой шубке сразу определила в новичке достойного и надёжного покровителя и сама подошла к нему, не дожидаясь от него традиционных любезностей, сопутствующих церемониалу ухаживания. Прежние кавалеры увязались было за ней, но Киса резко обернулась и неприязненно зашипела на отвергнутых ухажёров.

Молодая пара надолго удалилась в непролазную глухомань. Осчастливленный Боцман, будучи вообще-то весьма молчаливым существом, от избытка чувств время от времени издавал низкие, протяжные вопли. Подруга вторила ему тихим грудным голосом. Эти душераздирающие любовные арии, по всей видимости, доставляющие удовольствие самим исполнителям, заставляли замирать в страхе остальных обитателей тайги.

Во время затяжной свадьбы к восхитительной Кисе не раз пытались приблизиться новые поклонники, но Боцман никого не подпускал к своей возлюбленной. Для этого ему не было нужды вступать в драку: его размеры и свирепый взгляд отрезвляли претендентов в женихи лучше любой затрешины.

Лишь один длинноногий кот бурой масти, поскитавшись по распадкам и отрогам в безуспешных поисках другой самки, через неделю вернулся и разыскал любезничавшую парочку. В прежние годы у Бурого, при встрече с Боцманом, начинала холодеть спина, но за последнее время он изрядно заматерел, налился силой. И теперь, с вызовом глядя на соперника, пошёл в атаку.



Боцман, вздёрнув короткий хвост и развернув наружу уши, приготовился дать отпор самоуверенному нахалу. Они встали друг против друга, перекаtywая тугие бугры мышц. Распушив щетинистые усы, взгорбив спины, коты долго разогревали себя, нагоняли на противника страх утробным завыванием. Наконец стали сходитьcя, то бросаясь, то отскакивая, с каждым разом сокращая расстояние. Внезапно, словно сговорившись, они сцепились в яростно ревущий шар, а через несколько секунд так же быстро распались на отдельные, непримиримо шипящие половины.

Первый натиск ошеломил отвыкшего от сопротивления Боцмана и пробудил в нём настоящую злость. Обменявшись ударами, они вновь сплелись и закрутились многолапым колесом, безжалостно раздирая шкуры друг друга когтями.

Во время передышки Боцман оправился быстрее соперника и нанёс огромной лапой по башке обладателя длинных ног сокрушительный удар. И тут же, не давая Бурому прийти в себя, располосовал когтями чувствительный нос. Не стерпев адской боли, соперник кинулся наутёк, роняя в снег клочья выдранный шерсти и алые горошины крови. Такой немилосердной трёпки Бурый ни разу не получал.

* * *

Конец зимы выдался снежным, пуржистым; весна — стылой, затяжной. Киса готовилась к окоту, а в тайге повсюду ещё лежал сквасившийся, крупнозернистый снег. Ходила кошка осторожно и мало. Больше лежала у входа в низкую расселину и прислушивалась к толкотне котят, рвущихся из тесной материнской утробы на волю. Они временами так буйствовали, что живот бугрился от ударов крохотных, но уже сильных лапок.

Боцман, не покинувший после любовных утех подругу, заботу о пропитании взял на себя. Оставив Кису в логове, он отправился на очередную охоту. Дул тугой, порывистый ветер. Ничто не говорило о весне. Только сугробы осели, да вокруг стволов протаяли ямистые лунки.

Идя наискосок ветру, кот приняхивался к многослойному потоку запахов. Наконец он уловил то, что его интересовало:

одна из струек принесла восхитительный аромат молодой лосихи.

Недолгие поиски привели его в непролазный ольшаник, на окраине которого виднелся снежный бугор, обрамлённый сухими листьями и обрывками травы. Ещё два шага, и из выбитого копытами углубления показалась бурая спина, кончики ушей.

Дремлет, не подозревает о смертельной опасности всегда чуткое животное: шум ветра заглушает шорох от крадущихся шагов рыси. Длинный, упругий прыжок — Боцман свалился на жертву, как снег на голову. Запустив страшные когти в загривок и бока, он вонзил клыки в шею. Густая, жёсткая шерсть и толстая кожа помешали ему сразу добраться до становой жилы и шейных позвонков.

Лосиха выметнулась из убежища и, тараня грудью заросли тальника, выскочила на ноздреватый лёд. Мотая головой, она кинулась к спасительной проплешине переката. Сиганув в полынью, опрокинулась на спину в расчёте подтопить кота. Забурлила, вспенилась студёная вода. Заскрежетала под зверьми галька.

Хлынувшая в пасть и нос вода заставила Боцмана разомкнуть клыки. Лосиха вскочила на ноги. Громыхнув копытами по валунам, выпрыгнула на лёд и помчалась вниз по руслу. Из глубоко прокушенной шеи хлестала пульсирующими струйками кровь. Достоинно защищалась она и вышла победителем, но вместе с кровью покидали молодое тело силы. Всё мельче шаг. И вот лосиха взорвалась дивным прыжком и, издав громкий, почти медвежий рёв, упала на лёд замертво.

Боцман вылизал испачканную шубу и подошёл к туше. Налакавшись дымящейся крови, он привёл к мясу Кису. Знатная добыча надолго избавила супружескую чету от хлопот о пропитании. Тем не менее Боцман, как образцовый семьянин, через два дня опять отправился на охоту, с тем чтобы побаловать Кису свежениной. Подкараулив беляка, он заспешил к хозяйке.

Подходя к логову, кот услышал тонкий писк. «Это ещё что за гости?» Приглядевшись, Боцман различил копошащиеся между лап супруги крохотные мохнатые комочки. Киса осторожно освободилась от них и жадно набросилась на тёплую

зайчатицу. Малыши, а их было трое, без матери забеспокоились и завозились, неуклюже выпутываясь из переплетения лап, голов и коротких хвостиков.

Утолив голод, Киса подошла к Боцману и долго тёрлась лбом о заросшую бакенбардами щёку, выражая благодарность и безмерное материнское счастье, переполнявшее её.

Крохотные наследники, необыкновенная нежность Кисы побуждали Боцмана к неутомимой охоте. Как-то, принеся в зубах ещё живого беляка, он оставил его на площадке перед входом в расселину. Косой, пытаясь бежать, временами брыкался. Подросшие котята, в детских, пока почти белых шубках, размятая длинная, нескладная нога, с восторженным урчанием выбежали и закрутились вокруг уползавшей добычи. Блестящие глазёнки рысят впервые загорелись огнём настоящих хищников, но тут совсем некстати полил дождь. Холодные капли остудили воинственный пыл юных охотников, и они отступили в убежище.

Боцман накрыл продрогших детёнышей мохнатыми лапами. Котята согрелись и задремали. Однако не надолго — быстро пустеющие желудки побудили их перебраться под бок матери, каждый к своему излюбленному соску.

Сытость и тепло вновь пробудили в них желание порезвиться. Снаружи всё крапал дождь. В таких случаях котята взбирались на отца, чьё громадное туловище являло собой великолепную игровую площадку. Они прыгали, ползали, скакали по нему, с яростью трепали, а Боцман переносил потехи мелюзги с родительской снисходительностью.

А непогода разыгралась не на шутку. Холодный мелкий дождь лил почти непрерывно, не выпуская на охоту, трое суток. У Кисы молока становилось всё меньше. Котята не наедались. Открывая розовые пасти, они жалобно хныкали, терзали её, прося добавки, но соски были пустыми. Мать нервничала и, тыкаясь в Боцмана носом, побуждала его идти промышлять дичь.

Кот и сам понимал, что ждать окончания дождя больше нельзя, и выбрался под текучую завесу. Кроме небесной капли его орошала и капель с почерневших ветвей захлебнувшегося влагой леса. Шерсть моментально намокла. Слипшись, она так плотно облегла тело, что Боцман со стороны выгля-

дел голым. Деревья до сих пор не выпустили лист. Казалось, всё живое в тайге вымерло. Пробегав всю ночь по угольям в поисках прокорма, измученный неудачами кот, пошатываясь, возвращался к логову.

Киса издалека разглядела сквозь дождевую муть своего верного друга. Его унылый вид говорил сам за себя — поживы не предвидится.

Мерзкая, хлябистая весна творила своё чёрное дело — тайга изо дня в день пустела, лишаясь своих обитателей. Наконец сплошной войлок туч истончился, разошёлся широкими голубыми разводами, открыв, впервые за весну, истомившееся в заточении яркое солнце. Оно щедро залило тёплыми брызгами озябшие деревья и кусты. Тайга на глазах оживала.

Боцман с Кисой, задёрганные требовательными воплями ослабевших котят, вышли на охоту вдвоём. Скоро они задавили косявого беляка. Киса тут же на месте слопала его почти целиком и поспешила к голодным детёнышам.

Доев остатки, кот последовал за ней. Супруга озабоченно металась перед входом в расселину. С надеждой глянув на Боцмана, она исчезла в логове. Тут же выскочила обратно и опять заметалась по площадке между кустов. Встревоженный отец заполз в убежище. Котят там не было. Не веря своим глазам, он обшарил лапой все углы, но напрасно — рысята исчезли. Бедные родители обегали все окрестности, но не обнаружили ни единого следа, хоть как-то объяснявшего пропажу.

Многоопытный Боцман знал, что после таяния старого снега и до появления нового, молодого, охотники исчезают из тайги. Несколько месяцев её обитатели живут спокойно. Обладатели железных палок словно давали возможность вырастить потомство. И тем не менее он был склонен винить в пропаже детёнышей именно людей.

У кошек не хватило сообразительности по одинокому перу беркута на площадке и клёкоту на дальней скале догадаться об истинном виновнике исчезновения котят. А дело было так.

Оголодавшая, так же как и кошки, за долгое ненастье чета беркутов вылетела из гнезда в поисках корма для своих прожорливых птенцов. Паря над тайгой, беркут-отец издали заметил греющихся на солнышке котят. Он ещё долго

кружил в небе над пятачком перед логовом, пока не уверился по поведению несмышлёнышей, что они одни, без охраны родительских клыков. Беркут камнем пал на рысят, поразив когтистыми лапами двоих и убив ударом клюва третьего.

* * *

Безрадостно протекало лето. Киса, особенно первые недели, заслышав звуки, даже отдалённо напоминающие голоса котят, очертя голову бросалась на поиски, а никого не найдя, подолгу с отсутствующим видом сидела на земле, сутуло вобрав в плечи округлую голову. Ничто не интересовало её в такие часы. Если Боцман настаивал, она послушно брела за ним, участвовала в охотах, но всё это без желания и присутствующего ей прежде азарта.

Когда поздней осенью свора собак обнаружила их, Киса впервые не подчинилась Боцману и не последовала за ним в крутобокие сопки. Почти сразу, как заслышала погоню, вскарабкалась на первое попавшееся дерево и равнодушно наблюдала за бесновавшимися внизу лайками. Подоспевшие охотники почему-то не стали выпускать разящий гром из палок, а подвели на длинном шесте петлю из жёсткой капроновой верёвки и, улучив момент, затащили её на передней лапе кошки. Затем сдёрнули шипящую рысь на чуть припорошенную снегом землю, накинули сверху толстое ватное одеяло и, удерживая рогулинами, туго спеленали.

Боцман ночью спустился с горных отрогов и, не найдя подруги, по следам звероловов к утру вышел на окраину леса, обрывавшегося в сотне метров от береговой линии. Дальше, за рекой, на пологом увале виднелись безликие в предрасветной мгле жилища людей.

Оставаясь под прикрытием деревьев, кот послал призывный клич и через мгновение услышал в ответ радостный горловой вопль Кисы. Он доносился из середины первого ряда домов, примыкавших огородами и банями к реке. Обмениваясь резким вяканьем, кошки вконец переполошили деревенских псов, и Боцман счёл благоразумным не распалать их дальше. Тем более что теперь он знал, где искать Кису.

Возвращаясь в горы, он невольно прислушивался к звукам, доносившимся из селения. Собаки утомнились: изредка взбредёт одна, другая, одиноко просипит бык, подаст трескучий голос петух. И опять тишина. Терзаемый противоречивыми чувствами, Боцман замедлил шаг и скоро остановился в нерешительности.

Привязанность к подруге, желание увидеть и освободить её бередили сердце, подавляя самый главный инстинкт — инстинкт самосохранения. Наконец он решился и повернул обратно, навстречу восходящему солнцу.

Шагал Боцман размашисто, без страха; сильное, неведомое ранее чувство вселяло уверенность в его сердце. Будучи жителем глухой тайги, он избегал открытых пространств. На них он чувствовал себя незащищённым. Но сейчас кот отважно вышел на высокий чистый берег и, не таясь, доступный людским взорам, встал, как изваяние, отчётливо выделяясь на фоне белого снега. Боцман понимал, что его видно из селения, но был в таком состоянии, когда совершаются необыкновенные и необъяснимые поступки. Он насилу преодолевал желание немедленно идти к месту заточения Кисы.

Баба Галя спустилась к проруби за водой. Заполнив ведро, подняла голову и... увидела перед собой громадную рысь. Бросив коромысло, она опрометью пустилась бежать, голоса: «Ой, мамочки! Чур меня! Спасите! Спасите!»

Вскоре переполошённая деревня всюю гомонила о коварной рыси, которая напала на бабу Галю, но то ли промахнулась, то ли та успела надеть ей на голову железное ведро. Главное, баба Галя, слава богу, жива, а рысь осталась голодной и караулит на речке новую жертву.

Кто посмелее, особенно мальчишки, ходили ватагой за огороды и глазели на дерзкого разбойника, стоящего на противоположном берегу реки с высоко поднятой головой.

Охотники с лайками уже неделю как разъехались по участкам — начался промысловый сезон. Охранять деревню остались одни бестолковые дворняги. Перепуганные бабки направились к местному зверолову Ивану Михайловичу Карпенко. Но его дома не оказалось — уехал в лесничество созваниваться с областной базой «Зооцентра», чтобы заказать машину для отправки отловленной рыси.

Когда женщины выходили из его избы, с реки донеслось громкое и резкое «вау-у». Киса в ответ радостно и мощно откликнулась из сарая. Заскочив обратно в сени, бабу́е излило свой испуг и застарелое недовольство на хозяйку дома.

— Вот ловит твой рысей, медвежат, волчат, а звери-то, вишь, какие наглые в отместку стали. Ни за водой сходить, ни детям покататься. Прошлый год медведица допекала, а ноне рысь...

— Занятие ваше нам всем на погибель, — добавила выскокая старуха, — штраф на вас надо за такое.

— Оно верно, штрафом надо проучать, — охотно подержали остальные.

— А ну вас к ляду, — отмахнулась хозяйка и ушла кормить скотину.

— Вот и толкуй с такой. Пошли, бабоньки, к Егору, он рысь стрельнёт, не промахнётся.

— Чё без толку ходить, небось уж пьяный.

— Чай, не каждый день пьёт.

— Точно, пьяный — с утра тетеревов Афанасьевне нёс на мен.

— Да, это уж такой человек...

Тем временем мужики, не занятые на промысле или забросившие это тяжёлое и рискованное занятие, кто по возрасту, кто по здоровью, собрались у селыпо и решали, как быть.

— Эх, карабинчик бы!

— Так его только штатным* выдают, да и то не всем.

— И из гладкостволки усиленным зарядом можно достать, — убеждали другие.

Так и порешили: приготовить ружья и через час всем вместе собраться здесь же.

— Но чтоб без собак — котяра сразу уйдёт. И стрелять разом, по команде. Кто-нибудь да попадёт, — инструктировал бывалый дед Тимофей.

Смертельная опасность нависла над Боцманом. Он видел, как очередная ватага направилась через огороды к реке. Его насторожило то, что у каждого из них в руках была громо-

* Штатным — охотникам-профессионалам.

вая палка. Старики между тем вышли на обрывистый берег и стали целиться в рысь. Встревоженный кот не оглядываясь потрусил под защиту деревьев. Вокруг коротко прогудели шмели, и ступни ощутили резкие удары по промёрзшей земле. Следом докатились раскаты грома.

Боцман обернулся и успел даже разглядеть стрелков, окутанных клубами серо-жёлтого дыма, как в тот же миг его прожгла сквозная боль. Превозмогая её, он огромными махами попытался достичь спасительно черневшего пихтача, но, не дотянув каких-то пять-шесть сажен, рухнул в снег.

Мужики, постреляв для верности ещё, перешли речку и окружили зверя. Вытянувшийся в последнем прыжке во весь рост, он казался особенно громадным.

— Это Боцман собственно и есть. Отбегал наш великан, — не то с удовлетворением, не то с сожалением произнёс дед Тимофей.

Восхищённо оглядывая богатую шубу и пробуя пальцами остроту кривых, стальной прочности когтей, удачливые охотники задымили.

Самый старей в их компании дедушка Антон присел на корточки и, кряхтя, стал искать, куда угодила пуля.

— Навылет прошла, — заключил он и, отгибая шерсть, продемонстрировал кровоточащие с двух сторон раны.

— Ой, чё эт?! Мужики, тихо! Кажись, сердце тукает. Во-во. Ещё раз. Так он живой!

Охотники вскинули ружья.

— Антон, отойди! Очухается, задерёт когтищами. Отойди, тебе говорят. Мы вмиг упокоим.

— Да погодите. Совестно как-то... И хорош больно! Жалко красоту таку кончать. Давайте к Карпенко свезём. Мож, выходит да даст на свою звериную базу. Пушай городские нашим Боцманом полюбуются.

— Кончай, дед, канитель поповскую разводите. Добить, и точка!

Тут донеслись звонкие голоса:

— Ну что, убили?

К охотникам подбежали запыхавшиеся пацаны.

— А кровищи-то!.. Мировой котяра!

Антон, воспользовавшись заминкой, снял ремень с ружья и туго обмотал задние лапы рыси. Мужикам ничего не оставалось, как помочь связать и передние.

— Ребя, давай живо сани...

* * *

Лёжа в тёплом, рубленом сарае на душистом сене, Боцман ощутил лёгкое поглаживание. Вслед, по шкуре, пробежал приятный озноб. Почудилось, будто рядом сидит Киса и ластится. От блаженства кот хрипло заурчал и попытался сладко потянуться, но пробитое тело откликнулось острой болью. Боцман открыл глаза. Кто-то тёмный сидел перед ним.

Человек!!!

Волна блаженства сменилась волной ледящего страха. Боцман попытался вскочить, чтобы защищаться, однако лапы были стянуты путами. Но даже не будь их, ослабленный большой потерей крови, кот всё равно не смог бы встать на ноги. От ощущения полной беспомощности его обуял ужас. Оскалив зубы и глухо зарокотав, он вжал голову в сено и исподлобья следил за каждым движением человека.

— Не бойся, дурачок, — успокаивал густой басовитый голос. — На, поешь... Тебе надо есть, иначе не поправишься. — Человек протянул нанизанный на прутик кусок мяса. Чтобы не стеснять зверя, он отодвинулся, и Боцман смог разглядеть двуногого. Ничем не примечательный. Скорее даже невзрачный. Только на лице, обрамлённом мшистой рамкой бороды, украшенной лёгкой проседью, выделялся длинный, крючковатый, похожий на клюв хищной птицы нос. Но это сходство не придавало его лицу выражения враждебности. Напротив — делало добродушным. Ни одним движением человек не обнаруживал намерения причинить зло или боль.

— Ешь, ешь, дружок, ешь. — С этими словами Крючконос плавно приподнялся и, мягко ступая, вышел.

Боцман внимательно огляделся. Он лежал в бревенчатом логове с крохотным оконцем. Терпко пахло навозом. За дощатой перегородкой протяжно и шумно вздыхали корова и тёлка. Они, привычные к часто меняющимся грозным со-

седам, не обращали на рысь внимания: то и дело шуршали сеном в кормушке, постукивали копытами.

Повернув голову, кот чуть не уткнулся мордой в куски мяса, лежащие на доске. В горле першило от сухоты. Он осторожно взял было соблазнительный шмат в зубы, но недоверие к человеку победило: в последний момент раскрыл пасть и мясо упало на подстилку.

С двуногими существами Боцман связывал только боль и смерть. Поэтому был несколько обескуражен поведением Крючконоса, но не сомневался в том, что и он скоро проявит своё изощрённое коварство. От томительного ожидания бесславного финала к вечеру его трясло, как в лихорадке. Нервы и мускулы вибрировали, словно туго натянутые струны. Ослабленный перенапряжением и потерей крови, кот в конце концов забылся в тревожной дремоте, так и не приронувшись к еде.

Переделав домашние дела, Михалыч заглянул к пленнику. Увидев, что мясо не тронуту, укоризненно покачал головой:

— Ну, брат, эдак дело не пойдёт. Так ты никогда не поднимешься. Надо, милок, поесть, обязательно надо поесть, — и опять настойчиво протягивал мясо на кончике ветки.

Человек долго сидел с Боцманом. Говорил успокаивающим, завораживающим голосом, уверенно гладил по спине. Потом смазал раны на груди чем-то прохладным, пахнущим грязями таёжной лечебницы. И опять этот странный человек не причинил ему боли. Напротив, его прикосновения были приятны.

Ночью, когда беспрестанное хлопанье дверей и другие непонятные звуки стихли, Боцман с горечью вспоминал события последних дней. Мог ли он предположить, что жизнь столь круто переменится и он окажется во власти человека!

Силы покидали кота. Если бы на него сейчас накинулась собачья свора или взял на мушку не знающий промаха зверобой, он даже не попытался бежать, а молча принял смерть.

Внезапно совсем близко раздался призывный горловой вопль. У Боцмана даже дух занялся. Не может быть! Это же Киса! Кот откликнулся ликующим «вау!».

Подруга отозвалась не менее восторженно. От их переключки во дворе поднялся злобный лай, и рысы, дабы прекратить собачью брехню, умолкли.

У Боцмана всё пело в груди: «Киса жива! Она где-то рядом». Но он так слаб, что не может не только прийти к ней на выручку, но даже самостоятельно встать на ноги. Надо срочно набираться сил!

Глаза приободрившегося узника засветились надеждой. «Мы ещё поживём!» Он жадно съел сочную мякоть и с того вечера живо пошёл на поправку.

Боцман привык к Крючконосу и уже не напрягался, когда тот заходил кормить или обрабатывать раны: они болели всё меньше. Огонь и жжение внутри груди почти исчезли. Кот опять дышал полной грудью. Изредка они с Кисой обменивались приглушённым вяканьем, встречаемым яростным лаем собак и тревожным кудахтаньем кур.

В один из дней хозяйские псы, воспользовавшись тем, что дверь, по недосмотру, осталась открытой, проникли в сарай и набросились на связанного кота. Но Крючконос сердитыми окриками выгнал их, а особенно разбушевавшегося кобеля посадил на цепь.

Кот был поражён — человек не только не позволил собакам растерзать его, а, наоборот, — защитил от заклятых врагов. Тщетно пытался кот разрешить эту загадку. Она была ему не под силу. С этого момента Боцман окончательно поверил Крючконосу, и отношение к людям у него перестало быть столь однозначным, как прежде. Он даже начал на свой лад делить людей на «добрых», вроде Крючконоса, и «злых», вроде Рыжебородого, убившего Кисточку.

Понятливые лайки после хозяйской взбучки крепко усвоили, что рыси на их подворье — особы неприкосновенные. Но тем не менее не упускали случая порычать на кошек исподтишка.

Наконец пришло время, когда Боцман сам поднялся на ноги.

— Замечательно! Какой ты молодец! — похвалил Крючконос. Лицо зверолова светилось неподдельной радостью. — Ещё немного отъешься, и повезу тебя в город.

На дне холодных и бесстрастных для несведущего человека рысьих глаз Михалыч уловил отклик понимания.

Зверолов успел привязаться к Боцману. Много зверей прошло через его руки, но такого умницы он ещё не встречал.

Постоянно и подолгу разговаривая с ним, Михалыч чувствовал, как приоткрывается какая-то таинственная заслонка, и кот начинает понимать смысл его слов и жестов. А когда зверолов после трёхдневной отлучки зашёл в сарай проведать подопечного, то был удивлён тем, с какой демонстративной обидой отвернул от него высоко поднятую голову гордый кот.

Человек снял с лап рыси путы. Они хоть и не мешали ходить, но вставать с ними было неудобно. Поколебавшись немного, Михалыч удлинил толстый брезентовый ремень, привязанный к сыромятному ошейнику. Эта удавка Боцману не нравилась, и он не единожды пытался стянуть её, но всякий раз безуспешно. К ремню же притерпелся и даже не кусал его, тем более что острые клыки лишь протыкали брезент насквозь: грызть подобно волку или собаке рыси не умеют.

Пошёл четырнадцатый день заточения. Кот совершенно оправился от ран и вновь обрёл грозный вид. Хорошая форма подопечного вдохновляла Михалыча — пора было заняться отловом соболей, но он не мог уйти в тайгу, пока не съест рысей. Оставлять же их под присмотром жены зверолов побаивался — всё-таки хищники, мало ли что... Да и мяса на них не запасёшься.

Зообазы с вывозом что-то медлила. Зверолов нервничал. Наконец пришла радиограмма. Из её текста явствовало, что машина будет через день, но без клеток. Михалыч, поругивая далёкое начальство, не мешкая отправился на пилораму договариваться насчёт досок. Он торопился ещё и потому, что надо было успеть зарезать бычка и, воспользовавшись оказией, повыгоднее сдать мясо в городскую столовую.

Вечером жена сообщила ему, что из тайги вышел Потап — его двоюродный брат. Жил он через дом, и зверолов решил сходить, чтобы узнать, не случилось ли что, — вышел-то брат во внеурочное время. Обычно охотники появлялись в деревне лишь под самый Новый год, да и то дня на два — четыре.

Пока одевался, в дверь постучали и в избу ввалился упредивший его Потап. Огненно-рыжая борода промысловика засияла при электрическом свете, словно хорошо надраенный медный котёл.

— Братан, покажь котяру. Старик говорит, самого Боцмана пригрохнули.

Вооружившись фонариками, мужики вошли в сарай. Рысь под бесцеремонным прицелом слепящих «глаз» отвернула морду и угрожающе заворчала.

— Ну, хватит, Потап.

— Сдавать будешь?

— Да, послезавтра приедут.

Не попрощавшись, Потап зашагал к калитке. Хозяин недоумённым взглядом проводил его и, спохватившись, крикнул вдогонку:

— Чего из тайги так рано? Случилось что?

— Да так, дела, — неопределённо отмахнулся тот.

На следующий день Михалыч с конюхом привезли с пилорамы на саях большой щелястый ящик, сбитый из пахнущих смолой золотистых досок. Набросали в него сена и, не закрывая дверку, подтащили вплотную к сараю, в котором томила Киса.

— Иди, иди, — негромко скомандовал ей зверолов.

Кошка послушно перешла в клетку. Удивлённый конюх не удержался:

— Эва! Убей меня деревом! Как это ты таку власть заимел?

— Через ласку. Ежели принуждать, силой гнуть своё, зверь только злобится.

Клетку закрыли, передвинули по снегу к сараю, в котором держали Боцмана, и оставили там. Зверолов, жалея любимца, не стал перегонять его в холодный, тесный ящик до прихода машины. Тем более что процедура эта не должна отнять много времени — Боцман наверняка сам забежит к подруге. Главное, не дать Кисе выскочить из клетки. Для этого Михалыч приготовил и тут же примерил, вставляя в щели между досок на разной высоте, несколько жердей.

Когда он занимался этим, хлопнула калитка и подошли два соседских мужика. Боцман слышал, как вывели из хлева бычка, как он коротко взревел, и вскоре по двору загулял запах горячей крови, парного мяса. Крючконос на бегу взглянул к нему и бросил тёплой свеженины.

Калитка захлопала чаще. Раздавались всё новые и новые голоса, теперь большей частью женские. Кот прислушивался к оживлению с нарастающей тревогой, но как ни силился, не мог связать воедино значение происходящих событий.

Из дома между тем полились приятные переливчатые звуки. Это деревенский музыкант заиграл на гармошке. Рысь впервые слушала музыку. Она ласкала слух и завораживала даже сильнее, чем говор Крючконоса.

Потом в доме затопали, красиво многоголосо завывли. Кто-то вышел на улицу, остановился у клетки с Кисой.

— У, зверюга! — Человек смачно сплюнул. — Не мне ты попалась! Где тут твой недобитый кавалер?

Дверь к Боцману приоткрылась. С шипением вспыхнул огонёк, и кот увидел рыжебородое лицо убийцы Кисточки. Пахло едким запахом белых, с чёрной головкой «червей». Этот запах-воспоминание перекошил морду Боцмана гримасой ненависти. Кот ощерился, издал громогласное «Ваа-у-у!». Обнажившиеся клыки блеснули, словно стальные пики.

При виде разъярённого дьявола мужество мгновенно оставило пьяного Потапа, или, как его за глаза звали деревенские, Жилу. Он пулей вылетел из сарая, схватил увесистый кол, подпиравший дверь клетки с Кисой и, вернувшись обратно, жестоко отходил им привязанного Боцмана.

Полный мстительного упоения Рыжебородый вышел во двор и увидел... рысь. С воплем: «Оторвалась, спасайтесь!» — он влетел в избу. Там поднялся невообразимый гвалт. Перепуганный Жила, пуча глаза, выкрикивал что-то нечленораздельное. Его переспрашивали, но в шуме ничего нельзя было разобрать.

Боцман, обзолённый унижением и чувством бессилия перед обидчиком, в ярости рвал ремень. Толстая брезентовая лента не поддавалась. Снова и снова опрокидывала она kota на спину. Ошейник врезался в горло, перехватывал дыхание. Рванувшись с разгону в очередной раз, Боцман услышал треск и с лёту ударился головой в стену. В следующее мгновение кот вскочил и сиганул в распахнутую дверь.

На поленнице дров он увидел Кису, отбивавшуюся от наседавших собак. Рассвирепевший Боцман сшиб с ног ближнюю, на ходу сомкнул челюсти на загривке следующей и, не обращая внимания на остальных, бросился с подругой через задворки к вздымавшемуся за рекой спасительному лесу. Не прошло и трёх минут, как они оказались в родной стихии.

Ни собаки, ни хмельные хозяева не решились на ночную погоню. Высыпав во двор, они с суеверным страхом, с примесью невольного восхищения, ахали и грозили кулаком в черноту ночи: «Ну, погоди, bestия!»

* * *

Забравшись высоко в горы, Боцман с Кисой наконец прилегли на снежную перину среди высоченных кедров. Тесно прижавшись друг к другу, они тихо уркали от счастья встречи и обрётённой свободы. Им приветливо светила огромная, в тёмных вмятинах луна.

Отдохнув, рыси тщательно вылизались шершавыми языками. Потом долго с наслаждением купались в искристом, чистом снегу, избавляясь от запахов, напоминавших о плене. В завершение этой памятной ночи они поймали прямо в снежной спальне тетёрку и недурственно подкрепилась. Какой это праздник — свобода!!!

В разгар промыслового сезона бригада звероловов вновь наткнулась на следы неразлучной пары.

Заслышав брехню лаек, рыси стронулись с лёжки и пошли самыми непроходимыми кручами к истоку ручья. Но Михалыч, досконально изучивший рысьи повадки, всё это предвидел. Он пустил по следу лишь трёх собак и одного охотника, а сам с напарником и шестью собаками поджидал кошек на узком переходе, который им сложно миновать.

Расчёты бригадира оправдались. Рыси вышли чуть ниже места засады. Промысловики спустили зверовых псов. Разразившись громовым лаем, они вмиг окружили ошеломлённых беглецов.

Боцман уже высматривал подходящее для спасения дерево, но, услышав крики людей, изменил своё намерение.

Люди быстро приближались. В одном из них глазастый кот узнал Крючконоса. Тот бежал с толстым одеялом чуть позади напарника.

В это время здоровенный кобель бросился на Кису, целя прямо в горло. Боцман рванулся наперерез и едва успел подставить плечо. Опрокинув пса, он распорол когтями ему брюхо. Визжа от боли, собака покатила с кручи. Восполь-

зовавшись заминкой, кот устрашающе шипящим комом пролетел сквозь свору и помчался огромными махами навстречу двуногим. Лайки кинулись за ним, и сметливая Киса припустила во весь дух в противоположную сторону.

Увидев летящую прямо на них огромную рысь, звероловы оторопели. Напарник Крючконоса вскинул ружьё. Тот что-то крикнул ему, и громовая палка опустилась. Тем временем кот пронёсся мимо побелевшего, как снег, Крючконоса и скрылся в ельнике...

Бригадир окликнул лаек, но две самые азартные и отчаянные не подчинились и продолжили погоню. Определил по лаю, что собак мало, Боцман затаился за выворотнем. Вымахнув преследователям наперерез, он оторвал ухо одной и разодрал бок у другой. Поджав хвосты, посрамлённые псы пустились наутёк.

К исходу дня Боцман разыскал Кису. Они опять были вместе.

Всё чаще владения неразлучной пары разрезали длинные следы «зимних ног» охотников, вынужденных в поисках более богатых соболями угодий забираться в тайгу всё глубже и глубже. Кошки притерпелись к этим двойным, гладко накатанным канавкам и иногда, особенно после обильных снегопадов, даже ходили по ним, хотя Боцман знал, что они могут таить смерть.

Однажды, выйдя на место пересечения своей постоянной тропы с лыжной колеёй, звери уловили соблазнительный запах рябчика, а вскоре увидели его самого, неподвижно сидящего на снегу. Боцману показалось, что от лыжни к птице ведут аккуратно присыпанные лунки. Эти намёки на след наполнили его сердце смутным предчувствием. Всё говорило о том, что рябчика лучше не трогать, обойти стороной.

Кот дал понять о своих опасениях подруге, но ей нестерпимо хотелось есть, и она не устояла перед возможностью полакомиться белым мясом лесной курочки.

Несколько минут спустя по её телу разлился и стал проникать во все органы жгучий огонь. Киса, тяжело дыша, присела. Эта перемена подтвердила предчувствия Боцмана. Он принялся нетерпеливо подталкивать подругу, побуждая её быстрее покинуть подозрительное место. Но бедняжка вдруг

повалилась на снег и забилась в частых и резких судорогах. Напряжённая спина прогнулась дугой. Невидимая чудовищная сила всё загибалась и загибалась её так, что позвоночник затрещал и голова в конце концов коснулась хребта. Из пасти Кисы потянулись тягучие струйки слюны, зрачки глаз неестественно расширились, лапы мелко задрожали.

Кот с тревогой наблюдал за страданиями подруги, не представляя, чем ей помочь. В какой-то миг Боцман заметил, что её страдальческий взор, устремлённый до этого на него, как бы опрокинулся и стал погружаться вглубь широко раскрытых зрачков.

...Киса давно стихла, а Боцман всё сидел рядом, всё тыкался в её плечо, тщетно пытаясь поднять и увести отлежаться в безопасном месте. Когда тело кошки стало таким же холодным, как снег, кот наконец понял, что его спутница никогда уже больше не встанет. И он ушёл... Один...

На снегу осталась лежать очередная жертва, принесённая «старшим братьям» для того, чтобы со временем украсить женские плечи красивой рысьей накидкой.

Потеряв Кису, Боцман впал в состояние тупого отчаяния. Он ничего не ел — тоска убила в нём голод.

Через несколько дней он вернулся на то место, где оставил её, но обнаружил там лишь ненавистных вонючих «червей».

Часть вторая

Прошло четыре года. Всё это время обладатель поседевших бакенбардов жил угрюмым отшельником. Впрочем, если бы он и пожелал обзавестись подругой, то не смог бы исполнить это желание по причине того, что все его соплеменницы за это время были либо отравлены, либо отловлены. Более того, Боцман остался вообще одним-единственным представителем своего вида в этом, совсем недавно, богатом рысями крае.

От собак и охотников ему не стало житья. Тайга, казалось, была пронизана смертью. Одиноким, громадный кот сделался желанной добычей всех окрестных зверобоев.

Их профессиональное честолюбие будоражили легенды о подвигах знаменитого кота, о его дьявольской хитрости и изворотливости. Эта репутация была вполне заслуженной: частые стычки со зверобоями многому научили Боцмана.

Но стремление добыть исполинского кота более всего подогревалось тем, что рысьи шкуры в эти годы вошли в моду и цена на них чрезвычайно выросла. А красивый окрас и рекордные размеры шубы Боцмана в любом случае сулили немалые барыши. Тем более что вездесущие скупщики забирались в самые отдалённые деревушки и назначали баснословное вознаграждение.

К тому же любому охотнику лестно было заиметь и череп Боцмана. Величина отпечатков лап kota давала уверенность в получении за такой череп не только золотой медали на выставке охотничьих трофеев, но и побитие всех прежних рекордов.

Боцману, конечно, было невдомёк, обладателем каких опасных достоинств является он, но то, что люди настойчиво добиваются его смерти, для него было очевидно — их жестокая воля неотступно преследовала его.

Постоянное напряжение развило его наблюдательность до совершенства, а великолепная память помогала не повторять ошибок. Благодаря этому ему удавалось оставлять с носом самых бывалых промысловиков.

Временами на Боцмана накатывала тоска по обществу себе подобных. Она нарастала, терзала сердце. И тогда кот, дабы заглушить муки одиночества, принимался вопить так, что обитатели окрестных гнёзд и нор цепенели от ужаса.

Очередной сезон близился к завершению, но никто из зверобоев так и не смог вынуть из котомки и развернуть перед скупщиком роскошную шкуру Боцмана.

С приближением весны вместе со снегом таяли и надежды на знатную добычу. А тут ещё случилась невиданная, затяжная оттепель. Надулись нежные пуховички на прибрежных ивах. Ледяная броня на набухшей реке разошлась в трещинах и стала пористой, белой, как сахар. Похоже было, что лёд тронется намного раньше срока.

В эти дни из самого центра прибыл в село лихой скупщик и назначил за шкуру рыси такую цену, что все аж присвистнули. Наиболее азартные и охочие до денег и обещанной выпивки зверобои решили объединиться и провести облаву артельно. Тому, кто добудет kota, половину цены, а остальное поровну на всех участников.

Обсудив, кто и где в последний раз видел следы рыси, определили район поиска, а в тайге по свежим отпечаткам на расквашенном снегу сузили его до одной столообразной, лесистой горы. Она тянулась перпендикулярно к реке и обрывалась в неё неприступной стеной.

Разбившись на пять групп, зверобои охватили гору вытянутым полукругом и, пересидев ночь в укромных ложбинах, в назначенный час стали подниматься по снежной хляби.

Боцман отдыхал на стволе поваленного кедра, когда дремлотную тишину глухолесья нарушили сначала гортанные крики ворон, а затем внезапно возникший сплошной треск. Зародившись в глубине леса, он быстро приближался. Чуткое ухо уже различало сквозь него отдалённый лай опостылевших собак. Кот встрепенулся. Вскоре мимо пронеслось, круша всё на своём пути, стадо лосей.

Лай приближался. Боцман тяжело вздохнул. За долгую зиму в нём успела накопиться усталость от этих вечных бегов. Эх, быстрее бы сошёл снег! Тогда на несколько месяцев придёт долгожданный покой. Но до этих времён ещё надо дожить. Кот без лишней суеты и паники, размашисто припустил на противоположный лаю склон.

Уходил спокойно, так как был уверен, что узколапым псам по расквашенному снегу не настичь его. Но вскоре услышал встречный лай. Что делать?! Боцман побежал по косой, с намерением найти проход у дальней оконечности горы. Однако и там уже мельтешили в просветах леса собаки, за ними люди.

Кот в смятении остановился. Один вырвавшийся вперёд двуногий находился на расстоянии чуть более ста метров. Тренированный глаз охотника засёк притаившуюся в кустах рысь, и он вскинул громовую палку. Боцман сразу признал стрелка — это был Рыжебородый. Быстрее прочь!

К отступлению оставался единственный путь — река, но как спуститься к ней по отвесной стене? В это время вокруг прожужжал густой рой смертоносных «ос». Две из них впились в тело, третья резанула левое ухо. Стреляй зверобой пульей — несдобровать бы нашему коту, но Жила, не отличаясь меткостью, предпочитал бить снопом картечи. Однако в этот раз расстояние оказалось слишком велико для убойного выстрела. Хотя две картечины и догнали его, они застряли в мякоти, не причинив большого вреда.

Боцман отпрыгнул за ствол дерева. Что делать? Набатный лай и выстрелы приближались. Сейчас кольцо сомкнётся и тогда...

Кот рванул изо всех сил к реке — своей последней надежде.

Большинство собак преследовало изрядно осточертевшего им kota уже по-зрячему. Они жаждали загнать его в конце

концов на дерево и отлаять от души, как обычную деревенскую кошку, а когда подойдёт хозяин и продырявит усатую морду, рвануть хоть разок крапчатый бок.

До обрыва коту оставалось совсем немного, когда не только сзади, но и слева, и справа стали выкатываться пёстрыми комьями собаки с крутыми серпами хвостов. Увидев уходящую к реке рысь, крайние ринулись на перехват.

Боцман растерянно остановился — его лишали последнего шанса на спасение. Тайгу заливал лай сомкнувших кольцо собак. За их спинами громыхали выстрелы и слышались победные возгласы людей, свист пуль. Всё, не уйти! Обложили намертво. Кот увидел свою смерть так ясно, что шерсть на загривке поднялась дыбом, но сдаваться было не в его правилах.

Выбирая удобную для боя позицию, он вскочил было на макушку протаявшего из-под снега выворотня, лежащего у края глубокого провала, как вдруг, ещё не понимая смысла своего безрассудства, неожиданно скатился вниз, обдираясь о сучья стволов, нагромождённых на крутых скатах, прямо к устью огромной воронки.

Лайки, порывисто дыша, обступили край провала и зло-радно облаивали запертую в ловушке рысь.

Подбежавшие зверобои открыли стрельбу по светлым пятнам на дне провала, пока кто-то не образумил:

— Кончай палить — всю шкуру продырявим. Если жив ещё, и так никуда не денется.

Эти слова прозвучали сигналом. Все расслабились. Азарт спал. Охотники вдруг почувствовали, как устали и проголодались за эти дни.

— Чаю бы попить — во рту пересохло, мочи нет, — произнёс заросший щетиной Глеб.

— Да что чай?! Кота надо брать!

— Вот уж не скажи. Чай вещь стоящая. Чай он живость даёт. Подойдёшь, бывало, с поклажей к горе. Посмотришь — ни в жисть не одолеть. Костерок наладишь, крепкого, запаристого заваришь, выпьешь кружку и взберёшься на одном дыхании до самой верхотуры, — убедительно возразил самый пожилой из них, Тихон.

— Верно говоришь. Коту теперича некуда деться. Не грех и чайком побаловаться, со вчерашнего на сухомятке.

Промысловики сноровисто развели костерок и, подвесив котелок со снегом, обменивались, как обычно, впечатлениями. Больше всех заливался рыжий Потап:

— Видали, как удачно я его зацепил! След сразу закровил. Знать, сильно — вишь аж в яму свалился, окаянный. Сколько промышляю, а такой хитрющей твари не встречал. Ведь столько лет нас дурачил!

— Ну, ноне ему крышка!

— Всё же жалко, мужики. Как-то без рыси в тайге не того... Вроде как пресновато. Это всё одно, что щи без капусты или баня без пара.

— Да народятся ещё, али понавезут откуда, расселят, ежели нужный зверь...

Почаёвничав, возбуждённые предвкушением знатной добычи, охотники спустились на верёвках, по более чистому от валежин склону провала, Потапа и Глеба.

Достигнув дна воронки, те долго и осторожно лазили, с ружьями на изготовку, по шатающимся угловатым глыбам, заглядывали под них и, наконец, чертыхаясь, поднялись с помощью поджидавших товарищей наверх.

— Ушла, гадина. Под камнями лаз. Из него дует, как из трубы. Похоже, где-то выход есть, — оправдываясь, бормотал Глеб. Потап же, ни слова не говоря, направился к береговой круче.

Боцман за это время уже проник по узкому каналу в сумрачный грот и в конце горловины увидел реку, подтопленный вешней водой противоположный берег. Внизу в метре от края уступа плыли, скрежеща по отполированному прижиму, разнокалиберные льдины.

Всё правильно. Кота не обмануло смутно мелькнувшее воспоминание: это был тот самый провал, благодаря которому он спасся во время наводнения много лет назад.

Не теряя времени, рысь наметила подходящую льдину и, когда она поравнялась с чёрным зевом, прыгнула на неё. Льдина упруго качнулась и понеслась дальше по отбойной стремнине.

Но что это за резкий, дробный стук вокруг? Острый осколок льда больно ударил по нижней губе, и тут уже сверху донёсся грохот. Оглянувшись, Боцман увидел на отвесной

береговой круче человека с громовой палкой. Рыжебородый! Нигде нет от него спасения!

Не дожидаясь очередного выстрела, кот сиганул в студёный поток. Вода разошлась двумя искрящимися крыльями брызг. Боцман на пару секунд погрузился в изумрудную толщу, а вынырнув, поплыл рядом с льдиной.

Рысь ещё несколько раз слышала резкие хлопки, булькающий посев по воде, шелчки по льду, но и они вскоре прекратились. Коченея, Боцман вскарабкался обратно и обернулся. Силуэт охотника мелькнул последний раз и исчез за надвинувшимся отрогом. Река, делая крутой поворот, уже затягивала Боцмана в теснину длинного ущелья, туда, где кота караулил каскад бесноватых порогов.

Долго они глумились над несчастным зверем: швыряли, вертели среди рёва тысячи медведей. Оглохший кот распластался на льдистой броне, намертво вцепившись в неё когтями-крючьями. Несколько раз льдину дыбило, окатывало мощными водяными валами. Но, видно, судьба решила и на этот раз пощадить рысь: ревучий поток прорезал гранитный кряж, и изрядно потрёпанная посуда успокоилась. Её то и дело проносило вблизи берега, и Боцман не раз уже порывался покинуть хрупкое, ненадёжное пристанище, но всё недоставало смелости. Нерешительность чуть не стоила ему жизни.

На одном кривуне образовался многоярусный ледовый затор. Река с глухим рёвом уходила под него, громоздя поверх всё новые и новые обломки. «Плотик» Боцмана несло прямо в центр этой необычной крепости. От резкого удара льдина дрогнула и, подпираемая сзади другими, раскололась пополам. Ещё миг, и Боцман навсегда исчез бы в бурлящей пучине, но он успел запрыгнуть на угловатую, подрагивающую от бешеного напора плотину и, не задерживаясь, проскакал по напряжённому вибрирующим осколкам на берег.

На земле кот зябко отряхнулся. Шатаясь от усталости, поднялся на мысок и повалился на подсохший пяточок земли. «Неужели несчастья этого сумасшедшего дня остались позади и теперь можно спокойно полежать?!» — говорили всё ещё не верящие в спасение его глаза.

Боцману следовало, наверное, завопить что есть мочи, дабы известить тайгу о своём невероятном спасении, но бедолага не то что вопля, даже стоны не в состоянии был издать.

Ноющая боль в задней части тела напомнила о метком выстреле Рыжебородого. Вылизав зад, Боцман обнаружил две ранки. «Ничего, бегать можно, а к боли притерплюсь» — примерно так оценил своё положение несокрушимый кот.

Опасаясь преследования, Боцман отступил в каменные дебри высоких гольцов. Здесь ещё властвовали морозы, и чахлые деревья поутру наряжались в густые шубы из искристого куржака.

Поскольку ни зайцы, ни косули не обитали в этих суровых местах, Боцману пришлось довольствоваться одними белыми куропатками. Но они, непуганые и доверчивые, с каждым днём становились всё осторожней, и кот вскоре был вынужден откочевать в средний пояс гор.

Раны не заживали, наоборот, воспалились до такой степени, что задние ноги отказывались служить. Зверь с каждым днём хирел. Все свои несчастья искалеченный кот связывал с человеком и его паскудными прислужниками — собаками. Когда он вспоминал о них, в нём разгоралась жажда мести. Это по их милости он лишён радости настоящей охоты и сейчас голодает, хотя повсюду прямо под носом бегаёт и летает желанная дичь — увы, она недоступна ему.

От плохой и скудной пищи Боцман стал похож на облезлую, запаршивевшую кошку. Рёбра от худобы выпирали, словно согнутые весенним паводком ивовые прутья. Угловатый таз и острые лопатки горбами торчали из-под вытершейся шкуры. Молодецкие бакенбарды совсем обвисли и имели вид пожухлой травы. Пустой желудок разрывали болезненные спазмы.

Чувство голода временами было столь острым и нестерпимым, что кот принимался глотать кору и откусывать, словно заяц, верхушки веточек. Но не такая пища нужна была ему. Организм жаждал кровавого мяса.

Иссохший, похожий на мумию, Боцман тем не менее и тут приспособился. Смирив гордыню, он стал неотступно следовать на безопасном расстоянии за добычливой стаей волков и перебиваться скудными объедками от их пиршеств.

Непредсказуемая погода преподнесла в разгар весны очередную сюрприз. Нежданно-негаданно воротилась зима. Сутки, не переставая, валил снег, задул северный ветер. Потом ударили такие морозы, что затрещали деревья.

Продрогший Боцман лежал у дочиста обглоданных остатков сохатого и, по-стариковски вздыхая, высматривал, откуда бы выковырнуть ещё хоть одну ниточку мяса, как вдруг послышался короткий охотничий клич волчьей братии.

Переждав несколько часов, кот поковылял туда, уверенный, что их охота увенчалась успехом. Так оно и было, но, к несчастью, он ошибся в выборе маршрута и столкнулся нос к носу с самой стаей.

Волки давно обратили внимание на то, что за ними ходит рысь, и если при безуспешной охоте возвращались к недоеденной добыче, то всегда находили там круглые отпечатки рысьих лап и чисто вылизанные языком-тёркой кости.

Серых, испытывавших к кошачьему племени особую неприязнь, раздражала к тому же назойливость побирушки. И вот представился удобный случай проучить воришку.

Пригнув головы, они молча обступили кота. Вожак впился немигающим взглядом в зрачки рыси.

Боцман не отвернулся, выдержал чугунный взгляд-натиск, чем ещё сильнее озлобил матёрого, и тот ринулся в атаку. Боцман попытался прорвать кольцо, но вожак в прыжке достал его и резанул клыками прямо по ранам. У кота от адской



боли потемнело в глазах. Он опрокинулся на спину и приготовился потрошить острыми как бритвы когтями тугие животы объевшихся волков, но те благоразумно отпрянули.

Страх смерти вернул Боцману силы. Неожиданно для стаи он перемахнул через разящие смрадным запахом пасти и пустился наутёк. Но слабость тут же дала о себе знать: серые настигли его и сбили с ног. Переплетаясь в разлапистый ком, они скатились в глубокую ложбину.

Высоко набившийся свежий снег лежал там пухлой, воздушной периной. Волки погрузились в её толщу по самое брюхо и стали совершенно беспомощными. Боцман же на своих широких, мохнатых лапах-снегоступах проваливался всего по колено. Воспользовавшись этим преимуществом, он поспешно выбрался из ямы и покинул территорию стаи.

* * *

Рано начавшаяся, но затянувшаяся весна наконец-то вступила в свои права. Снег второй раз за эту весну сползал с южных склонов прямо на глазах. Вновь вспенились, загремели притихшие было речки. В каждом, даже самом крохотном распадке залопотали ручейки, проклюнулась и резко пошла в рост трава.

Больной кот безошибочно находил на склонах сопок растения, изгоняющие хворь. Поедая их, он стал поправляться и набираться сил. Зарубцевавшиеся раны, правда, ещё беспокоили, но уже не пульсирующей острой болью, а непродолжительными ноющими приступами.

Боцман опять охотился, не зная промаха. Точность прыжков и сила челюстей не оставляли намеченной жертве никаких надежд. Озлобленность угасала. Совсем недавно каждая его клетка требовала мщения за перенесённые страдания и несчастья. Теперь это чувство вытеснялось наслаждением от вернувшихся сил и сопричастности к ликованию расцветавшей под лучами щедрого солнца тайги. Тем более что настала та благодатная пора, когда запах двуногих надолго выветривается из неё. Кот без опаски спустился с гор и поселился в долине Главной реки, где водились косули, да и зайцев здесь было заметно больше.

Конец весны и лето выдались засушливые. За две полные луны с раскалённых добела небес не упало ни единой капли. Опалённые листья безжизненно сворачивались и, сухо шелестя, облетали. Хлябистые болотины превратились в крошащиеся под копытами оленей пустоши. Илистые речные заводи обнажились до дна и покрылись обжигающей коркой, изрезанной сеткой глубоких трещин. Горные ручьи иссякли. Их русла теперь напоминали неровно вымощенные жёлто-коричневыми валунами дороги с вялой струйкой, сиротливо соединяющей блюда тёплой воды.

От зноя Боцман находил спасение в узком каменном развале, на дно которого солнце не заглядывало даже в полдень. Однажды он отдыхал на полюбившейся шершавой плите. Вдруг в отдалении возник шум. Кто-то, грузно перепрыгивая через преграды, бежал от реки в его сторону. Кот насторожился.

Вот мелькнул смутный силуэт, и в струях ветра он явно чувствовал дурманящий запах крови.

Это был лось, раненный на берегу залива геологами, добравшимися и до этой глуши. Пуля «турбинка» разорвала ему лёгкие. Кровь хлестала из раны на мокрые от пота бока, клочкотала в пробитой трахее.

Возбуждённый Боцман затрусил по буро-красному следу в предвкушении поживы. Однако сохатый не собирался испускать дух. Он зашёл в обмелевшую старицу и, жадно напившись, выбрался на другой берег. Здесь лёг было в тени деревьев, но, увидев рысь, переплывавшую старицу, встал и, тяжело ступая, скрылся в хвойной чаще.

Боцман с досады отрывисто вякнул вдогонку и настырно продолжил преследование. След привёл к скату высокой гряды. Лось попытался с ходу перевалить её, но, поднявшись до середины, выдохся. Голова, увенчанная ещё неокостеневшими лопатами рогов, опускалась всё ниже и ниже. Дышал лось с натугой и прерывистым свистом. Быстро густеющая в сухом воздухе кровь забивала лёгкие. Розовая пена клочьями срывалась с губы. Бык с усилием поднял голову, поглядел мутнеющим взором на Боцмана, словно приглашая скорее прекратить жестокие мучения, и, теряя последние силы, уронил её на грудь и замер неподвижно в ожидании

смерти. Наконец ноги подломились, таёжный исполин рухнул и покатился по круче...

От обильной еды утроба поджарого Боцмана туго растянулась. Обжора забрался под навес из мохнатых еловых лап и, изнемогая от сытости, лежал там до тех пор, пока жажда не погнала его к старице.

Здесь, у самого берега, между подводных валунов чуть шевелилась ещё одна ненасытная обжора — щука. Из её пасти торчал хвост крупного налима: налим был так велик, что щука сумела проглотить его лишь наполовину.

Боцман приблизился к щуке почти вплотную, но она, скованная непомерной добычей, даже не смогла сдвинуться с места. Кот есть кот. Несмотря на сытость, он не устоял перед соблазном отведать двойного рыбного деликатеса. Потом, утолив жажду, лениво побултыхался в старице. Вода, благодаря родниковой подпитке, была достаточно холодной и хорошо освежила.

В сытом блаженстве он не придал значения тому, что запах дыма, витавший в тайге уже несколько дней, к вечеру заметно погустел. Из-за гор медленно выползала сизая пелена. Но не один Боцман был так беспечен. Ведь для многих зверей сушь принесла облегчение уже тем, что избавила от кровососов. Теперь можно было в любое время суток спокойно пасть либо принимать водные ванны. Благо река широкая, глубокая, и ей не страшен длительный зной. А то, что высохли до трещин илистые заводи и болотины, только на пользу — они-то и были главными рассадниками комаров и мошкар.

Беда пришла ночью, когда объевшийся Боцман, изменив кошачьей повадке бродяжничать под луной, крепко спал.

Отблески приближающегося пожара запылали на побагровевшем небосводе. Дым тянулся по долине и быстро заполнял её пределы, ограниченные справа и слева горными отрогами. В зловещих отсветах зарева летели птицы, неслись к реке потоком разномастные, но одинаково перепуганные, взерошенные звери. Сквозь топот множества копыт доносился отдалённый рокот пламени.

Наконец стена слепящего огня одолела последний увал и, как туго наполненный парус, понеслась по долине наискосок от пристанища Боцмана.

Кот, спавший под плотным навесом ветвей ели, наконец почувствовал неладное и открыл глаза. Мимо пронёсся чёрной молнией подпалённый заяц. Высунувшись из-под зелёной кровли, Боцман вмиг сообразил, что и ему надо бежать со всех ног, но только куда? Где спасение?

Огонь, освещая дорогу факелами смолистых крон, с треском катился по левому берегу старицы, оставив еловый массив на правой стороне, где находилась рысь, нетронутым. Горячий ветер обжигаящей волной спешил впереди огня, прокаливая деревья и покусывая хвосты замешкавшихся зверей. Те, достигнув реки, без промедления бросались в воду и плыли, сносимые сильным течением, на другой берег. Часть животных, не умеющих плавать, металась по галечнику или стояла в мелководье. Хищники здесь не обращали внимания на потенциальную добычу — страх смерти и общая беда примирила всех.

Ветер тем временем сменил направление. Колеблющийся фронт огненного вала, взметая на устрашающую высоту горящие сучья, куски корчащейся от жара коры, перекинулся через суженье старицы на правую половину елового массива и покатился вдоль подножья гряды прямо на Боцмана. Нашпигованный раскалёнными угольками огненный вихрь поразительно быстро запустил в ельник жадные, всепожирающие щупальца. Одно из них, догнав рысь, бесследно слизнуло кисточки на ушах и подпало спину.

Обезумевший Боцман забрался под обрыв, где наткнулся на барсучью нору, и в ужасе забился в самую дальнюю камеру.

Пожар, охватив всю правую сторону долины, рвался теперь через реку. Но, к счастью, ни одна искра не пережила полёта через водяную преграду и не достигла зелёной стены левобережной тайги.

Ткнувшись в широкую ленту воды, пламя злобно затрещало в худосочном ивняке. Быстро таяла, пожирая саму себя, языкастая стена. Вот уже синие сполохи забежали по россыпям углей. Жар, медленно уходя вглубь, накидывал на землю серое покрывало. Река, усыпанная пеплом, подхватила удушливый запах гари и понесла его вниз к пенистым шиверам*.

* Шивера — каменистый пережат на реке.



Не скоро Боцман высунул морду из горячей норы. Вместо непролазной, спелой тайги перед ним простиралась безжизненная дымящаяся чёрная пустошь, утыканная уродливыми скелетами деревьев. Ни на земле, ни в небе не было ни единого живого создания. Ветер тоскливо завывал в изъеденных

огнём стволах. От угольных громад суставчато потрескавшихся осин всё ещё отдавало жаром.

Прокопчённый прибрежный ивняк, словно ажурный забор, делил округу на две части: выгоревший до черноты погост с одной стороны и изумрудную чашу за рекой — с другой. Кот, внимательно выбирая места, пошёл к берегу, но всё равно иногда всё же наступал на тлеющие изнутри головешки и обжигал подушки лап. Путь к реке стал настоящей пыткой.

Зато, переплыв на не тронутый пожаром берег, Боцман забрался в скалы, где наконец смог остудится от жара «взбесившегося солнца».

Дождавшись темноты, Боцман стал подниматься в поисках пропитания по долине ключа. Пройдя от устья шагов двести, он упёрся в едва заметную даже вблизи преграду — туго натянутую капроновую сетку. Перегораживая весь распадок, она оставляла узкий проход лишь возле отвесного склона.

Учёный кот надолго замер, прислушиваясь и принохиваясь. А когда решил, что опасности нет, осторожно шмыгнул в открытый проход. Но не успел он сделать и трёх шагов, как сбоку громыхнуло и его оглушил удар по голове. Когда Боцман пришёл в себя, то почуял в воздухе запах пороховой гари. Опять эти люди! И летом не стало спасения от них.

Его спасло то, что самострел настораживался в расчёте на часто проходивших здесь оленей. Пуля лишь скользнула по затылку, срезав полоску кожи.

Медленно накапливающаяся усталость от постоянного, назойливого преследования человеком должна была, в конце концов, вылиться либо в беспощадную месть, либо в поиск недоступной для людей глухомани. Покладистый, уравновешенный Боцман выбрал второй путь и двинулся на северо-восток, в лесные дебри, не тронутые опустошительными пожарами.

Пройдя морщинистое нагорье и перевалив через безжизненную громаду Главного хребта, Боцман начал спускаться по серым сланцевым уступам высокой гряды в неведомый доселе край. Кота давно мучила жажда, и, наконец, он услышал шум падающей воды.

Мощный ключ бугристым фонтаном бил прямо из щели между скальными плитами. Пробежав совсем немного, вода плавленным серебром срывалась вниз и летела в сиянии

радужной пыли, медленно разделяясь в воздухе на сверкающие гроздьи.

Налакавшись прозрачной, как слеза, влаги, рысь спустилась в обширную маристую равнину, обрамлённую зубцами далёких гор, и сразу попала в буйные заросли травы, такие густые и высокие, что они скрыли длинноногого кота целиком. Пройдя их, он углубился в тесную, перестойную чашу. Процеженные густыми ветвями пучки солнечных лучей едва освещали проходы между сучкастых стволов елей и пихт, обвешанных косматыми бородами лишайника.

В этом непроницаемом, насыщенном влагой, несмотря на двухмесячную сушь, лесу царила мёртвая тишина. Застоявшийся воздух был насквозь пропитан гнилостными испарениями. На земле повсюду валялись трухлявые стволы, обомшелые сучья. Между ними поблёскивали чёрные оконца затхлой воды.

То и дело расступаясь, чащоба открывала непролазные болотины с густой сетью озерков, разделённых мшистыми перемычками. По ним Боцман перебирался до очередной лесистой гривы. Здесь, на открытых пятачках, подсушенный мох хрупко проминался, и лапы утопали в нём, будто в молодом промороженном снегу.

Кот всё шёл и шёл к неведомой цели, обходя по гривкам вязкие трясины. Редкий зверь заходил сюда — каждый неверно сделанный шаг сулил стать последним: бездонная топь цепко хватала и засасывала неосторожных в свою утробу. А если кто и забредал в эти гиблые, бесприютные места, то старался как можно быстрее выбраться и уйти в горы.

Боцман же, упорно придерживаясь выбранного курса, пересекал очередную, несчётную гриву, как вдруг деревья поредели и за широкой марью с тонкоствольным редколесьем его взору открылся массив высоких останцев, чисто-белого цвета. Под их усечёнными вершинами, спускаясь по террасам, контрастно зеленели вкрапления леса.

В центре торжественно возвышалась главная и когда-то, должно быть, весьма высокая гора, распавшаяся со временем на несколько близко стоящих столбов причудливой формы. Перейдя марь, Боцман решил обследовать иссечённые временем скалы.

На покато́м приступке у одной из них он обнаружил покосившееся бревенчатое логово людей, укрытое от сторонних взоров неподвижно дремавшими на солнцепё́ке разлапистыми кедрами. Плоская земляная крыша топорщилась опрятными ёлочками, запустившими корни в толстые, полуистлевшие плахи перекрытия. В углу над тем местом, где когда-то была печь или очаг, крыша и вовсе обвалилась. Стены обросли мшистым ковром, особенно густым понизу. Из оконного проёма насторожённо выглядывала чахлая берёзка.

Между бронзовых стволов были перекинута́ почерневшие от времени жерди. С одной из них свисали на ржавых цепях железки. От ветра они раскачивались и тягуче позванивали. Возле покосившейся двери белели остатки скелета собаки с полусгнившим ошейником вокруг шейных позвонков.

Ветер выносил из логова приятный, но незнакомый запах. Он смущал, тревожил Боцмана, и хотя его разбирало любопытство, интуиция подсказала о таящейся там угрозе. Постояв немного, кот оставил становище людей и стал подниматься по лесистому проёму между известковых столбов. Он разделял их как бы на две группы. Откуда-то сверху, прыгая по камням, вызванивал ручеёк. На деревьях виднелись заплывшие задиры. Кот принял их за медвежьи метки, но это были старые затёсы, сделанные топором.

Изьеденные ветрами и дождями белые столбы имели многочисленные уступы, карнизы, тесные проходы, которые рыси обожают и лазают по ним с особым удовольствием. И сейчас, запрыгнув на огромный ребристый обломок, Боцман перебрался на узкий карниз, змеёй опоясывающий самый внушительный столб-башню. Поднимаясь по нему, он достиг небольшой террасы, покрытой белыми валунами и скудными пучками жёсткой травы. Тут же, под скальным козырьком, похожим на загнутое крыло, чернел лаз. Войдя в него, кот оказался в сухой пещере. Её дно устлала невесть как попавшие сюда листья, мох. Справа возвышался настил из грубо обтёсанных плах с грудой шкур поверх. Слева в нише стояли чёрные доски, тускло мерцавшие в полумраке золотистыми и красными мазками. Из глубины пещеры шёл противный, всегда таящий угрозу, запах железа. Чтобы

не искушать судьбу, Боцман вернулся на террасу и, прыгая с уступа на уступ, взобрался на вершину горной цитадели.

Вокруг неё во все стороны простирались поля топких марей, непролазные буреломные крепи, разделённые зеркалами болотин. Всё это обрамляли цепи синих гор. За ними, где-то далеко на западе осталось поселение ненавистных ему охотников. Битый жизнью Боцман вздохнул свободно, всей грудью — необозримая глушь вселяла покой.

Новое пристанище, надёжно защищённое от людей самой природой, было тем, к чему так упорно шёл он как бы по под-сказке из глубины поколений. Кот удовлетворённо почесал грудь когтистой лапой и лёг подремать. Упрямая складка на лбу расправилась, на морде заблуждало подобие улыбки.

Несколько дней ушло на обследование новых владений. Вскоре Боцман убедился, что здесь он не пропадёт — дичь была в изобилии.

Кот перестал бродяжничать и всё время держался Белых скал. Утолив за время ночной охоты голод, он забирался на неприступные столбы и часами лежал там, сладко жму-рясь на припёке.

Неумолимое время торопливо отсчитывало: день-ночь, день-ночь... Лето хирело. Деревья тронула кисть осени. Следом ударили заморозки. Трава пожухла, покрылась желтиз-ной. Полетели, закружились листья-парашютики. Нежно-зелёные облака, окутывавшие немногочисленные здесь ли-ственницы, порыжели и быстро гасли на ветру.

Все эти перемены породили у Боцмана беспокойство: опять приближалась та снежная пора, когда тайга заполня-ется охотниками, с утра до вечера гремят выстрелы, надры-ваются собаки.

Кот опасался, что и бревенчатое логово под скалой не-долго будет пустовать. Он не знал, да и не мог знать о том, что покой Белых скал защищают не столько топкие и не-пролазные дебри — они зимой не преграда, сколько дурная слава, прочно закрепившаяся за этим местом с незапамятных времён.

Людская молва гласила, что в этих скалах обитают злые духи, охраняемые кровожадной стаей волков-оборот-ней. В награду за верную службу духи заманивают в скалы

путников и отдают их на растерзание оборотням. Поэтому даже бывалые охотники остерегались сюда забредать.

Как-то, уже после первого снега, Боцмана, отдохавшего на скале, разбудил громовой рёв. Встревоженный кот подполз к краю площадки. Внизу, у ручейка, выбегавшего из родниковой чаши, он увидел дерущихся медведей, не поделивших берлогу.

На арену боя, чёрным пятном выделявшуюся на сияющей белизне снежного покрова, даже сейчас, в самом начале баталии, страшно было взглянуть: земля изрыта, камни выворочены, деревья переломаны и втоптыны в грязное месиво.

Битва была упорной. Исполины сошлись в непримиримой схватке: грозно рывкали, не размыкая могучих объятий, рвали друг друга клыками и когтищами, но ни один не желал уступить. Наконец более крупный оттолкнул от себя соперника, и тот распростёрся на снегу с разорванным горлом.

Взъерошенный победитель устало сел и, озабоченно склонив окровавленную голову, стал прижимать передними лапами что-то переливчато-блестящее к животу. Боцман не сразу понял смысл этих странных манипуляций, но, наконец, разглядел, что медведь заправляет в разорванное брюхо вывалившиеся кишки.

Огромный зверь жалобно охал, но, пересиливая боль, мужественно продолжал страшную процедуру. Потом завалился на бок и весь день лежал так в ожидании смерти. Берлога осталась пустой...

* * *

Девятнадцатая для Боцмана зима пересекла границу самой продолжительной ночи, и настала пора сильных морозов. Густая зимняя шуба и дичь в достатке позволяли коту и в это суровое время жить справно.

За месяцы, проведённые в Белых скалах, кот стал забывать свои прежние страхи и беды и медленно выходил из постоянно напряжённого состояния. Ограниченные пределы каменного острова уже не устраивали его, и он стал спускаться на впадину, забираясь с каждой вылазкой всё дальше и дальше. Благо, топи промёрзли, а буреломы занесло снегом.

Наконец настал день, когда след ночного бродяги достиг складчатых отрогов, за которыми дыбились изрезанные ущельями горы, такие громадные после Белых скал, что у Боцмана даже дух захватило. Легко поднявшись на первый предгорный увал, он остановился, поражённый: перед ним тянулась бесконечная двойная колея — след зимних ног человека.

Насторожённо прислушиваясь, кот окинул взглядом тайгу: спокойно кормится на берёзе стайка рябчиков; весело шныряет сойка. Ничто не говорило о близости двуногих.

Боцман помнил, как легко и приятно ходить по плотной накатанной колее: снег на ней не проминается и не рассыпается, но он не забыл, какую смертельную опасность может таить эта коварная тропа, и, несмотря на усталость, благоразумно перепрыгнул через лыжню и пошёл дальше в избранном направлении по целине.

Не обнаружив в горах ничего примечательного, он повернул обратно. Когда приблизился к парному следу уже в новом месте, то чуть не наступил на белого «червя» с вонючей чёрной головкой. Так же пахло возле ободранной охотниками Кисточки! От этого воспоминания приглушённая и, казалось, забытая ненависть к людям ожила и вновь зашевелилась в сердце Боцмана.

Он пошёл вдоль следа на достаточном расстоянии и вскоре увидел большую снежную кочку с куском мяса в углублении. Кот знал, что это привлекательное сооружение — западня, поэтому поспешил удалиться. На гребне увала его внимание привлекли резкие удары. Они неслись со стороны ключа. Подойдя поближе, кот увидел логово двуногих. Боцман затаился и стал наблюдать. Вот дверь распахнулась, и показался человек. Спускаясь к ключу, он скрылся из виду. Когда же вновь появился из-под берегового обрыва с охапкой дров, изумлению Боцмана не было предела — он узнал в охотнике своего заклятого врага — Рыжебородого. Того самого, кто убил Кисточку, жестоко истязал его самого. Волна ярости, нарастая с каждой минутой, обуяла рысь.

Рыжебородый ещё несколько раз выходил и заходил обратно в логово. Потом из трубы с напором повалили клубы дыма. Боцман тем временем углядел свернувшегося под

большим навесом чёрного, с белыми пятнами, пса и вознамерился прикончить его, но опыт подсказывал, что сейчас не лучшее время для исполнения этой затеи: меть лучше вершить в метель, скрывающую все следы.

Путано-петляющим следом он вернулся в Белые скалы и не покидал их, пока внутренний барометр ни подал сигнал: ночью будет снегопад!

Когда Боцман подобрался к стану промысловика, уже стемнело, а на тайгу обрушились первые снежные заряды. Над логовом метались в дыму недолговечные «красные мухи». Собака лежала на своём месте и, казалось, спала. Но, как только кот подкрался на расстояние прыжка, она приподняла морду, и их взгляды скрестились. Пёс оглушительно залаял, хлопнула дверь, громыхнул выстрел.

Перепуганный Боцман поспешил раствориться в белой кутерьме. Происшедшее не обескуражило его. Оно ещё раз напомнило, что успех сопутствует терпеливым.

В следующий визит кот был осмотрительней и выжидал подходящего момента, зарывшись в снег, до глубокой ночи. Неслышно ступая лапами, опушёнными густой, жёсткой шерстью, он невидимой тенью приблизился к собаке вплотную. На этот раз она едва успела испустить предсмертный вопль.

Утром хозяин долго звал, искал пса, пока не обнаружил его застывшего под толщей обильно выпавшего снега. Тридцать лет охотился Жила, но вот так прямо у зимовья лайка погибла у него впервые.

«В жизни всякое случается, — рассудил он. — Но почему пса-то не съели?» — шевельнулась в голове беспокойная мысль.

Прошло дней десять, и у Боцмана вновь появилось желание досадить Рыжебородому. Теперь он положил глаз на строение, возвышавшееся поодаль от стоянки на четырёх гладких столбах. Оно напоминало логово охотника, только было раза в три меньше.

Кот попытался взобраться на лабаз по столбу, но безуспешно — мешала жестяная «юбка» в его верхней части. Остальные три столба тоже были опоясаны тонким металлом. Боцман не растерялся — залез на стоящее поблизости дерево,



прошёл по ветке и спрыгнул прямо на крышу лабаза. Затем, через прогал между крышей и стенкой, протиснулся внутрь.

Всё это время его дразнил и будоражил запах, заставлявший забыть всякую осмотрительность: из лабаза пахло ненавистными лисами. Найдя их, Боцман с остервенением набросился и разодрал в клочья рыжие шубы с пышными хвостами.

Затем та же участь постигла стянутые в пачки шкурки зайцев и белок. Дурно пахнущих норок, колонков и соболей брезгливый кот не тронул. Зато распотрошил коробки с хрупкими длинными палочками и тускло поблёскивающими мелкими камушками. Разодрав куль с искристыми кристалликами, переключился на мешки с белым, похожим на пыль, марким порошком. Куски мороженой лосятины не тронул — был сыт.

Завершив погром, удовлетворённый зверь соскочил вниз и умчался в свою цитадель под прикрытием пурги, свободно разгулявшейся на открытом пространстве мари.

Жила проснулся поздно. Уже светало. Непогодь стихла, но снега успело надуть до середины окошка. Поразмыслив, промысловик решил сделать передых: прежние следы замело, а новых ещё нет — зверьки отлёживаются, ждут, пока снег осядет, уплотнится.

Растянувшись на шкурах, он укрылся ватным одеялом и, закурив махорку, стал с удовольствием прикидывать, сколько заработает в этом сезоне и как нынче распорядится выручкой. Уже одиннадцать лет он промышляет на этом участке, и всегда с фартом: пушнины хватало и для плана, и для скупщиков ещё столько же, а иной сезон и поболее оставалось.

Прежде эти уголья пустовали. Все отказывались от них. Говорили, что рядом с рекой куда удобней: продукты и снаряжение до ледостава прямо на лодке можно завозить, по горам не надо таскать. На самом же деле мужики боялись близости поганого места. Как-то, ещё до войны, пытался промышлять здесь один отчаянный, да так и сгинул бесследно.

Сойдясь с пройдохой-скупщиком, Потап быстро сообразил, что сулит левая сверхплановая пушнина, но на прежнем участке взять её было трудно и к тому же опасно — то и дело заходят соседи, да и охотовед за сезон раза два обязательно нагрянет с проверкой. Пораскинув мозгами, он сказал сам себе: «Или пан, или пропал — рискну!» — и добавил для успокоения: «Бог не выдаст — свинья не съест».

Новые охотничьи уголья в первый же сезон превзошли все ожидания. Через пять лет оборотистый деляга устроил ему в городе кооперативную квартиру. Правда, и ободрал он Жилу тогда до последнего хвостика, но квартира того стоила. Потом организовал самую дорогую модель «Жигулей». А вот

с подземным гаражом сперва осечка вышла, но и это дело недавно поправилось. И теперь Жила, вот уже второй год, собирался рассчитаться с госпромхозом и пожить наконец в своё удовольствие, но каждый раз надвигались всё новые и новые расходы, и приходилось опять тащиться в тайгу на промысел. Да и жалко было бросать хорошо обустроенные путики. К главной охотничьей магистрали — реке — Жила давно прорубил, расчистил тропу и по ней с осени на лошадях завозил всё необходимое для жизни и промысла.

В деревне про его городские дела кое-что прослышали и догадывались, откуда такие деньги. Некоторые, такие же хитрецы, стали метить на доходное место, убеждая начальство, что участки между охотниками надо чередовать — мол, план всем одинаковый, а уголья разные. Но начальство не хотело нарываться на скандал с Жилой...

Время близилось к обеду. Потап, поёживаясь, встал. Настрогал щепы от смоляка. Затопил печь, продал в ведре корочку льда, налил в кастрюлю воды и поставил её на плиту рядом с чайником. Потом, расчистив площадку у двери зимовья, прокопал траншею к лабазу.

Забравшись наверх по приставной лестнице, он окаменел: пушнина — труды многих дней — была превращена в лохмотья, пересыпанные мукой, сахаром и гречкой.

— Как же так! Откуда такая напасть на мою голову? — убито прошептал он.

Разбирая остатки пушнины, Жила немного успокоился. Самое ценное — соболя, норки, а главное, личный заказ скупщика — три выдры, были целы.

«Кто мог так напакостить? — ломал голову промысловик. — Зверю по столбам сюда не влезть. Разве что медведь, но тот спит, да и лабаз не разрушен. Неужели?» — вспотев от этой мысли, он с опаской посмотрел в сторону Белых скал.

С этого дня в Жилу вселился суеверный, почти панический страх. Из зимовья не то что на промысел, даже за дровами или водой он выходил неохотно, с трудом преодолевая гнёт кошмарных сцен, разыгрываемых воспалённым воображением. Ходил по лыжне, постоянно озираясь. Всюду: и в древесных наростах, и в причудливых изгибах стволов, и в разросшихся кустах — ему чудились затаившиеся оборотни. Он

изводил заряды в любой подозрительный силуэт, на любое едва заметное движение, любой сомнительный звук.

Задёрганные нервы были на грани срыва. Охотник давно подумывал о том, что пока не поздно надо сматываться, но упрямое желание покрыть убытки пересиливало страх. Скрепя сердце он всё откладывал выход, и не напрасно — пушная копилка быстро пополнялась.

Страх же усиливался, не отпуская ни на минуту. В конце концов доведённый до отчаяния Жила наметил завершающие обходы, чтобы снять ловушки, рассторожить пасти. Начал с Нижнего путика.

Шёл тяжело, весь словно скованный ожиданием беды. Ружьё не выпускал ни на секунду. Даже добычу из ловушки ухитрялся вынимать одной рукой и, как приворожённый, всё поглядывал на Белые скалы, уверенный, что беда нагрянет именно оттуда.

А когда налетел и завыл в дуплах ураганный ветер, он уже не сомневался в неотвратимости расплаты за покушение на покой этих мест. Чёрные деревья, казалось, задвигались, угрожающе скрипя, замахали ветвями-лапами. Напряжённое состояние последних дней достигло предела. Жила совершенно потерял самообладание. В этот момент одна улежавшаяся снежная глыба, сорвавшись с толстого сука, пронеслась прямо перед его носом и чуть не выбила из рук ружьё. Охотник сжался от ужаса. Попятившись, прилип спиной к стволу и, широко раскрыв глаза, оцепенело уставился на... разлохмаченный шлейф дыма. Вид быстро несущихся со стороны ключа чёрных клубов медленно выводил Жилу из протрации. Когда до него наконец дошло, что может так дымить, он, позабыв обо всём, помчался к стану. На бегу пытался вспомнить, хорошо ли закрыл поддувало, убрал ли от печки смолистые щепки. Весь мокрый взлетел на гребень, откуда хорошо видно зимушку, и — о ужас — на её месте бесновался красный венец пламени.

Жила, с разрывающим нутро воем, упал на снег и забился в истерике. Он был сражён не столько видом полыхавшей зимушки (чёрт с ней — всё равно больше не охотиться), сколько сознанием того, что вот так глупо сторели все его труды — остерегаясь повторного налёта на лабаз, Жила перенёс пухлые связки пушнины в зимовье...

Рысь во время очередного визита к Рыжебородому обнаружила на месте его логова чёрный круг земли с покорёженной железной печкой посередине да обледенелую топанину следов. От неё уходила одинокая парная колея.

Боцман не ведал, какая именно трагедия настигла его непримиримого врага, но было очевидно, что он лишился убежища и покинул это место. Теперь ему не давал покоя вопрос: «Куда ушёл Рыжебородый? Может, он обосновался где-то поблизости?» Озабоченный кот отправился по следу.

Колея тянулась по широко прорубленной тропе вдоль подножья отрогов почти прямо, не углубляясь в распадки. На второй день пути Боцман перевалил по затяжному тягуну на противоположный склон Главного хребта. Здесь тропа Рыжебородого слилась с тропами других промысловиков и дальше змеилась хорошо накатанной лыжами и нартами дорогой по берегу торосистой, изъеденной промоинами реки, то приближаясь, то удаляясь от неё.

Эти места для рыси были знакомы: если совершить вниз по течению ещё один переход, то можно выйти прямо к поселению двуногих, в котором живёт добрый Крючконос. Со-мнений не оставалось — враг покинул окрестности Белых скал.

И в самом деле, ни весной, ни летом никто не нарушал покоя и великолепия здешних мест. Боцман вольно жил в царстве Белых скал, ощущая себя самой важной частью этого светлого, прекрасного мира. Иногда он проходил по главной тропе Рыжебородого и с удовольствием отмечал, что она потихоньку зарастает и освежается лишь оленьими да медвежьими следами.

Как-то, в один из душевных июльских дней, кот блаженно посапывал на обдуваемой ветерком вершине останца и не видел, что разбросанные по горизонту мрачные тучи сошлись в обнимку, незаметно пожирая небесную синь. По мере приближения к Белым скалам они проседали от зреющей в них грозной силы всё ниже и ниже.

Проснувшись, кот заметил перемену в погоде и, поскольку мокнуть не хотел, припустил к сухому логову. Но налетевшая тугим шквалом гроза догнала и накрыла его водяной завесой. Слепящий излом молнии с оглушительным треском

вонзился в каменный шпиль совсем рядом. Перепуганный кот сиганул вниз. Прямо перед ним в угловатый валун вошёл ещё более мощный разряд. Вскоре молнии, скрещиваясь, забили со всех сторон почти беспрестанно. От их грохота казалось, что скалы заходили ходуном.

Кот, вздрагивая от каждого удара и почти оглохнув от раскатистых разрядов, судорожно заметался по залитым потоками воды глыбам. Поскользнувшись, он угодил в узкий разлом, а когда выкарабкался из него наверх, вспышка нестерпимо белого света обожгла глаза, и он провалился в черноту.

Очнувшись, Боцман открыл глаза, но непроницаемый мрак не рассеялся, хотя кот явственно ощущал на себе ласковые лучи солнца. «Как же так? Солнце светит, а вокруг такая тьма, какой и ночью не бывает?» Кот поднялся и попытался идти, но тут же ткнулся носом во что-то твёрдое. Недоуменно пошарив лапой, он обнаружил впереди себя каменную стену. Попробовал обойти её, но куда бы он ни пошёл, всюду упирался в камни. Бедняжка остановился в растерянности. Такого с ним ещё не бывало. Стало очевидным, что во время грозы с его глазами что-то произошло, и теперь ему предстоит жить во мраке вечной ночи.

Сидя на шершавой плите, он никак не мог взять в толк, в каком месте Белых скал находится. Вслушиваясь в доносящиеся звуки, кот уловил внизу гул ожившего после ливня ручья, невдалеке перешёптывались густые гривы кедра. Таких ориентиров в Белых скалах хоть отбавляй. И тут до его слуха донёсся металлический перезвон. Это раскачивались ветром железки у покинутого людьми логова.

Теперь Боцман сориентировался, где он, и, осторожно «осматривая» лапой путь, через проём выбрался на тропу, по которой ходил сотни раз. Здесь он помнил каждый кустик, каждый поворот, каждую валежину. Убедившись, что память не подводит и вовремя предупреждает о преградах, кот несколько приободрился и зашагал быстрее.

Напившись из ручья, лёг в траву. Лежал долго. Отрывистые картины всплывали из памяти и мелькали перед его мысленным взором одна за другой. Безжалостная судьба не щадила его с первых дней появления на свет. Зубами

и когтями выбирался он из любых переделок и наперекор всему продолжал крепко стоять на ногах. Жизнь, а точнее, люди редко давали ему передышку. Вновь и вновь они безжалостно прогоняли его сквозь череду непрерывных испытаний, но он, всё более закаляясь, неизменно выходил победителем. И вот сейчас, когда в его тяжёлой судьбе всё образовалось наилучшим образом, — такой жестокий удар! Как жить незрячему? Как охотиться? Даже мыши, и те — недоступная теперь добыча.

Рядом устроили разноголосую переключку железки: «Тринь-тринь-дзинь». Этот мелодичный звон неожиданно породил дику, сумасшедшую идею: Крючконос! Добрый Крючконос! Он вернул ему жизнь много лет назад. Он не поднял на него громом разящую палку в тайге! И он наверняка сумеет выручить его и сейчас.

Эта отчаянная надежда захватила кота. После непродолжительных сомнений он решительно встал и, отыскав на ощупь тропку, тянущуюся к заброшенным владениям Рыжебородого, отправился в трудный путь.

По зелёному покрову топкой мари Боцман брёл медленно, с особой предусмотрительностью — знал, что по обе стороны тропы разбросаны коварные зыбуны. Несмотря на чуткий шаг, зверь часто спотыкался, поскользнулся, но, к счастью, все падения завершались благополучно. К вечеру кот добрался до подножья гор и перешёл на тропу промысловика.

Пасшился в устье первого распадка олени, увидев рысь, встрепенулись, но она, к их изумлению, почему-то прошла мимо не задерживаясь. Недоверчивая олениха ещё долго поглядывала вслед, но коту было не до них. Он был целиком подчинён стремлению добраться до Крючконоса и вернуться с его помощью из мира тьмы в мир света.

Шёл Боцман долго. Путь, который прежде преодолевал за трое суток, затянулся. Тем более что, не имея возможности подкрепляться, он быстро утомлялся и часто останавливался для отдыха.

То и дело устремляя невидящий взор в сторону селения и постоянно приносясь, прислушиваясь, кот наконец подошёл к месту, где тропа круто спускалась к речному перекату. Похрустывая галькой, он преодолел его и взобрался

на береговой взлобок. Теперь надо пройти по выпасу с обкусанными кустами до одинокой, широко разросшейся на приволье, белоногой берёзы. Всё верно, вот и она — шелестит нежной листвой. Боцман даже вздохнул от облегчения — отсюда уже совсем близко до логова Крючконоса.

Войдя в деревню, кот слышал, как из дворов выбегают собаки, но он неустрашимо продвигался вперёд, гордо вскинув голову, обрамлённую седыми бакенбардами. Громадная рысь шествовала в окружении лаек с таким видом, словно совершала рядовой обход своих владений. Справа, страшась собственной смелости, залиvisto тьявая, вынеслась кривоногая дворняжка. Остальные собаки шли сзади молча, словно понимая, что тут чего-то не так и не время сотрясать воздух пустой брехнёй.

Раздались изумлённые возгласы, испуганные крики. Боцман напряжённо вслушивался в них в надежде выделить голос Крючконоса. Вот и знакомый бухающий лай соседского кобеля, сидящего на цепи.

Кот не мог видеть, как распахнулось окно в доме его давнего недруга, как Рыжебородый вскинул ружьё и поймал в узкую прорезь прицела убойное место, как прокуренный палец привычно лёг на спусковой крючок...

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
РОСОМАХИ**







От автора

О главных героях этой книги — рососомах, самых крупных представителях семейства куновых — большинству людей мало что известно. Кое-кто знает, что их в природе немного, что это ненасытный, чрезвычайно скрытный и молчаливый зверь-одиночка, отличающийся коварством и злобностью. (Последнее утверждение — по большей части итог предрассудков, страхов и невежества.)

На самом деле рососомаха — отважный, не пасующий ни перед кем зверь. Она, как правило, образцовый родитель. И за добро платит добром. К сожалению, широкое использование охотниками снегоходов и мотонарт поставило данный вид диких животных на грань выживания. В настоящее время рососомахи сохранились лишь в глухой, преимущественно горной тайге и безлюдной лесотундре.

Повесть познакомит с привычками и характером рососомах, поможет понять причины их «дерзости». Прочитав её, вы (я на это очень надеюсь) проникнетесь симпатией к этим неутомимым бродягам севера.

В работе над книгой я опирался на материалы многолетних наблюдений российских и скандинавских зоологов, охотоведов, рассказы промысловиков, а также на собственный опыт.



Часть I

ПЫШКА

Звери тоже люди, только говорят
на своём языке и ходят на четырёх ногах!

Дерсу Узала

ГЛАВА 1

Лавина

Из замороженной глубины хребтов на долину надвигалась буря. Деревья зашевелились, раскачиваясь из стороны в сторону, словно пьяные. Ветер, задирая юбки елей, сбрасывал снег, завывал голодным зверем в сухих дуплистых стволах. Тайга грозно рокотала. Даже старый кряжистый кедр заскрипел суставами. Не выдержав очередного яростного натиска ветра, подкреплённого мощным снежным зарядом, он затрещал и стал крениться к земле. Пытаясь устоять, судорожно цеплялся ветвями за обступавшую его молодёжь. Но кто удержит такую махину? Круша их, старец с горестным стоном рухнул на пухлую перину и затих, наполовину утонув в ней.

Много ветровалов и гроз пережил лесной великан и вот распластался с надломленной вершиной у ног более молодых собратьев. Не успела снежная пыль осесть, как из бурелома вынырнул и покатился к скалам похожий на медвежонка, мохнатый, пышный шар — росомаха. Ночная охота у неё не задалась. Пробегав до утра, Пышка так и не встретила ни одного свежего следа, не выловила в струях ветра ни единого запаха. А грянувшая непогодь делала продолжение поисков и вовсе бессмысленным.

Росомаха спешила к логову, устроенному в расщелине между плит неподалёку от горного ключа: пора было кормить детёнышей. На небольшой прогалине её чуткий нос уловил соблазнительный аромат рябчика (обитатели тайги, в отличие от людей, воспринимают окружающий мир не столько зрением, сколько обонянием и слухом).

Хищница перешла на мягкий, вкрадчивый шаг и, вычислив по сочащемуся из-под снега запаху местоположение ближайшей спаленки*, прыгнула. Придавленная лапами курочка не успела даже взмахнуть крыльями. Вокруг тут же вздыбились белоснежные фонтаны от выпархивавших из соседних спален рябчиков.

Через несколько минут от птицы осталась лишь кучка перьев. Случайный завтрак так взбодрил росомаху, что она несколько раз перекувыркнулась на бегу через голову.

Вот и приметная расщелина. Тут всегда тихо: отвесные скалы надёжно ограждают от снежной круговерти. Раскидав широкой лапой нападавший перед лазом снег, Пышка проползла по длинному каналу в логово и, призывно урча, легла на тощую подстилку из полуистлевших листьев и мелких веток. Она так устала, что только в первые минуты чувствовала, как заелозили по её животу, лихорадочно работая лапками, оголодавшие малыши. Когда они припали к соскам, её окатила волна блаженства, и она задремала...

Проснувшись, Пышка осторожно освободилась от зарывшейся в густую материнскую шубу ребятни и выбралась наружу. Редкостный покой, заполнивший окрестности, обрадовал.

* Боровые птицы (рябчики, куропатки, тетерева, глухари) зимой спят под снегом.

Жмурясь от слепящего света, росомаха осмотрелась. Белая лента речушки в лучах солнца кое-где искрилась мириадами крохотных бриллиантов. Тайгу после бури было не узнать. Повсюду торчали отщепы и обломки веток; во впадинках и ямках желтели груды непонятно откуда взявшихся листьев.

Над головой протрещала, здороваясь, сойка. По извили-стому руслу тянулась строчка из округлых следов длинно-ногого самца рыси, живущего на этом же участке. Росомаха вспомнила, как она, ещё брюхатая, вместе со своим косматым кавалером отняла у этого кота зайца. Поначалу крапчатый сосед грозно шипел и шерился, но стоило её угрюмому спут-нику обдать его мускусной струёй, как тот, морщась от едкой, перехватывающей дыхание вони, отскочил и, делая вид, что вовсе и не голоден, удалился.

Но сегодня иная ситуация: Косматый уже неделю как про-пал. Теперь она охотится и смотрит за детёнышами одна. Интуиция подсказывала ей, что в исчезновении супруга по-винны прямоходящие с Большой реки — оттуда несколько раз доносился несущий смерть гром. Пышка однажды даже видела, как такой гром издали свалил могучего лося.

Может, пойти за крапчатым? Вдруг опять что-нибудь перепадёт.

За скальным прижимом след рыси свернул в круто взле-тающий боковой распадок. Пышка зашла было в него, но тут сзади донёсся непонятный гул. Хищница остановилась. Гул усиливался. Выскочив из-за прижима, она увидела, что с лысого гребня отрога катится, вскипая белыми бурунами, снежный вал. Достигнув леса, он легко, словно это спички, срезал у комля деревья.

«Малыши!!!»

Высоко вскидывая зад, росомаха кинулась к логову. Но вал уже успел завалить долину многометровой толщей снега. Местность так изменилась, что Пышка только по торчащим макушкам скал, обрамляющим расщелину, определила, где находится её нора. Росомаха забегала по бугристой мешани-не, пытаясь уловить запах или услышать писк детёнышей. Единственное, что удалось ей вынюхать и раскопать, работая не только когтистыми лапами, но и зубами, — это окровав-ленный ком: всё, что осталось от куропатки.

К утру о камни и сучья, впрессованные в снег, были сломаны несколько когтей, разодрана до крови кожа на лапах. Но, кроме измочаленного зайца и ещё двух куропаток, она ничего не нашла. Обессиленная мать задремала в одном из раскопов.

Разбудило её бьющее в глаза солнце. С трудом поднявшись на кровоточащие лапы, Пышка оглядела спрессованный, покрытый оспинами вырытых ям, снежный покров. Где-то под его толщей её малыши! Повлажневшие глаза росوماхи наполнились тоской: она понимала — их уже не спасти. Тем не менее, надеясь на чудо, несколько раз кругами обошла полусасыпанные скалы. Ничего не вынюхав и не услышав, побрела прочь, оставляя на снегу алые капельки.

От нервного потрясения росوماху охватила жажда движения. Она бездумно шла и шла, наращивая скорость, словно куда-то опаздывала. Широкие, покрытые жёстким волосом лапы были идеальными снегоступами. Соски распирало от прибывающего молока. (Эти болезненные ощущения продолжались ещё пару дней: пока молоко «не перегорело».)

Крутые склоны ущелья сходились всё тесней и тесней. Соединившись, в конце концов, они вывели росوماху на водораздельный гребень. Ветер срывал с него снежную пыль. Искрясь на солнце, она тянулась в воздухе полупрозрачным шлейфом. Отсюда открывалась широкая лесистая падь, упирающаяся в смазанные дымкой хребты. Самый ближний, изрезанный мазками каменистых обнажений и осыпей, выделялся массивной, похожей на гигантскую нахохлившуюся куропатку горой.

Местность малознакомая, но серо-зелёные, посеребрённые снегом склоны, витиеватые змейки речушек, торчащие там и сям скалы напоминали прежний участок. Приободрившаяся Пышка понеслась вниз, взбивая снег равномерными махами.

Впереди с дерева посыпалась снежная кухта. Росوماха остановилась. Всё в ней замерло, кроме глаз, «прошупывающих» кроны. Ах, вон оно что — в ветвях мелькали белки в тёмно-серых шубках, с чёрными пушистыми хвостами. Хищница стала наблюдать за весёлой компанией в надежде, что хоть одна из них спустится на снег, где валялось множе-

ство голых стерженьков и ещё больше чешуек. Проворные зверьки долго и беспорядочно носились по ветвям кедра, играя друг с другом. Но вот они прервали беготню и, закинув на спину хвосты, разбежались по кудрявым вершинам с темнеющими кое-где пучками шишек и принялись деловито шелушить их. Расправившись с одной, принимались за следующую. Неугомонные хлопотуньи и не думали спускаться. Временами они поворачивались друг к другу и начинали «беседовать»: звонко цокали, цвиркали.

Разочарованная Пышка побежала к речке. Под обрывистым берегом, на быстротечье, густо парила полынья. Подойдя к дрожащей от напора воды закраине, стала всматриваться в прозрачную черноту. Заметив тёмную спинку хариуса, напружинилась и, как спринтер на старте, подалась вперёд. Молниеносное движение когтистой пятерни — и хариус с веерообразным спинным плавником, сияющим всеми цветами радуги, забился на снегу. Отталкиваясь хвостом, он чуть было не соскользнул обратно в промоину: росомаха едва успела накрыть его лапой...

Подкрепившись, она продолжила рыбалку. Однако стайка была уже настороже, и Пышке удалось выхватить всего лишь одну беспечную рыбёшку. Хрумкая её, боковым зрением засекла промелькнувшего на белом фоне тёмного, с длинным туловищем зверя. Повернула голову: «А! Выдра*! Это неинтересно».

«Родственница» подбежала ныряющими прыжками к противоположному краю полыньи и бесшумно соскользнула в воду. Пышка же продолжила знакомство с новым участком. На пологом склоне она наткнулась на непрерывно тянущуюся парную борозду. Росомаха знала, что такие следы оставляют только люди, что они таят опасность, но, поскольку бежать по накатанному снегу было легче, она перескочила на плотную колею.

* Выдра — как и росомаха, относится к семейству куньих. Сравнительно крупный хищник. Тело длинное, слегка уплощённое. Ведёт полуводный образ жизни в чистых горных речках. Питается преимущественно рыбой.



ГЛАВА 2

Ермил

Дед Ермил неторопко обходил на окамусованных* лыжах путик**. Сзади трусила на поводке рыжеватая лайка по кличке Динка.

Как и подобает промысловнику, одет он был легко, тепло и удобно: ничего не висит, ничего не задевает. На ногах — кожаные олочи, сшитые из прочной шкуры сохатого. Поверх штанов — суконная «труба», привязанная полосками сыромятины к поясному ремню. Куртка — обрезанная солдатская шинель. Охотник то и дело с грустью поглядывал из-под седых, сурово сдвинутых бровей на забрызганные солнцем сопки, распадки, купол горы, которую в деревне из-за не тающей даже летом снежной шапки именовали Сахарной Головой. Через неделю закончится промысловый сезон, и он покинет эти места до осени. А может, и навсегда: как-никак разменял восьмой десяток.

* Окамусованные — оклеенные, для хождения по горам, шкурой с ног оленей.

** Путик — охотничья тропа, вдоль которой устанавливаются капканы и ловушки. Обычно имеет замкнутую форму.

Из-за болей в спине и прострелов в левую ногу он в эту зиму большую часть сезона провалялся в зимушке. Порой было так худо, что за дровами на четвереньках со стоном выползал. Оттого и пушнина кот наплакал: четыре соболя и две норки — харчи не окупишь.

Одно утешало старого промысловика: на лабазе почти сотня тушек беляков. Слава богу, зайцев нынче прорва — лето выдалось благоприятным, и во всех трёх помётах большинство зайчат выжило. Снег вокруг иных поваленных осин до того истоптан, что по нему можно было шагать, не проваливаясь. Старик, ставя петли на тропах и сбегках, каждый день по два-четыре беляка снимал. Ружьишко пускал в дело, лишь когда сами набегали.

Участок, доставшийся ему от отца, за пятьдесят с гаком лет он исходил вдоль и поперёк. Здесь знакомо каждое дерево и каждый камень. Сызмальства повадился: как выдастся свободный день, так с отцом в тайгу. Такова уж натура. А что подделаешь с натурой-то? На промысле он не только не тосковал о семейном уюте и удобствах жилухи, а даже, наоборот, отдаваясь всем сердцем во власть древнейшей страсти — охоте, — забывал и о жене, и о доме.

— Эх! Было времечко, по сорок вёрст за день по целине хаживал, ещё капканы успевал ставить! Как же я буду без этих сопок?! — сокрушался Ермил Фёдорович.

От грустных раздумий его отвлекла синица. Радуюсь первому теплу, пичуга неутомимо звенела серебряным колокольчиком. Её грубо прервала резкая трескотня белобокой сплетницы-сороки.

— Чего это она сказать пытается?

И тут же увидел ответ — лыжню пересекли свежие соболи следы.

Чтобы Динка не порушила их, Ермил не стал отпускать её с поводка. «А соболь-то бывалый — следы путает мастерски!» — оценил дед.

Вот он спрыгнул с ели на снег, нарыскал, напетлял, прошёлся по бурелому, сдвоил следы, сделал полутораметровый прыжок на пень, с него — на кучу хвороста, затем взобрался на берёзу и ушёл верхом, перемахивая с ветки на ветку.

Теперь только по осыпавшейся хвое да мелким сухим веточкам можно было определить направление его хода. На

свежей пороше эти посорки были хорошо заметны. Вскоре следы опять вернулись на лыжню. Между стволов мелькнуло и тут же исчезло в ложбине коричневое пятно. Промысловик мгновенно обратился в зрение и слух: «Неужто нагнал?! Да крупный какой!»

Из-за взгорка показалась «прыгающая» вверх-вниз тёмная спина, и прямо на Ермила выбежал косматый зверь размером с собаку. Охотник опешил:

— Ба-а-а-тюшки! Росомаха!

Внешне зверь напоминал медвежонка: приземистое, плотно сбитое туловище, короткая шея, толстые ноги с широкими ступнями. Но, в отличие от топтыжки, шерсть намного длинней и лохматей, а по бокам хорошо заметная золотистая полоса — шлея, дугой окаймляющая тёмно-коричневое поле спины.

«Вот это удача!» — возликовал, забыв про соболя, старик. Ещё бы! мех росомехи обладает чрезвычайно полезным для таёжников качеством — на нём от дыхания не оседает иней. Последний раз Ермил Фёдорович встречал следы росомехи лет пять назад. В прежние годы этот зверь был в их краях завсегдаем: иные охотники за сезон до трёх брали. Но и тогда ему попадались лишь следы, а тут — живьём! Надо же! Впервой на погляд подпустила.

Промысловик и в самом деле выпала большая удача: увидеть росомаху так близко мало кому удаётся: острый слух вкупе с тонким обонянием помогают этому зверю избегать встреч с человеком.

* * *

Бежала росомаха несколько боком, плавными скачками. В пышном зимнем наряде она казалась массивной, а более длинные задние ноги делали её фигуру сгорбленной. И трудно было представить, что под внешней неуклюжестью и неповоротливостью скрывается гибкое и сильное тело.

Из-за бокового ветра росомаха слишком поздно уловила тягучую едкость табака. Эта вонь и заставила её поднять голову. Увидев впереди двуногого и оскалившуюся собаку

рыжей масти, она нырнула под согнувшиеся от тяжести скопившегося снега еловые лапы.

Ермил спустил Динку с поводка. Вскоре та забрехала зло, настырно: похоже, загнала на дерево! Точно, вон в развилке чернеет.

Увидев приближающегося человека, росомаха заметалась: то на него зыркнет, то на яростно лающего пса. Понимая, что двуногий с тускло блестящей палкой опасней собаки, Пышка спрыгнула с ветки на снежную перину. Динка успела подскочить и хватануть её за ляжку, но тут же, отчаянно запричитав, закрутилась юлой на снегу. А росомаха побежала ровным галопом, почти не проваливаясь, дальше. Иногда она оглядывалась и, как казалось Ермилу, злорадно улыбалась.

Частокол деревьев мешал сделать прицельный выстрел. Расстроенный охотник прикрикнул на собаку:

— Чего спужалась?! Нагоняй давай!

Та, поджав хвост, поспешила возобновить преследование. Однако росомаха не только не прибавила ходу, а, напротив, остановилась и, повернувшись к лайке задом, задрала хвост. Обрадованная Динка с ходу набросилась, но тут же отпрянула. Мотая головой, завизжала. Вроде как заплакала от обиды и, тыкаясь, будто слепая, в обступавшие стволы, отскочила. Тошнотворная струя мускусной железы угодила ей прямо в морду: бедная собака на некоторое время потеряла зрение и нюх*. Пышка же тем временем растворилась в глухой чащобе.

— Вот бестия! — ругнулся огорчённый Ермил. — Умеет постоять за себя.

От Динки, хотя она без конца тёрлась о снег и стволы деревьев, ещё несколько дней воняло так, что промысловик перестал впускать её в избушку. Чтобы верная помощница не мёрзла, охотник постелил на дно пихтовой конуры оленью шкуру. Переживал. Ведь когда его прихватывала болезнь, она приносила для него из своих драгоценных запасов косточки и, положив на нары, подталкивала поближе — мол, угощайся, погрызи и, устроившись рядом, жалеючи, урчала.

* Некоторые едва улавливаемые нами запахи для животных нестерпимы — до того тоньше у них обоняние.

Сняв с путиков капканы и рассторожив все кулёмки*, пасты** и прочие самоловы, старик сложил на лёгкую волокушу мешочек с добытой пушниной, провиант в дорогу и пяток тушек замороженных зайцев (остальных сын позже вывезет).

Вышел из зимовья, наполовину засыпанного снегом, задолго до рассвета. До деревни было тридцать два километра, и Ермил, несмотря на хромоту, рассчитывал одолеть их дотемна.

Сойдя на лёд, он обернулся. Воронка растаявшего снега вокруг железной, в бурой окалине печной трубы, поленница свеженарубленных дров да разбегающиеся в разные стороны, плотно накатанные путики указывали, что здесь обитал человек. Но пройдёт пара недель, метели занесут все эти следы-знаки, и зимовье примет нежилой вид.

Схваченный утренним морозом и прибитый ветрами снежный покров хорошо держал и волокушу, и человека. Под камусом в такт шагам поскрипывал снег. Попутный ветер не только с шипением гнал вдоль русла колючие кристаллы снега, но и добавлял скорости путнику. Шлось так ходко, что Ермил уже к полудню оказался у толстенной обугленной сосны, расщеплённой ударом молнии почти до комля. Здесь был поворот на тропу, идущую поперёк узкого лесистого отрога. Её прорубил ещё отец, дабы срезать дорогу к селу. Дело в том, что река через два километра упирается в скалистый, изъеденный промоинами прижим и, круто загибаясь, возвращается обратно, только уже с другой стороны узкого отрога. Посему отцова перемычка заметно укорачивала дорогу в село.

Когда охотник, перевалив отрог, съезжал к берегу, он увидел у парящей промоины силуэт, похожий на чёрную каплю. Пригляделся. Старая знакомая — росوماха!

Ермил узнал её по необычайно пышному, почти круглому хвосту. Промысловик ухмыльнулся в бороду: «Ну, голубушка,

* Кулёмка — ловушка для пушных зверьков. Представляет собой загородку из вертикально вбитых в землю деревянных колышков. Перед входом давок из двух брусьев с приманкой на сторожке.

** Пасть — опадная давящая ловушка на крупного зверя.

не обессудь! Сама напрашиваешься на шапку!» Подав крутившейся сзади Динке знак «лежать!», снял с плеча ружьё.

«Для верного выстрела далековато, но, ежели подходить ближе, может заметить», — прикинул он. Вставив патрон с картечью, поймал в прорезь прицела убойное место. Выровняв мушку, плавно потянул спусковой крючок.

Пышка от раскатистого грома и резкого удара в основание хвоста взвилась так высоко, что чуть не угодила в полыню. Крутанувшись в воздухе, она в три маха взлетела на берег и исчезла в чаще столь быстро, что зверобой успел сделать вдогонку всего один выстрел.

Не дожидаясь, когда рассеется сизое облако дыма, Ермил бросился в погону. Съезжая на лёд, врзался в присыпанный снегом торос. Носок одной лыжины с треском переломился. Охваченный охотничьим азартом, старик скинул лыжи и продолжил преследование. По льду пробежал легко, но в лесу местами стал проваливаться по самый пах. Уже через метров тридцать выдохся окончательно: месить рассыпчатую «крупку» не было сил.

Он ещё раз оглядел следы беглянки. По размашистым прыжкам и редким алым каплям на снегу понял: росомаха ранена, но рана пустяковая.

— Без лыж не догнать!.. Даст Бог, выживет... Эк осрамился... Да уж, прежде-то не знал промаху, — бурчал себе под нос расстроенный охотник, возвращаясь к речке. Вытесав топориком гибкую берёзовую плашку, приладил тонкими гвоздиками сломанный носок и побрёл в село. Но и в дороге никак не мог успокоиться:

— Трухлявый пень! В кои веки росомаха сама в руки шла, а я прошляпил. На печь пора! — бранился он, нервно теребя разлохмаченную ветром бороду.

Пышка тем временем поднялась на одну из вершин водораздельной гряды и легла перевести дух. Прислушалась. Погони нет. Можно попытаться избавиться от перебитого у основания хвоста: при движении он обжигал острой болью.

Свернувшись калачиком, росомаха в несколько приёмов перекусила полоску шкуры и измочаленные сухожилия. Когда она поднялась, пушистый хвост — её гордость и краса —

остался лежать на снегу. Зверю было странно и непривычно видеть его отдельно от себя.

Вылизав шершавым языком рану, Пышка долго чистила испачканную кровью шерсть и умывала морду лапами. Приведя шубу в порядок, скрылась в таёжных дебрях. Росомаха хорошо запомнила лицо бородача, умеющего громом разящей палки перебивать хвост, и его рыжего зевластого сообщника.

Через несколько дней она решила пройти по следам двуногого: не вернулся ли он. Шла осторожно, в стороне от парной колеи. Подойдя к логову, устроенному из сложенных друг на друга почерневших стволов, с шапкой снега сверху, убедилась, что её обидчик тут больше не появлялся.

Успокоенная росомаха возвращалась на свой участок напрямую, по длинному распадку. Его дно было густо усеяно беличьими следами-четвёрками. На рассыпчатом снегу они представляли собой ряд нечётких ямок. Отпечатки совсем «тёплые», даже запах не выветрился. А вон и белый фонтанчик забил: белка шишку откапывает. Выверенный прыжок — и ужин обеспечен.

Теперь можно и отдохнуть. Промяв в снежной перине удобное ложе, Пышка свернулась в клубок. Хотела было по привычке прикрыть морду пышным хвостом, но ноющая боль в его основании напомнила, что его нет.

ГЛАВА 3 Весна идёт

Всё имеет начало и конец. Выстуженная и прореженная морозами тайга легко и свободно пропускала сквозь прозрачные кроны берёз и лысые ветви лиственниц тёплые лучи оживающего светила. Прогретые шишечки сосен и елей оттопыривали чешуйки, и из кармашков вовсю стали выпадать спелые семена. Вращаясь вокруг оси, они разносились ветром далеко от материнских стволов.

Капель с каждым днём набирала силу. К вечеру, когда заметно холодало, не успевшие сорваться капли замирали на сосульках, удлиняя их изо дня в день. Сам снежный покров

потемнел, потяжелел, стал зернистым; ребристые надувы и пузатые сугробы осели, оплыли. Небо, раздвигаясь и поднимаясь всё выше и выше, приобретало хрустальную чистоту.

Возбуждённые глухари, в предвкушении скорых смотрин, надменно выпятив чёрную с зеленовато-синим отливом грудь, прохаживались на рединах. Опуская коричневатопепельные крылья, они то и дело чертили на снегу упругими маховыми перьями любовные послания застенчивым капалухам*.

Солнце уже хорошо прогревало южные склоны, и на обнажающихся участках щетинкой пробилась молодая трава. Между трухлявых валежин появились сморщенные, будто от старости, гномики — строчки и сморчки — первые грибы. На оголившуюся макушку муравейника вылез первый разведчик. Ползая по разворошённой кровле, он оценивал ущерб и прикидывал, чем в первую очередь следует заняться после пробуждения рабочих муравьёв.

Пышка, выбрав место с хорошим обзором, днём обычно подолгу дремала на подсохших проплешинах, а в сумерках отправлялась на северные, всё ещё заснеженные склоны, поближе к горным пикам. Именно там охота была удачливей: на южных ей почему-то попадались одни ежи. Увидев росомаху, они натягивали на лоб колючий капюшон и, насторожённо выглядывая из-под него, ждали, что будет дальше. Стоило ей сделать шаг, начинали угрожающе пыхтеть, слегка подсакивать, пытаясь уколоть иглами. После того как кончик одной иглы застрял в мочке носа, Пышка к этим зверушкам не приближалась, даже если была сильно голодна.

Как только муравейники ожили, росомаха в самый солнцепёк, чтобы удовлетворить потребность в кислой пище, клала на кучу мохнатые лапы. Отважные муравьишки, суматошно бегая, густо облепляли их и обстреливали сотнями едких струек. Их не смущало то, что враг в тысячи раз крупнее и сильнее. Как только нос Пышки начинало щипать от запаха муравьиной кислоты, она слизывала шевелящуюся массу и, тщательно разжевав, проглатывала. Затем набирала новую порцию. Наевшись, уходила, а бедные труженики, не ведая усталости, приступали к ремонту «дома».

* Капалухи — глухарки.

Прошёл год. Вновь зазвенели от талой воды распадки. Речка вспучилась, взломала ледяные оковы и вырвалась на простор. Загрохотали перемалываемые в узких горловинах искристые пласты. В тайге появились одиночные комары, почему-то большие и лохматые. Они мрачно звенели над головой росомахи, норовя усесться на нос. Вылезли из подземных каморок, прикрытых старыми листьями и прошлогодней травой, шмели. Оглядевшись, они с гулом разлетались собирать нектар с первоцветов.

Лишь обозначалась заря на востоке, как тетерева, отравившие перед брачными турнирами мясистые красные брови, заспешили на зарастающие гари и моховые болота. Собравшись на проталинах, обрамлённых посеревшими холстинами уцелевшего снега, косачи, в строгих чёрных фраках с красиво загнутыми фалдами, начали, раскинув крылья, время от времени подпрыгивать и воинственно «чуфыркать»: издавать далеко слышное в холодном, влажном воздухе шипение, похожее на «чуфыш-ш-ш», гортанно бормотать, булькать.

Этими полными страсти звуками петухи вызывали соперников на турнир. Когда такой храбрец объявлялся, бойцы, до предела налив кровью брови и распушив вытянутые шеи, начинали демонстрировать сидящим на деревьях рыжеватым курочкам свою удаль — набычившись, топтались, надувались, гневно бубнили. Иные от избытка кипящей страсти взрывались чёрным сполохом трепещущих крыльев и взмывали свечой вверх. Каждый старался доказать сидящим вокруг тетёркам, что именно он самый достойный кавалер.

По завершении ритуала курочки улетали с выбранным партнёром к месту, которое было заранее облюбовано ими для строительства гнезда. Там, вдали от посторонних глаз и совершался праздник любви.

Пышка уже хорошо изучила свой участок. Больше всего её радовал царящий здесь покой. Парные следы двуногих встречались лишь на самом краю её владений, за лесистой грядой — как раз там, где она лишилась хвоста. Оттуда с осени, когда ложился снег, нередко доносились выстрелы, и Пышка долгое время остерегалась заходить туда. Но

однажды, преследуя табунок оленей, всё же забежала и даже дважды пересекла следы двуногого. Задавив оленуху, росомаха больше недели провела возле неё. За всё это время Пышку никто не потревожил. И она стала посещать этот угол без бывшего страха.

Как-то ближе к закату Пышка отправилась к горбатой гряде: днём там стреляли. Идя навстречу ветру, она уловила в налётных струях аромат крови.

Ведомая густеющим с каждым шагом запахом, росомаха вышла на истоптанную лесную полянку. На побуревшей от крови земле лежала неряшливым комом требуха, голова и раздвоенные копыта оленя. Едва Пышка приступила к трапезе, как кусты зашевелились и выбежали волки-разведчики, тоже привлечённые запахом крови.

Подав стае сигнал «всем сюда», они, разойдясь полукругом, устрашающе клацая зубами, стали подступать к росомахе. Но та давно усвоила, что в таких случаях главное вести себя уверенно и подавлять волю противника взглядом в упор. Вон и вожак со своей свитой появился. Хвосты, приподнятые до уровня спины и немного изогнутые в средней части, выдавали их агрессивный настрой*. Матёрый, увидев Пышку, тяжело вздохнул: «Опять эта вонючка!»

Он хорошо помнил, каким нестерпимым смрадом она обдала его осенью, когда они с волчицей попытались отнять у неё добычу. Волк, грозно сверкнув глазами, грозно зарычал было, но по его обмякшему хвосту Пышка поняла, что серый не собирается драться. Коротким ворчанием она поприветствовала его. Тот в ответ примирительно улыбнулся и издал вполне дружелюбный рык. (Мимика у волков настолько красноречива, что эмоции легко «читаются».)

Некоторое время никто не двигался. Смотреть друг на друга долго в этой ситуации было бестактно, и звери то и дело отводили глаза в сторону. Наконец вожак, судорожно сплотив слюну, отошёл и лёг на жухлую траву. Его примеру последовали остальные. Наевшись, Пышка взяла в зубы печень (знала, что после серых ничего не останется) и, сопя от сытости, удалилась. Все остались довольны друг другом. Не-

* В отличие от собак хвосты у волков всегда опущены вниз.

богатая на звуки «речь» зверей, дополненная языком телодвижений и нервных импульсов, весьма выразительна. Там, где человек тратит много слов, зверю достаточно одного взгляда или позы. Так, поджатый хвост, чуть сгорбленный хребет, опущенная голова свидетельствуют о признании превосходства противника. Но особенно хорошо звери чувствуют друг друга по взгляду. В нём они могут прочесть многое. И если в глазах промелькнёт скрытое коварство, зверя уже не обманешь приветливым помахиванием хвоста. Самое лучшее взаимопонимание наблюдается у представителей конкурирующих видов. Оно и понятно — это помогает им избегать конфликтных ситуаций. В жизненно важных вопросах звери, как правило, идут на компромисс.

Росомахи — животные всеядные. Зимой в меню, конечно, преобладает мясо, как свежедобытое, так и падших зверей. При этом предпочтение отдаётся боровой птице: куропаткам, рябчикам, а если повезёт, то и глухаря задавят. Пышка тоже обожала дичь и особенно успешно добывала её из снежных спален.

Сегодня же она решила поохотиться у солончака, расположенного в изголовье распадка: хотелось добычи посерьёзнее. Обильно сочащаяся там влага охристого цвета, стекая ко дну рыжими струйками, покрывала почву белёсой коркой соли. Она была густо истоптана копытами и вылизана до ямок оленьими языками.

Дождавшись, когда к земле потянулись последние лучи и таёжную чашу наполнил мягкий свет тлеющего заката, Пышка побежала к солончаку по хорошо набитой тропке. Свежие вмятины от копытец козули* и кабарги вселяли надежду на успех. Ждать в засаде пришлось недолго. Лишь стемнело, послышался характерный перестук.

Готовясь к прыжку, росомаха, дабы блеск глаз не выдал её, прикрыла веки. Когда оленуха, не успевшая полностью сменить зимнюю, пепельно-серого цвета шерсть на рыжеватую летнюю, оказалась напротив, Пышка увидела, что та не одна — за ней бежал тонконогий оленёнок. У росомахи

* Косуль в некоторых регионах Сибири называют козулями либо дикими козами.

дрогнуло сердце. Она предупредительно уркнула и отвернулась. Косуля насторожённо покосилась на хищницу и, самоотверженно загораживая собой детёныша, прошмыгнула мимо...

* * *

Наконец истлели последние сугробы. Снежные забои сохранялись лишь в глубоких тенистых ложбинках. Ветер старательно разносил по тайге прелые запахи прошлогодних трав и ошмётки спрессованных листьев. Готовясь к лету, наша героиня активно меняла роскошную зимнюю шубу на летнюю. Из-за торчащих во все стороны остатков длинной шерсти и выпадающего пуха она выглядела теперь неряшливо. Но не одна Пышка утратила привлекательность. Вон и белки из холёных красавиц превратились в тощих дохляк, а их шикарные хвосты стали похожи на истрёпанные плётки.

Талая вода схлынула, и желтовато-мутная река, войдя в берега, текла, гоняя по подвижным воронки. Пышка бродила по пойме и осматривала образовавшиеся после разлива лужи в надежде поживиться рыбой. Заметив колебания спинных плавников, заходила в мелководье и, загребая когтистой лапой, выкидывала вёрткую серебристую рыбёшку на берег. Однако эта мелочь только распяляла аппетит.

Тем временем на галечную косу, заваленную плавником, вышла тощая медведица. За ней плелись три довольно упитанных медвежонка. Оглядевшись, мамаша направилась к воронам, галдящим на многоярусном завале: по характеру крика чёрных кумушек она поняла, что там есть чем поживиться. Подойдя к завалу, медведица раскатала стволы и, достав из-под них погибшую в паводок лису, подозвала медвежат. Двое из них, не желая делиться, встали друг против друга и принялись с угрожающими воплями тарашить глазёнки, толкаться, рычать, да так яростно, что ни один не мог приступить к еде.

Пока драчуны мерились силой, третий медвежонок спокойно хрумкал предложенное матерью угощение. Когда забияки прекратили бузу, от лисы осталась половина. Медведица же всё это время, не обращая внимания на отпрысков,

грызла лосиный рог — бесценный источник минеральных солей. Когда детвора покончила с лисой, мамаша увела потомство в тайгу.

Как только семейка скрылась, Пышка подошла к месту медвежьей трапезы. От земли исходил запах чуть подтухшего мяса, но вокруг ничего, кроме клочков шерсти и парящих в прохладном воздухе кучек помёта, не нашла.

Росомаха поскакала дальше: где-нибудь и ей повезёт. Точно — вон матёрый бяляк на молодой травке кормится. Пышка под прикрытием поваленной лесины подкралась почти вплотную. Косой, поняв, что бежать поздно, не растерялся: опрокинулся на спину и, выставив вперёд лапы, замахал ими часто-часто. Налётчица отпрянула: не хотелось морду под когти подставлять. Заяц тем временем вскочил и отбежал на безопасное расстояние. Эх! Опять неудача!

Тщательно процеживая носом воздух, а он у росомах чует в лесу намного дальше, чем видят глаза, Пышка выхватила, наконец, аппетитный запах. Читая на ходу всё более густеющие воздушные послания и рассматривая встречающиеся следы, она шаг за шагом восстанавливала картину недавней трагедии.

Вот тут несколько косуль, а следом и серый перебежали через ключ. Волк долго гнал одну из них. Вон из тех кустов уже сильно пахнет кровью. Точно! Тут он её и зарезал. Волк здоровый: добычу не по земле волок, а закинул на спину. Куда же унёс её? Пышка принялась. Запашистые струйки тянулись из кедрача.

Росомаха прильнула к траве и пошла туда, осторожно переставляя полусогнутые лапы: вдруг серый ещё там. «Сколько мяса, сколько мяса!» — подстрекательски трещала с осины сорока. Вот и выходной след. Совсем свежий. Стало быть, серый ушёл. По всей видимости, напиться после обильной трапезы. Надо поторапливаться!

Увидев росомаху, терзающую его добычу, волк пришёл в бешенство и с ходу атаковал воровку. Но та не стусевалась: обнажив желтоватые клыки, с медвежьим рёвом сама ринулась навстречу. Серый оторопел от такой наглости и едва увернулся от просвистевшей перед мордой когтистой лапы. Росомаха, сделав сальто через голову, всё же сумела полоснуть его брюхо длинными когтями снизу.

На отчаянные вопли товарища примчалась пара волков. Они решили проучить нахалку. Поодиночке серые не рисковали связываться с росомахой: низкая болевая чувствительность и хорошая реакция позволяли той драться отчаянно и с невероятным упорством. А сообщая был шанс преподать дерзкой вонючке отменную трёпку. Но и тут у них ничего не вышло — росомаха взобралась на дерево и, не проявляя ни малейшего беспокойства, дожидалась, пока стае надоест караулить её.

ГЛАВА 4

Верхи. Отец Сергей

Село Верхи вытянулось тремя улицами вдоль берега озера, занимающего большую часть межгорной котловины. В центре — площадь. На ней с одной стороны двухэтажное, рубленое из лиственницы, здание бывшей конторы леспромхоза, с другой — школа с пришкольным участком. Основали Верхи при Екатерине Великой казаки и крестьяне, бежавшие сюда от расправы после подавления пугачёвского бунта. Топкие мари и дремучие леса, окружающие этот обширный, отдельно стоящий горный массив, надёжно ограждали беглый люд от царских властей. Сейчас с миром село связывала семидесятикилометровая лесовозная дорога, по-змеиному вихляющая по сосновым гривам и марям. До середины девяностых годов XX века в Верхах, наряду с госпромхозом, был крупный леспромхоз. Могучие «Уралы» и «КрАЗы» за год вывозили по зимнику до миллиона кубометров первосортной древесины.

В то время в посёлке действовала школа-десятилетка, клуб с вокально-инструментальным ансамблем и художественной самодеятельностью, почта, два магазина. Но пришли иные времена, и леспромхоз как-то незаметно умер: вывозить многометровые хлысты мачтового леса стало невыгодно, а пригодная для сплава речка текла, минуя жилые края, лишь к студёному морю-океану. Клуб закрыли. Вместо трёхсот дворов осталось полторы сотни. Слава богу, что школу сохранили, правда, стала она восьмилеткой. Госпромхоз пока держался. И мужики продолжали, как испокон веку в тутош-

них краях, промыслять пушнину, бить на мясо зверя, ловить, вылить рыбу, подсачивать смолу, вываривать пихтовое масло.

Связь с миром поддерживала автолавка. Два раза в месяц из города приезжал на вездеходе ГАЗ-66 экспедитор Семён Львович, лысоватый, рыхлый мужчина неопределённого возраста. За не сходящую с округлого лица услужливую улыбку селяне прозвали его Подковой.

Приезда автолавки все, особенно дети, ждали, как праздника. К обеду собирались у единственного двухэтажного здания.

Помимо ходового товара Семён Львович доставлял почту, газеты, пенсию, солярку для дизельной электростанции. А в город увозил ягоды, кедровые орехи, сушёные грибы, пихтовое масло. Зимой их сменяли мороженое мясо и дичь (в основном рябчики, куропатки), а также масло и творог.

Оставшись без работы, народ перешёл на самообеспечение. Стали сажать больше картошки, капусты, держать скотину, коз на шерсть; всё лето и осень заготавливали дары тайги. Кто не ленился — жил в достатке. Особенно выгодно оказалось собирать на продажу клюкву и бруснику: не портится, и цена хорошая. Некоторые семьи за сезон до полутонны сдавали.

Первые годы Подкова приторговывал и водкой, но на общем сходе ввели на её продажу запрет. Случилось это после того, как бывшие лесорубы, отмечая в конце зимы пятидесятилетие своего бригадира Игната, перепившись, стали выяснять отношения. Вальщик Герасим вспомнил, что Игнат когда-то лишил его премии за поломку мотопилы «Дружба». Словесная перепалка переросла в драку. Рассвирепевший Герасим схватил стоявший у печи топор и профессиональным ударом развалил обидчику череп. Придя домой, всю ночь пил, дико орал. Жена с детьми, опасаясь за жизнь, убежала к свекрови. То ли от курева, то ли от упавшей свечки, рубленный из смолистого кедра дом Герасима под утро полыхнул. Жар внутри был такой, что когда дотлели последние угли, то и костей не нашли — один пепел. Не знали, что и хоронить. Слава богу, ветра не было, а то и вся улица выгорела бы.

Эта трагедия потрясла селян: «Дожили! Куда катимся?!» Собравшиеся на пепелище бабы голосили во весь голос:

— Двух таких орлов ни за что ни про что потеряли! Две семьи враз осиротели!

— Допраздничались!

Валентина, жена зарубленного Игната, чуть ли не на каждого мужика кидалась:

— Кто теперь моих пацанов поднимать будет?! Вы?! Пропойцы проклятые!

Тогда и порешили: «Больше водку в село не завозить!»

Приехавший через неделю Подкова попытался втихаря продавать, но заметившая это Валентина пришла в бешенство и ястребом накинулась на коммерсанта:

— Ещё раз привезёшь, оболую твою колымагу бензином и спалю!

Подкова до того перепугался, что на её глазах вылил две поллитровки и побожился соблюдать решение схода.

Ещё бы! Доход с каждой поездки и без спиртного почти в два раза превышал расходы: за иные дары леса магазины и рестораны платили ему в три раза больше, чем он селянам.

Более того, после введения сухого закона он уговорил охотоведа Степана Ермиловича, уже второй год исполнявшего и обязанности директора госпромхоза, закрепить за ним примыкающий к дороге на Верхи большой, почти в триста квадратных километров, промысловый участок. Местные охотники давно забросили его из-за удалённости. Для Подковы же он был удобен — так и так каждый раз проезжал мимо, да и горы там были не такие крутые, как на остальных участках.

* * *

В селе на взгорке стояла обветшавшая церковь, построенная в середине XIX века. При леспромхозе её использовали в качестве склада и за зданием худо-бедно следили. А когда его ликвидировали, она быстро пришла в запустение.

Как-то весной, накануне Страстной недели, бабке Екатерине приснился сгоревший сын Герасим. Был он весь в чёрном и, стоя неподвижно, громко произнёс: «Матушка, неприютно мне здесь, помолись за меня. Испроси у Господа искупления греха моего смертного». Женщина проснулась. Обливаясь слезами, она бухнулась на колени и до утра молилась перед образами. А подоив и выгнав в стадо корову,

пошла к подругам. Рассказала про сон. Обсудив его, они сговорились перед Пасхой в Чистый четверг прибраться в церкви и помолиться там вместе.

Два дня дотемна выгребали хлам, мыли пол, вытирали с сохранившихся росписей на стене пыль. В субботу стали готовиться к Пасхе. Одна принесла Псалтырь в кожаном переплёте, другая — икону Казанской Божией Матери, Библию. Развесили вышитые полотенца, застелили скатертью стол для приготовленных яиц и куличей.

Старославянский толком никто не знал, но всё же пытались читать по писаному, улавливая музыку молитвы сердцем. С тех пор нет-нет да стали собираться в церкви.

После одного из совместных молений сваха Екатерины, бабка Люба, села на паперти. Счастливая улыбка озарила её лицо:

— Ой, девочки! Как здесь хорошо! И не уходила б никуда. Вот кто объяснит: молюсь, молюсь дома, всё одно страшно жить. А сюда прихожу — и будто кто силы вливает, благодать на душу ложится. И думаю: «С Божьей помощью как-нибудь поставим с Катей мальцов на ноги».

— Да и мне уходить отсель не хочется. Тут даже дышится легче, — подхватила...

— А что? Давайте каждое воскресенье собираться. Глядишь, ещё кто сподобится, присоединится, — предложила...

Долгое время они ходили то втроём, то впятером. Их так и прозвали — «церковницы».

Однажды вместе с Подковой в село приехал священник и предложил крестить желающих полным погружением. Желающих оказалось немало. С той поры и кое-кто из мужиков стал заглядывать в церковь. А учитель истории всегда с сыновьями закахивал. Мягкому и молчаливому старшему Сергею, любившему рисовать в уединении, царящая в церкви атмосфера до того пришлась по душе, что иногда заходил и без отца. Стоял, подолгу рассматривая лики. После окончания школы он поступил в медучилище на фельдшерское отделение.

Приезжая домой на каникулы, Сергей с раннего утра до захода солнца пропадал в церкви. Смастерил и поставил у входа две лавочки, побелил свободные от росписей стены,

отремонтировал вместе с друзьями крышу. Завершив учёбу, он, уже работая на «скорой помощи», поступил в семинарию. Это в селе никого не удивило.

Ближе к окончанию его учёбы тётка Елена, взявшая на себя обязанности церковного старосты, поехала в епархию с просьбой направить парня после рукоположения в сан в Верхи. Епископ Филарет благословил. Так и образовался полноценный приход, а заодно и фельдшерский пункт.

Через год с небольшим отец Сергей обвенчался с одноклассницей — тихой, работающей девушкой Ириной.

С Божьего благословения и при финансовой помощи пожертвователей — в основном выходцев из Верхов, живущих в городе, — селяне приобрели несколько икон и три колокола. Мастеровой Николай Пуля в благодарность за то, что отец Сергей легко и без осложнений удалил мучавший его двое суток аппендицит, вырезал за зиму Царские врата и оклад для иконостаса. Женщины с энтузиазмом учились пению на клиросе. Вскоре у них сложился столь замечательный хор, что приехавшие из епархии на освящение колоколов и Царских врат представители духовенства во главе с епископом не могли скрыть восхищения.

Помимо служб отец Сергей каждое воскресенье после причастия читал проповеди. И такие они были мудрые и проникновенные, так брали за душу, что послушать их стало собираться чуть ли не полсела. Люди приходили не только за советом, но и чтобы обсудить свои болячки, испросить нужного лекарства.

* * *

По окончании Петрова поста отец Сергей отправился на речку Ворчалку порыбачить: завтра день рождения матушки Ирины, а она у него любительница рыбы.

День стоял ясный, тихий. Поляна, поросшая травой и полевыми цветами, звенела от стрекота кузнечиков. Впереди как-то странно летал орёл. Он то пикировал вниз, то вновь взмывал вверх.

— За кем-то охотится, — сообразил батюшка и прибавил шаг. Взойдя на бугор, увидел мчащегося по поляне зайца.

Расчётливыми прыжками вбок он каждый раз уклонялся от грозного преследователя. Промахнувшийся орёл тут же свечой взмывал в небо, а косой возобновлял бег. Когда стервятник, вновь падая сверху, выпускал крючковатые когти, заяц делал резкий бросок в сторону, правда, с каждым разом всё короче.

— Эх! Замотает! — сокрушённо вздохнул отец Сергей.

Но вот косой достиг пихтача и, бросив победный взгляд на пикирующую птицу, скрылся под зелёными лапами.

— Ай да молодец! — похвалил священник.

С остановками на пробные забросы он дошёл до верхних порогов, у которых обычно брал не меньше дюжины радужных хариусов. Сегодня, однако, ни одной поклёвки. Батюшка расстроился до крайней степени. Ещё бы! Чем же он порадует матушку?

Поднялся выше, к Ямам. И там ничего. Речка словно вымерла. Даже кругов на воде не видно. Лишь неосевшая муть в следах барсука. Тот, видимо, охотился за лягушками и в азарте несколько раз заскакивал в воду. На влажном берегу иле отчётливо видны отпечатки его лап. Похожи на медвежьи, только поменьше размером: пятипалая ступня с венчиком от когтей.

Отец Сергей прошёл ещё пару километров, то и дело закидывая наживку на быстрину, но безрезультатно. Только тут обратил внимание, что солнечный диск уже завис в проёме между гор. Поняв, что дотемна домой не успеть, батюшка устроился на ночлег прямо на берегу. Скромный ужин состоял из двух картофелин, пары сухарей, пластинки сала и чая из листьев смородины с чагой. Этот берёзовый гриб придавал напитку не только красивый коричневый цвет, но и вкус свежести, аромат леса.

Разбудили батюшку хлопки тугих крыльев. Не поднимая головы, отец Сергей приоткрыл глаза: сквозь прорежённый восходящим солнцем туман разглядел на беломраморных берёзах стаю тетеревов. Перелетая с ветки на ветку, они кормились листьями.

Полюбовавшись на краснобровых с лирообразными хвостами косачей, священник собрал в кучку потухшие головешки и запалил костёр. Выпив две кружки бодрящего напитка,

поспешил домой. Чтобы укоротить путь, пошёл, срезая извивы русла, напрямик.

Кедровка, летая перед ним зигзагами, скрипуче выкрикивала: «Тревога! Тревога!» Не жалея себя, она предупреждала обитателей леса о появлении самого страшного для них зверя — человека. Откуда ей было знать, что этот человек ни разу ни в кого не выстрелил.

Однажды, ещё в седьмом классе, друг уговорил Серёжу пойти на охоту. Отец приятеля подстрелил косулю. После короткой конвульсии она затихла, а из глаз, смотрящих, как казалось Сергею, с неммым укором, выкатилась слеза. Ошеломлённый подросток при этом ощутил такую боль, словно свинцовая пуля угодила не в оленя, а в его сердце. С тех пор он возненавидел охоту. Но в тайге бывать любил. Она заряжала, настраивала на светлые мысли, вызывала восхищение своей бесконечной и непостижимой красотой. Возвращался он из леса наполненный любовью и радостью.

С пологой седловины до отца Сергия донёсся непонятный звук: как будто кто-то скрёбся и урчал внутри пустой бочки. Свернув с перевитой мускулистыми корнями кедров звериной тропы, он увидел между обомшелых глыб чернеющий провал. Подошёл ближе — на его дне метался какой-то зверь. Когда глаза немного пообвыкли, разглядел молодого медведя. Тот стоял на задних лапах, вытянув передние вверх, и смотрел маленькими глазками с явно выраженной мольбой о помощи.

— Да уж, сердешный, не повезло тебе! Погоди, что-нибудь придумаю, — участливо произнёс батюшка.

Свалив стоящую неподалёку сухостоину, он подтащил толстый конец к провалу и стал опускать его в яму. Это вызвало у пленника неожиданную реакцию: он зарычал и, с яростью набросившись на приближающуюся лесину, принялся с остервенением раздирать кору, кусать ствол. Священник опешил. Он понимал, что, спасая такого непредсказуемого зверя, сильно рискует, но не оставлять же живую тварь на верную смерть.

После нескольких злобных атак пленник наконец сообразил, что лесина ему ничем не грозит. Покрутившись ещё немного вокруг неё, обхватил ствол лапами и полез наверх.

Выскочив из ямы, Пышка, а это была она, отбежала на несколько метров и, коротко глянув на спасителя, благодарно уркнула. После чего, приныривая, скрылась в чаще. Увидев на боку зверя широкую рыжеватую полосу, отец Сергей понял, что это не медведь, а росомаха, только почему-то бесхвостая.

Хоть и не привечает это животное народная молва, баяшка радовался тому, что Провидение вчера так далеко увело его от дома.

«Расскажу матушке, вот радости-то будет!» — подумал он.

Перекрестив вдогонку убежавшую Пышку, священник ещё какое-то время постоял со счастливой улыбкой на устах.

ГЛАВА 5

Сушь. Бескормица

За два месяца нещадно палящего солнца земля так иссохла, что даже вся трава пожухла. Местами она вообще исчезла, как будто спряталась от зноя. За всё это время на выбеленном небосводе не появилось ни облачка. Изредка налетавший ветерок не ослаблял жары. Речка превратилась в длинную галечную ленту. Лишь кое-где среди камней сочились вялые струйки.

Умолкли птицы. Одни лишь стрекозы неподвижно висели в полуденном мареве, да звенели на высохших стеблях неугомонные кузнечики. Разогретые солнцем кедровые ветки источали густой смоляной дух. А над куртинами болотного багульника стоял такой дурман, что человека, попавшего в эти невысокие заросли, вскоре начинал одолевать сон. Задержись на такой полянке на пару часов — останешься на ней навеки.

Зато исчезли комары и гнус. Правда, на смену им появились кровососы похлеще: тучи слепней и оводов. Но эти атаковали только днём. С наступлением сумерек они исчезали.

Пышка спасалась от жары на дне тесного ущелья, заваленного обломками скал. Поскольку солнце заглядывало в него мимоходом, здесь всегда царили полумрак и прохлада. Росомаха выбиралась из этого природного холодильника лишь для того, чтобы утолить голод. К сожалению, вылазки всё чаще оказывались безрезультатными: изнывающая от зноя и безводья тайга почти опустела. И весной, задолго до

засухи, живности было меньше обычного. Зимой небывалые морозы и затяжные снегопады основательно подкосили численность животных и птиц. Боровую же дичь добил случившийся ранней весной обильный дождь. Следом, как это часто бывает в этих краях, ударил мороз, закупоривший большую часть ночевавшей в снегу птицы. Пережившие зиму олени откочевали на восток. Рыба, предчувствуя засуху, скатилась в большую реку.

У Пышки, правда, было два праздника для желудка. Первый — весной, когда начал таять снег. Росомахи по своей природе санитары: не брезгают ни падалью, ни мясом с душком. И когда стали вытаивать туши погибших в зимнюю бескормицу зверей — оленей и более мелких животных, — Пышка каждый день наедалась до отвала. Понимая, что подобное изобилие не вечно, она часть падали разнесла по «кладовым». Чтобы мясо дольше сохранялось, уstraивала их в тенистых местах.

Второй такой праздник случился, когда с юга полетели к северным гнездовьям утки. Они шумными стаями садились ночевать на мелководные заводи. Пернатых порой было так много, что над водой стон стоял. Вот уж попировала тогда росомаха! Ловила просто: ночью сталкивала в воду кусок коряги и, спрятавшись за ней, незаметно подплывала к дремавшим птицам. Оказавшись рядом, хватала ту, что поближе. Но никто из пернатых так и не остался в этих краях, не свил гнезда — чуяли надвигающуюся сушь. Пышку какое-то время выручали сделанные весной запасы. Когда они кончились, росомаха, рыская по тайге, обнаружила на дне ямы под речным прижимом — всё, что осталось от речки — вяло плескавшуюся рыбёшку. Но её хватило всего на три дня.

Пышка поняла, что из этой пустыни пора уходить. Подчиняясь внутреннему голосу, она направилась к синееющему вдали острозубому хребту, за которым каждый вечер пряталось раскалённое светило.

Перевальной седловины достигла за два перехода. С неё открылась обнадёживающая картина. В отличие от оставшейся за спиной иссушённой, выжженной солнцем тайги, здесь всё зеленело, в прогалах между деревьями колыхалось на ветру густое разнотравье, цвели ромашки, иван-чай. Хрустальный

перезвон воды, текущей под камнями, вплетался в пение лесных птиц. Пышка повеселела — дожди не обошли эти места.

По дну тенистой ложбины она спустилась к роднику, бегущему на север. Жажда так измучила её, что она пила и пила без остановки, словно боялась — вдруг вода исчезнет. Напившись, продолжила путь не сразу. Переведя дух, ещё раз два припадала к роднику. Только после этого пошла по берегу бойко лопотавшего ключа. Торопливо сбегая по дну ущелья, он собирал дань с каждого распадка и как-то незаметно окреп до размеров речушки.

Довольная Пышка прилегла на берегу рядом с вытекавшим из распадка ручейком. В месте его впадения в речку вымыло чашеобразную заводь. На её дне, в кутерьме ярких солнечных бликов, угадывался массивный топляк. Приглядевшись, росомаха различила колышущиеся по его бокам плавники. Неужели таймень? Выступающий из воды краешек хвоста подтвердил: точно, он! Да какой здоровый!

Лениво пошевеливаясь, «северный крокодил» охлаждался в прохладной ключевой воде. Но, как вскоре выяснилось, затаился он тут неспроста.

На берег опустилась стайка куропаток и принялась склёвывать мелкие камешки. В какой-то момент вода вспучилась и из неё вылетела зубастая пасть. Схватив зазевавшуюся птицу, она тут же исчезла. Куропатки дружно перелетели на соседнюю излучину и, как ни в чём не бывало, продолжили прерванное занятие. Вскоре одна из них перекочевала в желудок Пышки.

Сытая росомаха весело поскакала по берегу речки дальше. Под вечер лесистые склоны раздвинулись, и взору странницы открылась гладь большого озера. Слева в него обрывались высокие гранитные кручи с зелёными островками кедрового стланика. Правый, пологий берег покрывал сумрачный ельник.

Скалы, деревья, отражаясь в зеркале озера, казались опрокинутыми в него — до того тиха была вода, неподвижен и ясен воздух. Золотистые блики солнечной дорожки делили водоём на две части. Нет-нет да кое-где плеснёт рыба. В самом устье табунились, касаясь спинными плавниками поверхности воды, ленки. Росомаха облизнулась, но понимала, что их не достать.

За озером, на противоположном берегу виднелось несколько надломленных ветром белых столбиков. Приглядевшись, Пышка сообразила, что это дым и поднимается он из таких же, как у лишившего её хвоста двуногого, построек, только большего размера. По открытой воде оттуда доносились крики птиц, бляение коз, густое и протяжное мычание, напоминающее рёв сохатых.

«Вот где можно пожить!» — обрадовалась росомаха и поспешила на разведку. В низменном чернолесье наткнулась на пахучие метки сородича. Вон и отпечатки его лап. Самец! Крупный!

Неплохо бы познакомиться!* Но Пышка не стала отвлекаться и продолжила путь.

Логова двуногих уже были хорошо видны. Первый ряд тянулся вдоль берега, остальные, разделённые широкими тропами, проходили в отдалении. Возле каждого большого строения были ещё и поменьше. Многие дворы огорожены тонкими сухостоинами. Росомаха взобралась на разлапистую сосну и стала наблюдать за крайним, самым ближним к ней.

Возле небольших построек прохаживались утки, копошились похожие на капалух птицы. За оградой паслись козы.

«Как много еды», — радовалась, предвкушая богатую добычу, Пышка. Правда, настораживало то, что по двору то и дело сновали двуногие.

Наконец солнце послало последний луч света и скрылось за обугленными зубцами. Сумеречная мгла незаметно заполняла, растворяла всё вокруг. Когда совсем стемнело, монотонно зарокотал какой-то, похоже, очень большой, зверь. И сразу из проёмов построек полился золотистый свет. Но больше всего росомаху изумили ярко вспыхнувшие на макушках высоких «сучостоин» маленькие солнышки. Когда рокот прекратился, они погасли, и всё погрузилось во тьму. Дождавшись полной тишины, Пышка, вглядываясь в чёрные силуэты построек, опасно прокралась к ограде, переплетённой цепкими, шершавыми плетями хмеля. Среди доно-

* Брачный сезон у росомах, как и у соболей, растянут с мая по август, но максимальная интенсивность спаривания приходится на июль. Потомство же, благодаря паузе в развитии эмбрионов, рождается в феврале—марте.

сившихся со двора запахов свежего навоза, душистого сена, псины — один показался ей особенно знакомым. Так пахло от двуногого, который своей огнебойной палкой лишил её хвоста. Пышка вспоминала его с неприязнью всякий раз, когда надо было укрыть нос от кровососов.

Это встревожило росомаху. Она замерла в нерешительности, но близость поживы приглушила страх. Найдя в ограде удобную лазейку, Пышка осторожно протиснулась в неё и оказалась... у собачьей конуры. Чутко дремавшая Динка высунула голову. Кольнув росомаху острым взглядом, она признала зловредную вонючку, но атаковать не решилась. Ограничилась оглушительным лаем. Её тут же поддержали соседские псы. Заливистый гвалт волной покатился по селу. Росомаху тоже опознала старую знакомку: это её она зимой обрызгала струёй мускуса.

В человечьем логове тем временем затеплился огонёк. Пышка, юркнув обратно, поспешила под защиту леса. Она была не столько испугана, сколько расстроена постигшей её неудачей. Но вскоре эти чувства сменились злобой: сначала её лишили хвоста, а теперь испортили охоту. Остаток ночи росомаху провела на мысу, клювом уткнувшись в воду. Вытянувшись на щербатой плите, ещё хранящей дневное тепло, она раздражённо слушала, как перебрехиваются встревоженные псы. Чем дольше слушала, тем сильнее крепло желание досадить обидчикам.

Когда восходящее солнце позолотило морщинистую кору вековых кедров и заставило свечами вспыхнуть стволы берёз, Пышка вернулась на свой наблюдательный пункт и весь день терпеливо наблюдала за происходящим в селении. Самцы двуногих по большей части сидели у ограды, самки же мыли на реке разноцветные шкуры или колотили землю палками вокруг зелёных кустиков. Колотили так, что поднимали клубы пыли. Одни детёныши двуногих копошились на куче с песком, другие с визгом и криками гонялись друг за другом на поляне.

Вон и белоголовый обидчик вышел из своего логова. Пройдя мимо построек к заросшему невысокой травой холму, он ненадолго скрылся и появился уже с чем-то красноватым в руках. Сколько ни напрягала зрение росомаху, она никак не могла разглядеть, что это. Подсказку принёс ветер.

«Ого! Мясо! — Пышка судорожно сглотнула обильную слюну. — Оказывается, двуногие тоже устраивают схроны в земле! Ну что ж, ночью наведуясь!» — «улыбнулась» росомаха.

Человек исчез в логове, но ненадолго. Вышел с миской и поставил её перед конурой. Рыжая псина с жадностью набросилась на еду. Белоголовый, походив по двору, вышел за ограду и сел на бревно под берёзой. Засунув в рот белую палочку, стал время от времени выпускать изо рта клубы дыма.

Пышка была поражена: «У этого двуногого даже маленькая палочка изрыгает дым и огонь! С ним надо быть поосторожнее».

Ночью, когда стихла вялая собачья перебранка, росомаха спустилась на землю и прокралась при дрожащем свете звёзд к холму на поляне. Ей не терпелось добраться до мяса. Обойдя схрон, нашла спуск. Он вёл к обитой шкурой двери. Сквозь узенькую щёлочку сочился будоражащий аромат. У Пышки внутри всё затрепетало. Она была готова на любой подвиг, лишь бы проникнуть в скрытый за дверью мясной склад. Осторожно спустившись по трём дощатым ступенькам, хищница толкнула дверь. Та не поддавалась. Навалилась плечом — и это не помогло. Как быть?

Запустив в щель когти, росомаха потянула дверь на себя. Она чуть сдвинулась, но дальше не пускала кривая железка. Росомаха осторожно дотронулась до неё. Убедившись, что та не опасна, потихоньку, чтобы не разбудить собаку, стала толкать её во все стороны. В какой-то момент железка вышла из скобы и безвольно повисла.

Щель сразу расширилась. В образовавшийся проём на Пышку хлынула такая густая волна заячьего духа, что у неё перехватило дыхание. Голодный зверь был вне себя от счастья — за дверью оказалось столько мяса, что будущее представилось в самом радужном свете...

ГЛАВА 6

Грабежи

Царил полдень — знойный, тихий. Погружённый в маревую дымку лес как будто колыхался. На скамейке у ворот, под ажурной тенью берёзы привычно сидел, небрежно зажав между



двух пальцев самокрутку, дед Ермил. Лоб и заросшие колючей щетиной щёки блестели от пота, словно намазанные салом. Изнывая от жары, он то и дело отирал рукавом рубахи выступающий бисер пота и отмахивался от налетавших слепней.

Попыхивая дымом сквозь густые, прокопчённые до желтизны усы, старик поглядывал то на копошившихся в пыли

куриц, то на осанистого петуха, то на шиплющих траву ослепительно-белых гусей, то на пробегавшую с гиканьем ребятню. От всех этих картин в душе Ермила Фёдоровича царило умиротворение, которое враз разрушило приближающееся причитание:

— Господи, за что ж така напасть?! Убыток-то какой!

Калитка распахнулась: к нему семенила разгневанная старуха.

— Токо знаешь дымить! Ты почто дверку в ледник не заворил? Уж всё запотело, отмякло.

Старик недовольно вскинул глухаринные брови:

— Чё расшумелась! Не был я сёдня там!.. Сама, небось, не заперла... Докурю — гляну...

Спустившись по ступенькам в ледник, Ермил сразу почувствовал, что в нём и впрямь заметно потеплело. Запалил свечку. Когда глаза привыкли к полумраку, оглядел запасы. У дальнего края за дощаной стенкой лежала вперемежку со льдом нарубленная кусками лосятина — сын дал. Ближе к двери возвышалась гора набитых зимой тушек зайцев. Вот только брезент, прикрывавший их для лучшего сохранения холода, почему-то лежал в проходе. Подняв его, промысловик увидел погрызенную заячью голову. Самой тушки не было.

— Вот это да тебе! Кто ж так похозяйничал? — выругавшись, старик вышел и, накинув на ушко крючок, для верности подпёр дверь ещё и колом.

Утром, выгнав корову в стадо, он заторопился к леднику. Все запоры на месте, следов на росной траве нет. Вот и славно!

В следующие два дня дед не выходил из дома: ноги опять отказали. Беспокоясь за припасы, он отправил к леднику старуху. Слава богу, всё было в порядке. На третий, как только полегло, поковылял сам. И тут его взору предстала картина возмутительного по наглости набега: дверь снизу прогрызена, на земле желтели щепки, кусочки древесины, а заячьих тушек явно поубавилось. По мускусному запаху было ясно: хозяйничала росомаха.

— У-у-у, паскуда! — загудел Ермил Фёдорович, потрясая костлявым кулаком. — Ну погоди, мы тоже не лыком шить! Посмотрим, кто кого!

Исторгая все известные ему мудрёные выражения, он принёс из сарая двухпружинный капкан с цепочкой и потаском на конце. Спустившись к двери, заткнул дыру пуком сена, а капкан установил в выкопанную перед ней ямку. Слегка притрусил его травой.

Росомаха повторила набег лишь на четвёртый день. В этот раз погром был ещё более ужасным: дверь прогрызена теперь с другого края, а из дыры сочится тошнотворный запах. Распахнув дверь, Ермил увидел на заиндевевых заячьих тушках несколько расплывшихся жёлто-коричневых пятен. От ярости он заскрежетал остатками зубов.

— Чего она прицепилась ко мне? Неужто та, что зимой подранил? Надо Динку тута привязать. И как это я раньше не смякитил? Эх, старость не радость!

Но лишь только он подвёл собаку к леднику, та, жалобно скуля, стала что было сил упираться. Вырвавшись, убежала и не появлялась во дворе до следующего дня.

Проклиная всё на свете, старик зашагал прямо через огороды к дому сына, Степана, работающего в госпромхозе охотоведом. Пospel в самый раз: сын, сидя на нижней ступеньке высокого крыльца, натягивал кирзовые сапоги. При этом уворачивался от поджарого, белой масти кобеля с чёрными «сапожками» на лапах, пытавшегося лизнуть его лицо. Когда псу это удалось, загнутый кренделем хвост от восторга заходил ходуном.

Степан потрепал загривок Мавра с нежностью, никак не вязавшейся с его суровым обликом. Ястребиный нос, густая чёрная, с едва наметившейся сединой борода и усы придавали его лицу угрюмое выражение. Взгляд зеленоватых глаз из-под нависших косматых, точь-в-точь как у отца, бровей был насторожённым и цепким. Степан был до того высок, что в иные избы ему приходилось входить пригнувшись.

— Доброго здоровья, сынок. Дело есть! — Ермил зачем-то помял мясистый, с красными прожилками нос и продолжил: — В общем, так: росомаха повадилась зайцев таскать из мово ледника. А ноне вообще всё мясо испоганила. Така вонь — дышать не можно! Без мяса оставила! Подсоби изловить али пристрелить воровку. Хитрющая, зараза, ничего

не боится! Запор поставил — дверь прогрызла. Капкан насторожил — обошла.

— Да-а, батя! Не повезло тебе. Признавайся, где ей насолил?

— Да было дело... Ранил в конце сезона одну.

— Вот она и сводит счёты.

— Так тем паче изловить надо.

— Ладно, поймаем твою обидчицу. У меня с прошлого года заявка на живоотлов росوماхи лежит. На семинар съезжу и займусь...

Отец недовольно закричал, сдвинул ершистые брови:

— Япона мать! Так она ж к тому времени не токмо припасы, но и всех курей кончит, а бабка — меня. Коль страх потеряла, скока ещё напакостит... Знаешь же, росوماхи на башку отороженные, хуже медведя. Отец рассказывал, как-то собака ему склад росомаший нашла. Сорок куропаток в нём насчитал... И эта не успокоится, покамест не перетаскает всё.

— Извини, батя, но по-другому никак. Семинар важный, по новому учёту — не поехать не могу. А чтоб кур не трогала — не запирай ледник. Мясо всё одно испорчено.

Ермил в сердцах затоптал брошенный окурочок и, махнув рукой, ушёл.

ГЛАВА 7

Охота

Выходить на летний учёт зверя и дичи следовало затемно: припечёт солнышко — и следы на росной траве исчезнут. Посему Степан встал задолго до рассвета. Осторожно, чтобы не разбудить семью, пробрался на кухню. Выпил вприкуску с хлебом простокваши. Снял со стены ружьё. Отработанным движением приложил его к плечу и, прижавшись правой щекой к ложу, мгновенно поймал мушку. Подхватив приготовленный рюкзак, вышел во двор.

— Чего, брат, грустишь?! Вставай, в тайгу идём, — весело скомандовал охотовед своей собаке.

Остромордая лайка недоверчиво приподняла голову. Увидев на плече хозяина ружьё, преобразилась: глаза за-

горелись, закрученный в кольцо хвост заплясал из стороны в сторону. Теперь уже Мавр поторапливал: поскуливая и нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу, подталкивал Степана к калитке.

Заря едва подсветила восточный край неба, а промысловики уже собрались возле бревенчатой конторы госпромхоза. Мужики курили, оживлённо обсуждая наболевший вопрос: будет дождь или нет? Наметившаяся с вечера облачность давала робкую надежду на положительный ответ.

Недовольные затянувшимся ожиданием собаки грызлись между собой. Особенно старался чёрный кобель Михаила Макаровича, одного из старейших штатных охотников. Правое разорванное пополам ухо драчуна свисало к надбровью, а второе высоко торчало. Это придавало его морде обманчиво-добродушное выражение. Оно-то и сбивало всех с толку. Когда он начинал чересчур буйствовать, Макарыч одёргивал: «Уймись, Тайфун! Кому говорю! Уймись!» Тот в ответ подбегал и с виноватым видом тёрся о голенища сапог. Вторая лайка Макарыча, гордая своими шароварами и закрученным в полтора кольца хвостом, в грызне не участвовала, держалась особняком.

Самого промысловика селяне зачастую величали Поддубным. Природа скроила этого человека по особому заказу: широкая грудь, кряжистый торс, узловатые руки, бычья шея.

На учёт вышло семь бригад. Каждая должна пройти три маршрута и отметить на карточках обнаруженные следы и места визуальных встреч с животными, боровой птицей. Степан, кроме Макарыча, включил в свою бригаду прибывшего на практику долговязого студента Васю — голубоглазого, по-мальчишески нескладного паренька с огненно-рыжими вихрами.

* * *

Похожие на взгорбленных медвежат россомахи бежали, приныривая, вверх по долине ручья. Судя по размерам — самец с самкой.

Увидев людей, они проворно скрылись.

— Подождём. Если сразу гнать, могут бежать весь день, — тормознул спутников охотовед.

— Странно, что две... Ты про одну говорил, — обернулся к Степану Макарыч.

— Так гон начался. Вот и спарились. Когда вдвоём, они не так чутки. Потому нас и зевнули. Похоже, пришлые, из-за хребта — там нынче сушь небывалая.

— Верно. Как это я сразу не смягчил, — подосадовал промысловик. — Степан, мне показалось али нет? Одна, кажись, без хвоста.

— Точно! А я подумал: поджала, что ли?

— А разве росوماхи без хвостов бывают? — удивился студент.

— Всякое бывает. Есть же люди без ноги или без руки, — откликнулся охотовед. — Могла в драке потерять. Ведь для этого зверя авторитетов нет. Прёт, как танк: или победит, или погибнет. Одна может у стаи волков добычу отнять.

— Нам на лекции говорили, что росوماха страшно прожорлива. С латыни её название так и переводится — обжора!

— Ну, как сказать, — замылся Степан. — На мой взгляд, это утверждение ошибочно. Судя по размеру желудка, она вряд ли способна съесть за раз больше четырёх килограммов. Так про росوماху говорят, скорее всего, потому, что она большую часть добычи сразу растаскивает по схранам. Кстати, названий у неё много. У норвежцев — «горный кот», у финнов — «обитатель скал», у шведов — «отважная». Вот и решай — кто же она на самом деле.

Охотовед подвёл Мавра к месту, где скрылась парочка, и дал команду:

— След!

Пёс старательно всё обнюхал и молча понёсся в чашу. Собаки Макарыча бросились вдогонку.

— Студент, слушай, как лает. Лай о многом говорит. Умная собака, когда нагонит зверя, лает сначала негромко и редко, чтобы не напугать его и в то же время привлечь внимание хозяина. Когда хозяин подходит, лай становится громким, азартным и злобным, — на бегу наставлял Степан.

Вскоре донеслось позывистое подвывание с нотками охотничьей страсти. Учётчики, привычно лавируя между деревь-

ями, бросились изо всех сил на голос: знали, что медлить нельзя, — когтистая, вёрткая росомаха способна серьёзно покалечить собак.

Загнанных в бурелом зверей псы облаивали, давясь от ярости. Вдруг все трое с визгом отпрянули. Это угрюмый кавалер Пышки, задрав хвост, выпустил в собак жёлто-коричневую струю. Псы от едкого, нестерпимого смрада принялись, жалобно скуля, тереться мордами о траву. Больше всех досталось Мавру: часть жидкости угодила ему прямо в нос.

Вонючки же, пользуясь моментом, скрылись. Собаки, чувствуя вину, прятали от стыда глаза, заискивающе виляли хвостами, но по следу пошли только после грозного окрика.

Весь день, изнемогая от духоты, они мотали звероловов по буреломному лесу. Сами измучились — дышали надсадно, словно запалённые жеребцы, — и хозяев уморили. Возьмут след, пробегут сто-двести метров и теряют.

— Штоб вас волки съели! — сердился Макарыч.

— Чего зря ругаешься? Росомахи же им нюх испортили, — вступился за собак Степан.

Не забывая об основной работе, учётки на ходу обозначали карандашом в карточках встречавшиеся следы зверей и дичи. Кого-то видели визуально, кого-то определили по следу, кого-то по свежему помёту. Чаще всего появлялись пометки «рябчик», «заяц».

— Медвежьи задиры! Степан Ермилович, смотрите: медвежьи задиры! — восторженно завопил Вася, показывая на разодранную когтями сверху вниз кору пихты с потёками смолы.

— Приметливый! Хвалю! — одобрительно похлопал его по плечу охотовед. — Только не надо так шуметь: зверь пугается. В нашем деле главное — выдержка... Глянь, а на этом стволе задиры ещё выше. Представляешь, какой громила тут ходит! Правда, случается, что менее рослые конкуренты хитрят: подтаскивают к меченому стволу коряжину и с её помощью оставляют поскрёбы выше имеющихся — чтобы принудить хозяина освободить участок. Однако опытный медведь обычно легко различит подвох по малой глубине царапин и, подкараулив, задаст трёпку нарушителю границ владений.

Под вечер сплошь облепленные репейниками собаки уверенно вывели охотников на галечную излучину, но тут опять скололись со следа и растерянно забегали по прогретым за день камешкам. Сделав несколько кругов, каждый шире предыдущего, лайки, вывалив языки, встали. Мавр вообще был близок к отчаянию: тошнотворный запах росомашьей струи заглушал все прочие. Собакам Макарыча тоже повсюду чудился запах росомах.

— Эх вы, пустобрёхи! Облапошили вас росомахи! — подтрунивал Степан.

— За речкой озеро с островом, вокруг зыбуны. Место крепкое, скорей всего, туда и умотали, — предположил Макарыч.

— С утраца проверим, а сейчас ночёвку пора ладить.

— Степан, может, ко мне — тут недалече? Версты две, не боле.

— А что? Хорошая идея! Пошли.

ГЛАВА 8

Беседы

Наполовину вросшая в землю избёнка с почерневшими венцами, крошечным окошком и односкатной, с широким напуском, крышей стояла на краю елани, зажатой между лесистым отрогом и бойким ключом. У боковой стены — поленница крупно наколотых дров. Одна из тропок сбегала мимо неохватных сосен прямо к каменистому ложу ручья. Когда подходили к зимовью, с дерева слетела парочка рябчиков. Спланировав в разные стороны, они задорно засвистели.

— Узнали, сорванцы! Всю зиму подкармливаю. С ними хорошо! Вон как чисто трельку выводят! — потеплевшим голосом пробасил Макарыч.

Дверь была открыта настежь и подпёрта поленом для проветривания. Внутри сумрачно, прохладно. Углы тонули в полумраке. Подслеповатое оконце едва освещало стол и прокопчённые за многие годы венцы. С обеих сторон стола — нары из толстых деревянных плах, застеленных лосиными, уже изрядно потёртыми шкурами. Вдоль стен — полки

с посудой, мотками верёвок, правилки. Под потолком — перекладина для сушки одежды, на крючках мешочки с крупой, сухарями. Слева у двери — железная печь.

Чтобы не нарушать царящей здесь прохлады, ужин готовили на костре. Горячие струи воздуха, поднимающиеся от него, мерно покачивали тёмные ветви обступавших деревьев. Уставшие собаки повалились тут же, расслабленно вытянув лапы. Задремавший Мавр и во сне продолжал охотиться: бил хвостом, хрипло рычал, будто бежал за зверем.

Поели, помыли в ручье посуду, а чай, заваренный на листьях зверобоя и смородины, пошли пить, спасаясь от кровососов, в зимушку. Макарыч с трудом протиснулся сквозь узкий дверной проём.

— Когда рубил, худой был, — словно оправдываясь, пояснил он.

— И как давно рубили? — любопытствовал практикант.

— Давненько. Ты, поди, и не родился ишо.

Поскольку уже стемнело, пришлось зажечь свечку. Только тогда заметили в колеблющемся пламени листок, прищипленный ножом к стене.

— Кто-то гостил, — Макарыч снял записку и протянул практиканту. — Прочти, очки дома оставил.

— «Сосед, благодарствую за приют. Этот нож — за глухаря. Грешен, не устоял, подстрелил на твоём участке. Не серчай. Обнимаю. Лукьян», — с выражением прочёл Вася.

— Плохо, что подстрелил, но молодец, что не утаил, — похвалил охотовед.

— А то как же! Обманешь — фарт уйдёт, да и покоя на душе не станет. По-честному-то жить оно приятней.

— Что верно, то верно! Чистая совесть — главное в жизни! — согласился Степан, лохматя пятернёй жёсткие кудри так, что из них посыпался лесной мусор.

По давно установленному обычаю на уже занятом участке другие промысловики не охотились. Это добровольное размежевание угодий добросовестно исполнялось. Права соседей не нарушались. Избушки и лабазы не знали замка. Их охраняло уважение к старому, выработанному веками порядку.

— Михаил Макарович, можно вопрос? — подал голос Вася.

— Валяй, студент! — пророкотал промысловик.

— У вас вот шрам на шее. Это не медведь?

— Рази это шрам?! Так, царапина. Шрам вот! — Макарыч засучил рукав и показал бугристые лиловые борозды. — Честно говоря, сам виноват. Миша в берлоге обычно головой на юг ложится — такая манера у него. А мы с Лукьяном поторопились. Давай тыкать жердиной не с той стороны. Вижу, снег передо мной вздувается и выскакивает с рёвом чёрная туча. Пастью руку с жердиной схватила и давай трепать. Слава богу, собаки насели с двух сторон, отвлекли. Тут уж Лукьян не оплошал — с одного выстрела уложил.

— Хорошие у вас лайки.

— Плохих не держим, — с гордостью произнёс Макарыч. Допив чай, он ладонью смёл со стола крошки и отправил их в рот. Вася же не унимался:

— А правда, что медведь в берлоге лапу сосёт?

— Брехня! Семерых брал, лапы у всех сухие. И ещё, запомни на будущее: медведь не такой увалень и простодыра, как в книгах пишут. Ловок и быстроног, чертяка. А уж голова-то как работает! Прошлой осенью с одним долго разбирался. Иду, значит, по путику, капканы проверяю: где подновлю, где новые поставлю. Вдруг вижу, след мой стал почему-то намного больше. Метров двести так. Потом опять нормальный. Что за наваждение?! Повернул назад, иду рядом, приглядываюсь. Только тогда дошло — это ж медведь по моим следам протопал!

Я вперёд вернулся и там, где след перестал быть широким, сделал круг. Смотрю, метрах в шести за кустами — снежная ямина. Представляешь, докуда эдакая махина сиганула. Потом — ещё одна. Дальше уже шагом. В гору почесал. Там под стлаником пустот полно — для берлоги подходящие места. Ну, думаю, завтра с собаками приду и добуду. И что? — тут Макарыч сделал многозначительную паузу. — Наутро выпал такой снег, что всё скрыл. Вот ведь какая башковитая зверюга: знал, когда ложиться.

— Недавно прочитал в журнале, будто россомаха — это медведь-лилипут, — вспомнил Вася.

Степан засмеялся:

— Ну и загнули! Россомаха, действительно, похожа на медвежонка, но относится всё-таки к семейству кунных. Правда,

выделена в отдельный род — росомахи. Среди них она самая крупная. Зоологи её ещё гигантской куницей называют. Так что её не лилипутом, а Гулливером правильной будет величать.

Какое-то время пили чай молча.

— А вы, Михаил Макарович, как промышлять зверя предпочитаете? Капканом или гоном? — нарушил молчание любознательный паренёк.

— Ловушками, конечно, поуловистей, но в угон намного веселыше. Это и промысел, и азарт. Бывает тяжко вдругорядь, зато удовольствие.

Помолчав, парнишка обратился к охотоведу:

— Степан Ермилович, я вот заметил такую вещь: в глазах зверей всегда печаль таится. Как вы думаете — почему?

— Бог его знает... Может, оттого, что жизнь нелёгкая, может, оттого, что век их короток, а может, нас страшатся.

Так, кружка за кружкой, тянулся разговор.

— Василий, ты бы тоже рассказал нам чего.

— Так не знаю, что вам интересно будет.

— На следующий год у тебя диплом. Тему-то выбрал?

— Да. Мой руководитель предложил собрать материал по акклиматизации уссурийского енота, вернее, енотовидной собаки, у нас, в Кировской области, и проанализировать последствия.

— Интересная тема. Всегда важно знать, что дало местной фауне появление нового вида. Бывают ведь и негативные последствия. Вон на Огненной Земле в середине пятидесятых годов выпустили сорок канадских бобров, а сейчас их численность перевалила за четыреста тысяч. Теперь ломают голову, как спасти от этих «дровосеков» леса... — сказал Степан. Потом, немного помолчав, продолжил: — А про енотов я одной потешной историей могу поделиться. После третьего курса практику на Дальнем Востоке, на реке Иман, проходил. Там в августе, когда идут муссонные дожди, паводки случаются похлеще весенних. В тот год вода особенно большая была. Мы с егерем на лодке островки объезжали. Спасали тех, кто не успел уйти в сопки. Видим, на одном енотовидные собаки жмутся. Вода уж у ног, а они возле затопленных нор стоят, трясутся. Подплываем. Бедолаги обрадовались, забегали туда-

сюда, но в лодку лезть боятся. Для вида зубы скалят. Егерь выбрался на берег и на них так рывкнул, что иные сразу в обморок попадали — до того пугливые. Тем, кто устоял, пинком для острастки слегка поддал. Они брык — и лежат, словно околели. Бери за шиворот и делай что хочешь. Потеха! Шестерых в два мешка растолкали, а седьмой не поместился. Пришлось положить прямо на дно, а на морду куртку накинуть. Плыёт лодка, покачивается, уключины скрипят — страшно енотам, не шевелятся. Ежели вдруг и заворочается кто, егерь топнет: «А ну!» — и мешок вмиг цепенеет. А тот, который на дне, знай себе под куртку тычется — прячется, стало быть. Выбрали берег повыше, выпустили. Разбежались кто куда — искать незанятые норы, рыть новые. А мы опять по островам. Уже в сумерках высмотрели енота огромного, прямо бочонок на ножках. Так он сам в лодку прыгнул. Выпускать его егерь не стал. Жену решил разыграть. Вошёл в дом, развязал мешок и вытряхнул енота на пол. Супруга, как обычно, набросилась: «Ты чего? С ума сошёл? Только мокрой псины в доме не хватало!» От её крика енот брякнулся без чувств. «Вот видишь, — говорит ей егерь, — даже дикий зверь от твоего крика очоурился. Каково же мне с тобой бок о бок столько лет жить?»

— Во, молодец! Надо ж такое удумать, — давился со смеху Макарыч. — Мою старуху бы так пугнуть, чтоб не ворчала лишка... Отменный ты, Стёпа, рассказчик и, вообще, правильный мужик. Уважаю! Опосля учёбы домой вернулся, не то что мой дурень. Того, на модный манер, «урбанизацией» контузило. Не понимаю, как он в тех бетонах живёт?! Вода невкусная, воздух грязный, шум, толкотня. По мне, самая лучшая крыша — небо, лучший дом — густая ель. Сегодня под одной заночевал, завтра под другой. Простор! Красота! Дышать сладко!

— Это верно! Тайга — воля! Город — тюрьма! — согласился Степан.

— У нас и народ не такой порченный.

— И то правда! Люди посовестливей. А городские что?! Привозил мой начальник одних. Вооружены до зубов: карабины с оптикой, приборы ночного видения. Не охота, а убийство.

— Так вы же тоже убиваете, — робко заметил Вася.

— Тут, студент, большая разница. Они убивают ради удовольствия, а мы — для пропитания семьи. Убивать ради удовольствия — грех.

— Зачем же тогда росомах выслеживаем? Их ведь не едят.

— Мы и не собираемся их убивать. Для зоопарка ловим. Пусть городские увидят, какой необычный и редкий зверь в нашей тайге обитает.

— А по мне, лучше б его не было. Зловредная, вредливая тварь. Не столько съедает, сколько ворует и портит. Чем их меньше в тайге, тем лучше, — вдруг рассердился, что-то вспомнив, Макарыч.

Степан улыбнулся:

— Эх, Макарыч! Всю жизнь в тайге прожил, а не уразумел, что бесполезных зверей не бывает. Каждый для чего-то нужен. Росомаха-то как раз очень даже необходимая животина. Ведь её главное предназначение — очищать лес от останков погибших, начиная с мыши, кончая сохатым. А вредничает она только по отношению к охотникам: мстит за убийства других обитателей тайги. Ты прикинь, сколько зверья мы каждый год добываем!.. По мне, росомаха — борец за справедливость. Так сказать, таёжный Робин Гуд. Вот и к бате она не случайно повадилась: он же ранил зимой одну, — вспомнил он недавний разговор с отцом.

ГЛАВА 9

Остров

Затянутое облаками небо едва посерело, а Степан уже кашеварил. Наскоро перекусив, загасили костёр и возобновили поиски росомах.

Хоть и обмелела речка, на другой берег переходили по огромной, недавно упавшей лесине. Собаки же зашли в воду с радостью. Переплыв, энергично отряхнулись и умчались в чащобу, где почти сразу взяли след. Он действительно привёл к озеру. Точнее — к старице, вытянутым кольцом охватывающей продолговатый лесистый остров. Берег — сплошь вязкий ил. Дальше вода, затянутая ряской. В одном месте она была разорвана двумя чёрными полосами — росомахи

переплывали. Бежавший впереди всех Мавр рванул было в горячке к воде, но, с трудом выдирая из ила лапы, отступил. Псы в нерешительности затоптались, заскулили, как бы извиняясь.

— Лапы узкие, не держат. У росомах-то они что лыжи. А зимой, когда обрастают густым жёстким волосом, ещё ширше делаются: от следов пестуна* не отличишь, — пояснил практиканту охотовед.

— Недалеко отсюда староверская гать была. Мне её когда-то дядя показывал. Пошли, там и перейдём. Только б дерево с зарубкой найти.

Память Михаила Макаровича не подвела. Свернув у сосны с затёсом, покрытым коростой запёкшейся смолы, посохами нащупали гать и перебрались по уложенным по дну брёвнам на остров. Вышли в аккурат на мыс.

— Вы пока тут побудьте. Только собак не отпускайте, а я пройду по берегу, разведая. Не курите, тихо сидите, иначе спугнём.

Степан вернулся через час.

— Там, где на ряске полосы, на берегу обрывки водорослей валяются — напали, когда росомами отряхивались. Следы уходят к взгорку. Весь остров обошёл — выходного нет. Значит, на острове затаились. План такой: я пройду на противоположный конец острова и развешу сети, а вы с собаками через час выходите. Ваша задача как можно громче стучать, кричать — гнать их на меня.

В назначенное время Макарыч с Васей, колотя сухими палками по стволам, двинулись вдоль узкого острова. Собаки на поводках поначалу шли молча, но, возбуждённые необычным поведением людей, вскоре забрехали на все лады.

Росомахи отдыхали на каменистом обнажении чуть выше развалин староверческого скита. Услышав крики и лай, они кинулись к концу острова. Наткнувшись на косо натянутую сеть, побежали вдоль неё. Подпустив их поближе, Степан выстрелил в воздух. Звери в страхе метнулись в разные

* Пестун — медвежонок предыдущего помёта (обычно самка), оставшийся с матерью и помогающий воспитывать (пестовать) медвежат текущего года (сеголетков).

стороны и, взлетев на подвернувшиеся сосны, затаились в кронах. От сизого облака порохового дыма в лесу запахло тухлыми яйцами.

Набежавшие собаки окружили приземистое дерево, на которое взобрался Угрюмый, и принялись облаивать его. Макарыч непроизвольно вскинул ружьё.

— Берём живыми, — крикнул, напоминая, Степан и, достав из рюкзака мелкочаеистую сеть, развесил её по кустам вокруг дерева. После этого срубил прямоствольную берёзку и отсёк ветки. На конец жерди привязал петлю из жёсткой капроновой верёвки.

Подведя её к отмахивающейся с грозным рыком росомахе, охотвед ловко накиннул петлю на лапу и стянул упирающегося Угрюмого сначала на нижнюю ветвь, а потом и на землю. Макарыч в тот же миг накрыл зверя солдатским одеялом. В темноте он сразу затих. Звероловы спеленали ему лапы, стянули их между собой в «букет» и, надев на голову чёрный холщовый мешок, пошли ко второй сосне, под которой уже бесновались, хрипели от ярости лайки.

Вторая росомаха взобралась гораздо выше, и Степану пришлось срубить ещё одну берёзку. Связав гибкие стволы внахлёт, он с трудом подвёл конец жерди к зверю. Из-за большой длины она играла из стороны в сторону, и охотоведу никак не удавалось накинуть «пляшущую» петлю на лапу. Промучившись минут пять, Степан опустил шест, чтобы передохнуть и увеличить размер кольца.

— Уходит! Уходит! — завопил Макарыч.

Прогремел выстрел, следом второй. Всё произошло так быстро, что Степан едва успел заметить мелькнувшую в хвое бурую тень.

— Вот шельма! Верхом ушла! Здоровая, а прыгает, что белка! Лишь только шест опустил, так она сиганула на ближнюю сосну и пошла, пошла... Чуть успел стрельнуть. Кажись, зацепил.

— Японский городовой! Предупреждал же: живьём берём! — в сердцах ругнулся охотвед.

Расстроенные звероловы облазили остров вдоль и поперёк, дважды обошли его по береговой линии: всё пытались найти выходной след, но впустую. Собаки даже ни разу голос

не подали. Если бы они умели говорить, то рассказали бы, что пахнет зайцами, куропатками, глухарями, прелой травой, а вот запаха росوماхи нет.

— Что за чертовщина?! Ничего не понимаю. Не сквозь землю же она провалилась, — растерянно бормотал Макарыч.

ГЛАВА 10

Ночёвка

Сгущающиеся сумерки напомнили, что пора становиться на ночлег. Подойдя к кряжистому кедру, Степан объявил:

— Шабаш, граждане-учётчики! — и, сняв рюкзак, осторожно вытряхнул из него росوماху.

Василий разжёл костёр, повесил на косо воткнутую палку прокопчённый чайник, и звероловы разлеглись на толстом слое хвои. Чистые, спокойные небеса обуглились в багровом огне заката, и кто-то принялся старательно засеивать их зёрнышками звёзд. Ковш Большой Медведицы склонился к горе и стал поливать её макушку чёрной краской.

Пламя то и дело выхватывало из тьмы рваные куски леса. Лежать на пружинящей подстилке после трудного дня было приятно. Усталость как будто стекала в землю, а с небес вливалась сила. Но надо было вставать и идти за дровами, варить кашу для себя и собак.

Управившись с делами, опять устроились у костра. Степан стянул с головы росوماхи мешок. Зверь угрожающе заурчал. Это был самец. Бусинки чёрных глаз горели в бессильной злобе. Не будь его лапы надёжно стянуты, саданул бы когтями.

Охотовед подозвал Васю:

— Ну, студент, знакомься с росوماхой. Видишь, голова действительно похожа на медвежью. Но морда более короткая и ушки маленькие, слегка прижатые. А мех намного длиннее. Из-за этого туловище кажется нескладным и массивным. — Степан осторожно провёл рукой по спине пленника. — Потрогай, какой шелковистый волос. Он единственный в своём роде: волоски настолько гладкие, что кристаллики инея не оседают на них — сразу осыпаются. Видишь светлую шлею по бокам? Она всегда от плеч до основания хвоста тянется.

Поперёк лба ещё одна светлая полоска. Эта хорошо оттеняет тёмную смоляную маску вокруг глаз.

— Такой красивый зверь, а в нашей библиотеке ни одной книги про неё.

— Неудивительно. Про росомах вообще мало что написано. Они ведь очень скрытные. Ведут столь уединённый образ жизни, что за ними сложно наблюдать. А зверь не только красивый, но и интересный! Многие его качества вызывают уважение. Неутомимый, целеустремлённый, бесстрашный. Не пасует ни перед волками, ни перед медведем. Но, в отличие от серых, кровь зря не льёт: бессмысленной резнёй не грешит. Росомаха — хищник, но хищник рачительный. Это я и для тебя, Макарыч, говорю, — повернулся к промысловому Степан.

— Хороша рачительность — шkodят, воруют. Натуральные мародёры! — упрямо стоял тот на своём.

— Чего ты на них так взъелся? Тебе лично что плохого росомахи сделали?

— Мне, может, и ничего, да люди говорят...

— Говорят, в Москве кур доят, — обрезал охотовед. — Я одно знаю точно: не тронь зверя — и он тебя не тронет. Это не только росомах касается. Помнишь моего одноклассника Антипа? Он ещё живоотловом занимался.

— Как же! Помню. Известный бездельник, прости господи. Ты, наверное, про историю с медведицей? — проворчал раздражённый Макарыч.

— Ага.

— Ой! А что это за история? — встрепенулся студент.

— Да ничего хорошего... Степан пусть и расскажет, — буркнул промысловик.

— На самом-то деле история весьма поучительная... Один медвежонок угодил в ловчую яму, а поскольку Антип проверял их редко, малыш в ней помер с голода. Мамаша затаилась поблизости и караулила, пока обидчик не появился. Замяла насмерть... Что ж, теперь будем кричать: «Медведи кроважадные! Людей убивают!»? Сам ведь напросился...

Пока шла беседа, собаки чистились. Тщательней всех вылизывался Мавр, но, несмотря на все его старания, едкий запах держался, вызывая у него приступы кашля.

— Что, вонькая зверюга?! Половчей надо быть, — погладил любимца Степан.

Лайка слегка вздрагивала под тяжестью хозяйской руки, а глаза светились счастьем и бескорыстной преданностью, свойственной лишь собакам. Мавр боготворил хозяина. Умей он говорить, воскликнул бы: «Что прикажешь, повелитель?» Ради доброго отношения пёс был готов на любой подвиг, даже на новую встречу с вонючкой.

Ночную тишину прорезал густой волчий вой, гордый и уныло-щемящий одновременно. Волк начал снизу, постепенно повышая тон. Ему ответил голос потоньше, но полный силы, залиvisto-трепещущий. Учётчики замерли.

— Ну, студент, у тебя сегодня хорошая практика. Слушай! Это молодой заявляет о себе. Радуете жизни! — шёпотом пояснил Макарыч.

Не успели оба воя слиться в слаженный дуэт, как к ним присоединился третий. И вот уже переливается от утробно-низкого до высокого, как туго натянутая тетива, многоголосый хор.

— Воют так, ровно душу вынуть хотят. Сколько в этих «песнях» звериной тоски, какая отрешённость! — произнёс Степан.

— У меня прям мурашки по спине забегали, — отозвался Вася и перекрестился.

— А я люблю их арии. Особливо, когда враз несколько завоют с повизгиванием и подбрёхом. Вслушайтесь, это ж целый оркестр. У каждого свой голос. Взрослый воет басом, у волчицы голос выше и пожиже. У самых матёрых песня в несколько колен и протяжная.

Неожиданно в волчью песню врезался тонкий, срывающийся на частый, отрывистый собачий лай, визгливый скулёж.

Вася вопросительно глянул на Макарыча.

— Это волчата голос пробуют... — пояснил тот. — А сейчас переярок... Слышишь, начинает хорошо, а конец не вытягивает — сипит. Если внимательно слушать, то можно определить, сколько в стае волков и какого они возраста.

— Да, волки — удивительное племя. Умные, организованные. В стае жёсткая иерархия и дисциплина. На охоте каждый

чётко знает свою роль. Но вместе с тем они, как и люди, все разные. Кто-то ленив — ест только то, что, как говорится, само в пасть идёт, кто-то жесток — режет, не раздумывая и без меры. Для таких убийство — забава. Кто-то верен, а кто-то предаст, не задумываясь. Но что у них не отнять — супружескую верность хранят всю жизнь. Трогательно заботятся о потомстве. Если волчица погибает, волк в одиночку воспитывает и кормит волчат. А сам так и остаётся вдовцом, — просвещал студента Степан, подкладывая сучья в костёр.

— Слышал, будто волчица не защищает потомство, когда люди её детёнышей из логова забирают. Издали молча наблюдает. А как же материнский инстинкт? — вопросительно глянул на охотоведа парнишка.

— Сложный вопрос. Версий много. Возможно, она бережёт жизнь для того, чтобы на следующий год дать новое потомство. А может, надеется выследить, куда унесут волчат, и ночью освободить их. Хотя, скорей всего, первопричина — страх. Страх перед человеком. Конечно, странно, что у волков он проявляется в столь гипертрофированном виде. Наверное, сказывается опыт предыдущих поколений. Человек всегда воевал с волками. И те, кто пытался защитить потомство, погибали. Выживали те, кто уходили, — рассуждал Степан. — Между прочим, опытные волчатники никогда не опустошают логово полностью. Одного щенка обязательно оставляют. Если всех взять, то волки этим логовом больше не пользуются. А так каждый год можно урожай собирать.

— Верно Степан Ермилович говорит, — не утерпел, встрял многоопытный Макарыч. — У волков всё подчинено сохранению жизни волчицы. Если выхода нет, то волк даже себя может подставить под выстрел. А иной проявляет такую смекалку, что диву даёшься. Как-то гнал парочку на лыжах. Впереди волчица, за ней волк. Когда они добежали до поваленного дерева, он ударом лапы сбросил её под ствол. Завалил снегом и побежал дальше. Не всякий человек до такого додумается, а тут волк!

Макарыч встал и, разминая затёкшие ноги, прошёлся взад-вперёд. Потом хитро посмотрел на Васю:

— Хочешь настоящего матёрого послушать?

— Ещё бы!

— Погоди чуток, — произнёс охотник полушёпотом, придавшим особую значительность моменту.

Откашлявшись, он сложил руки рупором у рта, придавил горло с обеих сторон большими пальцами, а указательными слегка сжал переносицу, закинул голову и затанул низким басом. Потом забрал повыше, раскрывая ладони. Завершая песню, взял такие минорные ноты, что собаки дружно заскулили.

— Эх, не то! Мощи нет и гнуса мало. Тоски не хватает! — расстроился Макарыч, отирая губы. — Давно не вабил.

И тут вдруг завыл Мавр. Это было до того неожиданно, что промысловик чуть не поперхнулся. Выл кобель, высоко задрав скорбную морду. Всем своим видом он выражал непомерную тоску и боль. Пел так выразительно и проникновенно, что сидящие у костра боялись пошевелиться. А кобель Макарыча Тайфун от удивления или страха поджал хвост и забился между котомок. В это время Мавр взял такую ноту, что у людей по спинам пробежал озноб. Пёс при этом закатил глаза и весь задрожал.

Когда он умолк, растроганный Степан кинулся обнимать и целовать любимца.

Мавр от такого бурного проявления чувств хозяина даже застеснялся.

— Ну, друг! Не ожидал! Ну ты выдал! Певец! — взволнованно бормотал охотовед.

— Похоже, в нём есть волчья кровь, — резонно заметил Макарыч.

— Да ты что! На хвост посмотри — чистокровная лайка, — возмутился Степан.

Разговор прервала поспевшая пшённая каша с салом. Вася съел свою порцию и украдкой заглянул в котелок.

— Не стесняйся, сынок, доедай. Тебе не повредит — вон какой худой, — ободрил его Макарыч.

Подновив захиревший было костерок, студент выскоблил котелок до дна.

Чем выше поднималось пламя, тем яснее проступали колеблющиеся стволы кедров. Глядя на эту игру, паренёк заснул. Степан ещё какое-то время сидел, наблюдая за волшебной пляской вихрастых протуберанцев, но безжалостный

сон свалил и его. Подбросив сучьев, Макарыч укрыл товарищей плащ-палаткой и устроился рядом.

Васе снилось, будто он стоит в толпе людей. К ним ползёт паукообразное чудище. Оно хватает и поедает людей одного за другим и уже подбирается к нему. Вася бежит, бежит и оказывается в дремучем лесу. Чудище, почти догнавшее его, неожиданно останавливается. Оно почему-то боится зайти в лес. Воспользовавшись заминкой, Василий вбегает в стоящий среди деревьев необычный дом: его стены и крыша совершенно прозрачные. Откуда-то появляются люди в касках и начинают стрелять по дому из ружей. Вася мечется по комнатам, но спрятаться негде. Он слышит приближающийся вой, но вместо волка появляется громадная росомаха. Она сгребает стрелков, как муравьёв, и проглатывает их...

В эту ночь и охотоведу снился странный сон: какие-то уродливые создания, похожие на доисторических бронтозавров. Они напали на его жену и дочь, когда те собирали грибы. Женщины сумели увернуться и с криком бросились в разные стороны. Степан мчится на помощь, но не видит их. Слышит только крики: «Папочка, ты где? Стёпа, помоги!» Степан пытается бежать, но ноги не повинуются. Он уже не идёт, а еле-еле двигает ими, словно к ним приковали многопудовые гири.

От ужаса охотовед открыл глаза. Спина и лоб в холодном поту. Охотовед поёжился. Медленно обведя взглядом густую паутину из ветвей и листьев, спящих рядом товарищей, сообразил, что это всего лишь сон. Тем не менее он так и не смог успокоиться. Встал и направился к ручью умыться. Его догнал Вася.

— Степан Ермилыч, я вот тут всё думал, думал о том, какой росомаха нужный и полезный зверь... Может, вторую ловить не будем, а? Вы же говорили, что заявка на одну.

Лицо охотоведа посветлело. Он улыбнулся и обнял парнишку:

— Ты прав! Пусть себе бегает...

С той поры росомаха не появлялась в селе. Как будто между ней и людьми было заключено негласное мировое соглашение.

ГЛАВА 11

Одиночество

Пышка видела, как Угрюмого длинной палкой стянули на землю. Как псы набросились было на него, но двуногие почему-то отогнали их. После этого собаки ринулись к ней. Их злобный лай не предвещал ничего хорошего. Когда перед ней замаячила петля, Пышка поняла, что если не покинет дерево, то тоже угодит в руки двуногих.

Решение пришло мгновенно: резкий, пружинистый толчок сильных задних лап — и она, пронесясь торпедой по воздуху, закачалась на ветке соседнего дерева, откуда тут же последовал прыжок на следующее. Прогремел гром. Ногу обожгла боль, но росомаха не обращала на это внимания: она была сосредоточена на том, чтобы не сорваться. Ещё прыжок! Ещё!.. Ура! Получается!!!

В росомахе проснулись таившиеся в самых глубинных слоях генетической памяти способности предков: прилагая отчаянные усилия, она, превозмогая пронзавшую бедро боль, совершала прыжки с дерева на дерево. Ранение и невероятное напряжение сил вскоре стали сказываться. Перемахнув на очередное дерево, Пышка не удержалась и полетела вниз. В последний миг как-то исхитрилась ухватиться за самую нижнюю ветвь и перебраться по ней к стволу. Припав к шершавой коре, прислушалась.

Лай приближался. На прыжки уже не было сил. Спускаться на землю опасно. Росомаха полезла вверх. Неожиданно передняя лапа провалилась в пустоту. Дупло! Просунула в него голову — ствол полый. Какая удача! Лучшего убежища не сыскать! Пышка расширила зубами отверстие и нырнула в спасительную тьму. Внутри пахло древесной трухой, смолой и сободем — похоже, он часто тут отдыхает. Дно дупла было мягким от осыпавшихся гнилушек. Беглянка свернулась на них и погрузилась в целительный сон. Колоссальное физическое и нервное напряжение дало о себе знать: она проспала почти сутки.

Разбудил голод. Попытка встать отдалась болью в правом бедре. Лёжа на подстилке, росомаха, чтобы размять простреленную мышцу, стала потихоньку двигать ногой. Одноре-

менно прислушивалась к звукам, доносившимся снаружи. Тихо! Только в кронах шелестит ветерок. Осмелев, привстала и высунула морду из дупла. Тщательно «прощупала» чутким носом воздух. Повертела головой. Ничего подозрительного. В лесу текла обычная жизнь. Деловито сновала сойка, долбил трухлявую осину дятел, с быстротой молнии пронёсся по валежине с набитыми в защёчину орешками неугомонный труженик-бурундук. Ни одного постороннего звука и запаха. Едва улавливался лишь лёгкий, почти выветрившийся кислотаватый дух человеческого пота. Росомаха понимала, что оставаться на острове опасно — раз двуногие нашли сюда дорогу, они не оставят её в покое.

Цепляясь когтями за ребристую кору, она спустилась по стволу вниз головой. Припадая на повреждённую лапу, вышла на берег и переплыла на другую сторону в пихтач, густо обвешанный сизыми космами лишайника. Подлесок и трава под его почти непроницаемой для солнечных лучей кроной отсутствовали. Землю сплошь устилал мох и рыжий слой хвои. Пышка ступала по нему, как по мягкой лисьей шкуре, совершенно неслышно.

Натерпевшись страху, она вздрагивала от малейшего шороха. Услышав подозрительный звук, замирала. Зорко всматриваясь в глубь леса, жадно принюхивалась к приносимым ветром запахам. В основном это были запахи белок. Вон суеются одна, вторая... Куда ни повернись — везде белки. В этом году тут хороший урожай. Шебуршат по стволам, возятся с шишками в кронах, копошатся с лежащими на земле. Кто с урканьем, кто с цоканьем, а те, что постарше, — молча. На Пышку даже не глянут — чувствуют, что ей не до них.

Росомаха пересекла чащобу и направилась к речке: там легче добыть что-либо съестное. По пути, подчиняясь внутреннему голосу, разыскала нужное растение. Разжевав несколько кислотаватых листьев до кашеобразного состояния, втёрла их языком в рану.

Раздался хруст сучьев. Пышка припала к земле. Зашевелились кусты, раздвинулись ветки, и в просвете появился олень-первогодок. Увидев затаившуюся росомаху, он от неожиданности высоко подпрыгнул на месте и, по-собачьи «пролаяв», сиганул, приминая подрост, обратно.

Преследовать его раненая Пышка не могла. Обследовав берега, она вскоре увидела греющуюся на солнцепёке утиное семейство: пять птенцов-пуховичков и родителей. По хохолку на коричневой голове и узкому, на конце слегка загнутому клюву Пышка признала в них крохалей и стала подкрадываться. Когда до птиц оставалось два прыжка, бдительный папаша всё же засёк её. Прозвучал сигнал тревоги, и семейство сыпануло в воду.

Что тут началось! Отец и мать, призывно покрякивая, часто-часто зашлёпали по зеркальной глади крыльями и ринулись на стремнину. А птенцы, едва поспевая за ними, так старательно и быстро махали почти беспёрыми крылышками и перебирали по воде перепончатыми лапками, что их крошечные тельца казались малюсенькими глоссерами.

Обескураженная Пышка поковыляла дальше. Выискивая поживу, она обследовала каждый кустик, бугорок, валежину. Обнаружив обглоданные кости кабарги, тут же с жадностью сгрызла их. Увидев, что из-под пня выползают земляные осы, расширила канал к гнезду с личинками. Но эти крохи только раззадорили аппетит. Наконец ей повезло — нашла полянку с грибами. Набив до отказа желудок, она, спасаясь от гнуса и облепивших рану мух, поднялась на скалистый, хорошо обдуваемый ветром утёс.

Вытянувшись на прохладной глыбе, росомаха прикрыла глаза. Она лежала, не шелохнувшись, так долго, что ворона сочла её околевшей. Сев на ветку, вещунья торжествующе закаркала. На её призыв слетелись подружки и, обманутые неподвижностью зверя, стали, подпрыгивая, подступать всё ближе. Тут уж Пышка не оплошала: выметнувшаяся молнией когтистая пятерня схватила птицу, когда та нацелилась клювом в глаз.

Быстро заживают раны у зверей. Окрепшая росомаха решила пройтись по разбросанным на её участке «складам». Поскольку для дальних переходов силёнок было ещё мало, отправилась к самому ближайшему, с заячьими тушками, добытыми у Белоголового.

Когда подходила, кисловатый запах человеческого пота, приносимый ветром, предупредил о том, что люди близко. Лай собаки подтвердил это. «Опять за мной!» — решила росо-

маха и поспешила свернуть к другому схрону. В этот момент неподалёку с земли поднялась, громко хлопая крыльями, пара тетеревов, но Пышка была настолько встревожена, что даже не глянула в их сторону.

Несмотря на то, что следующую кладовую росомеха устраивала ещё весной, вышла к ней, благодаря цепкой памяти, безошибочно. Глубокая траншейка, вырытая на северном склоне холма и прикрытая сверху толстым слоем мха, хорошо сохранила оленину. От неё исходил лишь лёгкий, обожаемый Пышкой душок. Учувя его, она потеряла власть над собой: предвкушая наслаждение от трапезы, принялась, урча, тереться о мясо щекой.

Часть съела сразу, а остаток закопала обратно. Его ей хватило на несколько дней. Ещё одну неделю продержалась у склада в кедровом стланике, широко разросшемся по склону отрога. Эти невысокие, в рост человека, деревья напоминали огромных пауков, раскинувших гибкие мохнатые лапы во все стороны. Переплетаясь, они образовывали непроходимые для копытных, а уж тем более для двуногих, заросли. (Поздней осенью стволы кедрового стланика полегают, прижимаясь к земле, и, укрытые толщей снега, выдерживают самые суровые морозы.)

Верхушки спутанных, словно волосы неряхи, веток уже украсили зеленовато-фиолетовые шишечки, в которых зрели мелкие, но необычайно сытные и вкусные молочные орешки. Разогретая на солнце хвоя благоухала бодрящим ароматом смолы. Над этими обширными полями стланика возвышалась скалистая гряда. Пышка, как и все её соплеменники, любила побродить и, лишь только окрепла, полезла на неё поглядеть, что скрывается за зубчатым гребнем.

Взобравшись, осмотрела открывшиеся дали. За текущей внизу речушкой возвышался очередной хребет, иссечённый сетью распадков и ложбин.

Единственным звуком, тревожащим царящую вокруг тишину, был клёкот орла, восседавшего на каменном уступе.

Полуденное солнце жарило так, что на него и глянуть было боязно — ослепит. Спустившись в падь, Пышка заметила лиса. Пересекая полянку, он то и дело замирал, прислушивался. Вдруг высоко подскакивал и, перегибаясь в воздухе,

отвесно пикировал в траву. Делая при помощи взмахов хвоста резкие развороты влево-вправо, выхватывал из путаницы стебельков мышку. А съев, возобновлял охоту.

Понаблюдав за этими прыжками-свечками, Пышка двинулась дальше. У ручья, ступенчатыми каскадами сбегавшего с гор, она взобралась на глыбу, облепленную накипями лишайника, и улеглась в ожидании сумерек, когда зверьё выходит кормиться. Вокруг порхали желтокрылые бабочки. Шуршали прозрачными крыльями стрекозы. Летая парами, одна над другой, они играли, ласкаемые солнечными лучиками: то, поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, то плавно барражировали над землёй. Откуда-то выскочил неутомимый трудяга-бурундучок и изумлённо уставился на росомаху чёрными глазками-бусинками. Стоило Пышке шевельнуться, как он исчез с непостижимой быстротой.

ГЛАВА 12

Вдвоём

Казалось бы, всё складывалось удачно, но Пышке было тоскливо и неприятно. Заканчивалось время брачных игр, а она всё ещё одна. У любого живого существа есть потребность не только в пище и безопасности, но и в продолжении рода. Ведь как приятно, когда рядом есть кто-то, к кому можно прижаться, приласкаться; вместе загнать добычу, сытно поесть, выкормить потомство. С Косматым они прожили с перерывами меньше года, а Угрюмый и вовсе промелькнул в её жизни, как молния: едва сошлись, как двуногие поймали его.

Сколько вокруг витает запахов, но среди них нет даже намёка на запах самца. Пробежала соболошка. У комля кедра она вдруг остановилась и, присев на выступающий корень, принялась чистить языком шёрстку. Сзади к ней подкрадывался соболь. Она делала вид, будто не замечает его. Приблизившись, ухажёр прыгнул на неё. Та выскользнула из цепких объятий и сама зажала его голову под мышкой. Соболю стал извиваться, а освободившись, обхватил подругу «вокруг талии» двумя лапами и крепко прижал. Соболюшка

широко раскрыла рот — Пышке показалось, что та смеётся. Когда игра закончилась, парочка расцепилась и, с нежностью прижимаясь друг к другу, разлеглась в тенёчке. Вскоре соболушка, помахивая хвостом, отправилась в убежище под корнями. Кавалер последовал за ней.

Пышка вздохнула: «Хорошо вдвоём!» От этой мысли она встрепенулась и побежала ныряющим галопом. Вскоре порыв ветра донёс до неё запах сородича. Он становился всё явственней. По характерной резкости определила — самец! Вот и следы. Матёрый!

Вечерело, но росомаху приближение ночи не смущало. Своему носу она доверяла больше, чем глазам. Следы самца беспорядочно петляли по тайге. Где же «выходной»? Тут все запахи перебил запах лося. Он был так силён и столь крепко сдобрен ароматом крови, что Пышка не удержалась и свернула на него.

Метров через сто увидела торчащие из травы беловатые кончики рогов и шерстистый бок. Обрадованная росомаха от восторга несколько раз перевернулась через голову: такая гора мяса гарантировала пропитание надолго. Только надо будет побольше на запас прикопать.

С трудом разорвав толстую шкуру, Пышка с жадностью глотала кусок за куском. Насытившись и немного передохнув, принялась растаскивать мясо по схронам. Обустройства их было непросто. Рыть глубокие траншейки мешали корни, камни, но крепкие когти и зубы делали своё дело. Чтобы свежие раскопки не бросались в глаза, присыпала их листьями, пучками травы, древесным хламом. Иногда для верности заваливала камнями.

Крупный самец росомахи вышел к месту пиршества Пышки в тот момент, когда та отгрызала «серьгу»*. Росомаха с нескрываемым восхищением уставилась на пришельца. Её глаза заблестели. В них читалось: «Как хорош! Впервые вижу такого красавца!» По её телу волной пробежало сладостное томление.

Чтобы лучше разглядеть самца и запомнить его запах, она обошла гостя вокруг. Тот в ответ обнажил в «улыбке» белые

* Серьга — мясистый нарост под горлом с кулак величиной. Как и рога, имеется только у самцов.

кльки и поглядывал на неё с не меньшим интересом. Пышка, стремясь обольстить кавалера, сделала несколько игривых прыжков и замерла. Между ними как бы проскочила искорка. Но они ещё долго изучающе поглядывали друг на друга, демонстрируя движениями и взглядами сходные желания. Когда Пышка попыталась подойти к Клыку поближе, он повёл себя весьма странно.

— Это мой участок! Я тут хозяин, — проворчал он и угрожающе поднял губу.

Пышка в ответ посмотрела по сторонам, точно говоря:

— Твой так твой! Мне у тебя нравится, — и мелким биром просеменила к нему. Положив голову на его шею, нежно потёрлась и заурчала, окончательно растопив сердце сурового Клыка.

С этого дня они почти не разлучались. Их любовные игры, напоминающие то ли объятия, то ли борьбу, продолжались несколько дней.

Постоянно курсируя по участку, Клык не забывал освежать метки: подняв хвост, прыскал несколько капель из мускусной железы или мочился на пенёк, на кочку. Спускаясь по склону, просто прижимался задом к траве. Никто из соплеменников не имел права нарушить границы его владений. Случалось, правда, забредали, но с соседями всё решалось миром, а вот если появлялся чужак, он тут же безжалостно изгонялся.

Отдыхать парочка забиралась на макушку изъеденной временем скалы. Когда садилось солнце и по тайге разливались мягкие сумерки, росوماхи выходили на охоту. Хищники избегают яркого дневного света. Их любимое время — полумрак либо лунная ночь. Именно тогда в лесу, погружающемся в вечернюю прохладу, просыпается жизнь, и для хищников наступают самые добычливые часы

* * *

Сентябрь выдался тёплым и сухим. О приближении холодной поры напоминали лишь печальные крики пролетающих на юг гусиных стай. Клык с Пышкой теперь не утруждали себя охотой: питались преимущественно в изобилии уродившимися ягодами. Мясистая голубика, правда, давно отошла,

зато на старых горельниках поспела кисло-сладкая брусника, а на мшистых марях — полная терпкого кровавистого сока клюква. Прежде Пышка не обращала на неё внимания, но, глядя, с каким аппетитом поедает эту ягоду Клык, попробовала. Оказалось, что очень даже вкусно.

После первых заморозков на ягодники слетелись дружные стайки куропаatok. Они так раскормились, что с трудом поднимались в воздух. Теперь добыть осторожную курочку, а тем более петушка не составляло особого труда. Наевшись нежного белого мяса, росомахи от избытка сил приступали к любимым акробатическим упражнениям: кувыркались, боролись, высоко подпрыгивая, гонялись друг за дружкой.

Спать забирались в курумник*. Там их никто не тревожил, но Клык всегда был начеку. Перед тем как лечь, вставал на задние лапы. Прощупав глазами округу и убедившись, что всё спокойно, прижимался к свернувшейся калачиком возлюбленной. Спал чутко: вполуха слушал шум леса, возню мышей, скрежет кедровок. Стоило появиться постороннему звуку, как он тут же поднимал голову и осматривался.

Вот раздался чуть слышный треск, а Клык — уже весь внимание. Ничего страшного — невдалеке проходит кабарга! Изящный оленёнок на тонких, как карандашики, ножках осторожно пробирается по краю сизого, обвешанного лишайниками ельника. У него нет рогов, а из-под верхней губы почти вертикально вниз торчат тонкие и очень острые, наподобие кабаньих, клыки. Кабарга то и дело останавливается, чтобы отщипнуть свисающие с веток сизые пряди. Но сытый Клык даже не шевельнулся. Проснувшаяся вскоре Пышка сразу уловила в воздухе запах кабарожьей струи и посмотрела на спутника с упрёком: «Как же ты, милый, проспал?! Ай-ай-ай!»

Вообще-то ей грешно было обижаться на кавалера. С ним Пышка никогда не знала голода.

В октябре оголённую тайгу накрыли затяжные дожди. Из тяжёлых низких туч непрерывно сыпала холодная морось, кутая склоны хмурых сопок в белёсую муть. Потянулись дни скучные и однообразные.

* Курумник — россыпь крупных камней.

Снег выбелил окрестности в одну ночь. Горы, казалось, приблизились, речка стала как будто шире, а серые пласты облаков опустились так, что Пышка то и дело поглядывала вверх: не цепляют ли они острые макушки елей? «Белые мухи» продолжали и днём засыпать тайгу.

Глухарь, набив зоб сосновой хвоей, уселся на опушённую снегом ветку. Под весом грузной птицы та резко качнулась и, осыпая сугроб серебристым шлейфом, мгновенно прорисовалась зелёной лапой.

Пышка всегда радовалась этому празднику света. Помимо приятной пухлости снежного покрова, ей нравилось то, что на нём отчётливо видны все следы. И сейчас они с Клыком с любопытством, как будто впервые, оглядывали отпечатки своих лап, по форме напоминающие каплю с широким веером от длинных когтей.

Морозы за несколько дней утихомирили речку, накрыв её хрустальной бронёй. Тайга и её обитатели застыли в немом оцепенении. Лишь косая строчка следов горностая была короткой, едва приметной весточкой жизни. А вон и сам зверёк вынырнул, но через несколько метров вновь исчез в снежной толще.

Временами на тайгу накатывали такие волны холода, что перестрелка лопающихся от стужи деревьев не прекращалась ни на минуту. Но росوماхи от морозов не страдали. Они с осени облачились в тёплые шубы с красиво струящимся мехом. От Клыка теперь вообще невозможно было отвести взор — до того он был великолепен!

Шуба шубой, но, чтобы не замёрзнуть, требовалась и пища. И чем крепче мороз, тем больше. Неумоимо рыская по лесу, Клык выследил оленя. Провислая спина и понуро опущенная голова с корявыми рожками выдавали его почтенный возраст. Стоя в тальнике, тот настолько погрузился в свои старческие думы, что даже не слышал крадущихся шагов. Когда же в застывшем воздухе, наконец, почуял росوماху, бежать было поздно. Тем более что путь к бегству преграждала вторая росوماха. Оставалось одно — выскочить на реку. На отполированном ветрами льду копыта предательски расползлись, и бедолага завалился на бок.

Росомахи же чувствовали себя на нём как искусные фигуристы. Запрыгнуть на беспомощно барахтающееся животное

и перегрызть ему шейную артерию для Клыка было минутным делом.

Когда рогач затих, железные челюсти росомах заработали мерно и сосредоточенно. Масляные от нарастающей сытости глаза удачливой парочки сладко щурились.

На запах крови слетелись вороны. Рассевшись на склонившейся над рекой берёзе, они, прыгая с ветки на ветку, нетерпеливо ожидали, когда хищники наедятся и уйдут. Но те даже отдыхать устроились тут же, прямо на льду. Как только какая-либо из ворон садилась на оленя, Клык вскакивал и, злобно оскалившись, отгонял.

Настал день, когда росомахы догрызли последнюю кость, и надо было искать новую поживу. Однако удача покинула их: все погони и засады были безрезультатными. Во время очередного затяжного снегопада звери и вовсе попрятались по норам и убежищам. За три дня парочка не встретила ни одного следа, не выцедила ни единого сулящего пищу запаха.

Лишь на четвёртый день им попалась заячья сбежка. Распутывая хитроумные петли и гигантские прыжки вбок, росомахам удалось обнаружить закопавшегося в снежную толщу беляка. Косого выдали чёрные кончики ушей. Заройся тот поглубже, ни за что бы не нашли. Правда, с прыжком Клык оплошал — в когтях остался лишь клочок белой шерсти.

Подхлестываемый страхом смерти, здоровущий беляк, убегая, так далеко заносил ноги вперёд, что туловище вставало почти перпендикулярно к земле. И, чтобы не опрокинуться, ему приходилось всё время тянуть голову вниз.

Парочка, не раздумывая, кинулась в погоню. Бежать по пушистому, неслежавшемуся снегу даже широколапым росомахам было трудно. Поэтому они решили воспользоваться присущей зайцам манерой уходить от преследования, бегая по кругу.

Клык продолжил погоню, а Пышка залегла за валежиной у тропы. Когда неутомимый скороход поравнялся с ней, она расчётливым прыжком опрокинула его на снег и прокусила затылок...

После этого неудачи отступили. Во время затяжной метели, когда всё живое, как обычно, попряталось, на их участок откуда-то забрело стадо северных оленей. Что побудило их



перекочевать на заваленные снегом горы, для росомых было загадкой. Ведь здесь, чтобы докопаться до ягеля*, беднякам приходилось долго и нудно копытить сыпучую толщу. Особенно тяжело доставался ягель неокрепшему молодняку. После ночёвок на снегу всё чаще стали оставаться их за-

* Ягель похож на лишайник, но относится к грибам. Он очень богат белками.

мёрзшие тела. Для росомах же глубокий снег был союзником. Заботы о пропитании сменились заботами о том, как понадежней спрятать дармовое мясо. Февраль превратился в бесконечное пиршество. Под шубами супругов появился довольно приличный слой жира. Тем не менее Пышка стала всё чаще разнообразить мясной рацион хвоей сосен и корой молодых деревьев: приближалось время щенения, и ей требовались витамины.

ГЛАВА 13

Потомство

Хотя морозы по ночам ещё кусались, солнце начало потихоньку плавить поверхность снежных надувов. С разлапистых елей время от времени шумно опадала комьями снежная кухта. Вокруг тёмных стволов снег проседал, образуя глубокие воронки. Если день был тёплым, снег подтаивал и за ночь схватывался льдистой коркой. Этим спешили воспользоваться волки. По насту они легко догоняли и оленей, и лосей. Не доев одну жертву, на следующий день резали ещё и ещё. Такая безрассудная алчность серых, с одной стороны, вызывала недоумение у росомах, а с другой — радовала, поскольку обеспечивала пропитанием и их.

В один из пасмурных и ветреных дней Пышкой вдруг овладело беспокойство. Малыши в утробе так разбуянились, что она вынуждена была время от времени ложиться. В конце концов росомаха забралась под ветви кедрового стланика и замерла, прислушиваясь к мягким ударам изнутри. Нетерпеливый Клык попытался побудить подругу продолжить поиски добычи, но Пышка так глянула на него, что он тут же принялся копать в снегу пещеру. Малыши тем временем успокоились. Росомаха встала и решительно направилась в сторону лесистого нагорья. Клык покорно зашагал следом.

В закрытом с трёх сторон скалами тупичке Пышка остановилась. Супруг всё понял: принялся рыть в мощном снежном надуве родовую берлогу. За несколько часов работы прокопал туннель длиной метров десять, с двумя отдушинами в толчке. Внутри устроил три камеры: гнездовую, продукто-

вую и уборную*. Самая просторная — гнездовая. Кладовая и уборная — поменьше. Единственный вход в логово представлял собой овал размером тридцать на сорок сантиметров. Все приметные пеньки и неровности в окрестностях парочка пометила где мочой, где калом.

Под утро на свет появились три мокрых комочка, облепленных реденькими волосками дымчатого цвета. Малыши были слепы и совершенно беспомощны. Единственное, что они умели, — ползти на запах молока. Насосавшись, затихали у лохматого подбрюшья между тёплых, широких лап матери. Пока они спали, Пышка тщательно вылизывала их.

Клык же поспешил на охоту. За ночь развиднелось. Снег под лучами солнца искрился так, что слепил глаза. Света много, но тепла ещё маловато.

Обнаружив свежие следы косуль, Клык, размашисто «ныряя», пустился в погоню. Увидев росомаху, грациозные олешки, взметая снег, в ужасе бросились врассыпную. Прыгали врастяжку, словно камешки-голыши по воде. Вычислив по частым, беспорядочным прыжкам самую слабую особь, Клык погнался за ней. Бежал без надрыва, ибо знал, что, как бы косуля ни старалась, наступит момент, когда она встанет.

Вначале поджарая козочка легко взмывала над снежной периной. Но с каждой минутой её прыжки становились всё ниже и короче. Острые кромки наста секли шкуру ног, особенно передних. На колотых льдистых пластинках появились алые пятнышки. И вот уже беглянка перешла на мелкий, путающийся шаг. Взмыленные бока колыхались часто-часто, язык вывалился от изнеможения. Последние силы покинули косулю. Она встала, опустила изящную головку, обречённо ожидая развязки. Сокрушительный удар по крупу опрокинул животное на снег... Клык отгрыз заднюю ногу и понёс её в логово.

Пышка, переполненная материнским счастьем, дремала в полутьме. У сосков, наполовину утонув в тёплой, мохнатой шубе, сладко почмокивая крошечными ротиками, по-

* Летом росомахи постоянных убежищ не имеют. С наступлением холодов устраивают временные убежища — неглубокие норы — либо используют естественные углубления. Только перед родами они роют долговременные снежные берлоги, сходные с берлогами белых медведей. Длина туннеля к гнездовой камере может колебаться от пяти до тридцати метров.

сапывали малыши. Розовые, с тонкой кожей животики сытно раздулись. Учув дразнящий аромат мяса, мамаша приподняла голову. Осторожно освободившись от сосунков, она с жадностью набросилась на ещё не остывшую добычу. Насытившись, посмотрела на кавалера глазами, полными благодарности.

Через несколько дней шёрстка у детёнышей закурчавилась и приобрела кремовый цвет с тёмными крапинками на лапках. Малютки пока ещё были вялыми, малоподвижными. Большую часть времени дремали. Просыпались лишь для того, чтобы отыскать в густой шерсти матери упругий сосок и поесть.

Родители растили своих отпрысков по-спартански: щенки лежали без подстилки, прямо на голой земле. Старший был самым крупным среди них. Ещё его выделял крутой, широкий лоб. Слезающиеся глазки только начали открываться, а он уже видел. Нечётко, но видел. Братя же ещё с неделю были незрячими и находили мать — источник тепла и пищи — по запаху. Это преимущество помогало Лобастому опережать остальных в поиске самого щедрого на молоко соска.

Когда наконец прозрели и братя и стали посягать на его права, первенец злился и решительно оттеснял конкурентов головой. Если такой манёвр не помогал, отпихивал лапами. Того, кто пытался огрызаться, Лобастый хватал едва прорезавшимися зубками за ухо и принимался тереть, таскать из стороны в сторону, урча сквозь стиснутые челюсти.

Средний брат, добродушный увалень, в таких случаях не сопротивлялся. Дождавшись конца трёпки, продолжал делать намеченное. Больше всего доставалось последышу. Как только мать засыпала, Лобастый, набычив голову, отжимал младшего к снежной стенке, не давая тому возможности вдоволь насосаться. Через несколько дней малыш до того ослаб, что так и остался лежать там.

Вернувшийся с охоты Клык обнаружил скрючившегося в углу камеры отпрыска, взял его в пасть, чтобы переложить к Пышке. Поняв, что детёныш мёртв, вынес наружу и зарыл в снег.

Сосунки постоянно требовали молока и тепла. Поэтому Пышка редко покидала логово. Да и не было в том нужды — Клык исправно обеспечивал её мясом. Однако вскоре он стал пропадать. Как-то на целых три дня. Рассерженная росомаха

укусила его за ухо. Клык в ответ недовольно хоркнул и стал отлучаться ещё чаще. Пришлось смириться с охлаждением отношений. А малыши требовали всё больше пищи.

Однажды перед уходом Клык так безучастно глянул на Пышку, что та поняла — он не вернётся. Принесённой им зайчатины хватило ненадолго. За пару дней были раздроблены и сгрызены все скопившиеся от прежних трапез кости. Молоко у Пышки пошло на убыль.

Ребятня не наедалась. Будь в живых все трое, братьям пришлось бы совсем худо. Голодные вопли росомашат вынудили Пышку оставить малышей и идти на охоту. Следов, заслуживающих внимания, поблизости не оказалось: Клык основательно «зачистил» эту территорию. Удалось поймать лишь перебежавшую по снегу к куче валежин мышку.

Искать поживу надо было вдаль от логова. Вскоре ей повезло: поймала двух зайчат. Голод утолила, но, чтобы накормить малышей, нужна была более крупная добыча. Росомаха обошла устроенные вместе с Клыком в пору изобилия «схроны», но они оказались пусты — бывший кавалер уже опустошил их. Пришлось вернуться к голодным детям и хоть скудно, но покормить их. Через день голод и недовольный писк отпрысков опять погнали её на охоту. Теперь она отправилась за соседний отрог. Там в изголовье одного из распадков имелся часто посещаемый оленями солёный ключ.

При спуске с косогора ей почудился запах мяса. Принюхавшись, определила, что он доносится из пещерки, образованной елью, вывороченной с корнями. Проход в неё преграждали два толстых, ровно обрезанных ствола. Один из них лежал на земле, второй наклонно нависал над ним. В глубине, под сложенным шалашиком пластом земли, в полумраке виднелись кусок мяса и тушка рябчика. Добраться до этого богатства можно было только протиснувшись между брёвен.

Подлетела сорока.

Чэп-щэп, чиррп-черек! Опасно! Опасно! — прыгая с ветки на ветку, беспокойно затараторила лесная болтушка.

Долго стояла росомаха в нерешительности. Она и без сороки понимала, что неспроста проход к мясу перекрыт брёвнами. Ещё раз тщательно принюхалась. Запаха металла не было. Нос улавливал только будоражащий аромат мяса. Тем не менее благоразумие взяло верх: Пышка продолжила

путь к солончаку. Но тот не оправдал ожиданий — ни одного свежего следа. Последний — трёхдневной давности. Тропить его не было смысла.

Что же делать? Ослабленной голодом росوماхе тяжело было продолжать поиск добычи. А перед глазами постоянно всплывало обнаруженное на косогоре мясо. Выбора нет — детей надо кормить!

Вернувшись к странному сооружению, Пышка осторожно проползла в щель между брёвен и, ухватив рябчика, тихонько потянула его на себя. В тот же миг на неё рухнуло что-то тяжёлое. Раздался неприятный хруст. Пышка рванулась, но тело прожгла такая боль, что она на время потеряла сознание.

Очнувшись, росوماха попыталась выбраться из-под бревна, но задние лапы не слушались. Пышку охватил панический страх, однако материнский инстинкт быстро подавил его. Упираясь передними лапами в нижний ствол, она, раздирая шкуру, чуть-чуть продвинулась вперёд. Ещё чуть-чуть! Ещё!.. Всё! Шкура на крестце содрана, зато она на свободе!

Переведя дух, бедняжка попыталась встать, но задние лапы по-прежнему не повиновались. Она их даже не чувствовала. Росوماха торопливо съела рябчика, следом — кусок мёрзлой оленины и, загребая снег передними лапами, поползла. Задние безвольно волочились следом. Сейчас всё было подчинено одной цели: добраться до потомства!

Когда она ползла по склону вверх, за ней оставалась взбитая лапами бугристая снежная траншея. Зато вниз росوماха, благодаря длинной, гладкой шерсти, скользила, оставляя за собой лишь неглубокий жёлоб. Самым трудным оказался подъём на террасу перед логовом.

Росомашата встретили мать жалобным скулежом. Напрягая последние силы, она подползла к ним. Почувяв тепло и запах молока, малыши зашевелились и, толкая друг друга, вцепились каждый в свой сосок. Насытившись и согревшись, они сладко засопели.

Через четыре дня Пышка околела. До последнего вздоха она кормила своих детёнышей. Те ещё долго жались к остывшему телу матери, яростно теребя холодные соски.

Часть II

ТОП

Стеляя в зверей, мы стреляем в свои души.

ГЛАВА 14

Ермил. Спасение росомашат

Дед Ермил, несмотря на то что уже не единожды давал зарок завязать с промыслом, как только открывался сезон, начинал метаться по дому. В конце концов не выдерживал и уходил в тайгу, обещая жене, что лишь на пару недель, душу отвести. Но никогда не держал слово. Вот и нынче, хотя в его меховой копилке было уже девять соболей и пора было в Верхи, да и суставы разболелись так, что по утрам, прежде чем подняться с нар, по полчаса массировал колени и поясницу, старый охотник всё же решил продолжать охоту, дабы довести счёт до пятнадцати хвостов. Тогда уж никто не скажет, что Ермилу пора на покой.

Но верно в народе говорят — человек предполагает, а Бог располагает. Вечером у него начались страшные рези в желудке. А стоило съесть чего-нибудь, даже просто выпить чайку, так боль становилась нестерпимой. Похоже, открылась давно забытая язва. Два дня лечился травами, но ему становилось всё хуже и хуже. Надо было срочно выбираться в жилуху.

Отправился в путь налегке — взял лишь шкурки соболей и несколько сухарей. В село вошёл в середине ночи. Как ни странно, в его избе теплился огонёк. «Батюшки! Неужто бабка чует, что иду?» — обрадовался Ермил.

Как только стукнул калиткой, дверь отворилась. Маленькая, придавленная годами жена всплеснула сухонькими ладошками:

— Господи! Слава богу, живой! Чего только не передумала — сны плохие видела.

— Не зря видела. Чтой-то совсем плохо мне, мать. Еле дошёл.

— Может, сбегать Стёпу разбудить?

— Угомонись. Утро вечера мудренее... Динке лучше поесть дай...

К утру деду похужело, и Степан отвёз его в город, в больницу. Прощаясь, отец сказал:

— Сынок, похоже, я тут надолго. Ты уж сходи, собери мои капканы, да пасти с кулёмками опусти.

— Не волнуйся, батя. Всё сделаю. Ты, главное, поправляйся.

* * *

Сразу же выбраться на отцовский участок Степану не удалось. Всё время задерживали какие-то дела. Попал уже в марте. На первом путике снял трёх соболей и одну норку. Вернее, только её переднюю часть: сохранилось то, что находилось в воде. Остальное мыши съели. На втором в кулёмки угодила пара огненно-рыжих колонков. Третий, последний, путик — Ермиловский угол — был самым длинным, но из семидесяти ловушек порадовала только одна пасть, стоящая в самом конце у «чайного» родника. Уже издали было видно, что самолов сработал. Степан произвольно прибавил шаг. Однако пасть оказалась пуста.

По остаткам шерсти на бревне и уже оплывшим под солнцем следам охотник определил, что в ловушку угодила росомаха. Сильный зверь сумел выбраться из-под тяжёлого давка и, оставляя на снегу борозду (со стороны казалось, будто протасили мешок с песком), уполз в сторону скалистого нагорья.

По характеру следа Степан понял, что у зверя не действуют задние конечности. Это обнадеживало: значит, ушёл недалеко! Однако, к удивлению опытного охотоведа, ему пришлось, несколько раз теряя и вновь находя борозду, идти три километра, прежде чем она упёрлась в зажатую между каменных глыб снежную нору. Овал лаза от частого посещения был отполирован до блеска.

— Ах, вон оно что! К детям ползла.

Степан принялся топором вскрывать канал, но никак не мог добраться до жилой камеры. Выручил Мавр — его чуткое ухо что-то уловило, и пёс, дрожа от возбуждения, принялся раскапывать сугроб метрах в пяти от Степана. Тот бросился на помощь. Когда истончившийся купол обвалился, охотовед увидел шерстистый ком. Степан отпрянул было, но ком не шелохнулся. В голове пронеслось: «Мёртвая! Где же детёныши?»

Шерстинки посреди шубы слегка зашевелились. В густом меху охотовед нащупал двух щенят. Отощавшие малыши едва слышно пищали. Они были так слабы, что, когда пытались поднять головки, их начинала сотрясать неудержимая дрожь. Тем не менее лобастый щенок открыл «пасть» и даже попытался оскалиться. Второй, напротив, смотрел доверчиво, с надеждой.

Малыши были такими худыми, что сквозь нежную шубку прощупывалось каждое рёбрышко, и улавливался стук сердца. Вид крошек растрогал охотоведа. Он, как никто другой, понимал: ещё день-два — и им конец.

— Давайте-ка сюда, заморыши! Тут тепло! — Степан сунул малышей за пазуху.

Затем вытащил из норы и росомуху. Увидев, что та без хвоста, ахнул:

— Батюшки, старая знакомая!

Придя в зимовье, Степан растопил железную печь, развёл в кружке с горячей водой сухое молоко и налил его в пластиковую бутылку. Пометавшись в поисках подходящей соски, отрезал от кожаной перчатки мизинец и, проткнув шилом дырку, надел на горлышко. Выпив тёплого молока, малыши подняли тупые мордочки и запищали, требуя добавки. В итоге каждый выхлебал граммов по триста.

— Сколько ж дней вы, ребята, голодали?! — оглядывая росомашат, произнёс Степан.

Сознание того, что он спас их от смерти, наполнило его сердце радостью. Вернувшись домой, первым делом спросил жену:

— Вера, ты не знаешь, у кого в деревне оценилась сука?

— На что тебе?

— Да вот росомашат на отцовом участке подобрал. Мать померла. Пристроить надо.

Степан вынул из-за пазухи найдёнышей.

— Ой, какие хорошенькие! — воскликнула жена. — В рубашке, похоже, родились. Пока ты ходил, у нашей Натальи Аська оценилась. Что интересно, один из щенков — копия твой Мавр.

Степан вздохнул с облегчением: его двоюродная сестра Наталья — добрый человек. Уж у неё-то росомашата не пропадут.

Дверь открыл муж сестры — Николай. Этот поджарый, жилистый мужик объявился в посёлке лет пять назад после отбытия срока в колонии. Человеком он оказался мастеровым и безобидным. Сойдясь с вдовой Натальей, жил тихо: рыбачил, плотничал по дворам, частенько помогал отцу Сергию. Это он вырезал из сосновых плах Царские врата и обрамление для иконостаса. Как бы оправдывая свою необычную фамилию — Пуля, — делал он всё быстро и ловко.

Степан показал Николаю спящих в корзинке малышей.

— У них мать погибла. Вера сказала, у вас Аська оценилась. Возьми, пожалуйста. Выкормить надо.

— Щенки-то чьи?

— Росомахи.

Николай напрягся.

— Я, конечно, не охотник, но слышал, что росомаха вредный зверь. Мол, в тайге она главный мародёр, чуть ли не подручная сатаны. Даже...

— Зачем всех слушаешь? — перебил раздражённо Степан. — Если что интересно, у меня спроси. Про любого зверя расскажу. На самом деле росомаха очень даже полезный и разумный зверь. А главное — необходимый тайге.

— Ну ладно, коль так. А долго выкармливать?

— До осени. Потом на зообазу сдадим. На росомах всегда большой спрос.

— Айда! Попробуем Аську обмануть.

Пуля взял росомашат и, обсыпав их сеной трухой, устилавшей пол хлева, сунул прямо к брюху собаки. Та тщательно обнюхала пополнение. Запах не чужой, но её малышами не пахнет. Зарычала было на всякий случай, но голодные росомашата уже успели прилепиться к соскам. Материнский инстинкт не позволил лишать их пищи. Тем более что потягивали они до того жадно и энергично, что Ася даже задремала от блаженства. Ей нравилось, когда так активно опустошались её сосцы.

Перед уходом Степан наклонился и ласково погладил собаку.

— Умница! Спасибо тебе.

После живительного сна росомашата сели и заозирались: куда это они попали? Вокруг светло и просторно, рядом на мягкой подстилке копошатся незнакомые щенки. Вместо тёмного косматого живота перед ними вздымался белый и довольно гладкий. От него не пахло матерью. Всё чужое. Зато тепло и сытно! Но где же мама?!

Тут что-то заскрипело, и стало ещё светлей. Над ними склонился большой зверь. Лобастый предупредительно ощерился. Наталья, а это была она, осмотрев малышей, запрочитала:

— Бедняжечки! Какие вы худенькие! Ну ничего, я вас кормлю, вы только кушать не ленитесь.

Мелодичные звуки, издаваемые незнакомкой, и нежные прикосновения были до того приятны, что по телу росомашат пробежала сладкая дрожь.

За месяц найдёныши окрепли и освоились. Теперь они не лежали часами под боком Аски, а резво бегали по двору, участвовали в общих играх и потешных потасовках. Лобастый в азарте подчас так злобился, что горлышко начинало дрожать от хриплых звуков, и игра переходила в драку. Николай с Натальей от души смеялись, видя, как неуклюже переваливается на бегу с лапы на лапу убегающий от него брат. За эту комичную походку они называли его Топом.

Добродушный малыш всем улыбался. Кто-то возразит: «Росомаха не может улыбаться!» Ну да, не может. А вот Топ

мог, причём так искренне, что ему тоже начинали улыбаться в ответ.

Несмотря на упитанность, он в этой дворовой команде был самым подвижным и любопытным. Вскоре Топ знал в лицо обитателей не только человеческого логова, но и большинство соседей. Его удивляло то, что на них нет тёплой, пушистой шерсти. Ещё больше поражало пристрастие людей к ходьбе на двух лапах. Он тоже так умел, но на четырёх-то удобней и быстрей.

Топ различал двуногих не только по внешнему виду, но и по голосам. Грубые, хриплые принадлежали самцам. У самок голоса были нежнее и мягче. Особенно приятный был у пышнотелой коротышки, кормившей их.

Запахи, шедшие от неё, приветливый взгляд говорили: её не надо бояться, ей можно доверять. Выражая свою симпатию, Топ частенько покусывал мягкие пальцы кормилицы, а во дворе, не отступая ни на шаг, путался под ногами. Тут же постоянно крутилась коза Манька. Она всё норовила пожевать подол юбки своей хозяйки. Топ из ревности запрыгивал козе на спину и, больно кусая загривок, отгонял подальше.

Поскольку молока у Аськи на всех не хватало, Коротышка стала подкармливать малышей кашами. Больше всего накладывала увальню Топу. Она же приучила его есть хлеб. Однажды, отщипнув кусок от ещё тёплого каравая, протянула его любимцу, ласково воркуя: «Ешь, Топушка, ешь!» Малыш опасливо обнюхал необычное угощение и отвернул мордочку: запах приятный, но пробовать страшно.

— Глупенький! Это так вкусно! — Наталья демонстративно откусила кусочек и, аппетитно чмокая губами, снова протянула хлеб малышу.

Топ последовал красноречивому примеру, а разжевав, весело покачал хвостом: «Вкусно! Ещё!»

Восхищённая понятливостью малыша, Наталья потрепала его за ушами — «Умница!» — и протянула кусочек побольше. Когда она попыталась так же подкормить и приголубить Лобастого, тот сердито заурчал и попытался.

С того дня любимым лакомством Топы стал свежее испечённый хлеб. Когда хозяйка пекла его и по двору расплывался пьянящий хлебный дух, он, в предвкушении тёплой краюхи, садился у двери, терпеливо дожидаясь угощения.

Со временем щенкам и росомашатам начали давать мясо, рыбу. При «дележе» лучший кусок, как правило, отхватывал Лобастый.

— Знатный добытчик из него выйдет, — заключила хозяйка.

— Не спеши. Дай клыкам вырасти, тогда посмотрим, — возразил муж.

Если Топ был общительным и дружелюбным, одним своим видом вызывал улыбку, то Лобастый постоянно демонстрировал свой недоверчивый и нелюдимый характер. Не дай бог кому-нибудь взглянуть на него в упор. Он тут же начинал злобно скалиться и рычать.

Топ, наоборот, сам тянулся к людям. Когда Наталья с Николаем разговаривали, он потешно наклонял голову, как будто пытался понять их. И, судя по его поведению, он действительно кое-что понимал. Если ему говорили: «Не хулигань!» — он отходил с виноватым видом, а когда говорили: «Молодец!» — подпрыгивал, восторженно вилял хвостом. И с каждым днём количество слов, на которые он «разумно» реагировал, росло.

Топ был любимчиком не только благодаря смекалке и добродушию, а ещё и потому, что в нём, несмотря на полноту и обманчивую неуклюжесть, чувствовался крепкий внутренний стержень. У него были хорошие, ровные отношения со всеми, но признавал он только Пулю, Наталью и высокого двуногого с «мордой», густо заросшей кудрявой шерстью, — Степана.

Тот навещал найдёнышей вместе со своим громадным псом, которого Топ запомнил, поскольку он был увеличенной копией его лучшего друга — Амура, тоже белого, с чёрными лапами пса. В этом сходстве не было ничего удивительного — Мавр был отцом Амура.

В очередной раз осматривая росомашат, Степан сказал Пуле:

— Поразительно, что Топ такой покладистый. Для росомаш это не характерно. Почти все изучавшие и наблюдавшие их биологи отмечают агрессивность, необщительность этих зверей. Думаю, что, кроме присущего ему от рождения доброго нрава, этому поспособствовало то, что он попал к нам

сосунком. А вот брат никак не раскроется. Жёсткий характер. Два брата, а какие разные... Всё, как у людей.

— Ты, Степан, оказался прав: врут охотники про росомах. Сколько я за этими мальцами наблюдаю — ничего худого не заметил. Наоборот, по чистоплотности и вовсе всем пример. Вылизываются часами, в туалет ходят в одно и то же место.

— А ты всё — дьяволы, дьяволы! Какие ж они дьяволы? Мы ведь их сами зlobим. Помнишь, к моему бате одна повадилась? Так он же сам виноват — стрелял в неё. Вот и мстила.

Мужики помолчали, думая каждый о своём.

— Николай, а ты не хочешь охотой заняться? — неожиданно спросил Степан. — Наши на пушнине и мясе хорошо зарабатывают. Участки свободные есть. Сейчас два пустует.

— Да нет. Не лежит у меня к этому делу душа. Курицу-то резать не могу.

— Понятно... Мне это знакомо...

* * *

Если Топ радовался всем и всему, то хитрован Лобастый был всегда сосредоточен, себе на уме. Как только хозяйка уходила из дома, он подсовывал когти под дверь и рывком открывал её. Прокравшись на кухню, хватал, что глянется, и уносил добычу под кровать или за печь, где втихаря съедал. Когда маленького «медвежатника» застукали и попытались наказать, он принял такой покаянный вид, что гнев уступил место с трудом сдерживаемой улыбке.

Этот разбойник был до такой степени ушлым, что даже научился открывать холодильник.

Однажды он всё же крупно проштрафился. С такой силой дёрнул нижнюю, запёртую на замок, дверцу горки, что стоящая на верхних полках посуда повалилась на пол. На грохот разбившихся тарелок, чашек и рюмок вбежала хозяйка. Копившаяся десятилетиями посуда, частью оставшаяся ещё от родителей, превратилась в груды осколков. В сторонке стоял, понурился, Лобастый. И хотя его взгляд выражал глубокое страдание, тут даже добросердечная Наталья не сдержалась и в гневе вышвырнула разбойника на крыльцо.

После этого случая входную дверь в летнюю кухню и избу стали запирают на двухстороннюю задвижку. Во дворе же «молодёжь» ни в чём не ограничивали. Они устраивали потешные схватки, погони. Когда солнце особенно сильно припекало, отлёживались в тени.

Лобастый к общим играм и вылазкам присоединялся редко. Как правило, разгуливал в одиночестве или отлёживался под крыльцом. Топ же с подросшими щенками, можно сказать, сроднился. А с Амуром они даже ночью не расставались: спали, прижавшись друг к другу.

В четыре месяца росомашата хоть и не достигли размеров взрослых особей, но окрас меха уже ничем не отличался: буро-коричневая спина, та же подковообразная шлея от основания хвоста до предплечья. Ноги от ступней до колен в чёрной блестящей шерсти. Только у Лобастого, в отличие от брата, спина была намного светлей и по цвету почти сливалась со шлейей.

Степан частенько заходил и осматривал росомашат. Когда очередь доходила до Лобастого, Пуля предупреждал:

— Поосторожней! Он, чёрт такой, может и тяпнуть. Его и сдашь на зообазау. А Топа я оставляю. Привязались мы к нему. Особенно Наталья. Ласкун такой, умница!

— Да уж! Звери, как и люди, всяк со своим характером.

ГЛАВА 15

Рыбак

Пуля со временем стал неплохо понимать издаваемый Топом стрекот, урчание. Когда выходил из дома в громадных чёрных сапогах и приветствовал всех словами «Кто сегодня со мной?», Топ, комично мотая головой, тут же бежал к калитке и радостно стрекотал. Он знал: сейчас хозяин достанет из сарая длинные гибкие палки, пахнущую рыбой брезентовую сумку, и они пойдут на озеро или речку. Однажды Пуля ушёл на рыбалку один. Так Топ до того разобиделся, что забился за поленницу и, как ни пытались его выманить, просидел там до ночи.

Отец Сергей тоже любил порыбачить и, когда возвращался с уловом, всегда заворачивал во двор Николая

Николаевича, чтобы угостить росомашат мелочью (специально оставлял для них). А случались и такие особенные дни, когда на рыбалку отправлялись все вместе: священник, Николай и Топ. Если Николай был занят (кому-то крышу перекрывал, ставни менял), а батюшка отправлялся на рыбалку, то он непременно брал с собой и Топа. Вот и нынче был такой день.

Выйдя к излучине с глубоким омутом, отец Сергей бросил в воду ком каши и забросил удочку. С этого момента понятливый Топ не сводил с поплавка глаз. Увидев, что тот заиграл, вытянувшись в струну, подался вперёд. Когда батюшка стал подтягивать бьющуюся рыбу к берегу, не выдержал — прыгнул в воду. Первый раз отца Сергея это умилило, но, когда с крючка сошло подряд два голавля, он шуганул «помощника». Расстроенный росомашонок ушёл за прибрежный ивняк. Вскоре оттуда донёсся шумный всплеск.

«Щука, что ли, играет? Надо бы живца там закинуть», — подумал батюшка. Обогнув заросли, он увидел Топа, доедавшего рыбку на торчащей из воды коряге. «Откуда он её взял?»

Притаившись, отец Сергей стал наблюдать. Недалеко от коряги плавал размякший кусок хлеба. Вокруг суетилась мелочь. Как только появилась рыба покрупнее, Топ резким движением выхватил её из воды.

«Вот это да! Сообразительный, чертяка!» — подивился батюшка и тихонько вернулся на своё место. Минут через десять росомашонок подошёл к священнику с очередной добычей в зубах. Положив её у ног, застенчиво отвернулся.

— Ай да молодец! Меня обловил! — похвалил отец Сергей, а про себя подумал: «И чего это учёные мужи пишут, будто звери разума не имеют? Создатель никого не обидел. Это мы самовольно возвысили себя над всем живым. Понимать, чувствовать божьих созданий не желаем».

Неволью припомнился недавний курьёзный случай. Церковь в Верхих приземистая, а вот колокольню Пуля срубил высокую. Народ радовался, когда на праздник и после литургии благостный звон начинался. Селяне душой воспаряли. Как-то утром, ещё и коров не выгнали, ни с того ни с сего по селу понеслось: «Бом-бом», потом опять: «Бом! Бом!» Что такое? Балует, что ли, кто?

Вышел и увидел, что на перилах колокольни вороны сидят. Некоторые важно прохаживаются. А одна со всей силы за верёвку дёргает. Пришлось подняться. Прогнал всех. Только спустился — опять: «Бом! Бом!» И не одна ворона — сразу две за верёвки тянут. Дёрнут, отойдут, другие подходят. Так по очереди и звонят. Вот ведь до чего додумались! После этого, чтобы беспорядок пресечь, верёвки внатяжку к перилам стали привязывать.

* * *

Благодаря необычайно тонкому обонянию и слуху Топ лучше всех щенят ориентировался в изменчивой обстановке и мало-помалу приобрёл такой авторитет, что его стали признавать вожаком.

Природная наблюдательность помогла ему понять, что прямоходящие отличаются друг от друга характерами. Поэтому и пахнут они по-разному. Внюхайся — и не останется никакой загадки. Его хозяин, например, судя по запаху, справедлив и добр: если провинился, может отругать, а отличился — дать что-нибудь вкусенькое.

Как-то, вернувшись с рыбалки, Топ не нашёл во дворе брата. Это не удивило его: и раньше бывало, что Лобастый пропал до вечера. Но шли дни, а тот так и не появлялся. Хотя они и не были дружны, Топ скучал, пытался даже искать брата, но безуспешно. Неудивительно — охотовед увёз его в город.

ГЛАВА 16

Первая охота

Подошло время, когда Топ начал смутно сознавать, что мир, в котором он живёт, не его мир. Его настоящий дом — в лесу. Он был уверен, что именно туда ушёл и брат. Теперь, когда его брали на рыбалку, он не следовал, как прежде, по пятам за двуногими, а, сворачивая с тропы, с каждым разом всё глубже забирался в таинственную чашу.

Как-то рядом с ним из-под листьев вынырнул зайчонок. Перебегая короткими рывками, он вздрагивал и надолго за-

мирал, приплюсываясь дрожащим от страха носиком. Увидев громадного зверя, малыш бросился наутёк, однако Топ оказался проворней.

Схватив зубами бархатистый шарик, он съел свою первую добычу. В другой раз на него выбежал бурундук и изумлённо уставился чёрными глазками-бусинками. Топ попытался схватить его, но стоило ему шевельнуться, как тот исчез: вроде только что был, а уже нет!

Набегавшись вволю, росомашонок возвращался к рыбакам.

Настал день, когда он отважился на самостоятельную вылазку. Верный ему Амур следовал рядом. Углубляясь в лес всё дальше и дальше, друзья рыскали по чащобе, взбирались на скалы. В заросшем молодыми сосенками горельнике тонкое обоняние Топа уловило волнующий дух. Память предков подсказала, что это запах большого зверя. Свернув на него, он вскоре увидел торчащие из травы беловатые кончики рогов, вздувшийся бок лося.

Топ был потрясён — впервые видел столько мяса сразу. И всё оно принадлежало ему и Амуру. Это он нашёл его и теперь никому не отдаст свою добычу! Молодой хищник наелся



так, что живот стал похож на туго накачанный шар. Амур же не стал даже пробовать. Понюхав, сморщил нос и улёгся с наветренной стороны. Топ никак не мог понять, почему его друг отказывается от такой вкуснятины.

Через день, вспомнив про гору мяса, росомашонки отправился к ней один. Но в этот раз пообедать не удалось. У туши пировала стая волков. Один из них, заметив Топа, грозно оскалил окровавленные клыки и, наклонив голову, сделал предупредительный шаг в его сторону. Топ понял, что ему лучше уйти. Так он узнал, что в лесу есть звери посильней его и их лучше сторониться. Возвращаться к двуногим не хотелось. Хозяйка, конечно, добрая и ласковая, но полёбка, которой его кормили, порядком надоела. Молодой организм хищника требовал мяса. Так что надо было искать новую поживу. Вскоре Топ набрёл на заросли сочной, спелой малины. Ягоды выглядели столь аппетитно и от них исходил такой соблазнительный аромат, что он решил попробовать их. Пасть заполнила сладость. Топ ел и ел мягкую вкуснятину до тех пор, пока его не затошнило...

Для Топа это было важное открытие: оказывается, в лесу, кроме мяса, есть и иная пища. Радуясь сытости и свободе, он прилёг на прогретую солнцем каменную глыбу недалеко от малинника. В какой-то момент боковым зрением засёк вылезавшего из норы остромордого зверя. Вот это добыча!

Разглядев, что тот заметно крупнее его, Топ заколебался: стоит ли связываться? Но внутренний голос ободрял: не бойся, вперёд! Сам того не ожидая, он резко развернулся и что есть силы застрекотал. Этот боевой клич пробудил в нём дремавший дух хищника. Барсук, а это был он, дрогнул и стал пятиться. Ещё раз окинув оценивающим взглядом приземистого, плотно сложенного толстяка в сероватой, отливающей серебром шубе, Топ опять засомневался — одолеет ли? Но охотничьи инстинкты уже завладели им: он ринулся в атаку. Барсук, проявив неожиданное проворство, пронзительно верещал, в три прыжка достиг лаза и скрылся в подземном убежище.

Эта неудача стала очередным уроком для Топа: возле норы нападать бессмысленно. Нужно дать намеченной жертве отойти от входа подальше и атаковать, перекрыв путь к отступлению.

Определив направление ветра, он залёг в отдалении, но так, чтобы был виден выход из норы. Потянулись часы ожидания. Сумерки медленно густели, звёзды замерцали, как глаза невидимых зверей. Топ заметил за ними удивительное свойство: если задремлешь, то когда откроешь глаза, они оказываются в другом месте. По этим небесным светлячкам он впоследствии научился определять время. Днём делал это по солнцу.

«Когда же этот толстяк выйдет?! Так хочется есть! — страдал Топ, но тут же сам себя успокаивал: — Терпение! Терпение!»

Наконец белёсая голова с чёрными полосками по обеим сторонам морды высунулась из норы. Оглядевшись и ничего подозрительного не приметив, барсук поковылял по косогору к ручью. Пора!

Нагнав увальня, Топ с парализующим волю рёвом запрыгнул на него сзади. Сомкнув клыки на шее, он вскоре почувствовал, как слабеет сопротивление жертвы... От ярости и непривычного напряжения челюсти свело судорогой. С трудом разомкнув их, он ощутил такую бьющую через край радость, что, издав счастливый стрекот, несколько раз высоко подпрыгнул над заслуженной добычей.

Никто никогда не обучал его охоте, а вот получилось! Для Топа стало откровением то, что мясо, добытое в борьбе, гораздо вкусней. Он решил не возвращаться к людям.

Услышав на следующий день голос хозяина: «Топ! Топ! Ау! Топ! Ау!» — он понял: его ищут! Хотел было побежать навстречу и уже даже рванулся, но что-то остановило: понял — его дом здесь.

Однако не всё в его новой жизни было легко и гладко. Уже на следующий день рысь отняла у него остатки барсука. Топ был молод, его мускусная железа, извергающая обезоруживающую струю, ещё не созрела, а силёнок противостоять крупной, поджарой кошке не хватало. Возмущённо урча, он удалился. Но голодать не пришлось: мясо беспечной куропатки оказалось даже вкусней барсучьего.

Без усталы рыскающая по лесу, зверь учился различать звуки леса. Голоса пернатых подсказывали ему, где добыча, где опасность. А по тому, как бежит тот или иной зверь, Топ стал понимать, спасается тот или сам кого-то преследует. Вот

и сейчас мимо него размашистой рысью пронеслись лоси. Всё ясно! Кто-то их потревожил. Точно — вон и волки показались.

Поохотившись и нагулявшись, Топ отправлялся отдыхать на ближайшее продуваемое возвышение. Дремал, правда, чутко и при малейшем шорохе зорко осматривался, принимался, прислушивался. Однажды, нежась на обрывистом берегу, он услышал громкий треск сучьев. Из леса на плёс вышла медвежья семья: мамаша, пестун и медвежонок. Широколобая медведица, с колышущимися от жира боками и широкой спиной, показала Топу громадной глыбой. Ступала она сосредоточенно, лишь изредка бросая исподлобья взгляды по сторонам. Когда семейка подошла ближе, он разглядел выглядывающие из пасти мамыши жёлтые кончики клыков.

Покачивая головой в такт шагам, она вела своих деток к шумному, заваленному валунами порожку, соединяющему верхний и нижний плёсы. Перейдя пенистый поток, медведица, уверенная, что пестун поможет братишке, направилась по травянистому косогору в лес. Но тот, не останавливаясь, побегал следом. Малыш же, напуганный шумом пенящейся воды, остался скулить на берегу.

Топ ожидал, что мать бросится ему на помощь, но ошибся. Медведица подскочила к пестуну и отвалила ему такую затрещину, что тот кубарем покатился к реке. Урок пошёл впрок: пестун, прыгая по мокрым валунам, подсобил братишке перейти порожек.

Ошалев от первых успехов, Топ настолько осмелел, что решил попытаться завалить лосёнка, жившего с мамашей в затаянном молодью горельнике. Но как к нему подступиться? Лосёнок всегда следовал в двух-трёх шагах от матери, а подставляться под удары её мощных копыт Топу не хотелось.

Как-то, наблюдая за ними в отдалении, Топ увидел, что лосиха спрыгнула с крутого яра к воде, а малыш залёг в траве. Тут уж молодой хищник не устоял. Заметив приближение бурой торпеды, лосёнок, вместо того чтобы кинуться к матери, припал к земле и замер, чем и предопределил исход атаки...

Топ не стал сразу есть добычу. Сначала следовало успокоить рвущееся от ликования из грудной клетки сердце и насладиться сознанием своего могущества. Снизу донёсся скрежет гальки. Это поднималась от ключа лосиха. Опыянённый победой, Топ приготовился было защищать добычу, но интуиция подсказала, что благоразумнее затаиться. Он быстро вскарабкался на дерево и распластался на толстой ветви.

Ждать, когда лосиха оставит бездыханное дитя, пришлось долго. Зато потом молодой разбойник столовался безбоязненно. Отдыхать заполз под буреломный отвал: там было прохладно. Но прежде, чтобы на жаре остатки недоеденной добычи не портились, перетащил всё к ключу. Притопив мясо в родниковой воде, завалил его сверху валунами.

Власть поспав, Топ потянулся во всю длину. Оттягивая задние лапы, широко зевнул, сощурил чёрные глазки и, взобравшись на поваленный ствол, прошёл по прогретой коре. Ещё несколько мощных прыжков, и он, перелетев кусты, оказался на уступе скалы. Отсюда удобно было обозревать окрестности.

Вдали за отрогом поблёскивал край озера. Где-то там живут его кормильцы и верный друг — Амур. В глазах Топа мелькнула грусть, но окружающий простор, сознание того, что он может сам решать, куда идти, чем заниматься, и припрятанная гора мяса не оставляли сомнений — он сделал правильный выбор!

ГЛАВА 17

Трагическая ошибка

Прошёл год. Незаметно подкралась очередная слезливая осень. Топ возмужал и чувствовал себя на оконтуренном пахучими метками участке полноправным хозяином. До совершенства отточив умение выслеживать, ловить и умерщвлять добычу, он редко голодал.

Погожие дни сменились ненастными. По небу лениво ползли низкие, лохматые, наполненные влагой тучи. То и дело начинал сеять мелкий, нудный дождь. Топ спасался

от него под старыми елями — их покатые шатровые кроны не пропускали ни капли.

По утрам траву в распадках выбеливал иней. Заморозки с каждым днём крепчали. Отряхнули ржавый головной убор деревья. По оголившейся тайге свободно загулял стылый ветер. А вскоре и водоёмы начали затягиваться тонким, стрелчатым ледком.

Ходить по лесу стало намного легче: траву прибили морозы, а листья осыпались. Теперь любое движение зверя и птицы бросалось в глаза, зато и сам Топ стал более заметным для тех, к кому подкрадывался. Приближение стужи его не страшило: пышная зимняя шуба была надёжной защитой.

Иногда ему вспоминалось тёплое логово вскормивших его двуногих, но ни разу, даже мимолётно, не возникало желание вернуться в него. Наоборот, хотелось расширить пределы освоенной территории. Разведать, какое там зверьё и сколько его. Особенно манила трёхгранная вершина, венчающая соседний, оскалившийся зубастыми скалами кряж. Однажды любознательный Топ не удержался и отправился к ней.

Поднимался не спеша, попутно заглядывая в самые буреломные места. На отдых устроился под каменным козырьком, посреди склона.

Проснувшись, зажмурился от брызнувшего в глаза света: бурая ещё вчера земля была покрыта белым, искрящимся в лучах солнца одеялом. Тайга хоть и посветлела, но стала гуще. Даже тоненькие веточки, облепленные снегом, выглядели теперь толстыми сучьями. Накрытые белой ризой, ёлочки разом подросли и торчали островерхими конусами. Воздушной мягкости пушинки привели росомуху в состояние восторга — Топ любил зиму. Ещё бы! Ведь на снегу хорошо видны все следы, а это так помогает в охоте.

Он то и дело нюхал, подкидывал лапами невесомую массу. Потом зарылся по брови в её толщу, с удовольствием хватая пастью холодные снежинки. Отфыркавшись, проурчал что-то радостное, восторженное. После этого целиком закопался в сугроб. Освежившись, чистоплотный зверь занялся чисткой шубы: елозил по снегу животом, переворачивался на спину, долго перекатывался с боку на бок. Завершив купание, отряхнулся. Да так мощно, что снежинки окутали его алмаз-

ным облачком. Чистые волоски распушились. Теперь при каждом прыжке мех перекатывался плавными волнами.

Зайцы и куропатки ещё не успели сменить летний наряд на зимний и были хорошо заметны на белой пелене. Это ещё больше облегчало охоту на них. Урожай шишек кедрового стланика в этот год выдался богатым. Трескучие кедровки срывали с выступающих из снега веток шишечки и уносили каждая в свою «столовую». А под переплетениями гибких стволиков сновали неугомонные мыши. Топ вынюхивал их подснежные ходы и безошибочно пробивал снег лапой именно там, где в этот момент находился шустрый обладатель бархатистой шубки. Добыча мелкая, но в начале зимы мышей было так много, что Топ некоторое время питался только ими.

* * *

Сосед Пули, самый фартовый промысловик госпромхоза, пятидесятидвухлетний Карп Силыч, завершив обход путика, размашисто скользил на лыжах к своей заимке. Несмотря на чувствительно пощипывающий мороз, у него было прекрасное настроение. Ещё бы! Снял за день трёх соболей. Одного — на подрезку, остальных — на приманку.

До избушки оставалось не более одной версты, как вдруг с ближнего кедра чёрным вихрем сорвался глухарь и спланировал в ельник, стекавший по склону тёмно-зелёной лентой. Намётанный глаз промысловика засёк его характерный силуэт между качнувшихся зелёных лап.

«Подкова за одного глухаря платит, как за пятнадцать рябчиков. Грешно не воспользоваться. Если обойти справа, то под прикрытием деревьев можно приблизиться на верный выстрел», — рассудил Силыч и свернул с лыжни.

Выцелив петуха, нажал на спуск. Краснобровый гигант, беспорядочно хлопая воронёными крыльями, закувыркался вниз, сбивая с ветвей комья снега. В последний момент он всё же сумел выправиться и, медленно набирая высоту, потянул через курумник к соседнему ельнику.

Промысловик успел-таки пальнуть вслед. Промач! Расстроенный неудачей, рванул вдогонку. Выехав на присыпан-

ные снегом угловатые глыбы, понял, что на лыжах курумник не проскочить. Скинув их, побежал, расчётливо прыгая по выступающим из снега камням. Тем временем глухарь отлетел ещё дальше. Охотник, обзывая себя нелестными словами, прибавил ходу. И тут нога, соскользнув с камня, с хрустом провалилась в щель. Карп Силыч сгоряча попытался встать, но от пронзительной боли потемнело в глазах. «Перелом!» — эта мысль обожгла сердце промысловика. «Без паники! Бывает! Зимовье рядом. Доберусь! Надо только шинки наложить, иначе боль не даст двигаться, да и кость может сместиться», — успокаивал он себя.

Стиснув зубы, охотник осторожно подполз к торчащим из снега веткам кедрового стланика и вырубил тесаком шесть плашек. Ошкурив, просунул их по очереди под голенища меховых унтов и туго стянул ремнём. Пошевелил ногой — терпеть можно.

Теперь следовало добраться до лыж, оставленных на краю каменной россыпи. Силыч лёг на живот и, толкаясь здоровой ногой, помогая руками, пополз. Лежащие в беспорядке глыбы оказались довольно серьёзным препятствием. Выискивая удобные проходы, охотник постоянно менял направление. Запыхавшись, вынужден был скинуть рюкзак, рядом воткнул ружьё. Ползти стало легче. Добравшись до лыж, улёгся на них и стал пробиваться к путику. Когда выехал на до блеска укатанное полотно, заскользил намного быстрее. Теперь Силыч ругал себя за оставленные одностволку и рюкзак с соболями. Когда ещё вернётся?! За это время вездесущие мыши могут состричь ценный мех для утепления своих шарообразных спален. А ружью его вообще цены не было. На вид невзрачное, зато лёгкое, с резким, кучным боем. Да Карп Силыч и не гонялся за красотой. Наоборот, стволы, чтобы не блеснули на солнце и не выдали его присутствия, снаружи не чистил. Зато внутренность содержал в идеальной чистоте: концентрические кольца сияли так, что смотреть было больно.

Наконец начался уклон. Значит, речка близко, а там и зимовье. Промысловик облегчённо вздохнул и вытянулся во весь рост, чтобы отдышаться перед последним рывком. Восстановив дыхание, привстал на здоровое колено. Над руслом парила наледь. Она появилась с неделю назад и с каждым

днём росла в размерах. Даже по сравнению с утром тёмная лента пропитанного водой снега заметно расширилась.

Вообще-то, наледи в этих краях — обычное явление. Горные речки и ключи зачастую промерзают до дна, и грунтовая вода, выпираемая внутренним давлением через береговой галечник, струйками стекает на лёд. Тонкие плёнки, раз за разом намерзая, быстро наращивают его толщину. В итоге к концу зимы наледь может достигать двухметровой толщины, а то и больше.

Охотника встревожило то, что вдоль противоположного берега ползла со зловещим шуршанием ледяная каша. По всей видимости, пробился наружу мощный ключ.

«Ну и денёк! Сначала перелом, теперь наледь попёрла! Её бы обойти сверху, но ползти по целине уже нет сил... Ну да ладно, как-нибудь одолею. Не сахарный, не растаю... Печь затоплю и обсохну», — решил Силыч. Уж очень хотелось ему поскорее в тепло. Он с надеждой глядел на белеющий в сумерках взлобок, на котором призывно чернела его избушка.

С берега промысловик съехал, как на санках. До середины русла тоже дополз легко. Дальше материнский лёд на протяжении пяти-шести метров покрывала медленно ползущая «каша». Превозмогая боль, Карп Силыч встал на четвереньки и решительно зашёл в неё. Он не знал, что под слоем мелкой шуги прячутся промоины, перекрытые слоями истончённого течением льда. Когда промысловик благополучно преодолел большую часть крошева, лёд не выдержал, хрустнул, и правая рука провалилась по локоть в воду. Охотник опёрся на левую, но та провалилась ещё глубже: туловище почти целиком оказалось в воде. Острые кромки льда секли руки, но он не чувствовал боли: пока полз, они так заколели, что из порезов даже кровь не выступила.

Собрав остатки сил, промысловик сумел-таки выбраться на материнский лёд. Тело трясло от перенапряжения и холода. Со стоящего на четвереньках охотника ручьями стекала вода. Сделав через силу с десяток неуверенных «шажков», Силыч остановился отдохнуть. Подняв голову, он поглядел на совсем близкую избушку. Представилось, как очень скоро он растопит железную печурку и будет отогревать у докрасна раскалённого железного бока застывшие внутренности горячим

чаем из чаги. От этих мыслей ему стало хорошо, тепло... Веки сами собой смежились... Мороз тем временем крепчал...

Проснулся, будто от толчка. Попытался «пойти», но не тут-то было: не смог даже шевельнуться — руки и колени намертво примёрзли ко льду, а мышцы так застыли, что не подчинялись командам. Что за чертовщина! Промысловнику казалось, что прикрыл глаза всего на минуту. На самом деле он простоял более получаса. На потемневшем небе уже проклюнулись первые звёзды.

Обездвиженный охотник от ужаса завыл на всю округу, но прийти на помощь было некому...

ГЛАВА 18

Странный двуногий

Освежая в очередной раз пахучие метки, Топ увидел на заснеженной полянке с десяток тетеревиных лунок. Тихонько ступая, он подкрался и прыгнул на крайнюю. Но не угадал — сама спаленка оказалась с другой стороны. Снег вокруг сразу вздыбился фонтанами взрывов вылетающих птиц. Заснеженный пенёк под кустом тоже ожил: это был вовсе и не пенёк, а притаившийся заяц. Когда он побежал, чёрный нос и чёрные кончики ушей выдали его. Топ был не настолько голоден, чтобы гоняться за быстроногим беляком, и отправился искать добычу подступней. Со стороны ключа донеслась гортанная перебранка воронья. А где они, там всегда пожива.

Выйдя к речке, он увидел чёрных пернатых, что-то долбивших железными клювами у противоположного берега. Немного выше темнело логово охотника. Ещё несколько ворон, сидя на снегу и на низко склонившейся берёзе, негромко переговаривались: то ли ожидали, когда освободится место, то ли уже наелись.

Птицы кормились без опаски. Правда, когда он приблизился, они, недовольно галдя, отлетели, и Топ увидел стоящего на четвереньках человека, наполовину вмёрзшего в лёд. Его зад был выклеван местами до костей. Подойдя вплотную, зверь обнюхал двуногую и застыл в замешательстве: это был запах человека, жившего рядом с его кормильцами.

Топ отвернул морду — есть человечье мясо ему не позволял генетический страх.

Зверь поднялся на берег и, обойдя избушку, убедился в отсутствии свежих следов. Зато на задах обнаружил десятки ободранных беличьих и собольих тушек.

«Так тут можно и пожить! Этого мяса надолго хватит!»

(Если б он знал, к каким последствиям приведёт это решение, он обошёл бы зимушку за версту.)

Съев за один присест двух мёрзлых белок, довольный Топ побарахтался в снегу. После такой ванной его и без того блестящая шерсть заструилась, заиграла на солнце.

Безмятежно гостевал Топ здесь больше недели. Прожил бы и дольше, но в один из погожих дней с устья распадка донесли скользкий шорох и поскрипывание лыж. Топ встал на задние лапы — никого не видно. Взобрался на макушку кедра. Сквозь хвою разглядел идущего по тропе человека. Вскормленный людьми, Топ не испугался, но от этого двуногого исходила непонятная угроза. Он спустился с дерева и ушёл в горы.

* * *

Сын Карпа Силыча, Антон, работавший в Верхах мотористом дизельной электростанции, встревоженный тем, что отец на Новый год не вышел, договорился с напарником о подмене и отправился в тайгу. К избушке подходил на исходе дня. При виде бурого силуэта на речке сердце парня бешено заколотилось от страшной догадки. Спустившись на лёд, он остолбенел. Перед ним на четвереньках стоял отец с обглоданным до костей задом. У Антона перехватило дыхание, горький ком подкатил к горлу. По многочисленным отпечаткам росомашьих лап вокруг избушки парень понял, кто повинен в гибели отца.

Вырубив изо льда тело, завернул его в брезент и погрузил на стоящие у зимовья нарты. К этому времени совсем стемнело. Возвращаться в село было жутковато. Всю ночь Антон пил спирт, плакал, вспоминал отца. Впадал в тревожное забытьё, а проснувшись, вновь пил, рыдал. Никак не мог поверить в то, что такое могло случиться именно с его отцом — опытным промысловиком.

Утром, впрягшись в сани, Антон повёз скорбный груз домой. В дороге, сквозь непросыхающие слёзы, заметил идущего по гребню увала косматого зверя. «Росомаха!!! За мной следит?» Парень невольно стиснул цевьё ружья и прибавил шаг. Скорей бы добраться до села!

В тёплой избе тело Карпа Силыча за ночь оттаяло, и, когда его раздели, по шинам, наложенным на голень, селяне поняли, что у охотника была сломана кость и к зимовью он не шёл, а полз. Позже это подтвердил и бугристый след, приведший людей к ружью и рюкзаку. Посему у первоначальной версии появилось уточнение: кровожадная росомаха загрызла обессиленного и беззащитного человека в двадцати метрах от избушки.

Почему-то не обратили внимания на то, что у охотника ни на лице, ни на теле не было следов ни от зубов, ни от когтей. Репутация у росомах такова, что селяне легко согласились с вынесенным в первый же день приговором: убийца Карпа Силыча — росомаха. Были всё же и те, кто не поверил, но их не слушали.

Макарыч и тот засомневался:

— Наверяд ли это росомаха. Пакостливая, конечно, зверина, но не слышал, чтоб на людей нападала.

— Вас послушать — добрей росомахи зверя нет. Ещё волков в друзья запишите, — огрызнулся Антон.

— Да при чём тут волки? Ты же видел росомахат, что у Пули жили. Вполне дружелюбные звери.

ГЛАВА 19

Месть

За неделю весть о том, что росомаха загрызла человека, облетела не только деревню, но и все охотничьи участки. Кто-то поверил, кто-то нет, но в разгар промыслового сезона, который кормит семью весь год, отвлекаться на облаву мужикам было не с руки. С жаждающим возмездия Антоном согласился пойти лишь его одноклассник Михаил.

Горбушка солнца едва пробил горизонт, а парни уже шагали по заваленной снегом лесной тропе, по очереди про-

бивая лыжню. Шли молча и, лишь пройдя километра три, сели на поваленный ствол передохнуть.

Насторожённо прислушиваясь к шепуршащим по берёзовой коре поползням, прикидывали, где может находиться росомаха. Сошлись на том, что она, скорее всего, на гряде, на которой её видел Антон. Поднявшись на неё, сразу наткнулись на старые росомашьи следы. А спустившись в долину соседнего ключа, обнаружили и свежие.

— Сытая, — уверенно заключил Антон.

— С чего ты взял? — удивился товарищ.

— Отец ведь из меня охотника хотел сделать. Всегда рассказывал о повадках зверей. Голодный зверь к каждому кустику, к каждой валежине подходит, обследует, а этот прямо тянет.

Только начали тропить, как на них выскочил лось. От неожиданности он на миг оцепенел, а когда сообразил, что надо бежать, и стал разворачиваться, две пули с глухими шлепками вошли в подставленный бок. Одна из них, как потом выяснилось, пробила сердце. Тем не менее лось пробежал ещё метров сто. Лишь перед подъёмом на косогор ткнулся в сугроб.

Разделав непредвиденный трофей, ребята водрузили голову с лопатообразными рогами в развилку ольхи. Пока прилаживали, одна «лопата» отвалилась. Мясо сложили на нарты. Половину требухи оставили на снегу, а остальное порубили на кусочки и разбросали поблизости. Чтобы наверняка привлечь внимание зверя к приваде, протащили шкуру по пойме там, где следов росомахи было больше всего. Потом спустились по ключу километра на два и поставили палатку. Затопили походную жестяную печурку. Остаток дня жарили печёнку, гоняли чай.

Ближе к вечеру оделись потеплее и отправились к останкам лося — караулить росомаху. Взобравшись по сучьям на кряжистую сосну, устроились на широких развилках так, чтобы были видны все подходы к приваде.

Полная луна хорошо освещала проплешину, на которой лежали шкура и внутренности сохатого. В томительном ожидании прошло несколько часов. Ночная тишина никем не нарушалась. Ребят стала одолевать дрема. Вдруг будто незримая рука коснулась Антона. Открыв глаза, он увидел

мелькнувший между стволов тёмный силуэт. Сердце забилося учащённо. Росомаха! Пришла-таки!

На самом деле это были волки. Они трусили по ароматному следу, оставленному потаском. Впереди — мощный, широкогрудый предводитель.

В это же время к приваде приближался, только с другой стороны, и Топ. По густой насыщенности приносимого ветерком запаха он знал, что впереди его ждёт много мяса, и, предвкушая обильную трапезу, то и дело сглатывал заливавшую рот слюну. Но что это за тени? Ого! Да это же волки! Первый — его старый знакомый — вожак. Топ затаился. И тут раздался чуть слышный металлический щелчок. Матёрый волк, вонзив насторожённый взгляд в то место, откуда донёсся таящий смерть звук, застыл.

Таким и остался он в памяти росомахи. Грянул гром. Молоты по снегу сильными лапами, волк попытался вскинуться и побежать, как обычно, легко, стремительно, но тело не подчинилось. Второй выстрел прекратил его конвульсии...

Топ бросился наутёк. Ему вслед гремели выстрелы. Рядом с ухом что-то просвистело, и стоящая впереди берёза вздрогнула от удара. Росомаху обуял ужас. Лишь одолев изрядное расстояние, перепуганный зверь взобрался на перевал и прилёг. С этого места был хороший обзор, а к нему никто не мог подойти незамеченным. Топ был потрясён: люди, которые всегда были так добры к нему, стреляли в него!

* * *

Обойдя на рассвете окрестности вокруг привады, молодые охотники обнаружили убитого волка. По следам поняли, что росомаха тоже подходила, но ушла огромными прыжками. Разыскивать её без собак не было смысла — перепуганная, она теперь будет тройне осторожна. Вернувшись в село с горой мяса, Антон всё же не оставил мысли о мести. Через неделю он вновь предложил Михаилу повторить попытку, но уже с собаками.

— Где ж их возьмём?

— У Николая Николаевича Пули, отцова соседа, попросим. Он мужик не прижимистый, даст...

— Дядя Коля, я к вам. Выручайте! Лаек на несколько дней надо бы.

— На что тебе?

— Без собак росомаху не взять.

Пуля посмотрел на парня не то с состраданием, не то с чувством.

— Извини, Антоша, не дам. Во-первых, я не уверен, что именно росомаху загрызла твоего отца. Прикинь, если бы она и в самом деле загрызла, как бы он мёртвый на четвереньки встал? Потом, на теле ни единой раны, ни от когтей, ни от зубов. Даже царапин нет! Я же сам его обмывал. А зад, видно же было, вороны расклевали... Давай тогда и их всех пере-стреляем... Перебьём всех в лесу — что ж в том хорошего? Лес без зверей и птиц — мёртвый, увечный! Так что, извини, — собак не дам. К тому же, росомаху нюх им может попортить.

— Эх вы! Часовой природы! А отец считал вас лучшим другом! — парень усмехнулся и пошёл на выход.

Тут Пулю осенило: «Дам-ка ему Амура. Если та росомаху и в самом деле Топ,

то он его в обиду не даст».

— Постой, Антон! Не кипятись! Амура выделю...

Поскольку Михаил и сам Антон не сильны были в зверином промысле, они уговорили пойти с ними Лукьяна: невзрачного, тщедушного мужичишку с рыжей, всклокоченной бородкой. Он, оставив участок под присмотром сыновей, вывез на собаках две туши оленей и, сдав их втихаря Подкове, отсыпался дома.

На просьбу ребят промысловик откликнулся с радостью: Антон обещал в случае успеха подарить отцовское ружьё. У Лукьяна имелись и две собаки, правда, староватые.

Откладывать выход не стали. Отправились на следующий же день.

В дороге бывалый охотник, радуясь тому, что появились благодарные слушатели, не закрывал рта:

— Я всякого зверя добывал, а росомаху не довелось. Хитрющая бестия! У меня на Крутом нынче попались два со-болька и одна норка. И что думаете? Росомаху как будто кто

направлял — вышла точно на них. А ведь там больше пятидесяти капканов стояло. И ведь до чего вредная: есть не ела, а мех подрала... Ну ничего! Нынче сделаем ей козью морду.

ГЛАВА 20

Повезло

Укрытая снежным покрывалом тайга спала. Топ же в последние дни почти не смыкал глаз. А когда задрёмывал, сон был поверхностным. Неясная тревога поселилась в его сердце. Хоть и не много у него врагов, он всегда начеку: нос нервно подрагивает, небольшие ушки ворочаются, как локаторы, общая хозяину о малейших изменениях в окружающем мире.

Что это треснуло? Топ приподнял голову и оглядел вырубленный ещё во времена леспромхоза склон. Среди стволов молодого подростка мелькали тёмные силуэты людей. Они шли, выставив вперёд громобойные палки. Рядом молча трусили собаки. Две передние были незнакомы ему, а вот последняя похожа на Амура. Точно, Амур! Насторожённость несколько ослабла.

Выйдя на росомаший след, собаки с лаем понеслись не разбирая дороги сквозь кустарник. Амур по запаху давно понял, что они идут по следам Топа, и радовался скорой встрече с ним. По его разумению, ему предстояло догнать и привести друга домой. Однако в поведении охотников чувствовались иные намерения: от них исходил запах злобы.

Характер лая псов насторожил Топа: в нём слышалась жажда крови. Кого это они преследуют? А лай тем временем приближался. Наконец Топ понял, что зевластые псы бегут по его следу.

Надо уходить!

И тут он совершил ошибку. Вместо того чтобы рвануть вниз, где снежный покров намного глубже, Топ помчался вверх. На покато, почти безлесом увале, резко обрывающемся в соседний ключ, снег выдуло почти до земли, и собаки живо нагнали тихоходную росомаху. Возмущённо фыркая на предавшего его друга, Топ отступил к стоящему на краю обрыва кряжистому кедру и обнажил клыки так, что стал



походить на свирепого демона. Лукьяновские псы отпрянули и, наращивая яростный лай, стали поджидать охотников. Амур же, пытаясь подойти поближе к другу детства, попал под зловонную струю и, дико вереща, закрутился на снегу. Топ, воспользовавшись моментом, забрался на дерево и за-
таился в гуще кроны.

Когда подбежали люди и принялись высматривать его среди хвои, он осторожно спустился с обратной стороны кедра и, спрятав голову между передними лапами, покатился меховым шаром по откосу вниз. Лукьяновские лайки кинулись было следом и почти настигли, но на дне узкой, заваленной снегом долины завязли в пухлой перине.

Вдогонку Топу загрохотали беспорядочные выстрелы. Одна пуля со звуком лопнувшей струны прозвенела совсем рядом. Зверь инстинктивно отпрянул в сторону, но бежать продолжал в своей излюбленной манере: несколько боком и как бы сутулясь. При этом выбирал участки с самым глубоким снежным покровом. Достигнув устья ключа, он опять поднялся в горы и залёг в курумнике. Топ был в смятении. Он не понимал, почему его хотят убить?

* * *

— Росомаху по такому снегу не догнать, — объявил Лукьян. — Ей-то что, лапы широченные.

Пытаясь ободрить Антона, добавил:

— Не расстраивайся, утро вечера мудренее. Завтра чего-нибудь придумаем.

— Думай не думай, а за Амура мне от Пули попадёт, — пробурчал подавленный Антон.

Ветер тем временем сменил направление, мороз крепчал. Пар от дыхания густо оседал на суконных куртках и меховых шапках мелкими кристалликами, взъерошенная шерсть собак заиндевала. У Антона с Михаилом побелели носы.

Короток зимний день. Ещё короче сумерки. Замёрзшие охотники спешили найти затишок для ночёвки. Остановив выбор на береговом кармане, Лукьян скинул котомку, расправил уставшие плечи.

— Шабаш, ребята! — выдохнул он. — Теперь можно и чайку испить. Воды, Миша, набирай в пропарине, из снега чай невкусный. А я пока костром займусь. Продрог чтой-то.

Воткнув наклонно ореховую палку с вырезанной зазубриной на конце, Лукьян повесил над огнём котелок, наполненный ключевой водой. Смахнул с валуна снег и, положив на него рукавицы, уселся, как на лавке. Ребята накидали лапника, расстелили меховые спальники и устроились рядом.

Антон достал из котомки хлеб, сало, лук. Крупно нарезал и разложил на чистой холстине. Лукьян торжественно водрузил в центр «стола» бутылку водки. Перехватив удивлённый взгляд Михаила, пояснил:

— Подкова иногда подкидывает... Сегодня мне пятьдесят три стукнуло. Отметим?!

Не дожидаясь ответа, отработанным движением набулькал в кружки. Выпили, крикнули, закусили. После второй Лукьян достал мёрзлой оленины и настрогал тонкие перламутровые завитки.

— Налетай! Лучше закуси нет! От сырого мяса вся сила! — приговаривал он, с наслаждением отправляя в рот строганину, щепотка за щепоткой.

Выпив третью, промысловик разоткровенничался:

— Я ведь чего из тайги вышел? В последнее время не могу тушки обдирать. Принесу пару, а то и три хвоста, вроде радоваться надо — хорошие деньги, а как представляю, что нужно шкурку снимать, так меня воротить начинает. Рука не поднимается...

— Дядя Лукьян, это вы к чему?

— Да так... о своём... Давай ещё по маленькой.

Вот и вторая бутылка опустела. Наскоро поставив палатку, забрались в мешки спать. Похмелившись утром, весь день так и провалялись: дремали, гоняли чай из чаги.

— Ребята, — заговорил Лукьян, наполняя очередную кружку живительным напитком. — А росомаха ведь в чём-то похожа на нас, промысловиков. Тоже из конца в конец по тайге мотается. Ежели за кем пошла, будет преследовать, пока не уморит вконец. И участки у неё не меньше наших. Только охотится больше в сумерках, а мы посветлу.

— Да уж! Ходок она непревзойдённый, — проворчал Антон.

— Знаешь, Антоша, не люблю я этих вредин, но, ежели честно, очень сомневаюсь, что росомаха повинна в смерти твоего отца. К мёртвому, конечно, могла подойти, а чтоб на человека напасть, даже раненого, это вряд ли.

— Сговорились вы, что ли?! Сначала Пуля мозги мне парил, теперь вы, — вспыхнул Антон. — А меня понять кто-нибудь может?

— Сынок, успокойся. Тебе ум застала боль от потери отца. Думаю, он не одобрил бы... Так ведь и зайца можно обвинить, ежели тот вокруг побегал.

— А я слышал, что ханты росомаху очень даже почитают. Говорят, что она — одичавший снежный человек, — неожиданно изрёк Михаил.

— Всё, хватит! Закрыли тему. Не хотите помогать, не надо! Без вас разберусь, — разозлился Антон, хотя уже и сам начинал сомневаться в своей правоте.

— Ладно, не обижайся. — Лукьян, примирительно хлопал Антона по плечу. — Давай лучше спать...

Ночью выпал небольшой, воздушной мягкости снежок. И утром с низких облаков продолжали лениво падать невесомые снежинки. Идеальные условия для тропления! Позавтракав, охотники возобновили поиски. Во второй половине дня, пройдя километров десять, вышли на свежий, ещё не застывший след.

Гоняя ночью зайцев, Топ исколесил пойму в этом месте вдоль и поперёк.

— Больно много следов. Может, ещё какая забрела? — предположил Михаил.

— Не! Одна набегала. А топанины много, оттого что росомахи по своим следам не ходят, всё по целине, — пояснил Лукьян.

Промучившись до вечера, охотники так и не смогли найти выходной след. Темнело. Опять подошла пора вставать на ночёвку.

К рассвету снег усилился. Видимость упала, следы засыпало. Высунув голову из палатки, бывалый промысловик почесал бородёнку:

— День пропал. Что делать будем, робя?

— Так, может, домой? — с робкой надеждой подал голос Михаил.

— Я что? Как Антон Карпыч решит.

Антон, непривычный к походной жизни, уже и сам думал лишь о том, как, не осрамившись, выйти из щекотливой ситуации, в которую сам себя и загнал. Мёрзнуть ещё одну ночь в палатке в отсыревшем спальнике было выше его сил.

— Пуганули мы росомаху изрядно. Теперь она людей за версту обходить станет. Будем паковаться.

— Верно мыслишь, — поддержал Лукьян и, видя, с каким облегчением вздохнул Михаил, едва сдержал улыбку.

ГЛАВА 21

На промысле

Подкова уже который год пятого и двадцатого числа каждого месяца приезжал с автолавкой в Верхи. Сегодня как раз был один из таких дней. Раздав почту, пенсию и то, что было заказано в предыдущий приезд, он не остался ночевать в посёлке у приятелей, коих у него было немало, а поехал на свой промысловый участок.

По дороге в село он уже побывал там: проверял капканы, расставлял на тропках и у привады новые. Снял двух соболей, а всего с начала сезона на его счету было уже пять хвостов. Сейчас же на участок торопился из-за ночного снегопада, завалившего капканы на подрезку.

Ехал на пониженной передаче: дорогу снегом выровнял так, что колея едва угадывалась. Ориентировался по подступающим с двух сторон деревьям.

Крутя баранку, гадал: «Попался ли кто за прошедшие сутки или нет?..» И сам себе отвечал: «Вряд ли. Штатные говорили, что в снег ни колонок, ни соболей не ходят».

Подъехав к ключу, по берегу которого вилась к зимовью расчищенная им тропа, заглушил двигатель, надел окамусованные лыжи, закинул за плечи рюкзак и широко зашагал. Выйдя на прямой участок заснеженного русла, обратил внимание на две скачущие чёрные точки. На фоне красноватобурой коры кедра они на миг превратились в белаяка. За ним пробежала россомаха.

Это был Топ. Увидев человека, он от неожиданности присел и, сгруппировавшись, пружиной метнулся обратно. Сзади громыхнуло. Резкая боль ожгла голову. Кровь начала заливать глаза. Чтобы стереть её, Топ на ходу тыкался в снег. Остановился, только когда отбежал достаточно далеко. Опершись передними лапами на присыпанную снегом валежину,

прислушался. Убедившись, что погони нет, закопался в мягкую, сыпучую перину.

События последних дней с завидным постоянством убеждали Топа в том, что люди стали жаждать его смерти. Он на всю жизнь запомнил круглое лицо ранившего его двуногого.

Обнаружив через две недели Круглолицего на своём участке, Топ решил понаблюдать, чем этот человек занимается в его владениях. Проходив за ним весь день, росомаха поняла, что он прячет мясо по пещеркам, устроенным в снежных кучах, и около них закапывает какие-то железки. Когда стало смеркаться, обидчик вернулся в бревенчатое логово, а утром прошёл к широкой тропе и уехал на огромном рычащем дымом чудовище в сторону бесконечной равнины.

Это обрадовало Топа. Охота не ладилась, а в схронах двуногого было припрятано много мяса. Теперь можно было безбоязненно съесть его. Настораживало только то, что Круглолицый всегда оставлял возле своих тайников какие-то железки. Интуиция подсказывала — в них может таиться опасность.

Подойдя к ближайшей снежной куче, Топ тщательно обнюхал вход в пещерку. Пахло смолой и мясом. Запаха железа не было. Он успокоился — значит, двуногий здесь железку не поставил — и уверенно шагнул. В тот же миг снег вспучился, и переднюю лапу пронзила боль. Зверь отпрянул, но железная челюсть не отпускала. Охваченный ужасом Топ рванулся что было силы и, сдирая шкуру, освободил зажатые пальцы.

Ему повезло — этот капкан предназначался для поимки более мелких зверюшек. Тронь он мясо в следующем амбарчике — несдобровать бы ему. В том, что росомаха не учуяла запах железа, не было ничего удивительного. Подкова, по совету бывалых промысловиков, перед установкой капканов опускал их в кипяток с расплавленной смолой. После такой процедуры покрытая янтарной глазурью ловушка железом уже не пахла.

Потрясённый Топ стал обходить стороной кладовые Круглолицего. Его неприязнь к этому человеку переросла в ненависть.

ГЛАВА 22

ЧП на дороге

Промысловый сезон близился к завершению. Охотники вразнобой возвращались в село. Кто с богатыми трофеями, кто с не очень. Но в целом план по пушнине и заготовке мяса госпромхоз выполнил. Сдав охотоведу добытые за четыре месяца меха, промысловики получили небольшой аванс и занялись накопившимися за зиму в домашнем хозяйстве делами. А для Степана Ермиловича настала самая напряжённая и ответственная пора. Он тщательно разбирал и сортировал принятую пушнину по цветам, сортам. Складывал получившиеся «пачки» в мешки. Как только сошёл паводок и дорога чуть подсохла, загрузил всё это богатство в коляску служебного мотоцикла «Урал» и поехал в город сдавать мягкую рухлядь на меховую базу.

Дорога через марь местами была размыта вешними ручьями. Степану приходилось останавливаться и заваливать эти промоины травянистыми кочками и сушинами. В итоге до города добрался лишь под вечер. Переночевав у однокурсника-кинолога, со вторника по четверг занимался сдачей пушнины. Спорил, добивался справедливых цен по каждой шкурке, оформлял передаточный акт, уточнял график расчётов. В итоге удалось почти полностью отстоять не только сортность и цветовые категории, но и получить приличный аванс. Договорились, что полный расчёт будет произведён после завершения пушного аукциона.

В пятницу полдня пробегал по кабинетам областного охотуправления: выписывал бланки для летнего и зимнего учёта, журналы ежедневных наблюдений, а главное — получил, наконец, свою зарплату за три месяца. Степан на радостях накупил полную коляску продуктов и всевозможных городских вкусностей к предстоящему совершеннолетию дочери. Пообедав в столовой, выехал в Верхи.

Степан любил прокатиться с ветерком. Но отвести душу была возможность лишь на пятнадцатикилометровом участке от города до моста. Прямая, как стрела, дорога в этом месте шла по высокому лесистому берегу. Доехав до заветного места, охотовед крутанул ручку газа до упора и помчался так, что в ушах засвистело.

И надо ж было такому случиться — наперерез ему из чаши выскочили лосиха с лосёнком. Чтобы избежать удара, Степан вынужден был резко взять влево. «Урал» занесло, и гружёная коляска стянула его на край обрыва. Мотоцикл полетел, куврыкаясь, в воду. Степана спасла хорошая реакция — успел прыгнуть. Вскочив на ноги, он подбежал к обрыву.

Напористое течение уже подхватило «железного коня» и со скрежетом волочило по камням. Впереди наперегонки неслись, исчезая и вновь выныривая, пакеты, коробки. Степан побелел: там же сумка с деньгами!

Хватаясь за кусты, он скатился вниз. Тем временем «Урал», вытолкнутый мощным сливом на столообразный валун, застыл на нём, как корабль на рифах.

Пробежав вперёд, Степан обогнал пльвищие коробки и, не раздеваясь, кинулся им наперерез. Выхватывая их из прозрачной воды, перекидал на берег. Пристально всматриваясь, он простоял в ледяной воде ещё минут пять, но сумка с деньгами так и не появилась. По дну притащило лишь батон колбасы.

«Сумка тяжёлая, могла застрять между камней, зацепиться ремнём за корягу или выступ», — прикинул Степан и двинулся вверх по руслу, внимательно оглядывая каждый сантиметр дна. Нашёл ещё пару банок консервов, а вот сумки нигде не было.

«Может, она так и лежит в коляске?» — подойдя к подрагивающему от напора воды верно прослужившему двенадцать лет мотоциклу, охотовед заглянул в люльку. Фартук разорван, внутри пусто. Даже сидушку вышибло. Не доверяя глазам, Степан прощупал рукой каждую выемку, как будто сумка могла спрятаться в них.

«Наверное, она выпала и застряла на месте падения», — предположил охотовед и пошёл вверх по течению, тщательно осматривая дно. На месте приводнения мотоцикла обнаружил лишь деревянный ящик с инструментом. Почувствовав в ногах ломоту от студёной воды, Степан вышел на берег и побежал к шумевшему в метрах двухстах мелкому галечно-му перекату — если сумку унесло течением, то она должна была застрять на нём. Увы, на гальке белела лишь размокшая коробка с зефиром.

Степан прошёлся ещё несколько раз по речке вверх, вниз. Безрезультатно. Ноги опять нестерпимо заломило. Выйдя на берег, надёргал сухой травы и сунул её под кучу сучьев, нанесённых в половодье. Доставая из нагрудного кармана зажигалку, нащупал похрустывающую пачку — там была его зарплата. Приободрённый Степан вздохнул: хоть эти деньги уцелели!

Через минуту костёр полыхал в полную силу. Развесив на воткнутых в песок палках штаны, носки, сапоги, охотовед собрал уцелевший груз и разложил его вокруг огня для просушки. Всё делал автоматически, без конца поглядывая на речку: вдруг сумка проплывёт.

Согревшись, опять зашёл в воду, но в косых лучах заходящего солнца она вглубь уже не просматривалась. Стало ясно, что поиски придётся отложить до завтра. А пока солнце не совсем село, лучше осмотреть мотоцикл: можно ли восстановить его?

Осмотр ещё больше расстроил Степана. Удар был настолько силён, что выбило половину спиц из колёс. Проржавевшую раму в двух местах разорвало, руль погнуло, а бока искорёжило так, будто по ним кувалдой били.

«Даже на запчасти не сгодится... Ну, с «Уралом» как-нибудь разберусь, а вот деньги мужикам где взять?.. Деньги немалые... Нет, завтра, как солнце поднимется, буду искать, пока не найду. Не иголка же... А если не найду?.. Придётся занимать. У кого?.. Как не вовремя всё это. Послезавтра у Маруси день рождения!» — пронеслось в голове.

Степан вышел на берег и нервно заходил взад-вперёд. Мысленно перебрав всю родню и знакомых, он пришёл к выводу, что занять можно будет только у Подковы. Тот частенько ссужал сельчанам под проценты. Но даст ли он такую крупную сумму?

Надев подсохшую одежду, Степан задумался: где ночевать? До города километров тринадцать. Если быстрым шагом — часа два. А на попутке вообще минут десять. Правда, шансов на неё мало — за всё время лишь две машины прошумели.

Поколебавшись, Степан всё же решил идти в город: ведь и начальству надо доложить о случившемся. Спрятав выловленный груз в кустах, он поднялся на дорогу.

Начальник охотуправления рассказ Степана об аварии и порче бланков выслушал на удивление спокойно.

— От беды, Степан Ермилович, никто не застрахован. Слава богу, сам цел. Бланки вообще не проблема. Мы их в типографии сразу на три года отпечатали. Да и мотоцикл твой давно пора списать — два срока отслужил. Все уж поменяли, а ты всё ездешь... Пиши объяснительную, дальше моя забота. Начальник ГАИ свой человек. Думаю, с учёта снимем без проблем. Вот только дать тебе взамен пока нечего.

Степан не верил своим ушам: так просто разрешилась одна из двух проблем. Он почему-то сразу уверовал, что, вернувшись, найдёт и сумку. Воодушевлённый тем, что не придётся обращаться к Подкове, он заторопился к речке. Но, как в народе говорят, лишь чёрта помяни, он тут как тут. Сзади послышалось натужное урчание мотора, и из-за поворота выкатился на малом ходу знакомый ГАЗ-66.

Увидев охотоведа, Семён Львович притормозил.

— Здравствуйте, Степан Ермилович! Какими судьбами?

— Пушкину сдавал.

— На вас лица нет. Заболели, что ли?

— Да нет... Мотоцикл вчера угробил... В речку с обрыва слетел. Иду посмотреть, что на запчасти можно снять.

— Неприятная история. Сочувствую! Далеко идти-то?

— До поворота на мост.

— Садитесь, подброшу.

Вода в реке за ночь поднялась и сильно помутнела: похоже, в верховьях прошёл обильный дождь. Искать что-либо в такой мути было бесполезно. Оставалось одно — просить деньги у Подковы. Степан не стал ходить вокруг да около и откровенно рассказал ему о своей беде.

Когда озвучил необходимую сумму, экспедитор аж присвистнул. Вообще-то он обрадовался, но виду не подал. Причина радости была проста. Подкова давно мечтал заполучить лайку охотоведа. И неудивительно — Мавр имел столь выдающийся экстерьер и навыки, что редко с какой выставки возвращался без медали. К Степану он попал щенком от того самого одnogруппника, у которого ночевал в городе. Его отец,

известный в стране кинолог, всю жизнь занимался селекцией западносибирских лаек.

Семён Львович понимал, что охотовед ни за что не продаст своего медалиста, а тут такой подходящий момент. Теперь главное — грамотно подвести Степана к нужному решению. Что-что, а вести переговоры прожжённый коммерсант умел.

— Да-а уж! Влипли вы, Степан Ермилович, как кур в очки! — Проникновенно вздохнув, Подкова продолжил: — Вот вы, поди, думаете, Семён деньги лопатой гребёт. А я ведь в Верху иной раз в убыток езжу. Знаешь, сколько бензина за рейс жгу? Так он ещё каждый квартал дорожает. А я за все годы ни разу закупочные цены не снизил... А машина! Удивляюсь, как она на таком бездорожье до сих пор не развалилась! Да что тебе объяснять — сам ездись... Двигатель давно пора менять, но никак не наберу нужной суммы. Всё по мелочам расходуется. То резина облысела, то радиатор потёк, то аккумулятор сдох. Контора-то на ремонт ни копейки не даёт. Говорят: «Ты на хозрасчёте».

— Семён Львович, я всё это понимаю, но больше не к кому обратиться! Выручай! На тебя вся надежда. Не подведу. За год, максимум за два, рассчитаюсь с процентами.

Подкова, выдержав паузу, пошёл в атаку:

— Ермилыч, ты же знаешь, охотник я зелёный, а участок на отшибе. Вокруг ни души. Страшновато одному. Голковая собака хотя бы на первое время позарез нужна. Вот если бы ты Мавра на годик дал, я бы тоже постарался.

Степан опустил голову. Задумчиво водя рукой по лицу, зашуршал щетиной. Собака для него была главной отрадой. Любил он её до дрожи в груди. И Мавр отвечал безоглядной преданностью. Сколько раз, рискуя не только шкурой, но и жизнью, выручал! Но, похоже, выхода нет: придётся согласиться! «Не навсегда ведь», — уговаривал он сам себя, а вслух сказал:

— Семён Львович, ты ж понимаешь, собака — это не ружьё и не машина. Собака — существо особое. Она привязанность имеет. Не знаю, примет ли тебя?

— Ты не переживай. Я цену Мавра знаю, уж как-нибудь подлажусь.

Степан опять задумался, взвешивая все «за» и «против». Он понимал, что занять такие деньги больше не у кого. После недолгой внутренней борьбы произнёс осевшим голосом:

— Согласен. А как быстро ты всю сумму сможешь набрать?

— Часть у меня есть, а остальное, думаю, друг даст. К нему съездим и сразу в Верхи...

ГЛАВА 23

Предательство. Побег

Когда автолавка подкатила к степановскому дому и двор уверенно зашёл Подкова, у Мавра почему-то похолодело в брюхе. Пёс нутром почуял беду. Улыбчивый, с розовой лысиной человек в потёртом синем халате, противно пахнущий одеколоном, ему никогда не нравился. Его неуловимый, скользкий взгляд вызывал у Мавра озноб, словно от сквозняка. Особенно встревожило лайку то, что хозяина будто подменили: он непривычно ссутулился, взгляд был хмурым и каким-то потерянным. Собака заглянула ему в лицо: «Что случилось? Чем помочь?» — спрашивала она и, виляя хвостом, демонстрировала готовность исполнить его любое желание.

Степан отвёл глаза и, тяжело вздохнув, прошёл в дом. Вернулся с красной папкой. Мавр сразу узнал её: с ней они всегда ездили на собачьи выставки.

«Значит, ничего страшного, куда-то поедем».

Но хозяин почему-то передал её Лысому, и они сели за стол под кустом обильно цветущей сирени. Сначала что-то писали, потом долго считали, складывали в пачки разноцветные бумажки. Мавр знал, что за них хозяин получит от Лысого кучу разных пакетов. В одном из них обязательно будут любимые им сладкие камушки.

Он с нетерпением ожидал этого момента. Бумажек много, значит, угощение будет щедрым. Но хозяин почему-то унёс их все в дом. Вернувшись, подошёл к Мавру, обнял за шею, погладил по спине. Поцеловав в нос, прошептал:

— Прости, Мавруша, но по-другому никак.

Степан встал и подвёл лайку к столу, за которым сидел Подкова.

— Это твой новый хозяин! Слушайся его, — отчётливо, с расстановкой произнёс он.

Мавр, поняв, что его отдадут в чужие руки, возмущённо зарычал, резко попятился: «Я не согласен!» Пёс был уверен, что хозяин одумается и отменит своё решение: ведь он всегда служил ему верой и правдой!

— Гляди-ка! Понял! — пробормотал Подкова.

Взволнованный Степан, едва сдерживая дрожь в голосе, твёрдо повторял:

— Иди, Мавр! Иди! Иди!.. Теперь он твой хозяин.

Не головой, а необъяснимым сверхчутьём Мавр понял, что должен выполнить команду. Он приник к ноге Степана, потёрся об неё плечом — это означало: «Тяжело, но подчиняюсь».

Охотовед благодарно потрепал лайку за загривок и, передав поводок Подкове, решительно подтолкнул растерянного пса к калитке. Семён Львович чтобы расположить его, хотел было погладить пса, но, заметив в его глазах сатанинский блеск, передумал.

— Не укусит? — спросил он с тревогой.

— Как вести себя будешь, — горько улыбнулся Степан. Помолчав, добавил, напирая на каждое слово: — Главное, не обижай. Собака — существо преданное. Её обидеть — большой грех.

— Не беспокойся! Притрёмся! — заверил Подкова и осторожно, как бы проверяя настрой Мавра, всё же провёл рукой по спине. Лайка внутренне напряглась, но стерпела.

— Я тут намордник на всякий случай прихватил. Надену пока.

— Валяй, коли взял.

Намотав на руку поводок, прикреплённый карабином к ошейнику, Семён Львович повёл собаку к машине. Мавр не сопротивлялся, но у калитки обернулся, всё ещё надеясь, что хозяин его позовёт. Но того уже не было.

Посадив лайку в кабину, Подкова без задержки выехал из Верхов. Ему надо было ещё заехать на участок. Подремонтировать там крышу промысловой избушки.

Оставив, как обычно, машину прямо на дороге (кроме него и Степана тут мало кто ездил), закинул на спину рюкзак с провиантом, на плечо — обёрнутый полиэтиленом рулон рубероида и, взяв на поводок Мавра, зашагал к зимовью.

Когда переходили ключ, из-под поваленной осины выскочила лиса. Ринувшийся за ней Мавр с такой силой дёрнул поводок, что Подкова, влекомый тяжёлым рулоном, со всего размаха впечатался лицом в сырую землю.

Очищаясь от налипшей грязи, он прохрипел: «У, сука, убью!» Эти слова Мавру не были знакомы, но в их интонации слышалась такая злость, что шерсть на загривке вздыбилась, а в горле вскипело рычание. Момент был серьёзный.

— Ты чего?! Виноват, а ещё крысишься! Раз такой прыткий, сам тащи эту дуру!

Подкова достал из рюкзака верёвку, сложил её пополам. Свободные концы привязал к рулону, а петлю, накинув на загривок собаки, пропустил под мышками передних лап. Приученный таскать нарты, Мавр спокойно потянул чёрное «бревно» по лесной тропе. Оно то и дело застревало между стволов, и тогда Подкове приходилось подправлять рулон. В одной из низинок рубероид скатился в заиленную лужу и засел в ней столь крепко, что Мавр, пытаясь вытащить его, порвал верёвку. Подкове пришлось лезть в болотину, связывать её, и вместе с собакой вытягивать рулон.

Весь перепачканный, он, срывая раздражение, со всей силы пнул пса. Тот, обнажив два ряда острых зубов, зарычал и посмотрел с такой угрюмой свирепостью, что Семёна Львовича будто огнём опалило. Это окончательно вывело его из себя. Притянув лайку за поводок к стволу берёзы, он отломил от сухостоины увесистую ветвь и стал наносить собаке удар за ударом. Один из них пришёлся по чувствительному носу. Мавр аж взвыл от боли. Ещё удар, ещё!

— Не смей так смотреть!.. Не смей так смотреть! — орал Подкова, в ярости брызжа слюной.

Пёс понял: если не смириться, то Лысый может забить до смерти. Он опустил голову и заскулил. Человек удовлетворённо просипел:

— То-то!

Немного поостыв, добавил:

— Давай шагай, осталось немного...

Мавр никогда не симпатизировал Лысому, но после этого инцидента просто возненавидел его. Подкова же, довольный результатом воспитания, шёл в приподнятом настроении.

— Ну, вот и прибыли! — произнёс он, по-хозяйски оглядывая избушку, лабаз.

Привязав собаку под пихтой, бросил ей кусок ливерной колбасы и принялся за работу. Подправил дверь, оббил тонкой жестью четыре столба, на которых стоял лабаз, — дабы мыши не могли взобраться до сложенных на нём припасов. После этого перекрыл новым рубероидом порванную упавшим деревом крышу, трубы замазал глиной. Закончив работу, сварил кашу, поел сам и поставил полную миску лежащей под деревом лайке. Но та даже головы не повернула. Ливерная колбаса тоже лежала нетронутой.

В город выехали утром. На разбитой, пересекающей заболоченную марь, дороге трясло и бросало так, что Мавр едва сдерживал приступы рвоты. Наконец дорожное полотно стало ровней, и собака перевела дух. Город с лесистой гривки открылся неожиданно и сразу весь — от края и до края. Запахи, рокот от проносящихся машин, множество тесно стоящих многоглазых домов Мавру были знакомы. Здесь он с хозяином уже не раз бывал.

Поселили его не в конуре, а в чистом сарайчике на краю обширного двора. Пол застелен войлоком, у двери две кастрюли. Одна с водой, вторая с похлёбкой, заправленной кусками мяса. Рядом несколько сахарных косточек. Такая щедрость удивила Мавра. Да и самого Лысого словно подменили. Заходя в сарай, он безостановочно что-то ласково бубнил. Что именно, пёс не понимал — ещё не привык к его голосу. Всё это для Мавра было странным и необъяснимым.

Причина такой перемены в поведении была проста. Если б Мавр мог посмотреть на себя со стороны, то он непременно восхитился бы совершенством своего экстерьера. Подкова и взял лайку не столько для охоты, сколько для заработка на случке. Прекрасная родословная и девять медалей, из них четыре — золотые, на региональных выставках гарантировали хороший доход от Мавра как производителя.

На пятый день непривычного внимания и мясного изобилия к дому Семёна Львовича подкатила сверкающая машина. Из неё вышла солидная парочка с молодой, изящной лайкой

на поводке. Подкова одел Мавру намордник и повёл через двор к гостям.

Послушно следуя за ним, пёс изучал обстановку: калитка закрыта, забор невысокий, лес рядом. На светло-серую сучку и стоящих рядом с ней людей глянул мельком. Всё его внимание было сосредоточено на том, чтобы не упустить удобный момент для побега.

Хозяева лайки внимательно осмотрели кобеля. Мужчина, от которого исходил дурманящий запах, попросил Подкову открыть собаке пасть. Тот, погладив Мавра, снял намордник. Пёс без слов понял, что от него требуется, и с гордостью продемонстрировал ослепительно-белые, здоровые зубы. Все довольно заулыбались. Семён Львович — шире всех.

— Умница! — не удержался, похвалил он. Струющаяся улыбка не сходила с его лица. — А нюх у него такой, что любую вещь найдёт. Сейчас убедитесь.

Подкова дал Мавру понюхать ключ и, накинув ему на голову платок, отбросил его метров на пятнадцать. Отстегнув поводок от ошейника, приказал:

— Ищи!

Мавр понял, что удобный момент настал. Он прижался к своему обидчику боком и, задрав заднюю лапу, помочился на брюки. Ошеломлённый Семён Львович принуждённо засмеялся:

— Какой шалун!

Пёс тем временем триумфально прошествовал мимо остолбеневших гостей и одним махом перепрыгнул через ограду.

Скорей, скорей в спасительный лес! Скорей, скорей под его защиту!

Оказавшись в зелёной чаще, Мавр понёсся, перепрыгивая через валежины, пни, огибая кусты. Вот и дорога. Она была знакома — тут они несколько раз проезжали с хозяином, а совсем недавно — с Лысым. Ободрённый пёс побежал по обочине прочь из города. Сзади послышался знакомый гул — Лысый?! Мавр сиганул в кусты. Точно — он! Машина пронеслась, оставив за собой пыльный хвост.

«Значит, в селе появляться нельзя. Ничего страшного, у них с хозяином есть избушка в лесу. О ней Лысый не знает.

Поживу там. Буду охранять её. Когда хозяин придёт и увидит, что дом цел, он поймёт, что Мавр самый лучший, самый надёжный друг, и больше Лысому его не отдаст» — такая череда рассуждений пронеслась в голове лайки.

Дождавшись, когда пыль осядет, Мавр вышел на дорогу и затрусил по обочине. Вот и речка зашумела. Сразу после моста вправо должен быть съезд на старую лесовозную дорогу. Всё верно — память не подвела!

Пёс был горд собой: удались и мечь, и побег! Теперь можно передохнуть.

ГЛАВА 24

Дружба с Топом

Светает в начале лета рано. Как только засерело утро, Мавр был в пути. Одолев по марям изрядное расстояние, увидел горы. Где-то в первой гряде должно быть логово Лысого. От него надо держаться подальше. Лучше обойти отрог и до хозяйского участка пробираться лесом. Бежалось так легко, что пёс и не заметил, как достиг цели. Тут всё знакомо. Под защитой патлатых кедров на прогалинах белели пышные клубы ягеля, атласно зеленели плотные листики брусники. На полянке — потемневшая от дождей избушка. Под обрывистым берегом — широкое полукружье серой гальки, намытое вытекающим из распада ключом.

Мавр помнил, что под крыльцом должна лежать припрятанная им зимой сахарная кость. «Попирую под навесом!» — размечтался он.

Увы! Его ожидало разочарование: кость сгрызли мыши, его любимый угол засыпало наметённым ветром мусором, затянуло паутиной. Всё выглядело уныло и неустроено. Ожидаемой радости не получилось. Наоборот, на душе стало прескверно. А каково ещё может быть собаке, привыкшей получать утром и вечером полную миску еды, привыкшей, чтоб её мыли, вычёсывали, смазывали ранки и ссадины? Теперь же пищу надо было добывать самому. Охотясь в паре с хозяином, Мавр хорошо умел находить зверя по запаху, держать его до подхода охотника, а вот умерщвлять хозяин

ему не позволял. Даже наоборот, как правило, отгонял его от загнанной добычи и, сделав несколько щелчков фоторужьем, шёл дальше.

Чтобы утихомирить желудок, он сжевал пару клубков ягеля. Невкусно, но голод ослаб. Мавр прилёг на крыльце и задремал. Во сне ему привиделась сахарная кость. Он жадно принюхался. От неё почему-то пахло росомахой. От расстройства пёс даже открыл глаза. Кость исчезла, а вот запах, наоборот, окреп. Похоже, росомаха совсем близко. Лайке даже показалось, что ощущает её взгляд... Точно! Вон в листе блеснули чёрные бусинки, донёсся шелест удаляющихся шагов.

Связываться с вонючкой у Мавра не было желания: в памяти были ещё свежи уроки прежних лет. «Хорошо, что ушла», — обрадовался он и спустился к ручью. Напившись воды, прилёг на песчаном бугре: на нём комарья поменьше. Тут ушиловили лёгкий скрежет гальки. Пёс напрягся. В прибрежных кустах смородины мелькнул тёмный нескладный силуэт. Мавр оторопел — росомаха шла прямо на него.

«Ну что ж, буду биться! К зимовью подпускать нельзя», — решил он и принял боевую стойку.

Росомаха же шла спокойно, не проявляя признаков агрессии. Более того, Мавру показалось, что она рада их встрече. Что-то в её дружелюбном взгляде напомнило ему одного из двух росомашат, которых они с хозяином прежде не раз навещали. Неужели это Топ?! Точно! Он!

Топ же, сбитый с толку абсолютным сходством Мавра с другом детства, был уверен в том, что перед ним Амур. По его напряжённой позе он решил, что тот всё ещё сердится на него из-за мускусной атаки зимой.

Но вот и собака приветливо закачала из стороны в сторону хвостом-калачом. Топ от радости перекувыркнулся через голову, ещё раз, ещё... Мавр узнал эти коронные прыжки и подбежал к старому знакомому. Только тогда Топ по запаху определил, что это Мавр, а не Амур.

С этого дня росомаха и пёс стали жить вместе: охотиться на пару было легче и добычливей. Особенно на зайцев. Тут они действовали по простому сценарию. Мавр, преследуя бегающего, как правило, по кругу зайца, выгонял его на затаившуюся в засаде росомаху. Топ выскакивал наперерез

и валил косоного. Со временем пёс перенял от россомахи и другие приёмы охоты и стал таким же добычливым, как и его широколапый друг.

Единственное, чему Мавр так и не смог научиться, — промышлять ночью. В этом смысле он был обычным псом, законным сыном той первородной Собаки, которую страх перед темнотой и ненависть к луне привели к пещерному костру и побудили обменять свободу на службу человеку.

Не было дня, чтобы Мавр не вспоминал хозяина. «Может, сбегать в село?» — колебался иногда он. Ведь так много важного надо сообщить ему: о том, что они с Топом охраняют избушку. Что она цела. Правда, во время недавней грозы сорвало навес. Что Топ многому научил его, и теперь он сможет лучше помогать хозяину в охоте.

Как он это расскажет, пса не волновало. Он об этом даже не задумывался. Просто знал, что хозяин поймёт, так же, как и сам он понимал его.

Тропу в село Мавр знал с детства: каждый год по несколько раз пробегал по ней. Но страх оставить без присмотра зимовье каждый раз останавливал его.

Как-то в середине лета он всё же не утерпел и отправился в Верхи. На двери дома висел замок. По совсем слабому запаху хозяина пёс понял, что тот здесь давно не появлялся. Не беда! Выпадет снег, и он как всегда придёт в свою лесную хижину.

Откуда ему было знать, что Степан, чтобы побыстрее рассчитаться с Подковой, продал корову, бычка и, поскольку ягоды и орехи ещё не успели, жил и работал на госпромхозовской пасеке, где у него были и свои ульи. Жена же с дочерью уехали в город: Маше надо было перед поступлением в институт ходить на подготовительные курсы.

ГЛАВА 25

Новый промысловый сезон

С наступлением холодов в тайге появились люди. Вновь зазвучали выстрелы, забрехали собаки. Пока снег был неглубок, охотники промышляли пешим ходом, но после первого

обильного снегопада встали на широкие, окамусованные лыжи. С этого дня белую перину дырявили не унты и валенки, а разрезали на ломти бесконечные витиеватые борозды.

Как раз в эту пору Подкове поспело время везти в Верхи почту, пенсии, заказанные селянами товары. Выехал он не пятого числа, как обычно, а на два дня раньше, чтобы спокойно обойти участок и расставить на путиках капканы. Снег не успел уплотниться, и ГАЗ-66 легко пробивал снежные надувы.

После полудня машина уже стояла у тропы, ведущей к зимушке. Вокруг с едва слышным шорохом сыпал мелкий крупчатый снежок. Белая пелена радовала кружевами заячьих следов и лосиных набродов. Из-за удалённости от села на его участке много лет не промышляли. Обитатели тайги быстро вычислили эту зону покоя, и зверья тут было заметно больше, чем на других угодьях. Пока шёл к избушке, настрелял рябчиков для еды и для приманки.

В зимовье было стыло, неприятно, пахло затхлым: как-никак больше месяца не заглядывал. Набив в железную печь смолистых поленьев, запалил бересту. Не прошло и трёх минут, как пламя забушевало в тесном чреве. Бока быстро раскалились до малинового цвета. Таёжное жилище под весёлое потрескивание поленьев ожило, задышало. Очищаясь от затхлости, быстро наполнялось жилым духом. С потолка посыпался отмякший иней. Подкова весь остаток дня разбирал капканы, регулировал, подпиливал сторожки — готовил их к установке.

К вечеру избушка приобрела жилой вид. Бревенчатые стены высохли, посветлели. На столе задымилась картошка и поджаренный на сале рябчик.

Попив чай, Семён Львович загасил керосиновую лампу и забрался в спальник. В приоткрытую дверцу из-под хлопьев седого пепла ему приветливо подмигивали угли. Пара головешек ещё хранила невысокое ровное пламя. За бревенчатой стеной посвистывал, нащупывая щели, ветер, а в зимовье тепло, приятно...

Плотно позавтракав, Подкова сложил в рюкзак капканы, куски привезённого с собой мяса для привады; в боковые карманы сунул сало, хлеб, термос с чаем и отправился бить

путик. Ниже порога, дымящегося молочными завитками, речку уже перехватило крепким льдом. Придерживаясь за ломкие на морозе ветки краснотала, Подкова съехал на него. Ослабив крепление, чтобы в случае чего успеть скинуть лыжи, охотник осторожно засеменял по льду. Он никак не мог понять, на самом деле тот под ним пружинисто прогибается или это ему только кажется. И тут от него во все стороны с треском побежали невидимые стрелы. Подкова осторожно простучал лёд посохом. Да нет, вроде держит! Перейдя на другой берег, обнаружил, что соболевых следов тут намного больше. Вдохновлённый перспективой богатой добычи, он весь день без устали раскладывал приманку и маскировал ловушки.

* * *

Удаляясь в поисках пропитания всё дальше и дальше, Топ с Мавром вышли на свежую парную колею. Исходящий от неё запах им обоим был хорошо знаком: для Мавра это был тот самый Лысый, что в начале лета избил его, Топ же признал в нём ранившего его Круглолицего. Эти запахи-воспоминания у обоих разбередили старые обиды.

По характеру следа друзья легко определили, в каком направлении прошёл их недруг, и направились в обратную сторону — туда, где стояла его избушка. Двигаясь по двойной, ещё не застывшей борозде, они вышли к амбарчику — снежной куче с аппетитно краснеющим в глубине пещерки куском мяса. Он источал такой соблазнительный аромат, что Топ сглотнул слюну. Однако, помня, что мясо в таких пещерках всегда охраняет больно кусающаяся железная пасть, обошёл её стороной. Мавр же, взяв в зубы обломок ветки, смело направился к куче.

Дальнейшие его действия были и вовсе необъяснимыми: он тыкал веткой в снег перед мясом до тех пор, пока тот не вспучился и не раздался резкий металлический лязг. Топ рефлекторно отпрянул. Напарник в это время безбоязненно протянул лапу к мясу. Рядом валялась ветка с вцепившейся в неё железной пастью.

Топ был потрясён. Мавр же в своих действиях не видел ничего особенного. Так всегда «убивал» железные челюсти

его хозяин. У второго амбарчика он повторил эту операцию и, весело покачивая закрученным в бублик хвостом, подошёл к Топу и положил перед ним очередной аппетитный кусок.

Перекусив, друзья продолжили путь. Проделав эту нехитрую процедуру ещё несколько раз, они так наелись, что стали относить добычу подальше и зарывать её в приметных местах. Это отнимало довольно много времени, и до логова обидчика они в тот день так и не добрались. Сытые и довольные, заночевали на полпути.

Весь следующий день Подкова расставлял ловушки на втором путике, а утром третьего уехал в село. Друзья, убедившись, что их недруг уехал, отправились за новыми порциями мяса. Избалованный обилием лёгкой добычи, Мавр теперь расстораживал самоловы выборочно — там, где кусок поувесистей. Наблюдая за его уверенными действиями, Топ осмелел настолько, что решил сам «убить» присыпанную снегом железную пасть обломком ветки.

— У-р-р-р-р-р! Получилось!

Когда он расстораживал следующий капкан, послышался шорох. Росомаха вскинулась столбиком.

— Фу-ты! Ложная тревога!

Оказывается, это белка шелушила еловую шишку. Вон ещё одна, другая... Все выкунявшие*: с почерневшими спинками и посеребрёнными боками, с кокетливыми кисточками на ушках. Хвосты распушённые, бархатистые. Красавицы, да и только!

Когда поднялись на седловину, от амбарчика молнией метнулся зверёк. По шоколадной шубке с серебристыми искорками Топ сразу определил — соболь! На его задней лапе бренчал капкан с цепочкой, тянущейся к стволу берёзы. Увидев росомаху, соболь замер. В его взгляде мелькнула надежда на спасение. Но когда показалась трусившая сзади собака, он зарылся в снег, правда неглубоко — цепочка не пускала.

Поскольку в пещерке мяса уже не было, Топ с Мавром даже не стали подходить.

* Выкунять — сменить летний мех на зимний, при этом мездра (шкура) становится толстой и белой.

Обойдя за несколько дней все амбарчики, парочка расторожила большую часть ловушек. Что-то из привады они съели, что-то прикопали на будущее.

После такой удачной охотничьей эпопеи друзья на какое-то время расстались. Мавр вернулся к зимовью дожидаться хозяина: раз снег лёг, стало быть, скоро придёт. А неугомонный Топ отправился бродить по горам.

Разгуливая по склонам, он время от времени заглядывал на путики и других охотников. Обнаружив амбарчик, долго кружил вокруг, топтался, принюхивался. Убедившись, что человека поблизости нет, подходил и аккуратно расстораживал железную челюсть. Он стал таким привередливым, что мелочь вроде сойки игнорировал: пока птицу съешь — всю пасть пухом залепит.

Попавших в капканы соболей, норок Топ прятал поблизости: выкапывал траншейку и, опустив в неё тушку, забрасывал снегом. Затем, крутясь на месте, трамбовал, ставил пахучую метку. Иногда, для большей надёжности, поблизости делал ещё два-три ложных схрона. Случалось, что его тайниками пользовались рыси. Одну из них Топ застукал. Схватка была упорной. Несмотря на превосходство в размерах, рысь вынуждена была уступить яростному напору возмущённого хозяина.

* * *

Обходя путик, Подкова сначала никак не мог понять: что за чертовщина? Приманка почти везде отсутствовала (осталась только там, где лежала мелкая привада: крылышки, лапки рябчиков), капканы сработали, но в них никого нет. Из металлических дуг торчат лишь обломки веток. Разгадку подсказали следы: везде походила росомаха и ещё какой-то зверь — вроде волк. Точно неопытный охотник не смог определить. Это обстоятельство заставило Семёна Львовича крепко задуматься: от бывалых промысловиков он слышал, что, ежели росомаха повадилась на участок, охоты не будет.

Восстанавливая разграбленный путик, он наткнулся в кедраче на замёрзшего оленя и хорошо натоптанную к нему росомашью тропу. Олень уже был на четверть съеден.

«До чего ж ненасытная! Всё ей мало! Попробую-ка тут капканы поставить!» Подойдя к сбежке, охотник вырезал деревянной лопаткой рядом со следом снежный куб. Вынув его, почистил, утрамбовал площадку уже непосредственно под следом и установил на ней взведённый капкан. Теперь отпечаток следа россомахи от тарелочки капкана разделяла только снежная корка толщиной в сантиметр. Потаск с цепочкой вдавил в пушистую перину, снежный куб вернул на место. Неровности пригладил лопаточкой, а свои следы засыпал снегом, сверху «засеял» для верности воздушными снежинками.

Памятливый Топ сразу обратил внимание на едва заметные нарушения снежного покрова возле его тропки. Чтобы не рисковать, к туше подошёл с другой стороны. Насытившись, ушёл, ступая чётко след в след.

Весь следующий день Подкова обходил Длинный пук, проложенный по гребням отрогов. В избушку вернулся в приподнятом настроении — снял соболюшку. Переночевав, не завтракая, помчался к оленьей туше — не терпелось проверить самый главный для него капкан. Он почему-то не сомневался в том, что зловредная россомаха попала, и даже захватил с собой большой рюкзак.

Подходя, издали всё высматривал вытоптаный в снегу круг и меховое пятно на нём, но вместо этого обнаружил возле оленя лишь свежие следы. Всё ещё надеясь на чудо, Семён Львович приблизился почти вплотную. Увы! Россомаха обошла ловушку стороной, а чтобы он не сомневался в том, что она разгадала его коварный замысел — нагадила рядом.

«О, Боже! — простонал зверолов. — Видимо, запах металла учуяла! Лукьян советовал капканы перед установкой опускать в ключевую воду: из-под корочки льда запах железа не проникает. Надо попробовать!»

Вернувшись в избушку, Подкова взял оставшиеся капканы и окунул их в ближайшую промоину. После того как они заледенели, расставил возле оленя сразу шесть штук: два на подрезку под следами на тропе, остальные на подходах к туше.

Проголодавшийся Топ пришёл на вторую ночь. Приглядевшись, он определил, что на его тропе появились две новые

ловушки. Зверь осторожно приблизился к ним и рассторожил их, как обычно, обломком ветки.

Власть поужинав, гордый тем, что в очередной раз перехитрил своего обидчика, Топ решил отгрызть у оленя ногу и перетащить её в более спокойное место.

Работая челюстями, он подходил к ноге то с одной, то с другой стороны, пытался. Вдруг взвился вверх и тут же рухнул на снег, словно кто-то резко осадил: в заднюю лапу вцепилась железная «пасть» на цепочке. Пытаясь вырваться, зверь беспорядочно заметался и угодил передней лапой в другой капкан.

К счастью, его стальные дуги прихватили лишь когти. Отличаясь поразительной для своих размеров силой, росомеха довольно быстро освободила переднюю лапу. Правда, пришлось пожертвовать двумя когтями. А вот капкан на задней лапе сомкнул челюсти выше широкой ступни и держал намертво. Напрасно Топ рвался, бегал по кругу, зарывался в снежную толщу, грыз ненавистную железку. Многочасовая борьба изнурила его. Настал момент, когда он настолько обессилел, что едва шевелился. Чтобы не замёрзнуть, бедолага вырыл в снегу пещерку и свернулся в ней калачиком.

ГЛАВА 26

Везучий Топ

Утром Подкова шёл к приваде в премерзком настроении. Он понимал, что если обнаглевший мародёр обхитрит его и в этот раз, то лучше оставить охоту. За две последние недели в меховой копилке всего одна небольшая соболюшка. Её не хватит даже на покрытие расходов на капканы. В то же время сам азартный процесс охоты ему всё больше нравился. Даже летом во время поездок в Верхи он всегда на день-два задерживался на участке. Благоустроивал зимовье, расчищал тропы для будущих путиков, пилил сухостой, колол на зиму дрова. А чаще всего просто отдыхал от городской суеты. Но появившийся грабитель порушил все планы, сводил его труды на нет.

Увидев у оленьей туши глубоко вытопанную арену, Подкова просял — наконец-то! — и прибавил шаг.

В боковых стенках утрамбованного круга чернели дыры. К одной из них вела туго натянутая цепочка. Охотник ликовавал: «Хитра, но я хитрее!».

Дрожащими от счастья руками он расширил лаз и вытащил холодную, но ещё не застывшую росомаху. Разжав дуги, освободил лапу. Потом раскрыл рюкзак, чтобы переложить в него добычу. В этот момент лежащий на снегу косматый зверь вскочил и помчался вниз по косогору. Подкова до того растерялся, что, когда схватил прислонённое к дереву ружьё, росомаха уже скрылась.

* * *

Натерпевшийся боли и страха Топ, далеко обходя владения заклятого врага, вернулся к Мавру и какое-то время промышлял вместе с ним. Однако клекотавшая в нём жажда мести не давала покоя. В конце концов он набрался смелости и отправился на разведку. На этот раз лайка последовала за ним. Там, где снег был особенно глубок, они переходили на накатанную тропу двуногого.

Избушка Круглолицего-Лысого встретила их побелевшим от инея окошком. Удостоверившись, что хозяина нет, Топ подошёл к двери. Запустил длинные когти в щель и осторожно открыл её. В нос ударили десятки запахов. Самый сильный из них — ненавистный запах обидчика. Внутри логово оказалось просторней, чем представлялось снаружи. Вдоль стен на полках стояли железные банки, коробки, с потолка свисали туго набитые мешочки, на пристенных крючьях висела одежда. Широкий топчан был застелен шкурами.

Топ первым делом с яростью набросился на вонючий овчинный полушубок, потом переключился на подвешенные к матице матерчатые мешочки. Прыгая со стола, вонзал в них когти и, раскачиваясь, с треском раздирал ткань. Оттуда струйками сыпались мелкие камушки, белая пыльца. Она щекотала, забивала ноздри. Покончив с мешочками, Топ стал драть всё подряд. Мавр поначалу с недоумением наблюдал за другом, но вскоре, заражённый его неистовой яростью, тоже принялся рвать, трепать всё, что попадалось на глаза.

Сбросив на пол стоящие на полках банки, Топ лизнул рассыпавшиеся по полу белые крупинки. Они оказались на-

столько горько-солёными, что он с отвращением зафыркал и зачем-то вцепился в столешницу. Успокоился лишь тогда, когда отгрыз от неё изрядный кусок. А Мавр в это время с аппетитом поглощал мелкие кристаллики, рассыпанные рядом. После неудачной дегустации Топ не решился последовать его примеру. Окропив нары пахучими выделениями, он напоследок выдал лапой оконное стекло.

Озирая результаты погрома, росомаха, сладко жмурясь, вытянула пушистый хвост в одну линию со спиной. Эта поза означала: «Отличная работа!» Мавр согласно помахал хвостом: «Да уж! Постарались!»

* * *

Подойдя к заимке, Семён Львович снял лыжи и принялся старательно отряхиваться от нападавшей с деревьев кухты. Только тут он заметил, что дверь приоткрыта.

Представшая взору разруха сначала ошеломила его, а потом привела в бешенство. В адрес грабителя понеслись такие проклятия и пожелания, что, осуществись они даже наполовину, росомаший род прекратил бы своё существование. Несколько остыв, Подкова обратил внимание на чётко отпечатанный на рассыпанной муке след. Похоже, волчий. Выходит, росомаха бесчинствовала не одна — с ней был волк. Хотя волк с росомахой — это абсурд!

И тут незадачливого охотника прожгла догадка: «Неужели Мавр?! Как же он с росомахой-то сошёлся?.. Стоп, стоп, а не тот ли это росомашонок, что у Пули жил? Тогда понятно, почему он такой наглый».

С этого момента зловредная парочка занимала все его мысли. Как же их изничтожить?! Собак нет, да и стрелок он никудышный. Капканы, как ни обрабатывай, они чувят и, даже попав, уходят. Надо придумать что-то более надёжное.

Наскоро устранив последствия погрома, Подкова поехал в Верхи. Не стал даже проверять капканы — зачем лишний раз огорчаться? И так ясно — добычи в них не будет.

Завершив в селе торговые дела, прошёлся по домам штатных охотников: может, кто чего и подскажет. Из опытных промысловиков застал лишь деда Ермила.

Старик встретил хозяина автолавки насторожено, но за стол всё же пригласил. Пока старуха ставила самовар, пропустили втихаря по маленькой. Видя, что дед подобрел, Подкова рассказал о своей беде, утаив только, что на пару с росомахой орудует собака.

— Да уж! Не позавидуешь тебе. Росомаха — хитрая животи́на. Мне тоже от неё досталось, — тут дед замолчал, раздумывая, дать совет или нет. Поколебавшись, произнёс: — Вот что я тебе скажу. Есть один способ избавиться от неё — яд стрихнин. Но он под запретом. Даже Степан не смог получить. Ежели добудешь — росомахе конец.

— Найду, лишь бы толк был. Мы ведь с разными конторами и городами работаем. Где-нибудь отыщем... А как им пользоваться?

— Проще простого. Берёшь небольшой — так, чтобы сразу в пасть взяла, — кусок мяса, делаешь надрез и таблетку поглубже закладываешь. Тока опосля руки хорошо помой. Дюже опасная штуковина. До войны мой брательник через неё отравился. Три дня блевал. Чуть не окочурился. И ещё: на приваду, штоб птицы не склевали, два-три пера положи, тогда не тронут.

Не сразу, но Подкова раздобыл-таки упаковку стрихнина. Жажда реванша в тот же день погнала его в тайгу. Пройдя по Дальнему путику, он отыскал свежие следы росомахи. Разложив приваду, Семён Львович три дня безвылазно просидел в зимовье — боялся вспугнуть.

Но его задумка сработала наполовину. Приманку со стрихнином съел Мавр. Топа же, обладающего более тонким нюхом, смутил едва уловимый непривычный запах, исходящий от аппетитных кусков мяса. Появившиеся вскоре изменения в поведении друга только усилили его подозрения. Лайка вдруг принялась жалобно скулить. Затем начались конвульсии, сопровождающиеся рвотой. Когда спазмы в желудке отпускали, Мавра начинали одолевать видения.

Вот он, чтобы спасти хозяина, вцепляется в медвежий зад. Вот после удачной охоты подходит к костру, садится рядом с другими собаками и зачарованно наблюдает за изменчивой игрой красных язычков. Вот уже сам хозяин выручает его, застрелив наседающего медведя. Вот они возвращаются

с добычей, пораненные и помятые, полные взаимной любви... И тут до него донёлся неповторимый голос хозяина. Он звучал где-то рядом. Пёс кинулся на голос и провалился в чёрную бездну...

Топ, конечно, не понимал, от чего умер Мавр, но интуитивно связал смерть друга со странно пахнущим мясом.

* * *

Промысловики, завершая сезон, расстораживали последние капканы, опускали пасти, кулёмки. Иные, загрузив волокуши, уже ушли с добычей в село.

Когда исходящие от людей запахи ослабли, а следы от их длинных «лап» стали пахнуть лишь снегом, Топ принялся педантично наведываться в избушки и других охотников. Забравшись внутрь, остервенело рвал, грыз всё, что попадалось на глаза.

Он понимал, что его разбои не могут оставаться безнаказанными. Что могущественные двуногие будут добиваться его смерти. Поэтому ему следует быть особенно внимательным и осторожным. Перед каждым шагом осматриваться и принюхиваться — не таится ли в снегу лязгающая челюсть. А самое лучшее — покинуть этот край. Тем более что после смерти друга здесь ничто не держало. Военственный пыл остыл, а переполнявшая сердце жажда мести была сполна удовлетворена.

Снег растаял, а Топ всё не уходил. Он уже колебался: может, остаться? Тут всё так привычно! Еды в достатке. Да и люди ушли из тайги — чего спешить?

ГЛАВА 27

Новый участок

В разгар лета на обширном горельнике поспела малина. Её уродилось так много, что ветки склонились до земли. Сладко-ежка Топ зачастил сюда. Как-то, лакомясь сочными, алыми ягодами, он услышал голоса людей. Привстав на задние лапы, разглядел поднимающуюся по горельнику большую «стаю»

двуногих и мельтешивших среди них собак. Они шли прямо на него. Появление людей в тёплое время года было для Топ столь необычным, что он не сомневался: это за ним. Надо бежать! А куда, Топ давно определился — за синевший вдали острозубый хребет, который находился дальше всех от места обитания людей.

На второй день пути он достиг водораздела, представлявшего собой плоский щербистый гребень, поросший короткой и редкой травой. По нему вилась каменная тропа, набитая за многие годы медведями. Кое-где видны их свежие лёжки: клочья шерсти, помёт, примятые, погрызенные ветки. Ниже — тощие языки кедрового стланика. Жадно цеплялись в каменистую почву карликовые берёзы. Изредка, где-нибудь в затишке, можно было встретить невысокую, скрюченную ветрами и морозами лиственницу.

От ближнего скального зубца ветерок донёс запах мохноногого канюка. Вскарabкавшись по уступам, Топ обнаружил гнездо — хаотичное нагромождение сучьев с плоским дном. Вокруг валялось много погадок — комочков непереваренной шерсти и костей грызунов, оторванных птицами из желудка. Птенцов в гнезде не было. Видимо, уже встали на крыло.

Отсюда были видны три расходящиеся веером кряжа, разделённые межгорными долинами. Их склоны за многие тысячелетия изрезали ручьи и ледниковые сходы. Над ними на уровне облаков парили беркуты. В одной из долин слезой поблёскивало озеро. Прежде чем начать спуск к нему, осторожный зверь ещё раз внимательно прощупал глазами незнакомую местность. Не обнаружив ни единого намёка на присутствие людей (остальное его не беспокоило), запрыгал по шаткому курумнику вниз.

Путь к водоёму преграждал перестойный пихтач с участками многоярусных ветровалов. Свисавшие с нижних ветвей сизые бороды лишайника то и дело облепляли морду паутиной. Приходилось смахивать её лапой.

Вот и озеро. Над водой мечутся крикливые чайки. В высокой траве тихо переговариваются гуси. Топ притормозил — попробовать подкрасться?

Опыт подсказывал, что днём эту сторожкую птицу не добыть, и он побрёл дальше, приюхаясь к витавшим вокруг

запахам. Вскоре ветер нанёс самый чудный и желанный из них. От этого аромата Топ всякий раз терял контроль над собой. Это был запах мёда. Лихорадочно процеживая воздух, определил источник — старая сосна.

Проворно взобравшись на неё, нашёл в ребристой коре крохотное, отполированное до блеска отверстие, сквозь которое туда-сюда неумоимо курсировали пчёлы. Аромат, сочащийся из дырочки, пьянил. Чтобы расширить отверстие, Топ обхватил одной лапой ребристый ствол, а второй стал расковыривать леток. Немного увеличив его, дальше заработал зубами. Грыз, не обращая внимания на укусы рассвирепевших хозяек. Они жалили не только покрытую короткой шерстью морду, но умудрялись с противным жужжанием протискиваться сквозь густую шерсть к животу, груди и вонзять свои копьеподобные жала в места, где шкура понежнее и почувствительнее.

Расширив отверстие, Топ принялся отрывать куски сот, истекающие янтарными тянучками. С жадностью поглощая их прямо с прилипшими пчёлами, он время от времени потирал искусанный нос тыльной стороной лапы. В его урчании слышались как восторг от неповторимого наслаждения, так и страдальческие нотки от болезненных укусов.

Наевшись, отправился к озеру — после сладкого хотелось пить. Утолив жажду, взобрался на утёс и вытянулся на прогретой за день плоской глыбе. Зверь был в прекрасном расположении духа — новое место пленило его.

ГЛАВА 28

Счастливые молодожёны

Год пролетел незаметно. Очередное лето выдалось тёплым и щедрым на пищу. Буйная растительность не только скрадывала шаги, но и хорошо маскировала Топу. Это значительно облегчало охоту. В покое и сытости он заматерел, налился подкожным жиром. Шерсть на спине и боках залоснилась, а на ногах и животе стала отливать вороновым крылом.

Как и положено для животных в эту пору, Топу стало одолевать любовное томление. Хотелось ласки и нежного

общения с себе подобной. В прошлом году у него уже была семья*, но, выкормив потомство, они расстались.

Теперь в поисках подруги он, оставляя на холмиках и камнях любовные послания, удвоил суточный ход. Обследовал распадки, поднимался на окрестные вершины, но своей прежней партнёрши не находил. Зато на стрелке хребта обнаружил след другой соплеменницы. От него исходил до того притягательный дух, что Топ от охватившего волнения задышал шумно и часто.

По чередованию размеренного шага с лёгкими прыжками он определил, что это молодая, полная сил росомашка. Вытянув вперёд влажный чёрный нос, Топ помчался, следуя за ароматной струйкой. Вот и мочева метка. Понюхав её, он буквально опьянел: по телу волной прокатилась сладкая дрожь. Ему захотелось пропитаться запахом этого влажного пятна. Топ припал к нему и, извиваясь, стал тереться о землю. Затем вскочил и помчался, забыв обо всём на свете.

Нагнав росомашку, замер от восхищения. До чего красивы были её глаза, шубка с золотистой шлей! Покорённый самец принялся галантно прохаживаться перед красавицей, делать свечки. Но она не реагировала.

Отдышавшись, кавалер предпринял последнюю попытку: разбежался и, высоко подпрыгнув, перевернулся в воздухе. Приземлившись, с надеждой глянул на избранницу. Но она смотрела так, как будто ожидала большего, а не дождавшись, разочарованно потрусилась дальше.

Всё ещё на что-то надеясь, незадачливый ухажёр последовал за ней. Покачивая хвостом, он всячески проявлял свою симпатию. Однако стоило ему попытаться приблизиться, как росомашка зло щерилась.

Топа обескуражил явный провал, но он не терял надежды найти себе пару. Проходя в день десятки километров, выловил, наконец, в струях ветра ещё один волнительный дух. Следуя за ним по лесной тропе, догнал самку с полторагодовалой дочкой**.

* Половая зрелость у росомах наступает, как правило, после двух полных лет жизни.

** В предыдущий год во время гона росомаха не обзавелась кавалером. Оставшись пустой, ходила с детёнышем из предыдущего помёта.

Мамаша отреагировала на его появление благосклонно. Чтобы закрепить успех, Топ был обходителен, как никогда. Его старания оценили. Выражая симпатию, росомаха подошла и обнюхала его.

Когда то же самое попыталась сделать взрослая дочь, мать злобно цвыркнула на неё.

Познакомившись, звери встали на задние лапы и, тыкаясь чёрными носами, перешли к «поцелуям». Успешная вечерняя охота ещё больше скрепила их союз.

С появлением галантного жениха общество дочери стало тяготить самку. Она всё больше охладевала к ней. Держала её на расстоянии, а к концу второго дня окончательно прогнала. Через неделю уже самому Топу пришлось отстаивать право на обожаемую подругу перед другим самцом. Порванные уши и многочисленные шрамы на морде конкурента выдавали в нём заядлого драчуна.

Бесцеремонно подойдя к Топу, он угрожающе обнажил клыки, но, когда их взгляды скрестились, пришелец уловил в глазах Топа такую силу и уверенность, что смутился и, наигранно ворча, удалился. А Топ с Лаской продолжили наслаждаться любовными играми.

Летняя пора для пернатых и четвероногих обитателей тайги — самая благодатная: тепло и кормов вокруг хоть отбавляй. Под пологом прогретого леса созревали, сменяя друг друга, жимолость, земляника, черника, костяника, голубика. Отъедались на щедрых дарах тайги выводки тетеревов, рябчиков, глухарей. Без усталости пополняли свои кладовые шустрые белки, подвижные, как ртуть, бурундуки.

С середины лета даже такие хищники, как медведь и соболь, переключаются на вегетарианское меню. Не осталась в стороне и наша парочка. Их стол разнообразили сладкие, сочные ягоды, молочные орешки кедрового стланика. Не ленились они забираться и на высоченные кедры. Там, среди пучков длинной хвои, гроздьями висели уже потяжелевшие связки шишек. Росомахи сбрасывали их на землю. Быстро спустившись, собирали в кучу и, сев рядом, расплющивали каждую шишку зубами. Когтями выбирали ещё мягковатые орешки и, тщательно разжевав скорлупку, с наслаждением проглатывали ядрышки.

Как-то на росамах, только заваливших косую, вышла волчья стая. Молодожёны приготовились к обороне, но серые даже не остановились. Отвернув морды, они протрусили стороной: в эту пору все сыты.

* * *

Незаметно подкралась пора жёлтых листьев. С севера наползала армада тяжёлых, низких туч, и, как бы разминаясь, медленно и лениво закрапал холодный дождь. Вскоре полило так, что росамахи вынуждены были укрываться под елью. Водяная пелена временами становилась столь плотной, что контуры ближних деревьев размывались. Монотонный шум бессчётных капель, усиленный порывами ветра, сливался с рокотом быстро набухающего ручья. Затаились звери, птицы. Притихли даже кедровки с сороками.

Обложило основательно: дождь лил, то стихая, то усиливаясь, трое суток. Тайга пропиталась водой до такой степени, что влага проникла даже сквозь самые густые кроны елей. Мучительный озноб не оставлял промокшую парочку ни на минуту. Чтобы не замёрзнуть в отсыревших шубах, звери вырыли под корнями ели нору и забрались в неё. Когда голод заставил Топа покинуть обжитое убежище, он с удивлением обнаружил, что дождь прекратился, но тайгу накрыла такая волна хлынувшего с севера холода, что хвоинки елей надели стеклянные чехольчики, а ветки заплыли прозрачной глазурью.

В налетавших порывах ветра ощущался запах медведя. Топ с этими громилами никогда не связывался, но не брезговал пользоваться остатками их трапез. Поводя носом, он шумно засопел.

Запах шёл с озера. Осторожно подкравшись к берегу, Топ обнаружил на оледенелых листьях вмятины от медвежьих лап. На некоторых — замёрзшие капельки крови. Вон и сам миша лежит на боку. Из полураскрытой пасти торчат жёлтые, в обломках коры, клыки. Шерсть на ногах вся в ледышках, на широких лапах смёрзшиеся комочки грязи. На задней — громадный железный капкан. Между мощных дуг белела оголённая кость. С носа свисала сосулька. Всё ясно! Околел, горемыка!

Поев сухого жилистого мяса, напоминающего по вкусу и жёсткости древесину, Топ привёл к туше Ласку. Насытившись, они обосновались неподалёку. Заморозки по утрам выбеливали траву и кусты. В изумрудное поле елей вплетались огненным янтарём лиственницы. Стайки берёз на склоне соседней сопки стояли, облитые золотом. С трудом верилось, что совсем недавно они были зелёными. Но праздник не вечен. Деревья изо дня в день теряли своё роскошное убранство. Опавшие листья покрывали землю цветистым ковром и, высыхая на солнце, скручивались в хрустящие под ногами трубочки.

В этом году белки необычайно рано сменили неказистую летнюю шубку на шикарную зимнюю. А это верный признак скорых морозов. И точно, лес за несколько дней оголился и застыл в оцепенении до весны. Там, где недавно царил сумрак, стало светло и просторно.

Теперь сюда свободно заглядывали низовые ветры. Они поднимали в воздух упавшие листья, сметали их в ямы, загоняли в расщелины. Две выбеленные солнцем сухостоины, раскачиваемые ветром, соприкасаясь, жалобно скрипели. Топ любил слушать эти «песни» леса.

ГЛАВА 29

Зима

Начало зимы выдалось студёным, бесснежным. Невысокое бледное солнце скупно делилось теплом. Мороз пронизывал всё живое. Прокалённые стужей стволы звонко лопались. Едва прикрытую снегом почву испещрили глубокие трещины. Холод вливался сквозь них и рвал, скручивал корни деревьев, замораживал закопавшуюся в землю живность.

Мороз был до того силён, что кормившиеся на ольхе рябчики попеременно поджимали то одну, то другую лапку: согревали их внутри перьевого муфточки: если летом ноги рябчиков оперены только до колена, то сейчас их тёплые, несколько расклёшенные «штанишки» опускались до самых коготков. А на пальцах теперь (так же, как и у глухарей, и тетеревов) роговая бахрама. Она в два раза увеличивает

площадь опоры при ходьбе по снегу, а в гололёд помогает удерживаться на обледенелых ветках.

Добывать пропитание становилось всё сложнее. Росомах выручали сделанные осенью запасы. Но вот и они кончились. Топ вспомнил, что на мшистых редилах, на бруснике всю прошлую зиму держались большие стаи куропаток и одиночные глухари. Может, и сейчас они там?

Увы! На снегу ни единой лунки, да и ягод почти нет.

Середина зимы для росомах самое голодное время. Старые заначки съедены, а зайцы и олени по неглубокому снегу легко уходили от них, тихоходов. Олени к тому же ещё полны сил — запасы осеннего жира не иссякли, да и ягель пока легко копытить. Вот навалят снега, тогда шансы уйти от росомах у них невелики. А сейчас супругам приходилось довольствоваться чужими объедками. Мяса на них немного — в основном кости, но и над ними потрудиться стоило. Особенно над трубчатými — ведь внутри них необычайно сытный костный мозг. Мощные челюсти и крепкие зубы росомах помогали добраться до этого лакомства.

Ситуация изменилась после обильного снегопада с затяжной метелью. Теперь вероятность успеха в охоте у обладателей лап-снегоступов заметно возросла. Как только непогода утомилась, Топ отправился в пихтач, обвешанный бородами лишайниками. Там жила кабарга — миниатюрный и как будто сгорбленный из-за непропорционально длинных задних ног олень с большими грустными глазами. Топ уже несколько раз пытался догнать его, но безуспешно. Олень всякий раз играючи уходил по натоптаным тропкам. Нынче их засыпало, и кабарга вряд ли сумеет бежать столь прытко.

Притаившись в том месте, где тропки скрещивались, Топ подкараулил олешка. Увидев летящий мохнатый шар, кабарожка сумела в немыслимом отскоке увернуться от когтей и запрыгала, увязая миниатюрными копытцами в пухлой перине, к скале. Топ кинулся вдогонку. Задевая ветки, он оставлял за собой снежные шлейфы. Через несколько минут перепачканный кровью ловкий хищник уже нёс добычу к своей избраннице. С этого дня Топ с Лаской не испытывали недостатка в пище.

В зиме тем временем наметился перелом. И хотя морозы ещё кусались, разгоравшееся солнце несло первую весть

о скорой весне. Это было очень кстати — у Ласки подходила пора щениться. Настал день, когда она повела Топа в глухой, заметённый снегом распадок с несколькими башнеобразными останцами в изголовье. Чтобы надёжно спрятать выводковое логово от непрошенных гостей, супруги вырыли в снежной толще многометровый канал. Его конец удачно упёрся в просторную скальную нишу. Здесь, прямо на камнях, чуть прикрытых ветками и листьями, они устроили «родильную палату».

ГЛАВА 30

Новое потомство

Три незрячих щенка появились на свет ночью. Счастливая мать тщательно вылизала каждого с головы до хвостика. Первые дни малышей покрывала не шёрстка, а кремовая, слегка вьющаяся подпушь, с более длинными и тёмными волосками на лапках. Сами подошвы ещё долго были голыми.

Детёныши, оккупировав вкусно пахнущее, тёплое и мягкое материнское брюхо, либо спали, либо энергично сосали густое молоко. Теперь вся забота о пропитании легла на Топа. В жилистом мясе павших оленей не было недостатка, а вот за парным надо было побегать. Чтобы резкий запах не выдавал его, Топ перед каждым выходом тщательно вылизывал свою шубу и подолгу барахтался в снегу.

Самой подходящей для охоты погодой были безветренные, сопровождающиеся снегопадом дни. Особенно хорошо, если снег падал крупными, пушистыми хлопьями и так густо, что видимость заметно ухудшалась. Обладающему тонким нюхом Топу это не мешало: он подходил к намеченной жертве, ориентируясь преимущественно на запах.

В один из таких благоприятных дней Топ забрёл в старый, основательно заросший молодыми соснами и осиною горельник, полого спускающийся к ключу. Сквозь частую сеть снежинок он разглядел несколько бурых пятен. Поцедив воздух, определил — лоси!

Обитая прежде в перестойной, дуплистой тайге, в которой животные не могли дотянуться до тонких, нежных веточек, а кора старых деревьев была грубой, лоси до предела ослабли.

Стадо только вчера обнаружило этот богатый сочными кормами подрост. Животные с жадностью откусывали пучки хвои, тонкие мёрзлые побеги; обглаживали длинными, крепкими зубами горьковатую осиновою кору. Чтобы добраться до самых нежных веточек, грудью пригибали молодые стволы и, пропуская их между ног, объедали аппетитные вершинки.

Лоси были до того истощены, что, пока пробивали траншею к следующему дереву, несколько раз останавливались отдыхать. От напряжения их бока ходили ходуном. Видя такую беспомощность, Топ решил атаковать немедленно. Шанс заполучить гору парного мяса удвоил силы.

Заметив приближающуюся росомаху, стадо скучилось. Однако, стоя по брюхо в снегу, сохатые* были лишены возможности использовать своё страшное оружие — копыта. Дрожа от возбуждения, Топ подошёл к стоящему несколько поодаль худому комолу бычку. Запрыгнув ему на спину, он вонзил клыки в холку. Бычок, пытаясь сбросить наездника, отчаянно затряс, замотал головой, но безрезультатно...

Убедившись в смерти сохатого, Топ издал торжествующий рык и на глазах всего стада, не жуя, набил желудок парным мясом. Затем отгрыз от туши увесистый шмат и поспешил к семье.

Двигаясь по туннелю, Топ тихонько урчал. Его «песня» вызвала в логове радостное оживление. Беззубые, тупомордые малыши, неуверенно ступая неокрепшими лапками, пошли на запах и, ткнувшись в мякоть, полизали аппетитно пахнущую плоть: есть мясо они пока не могли. Зато их мать одолела его в один присест.

На двадцатый день глаза малышей открылись, но в них ещё долго стояла голубовато-молочная муть.

Как ни противилась зима, но настал день, когда весна, вооружённая жаркими лучами ожившего солнца, окончательно одолела её. Пропитанные тёплой влагой пузатые тучи в два приёма «съели» отмякшие сугробы. После этого надолго установилась ясная солнечная погода. Ласковые апрельские ветры миглом высушили южные склоны. На открытых бугорках проклюнулись сиреневыми платочками цветки сон-травы. Их уже обхаживал дородный, с оранжевым загривком

* Самцов лосей (быков), поскольку их рога похожи на обыкновенную соху, нередко называют сохатыми.

шмель. Преображались и деревья: лиственницы покрылись лёгкой, седоватой дымкой, «заплакали» берёзы, ветви сосен затопорщились розовато-кремовыми свечками, припудренными белой пылью.

По пробуждающемуся от зимней спячки лесу то и дело рассыпалась чёткая, пронзительная дробь дятлов. Этим трудяг природа не одарила красивым голосом, и, чтобы не пугать самочек своим неблагозвучным пением, ухажёры пользуются отщепами и сучками деревьев, которые играют роль музыкальных инструментов. Подобные любовные серенады их подругам, похоже, больше по душе.

Подбадривая пока ещё неловких щенят, Ласка вывела их на волю. Яркий свет ослепил глаза и поразил малышей. «Как просторно вокруг! Сколько красок! Какой горячий шар над головой!» — вероятно, думалось им.

Они осторожно обследовали камни, заросли кедрового стланика, от которого шёл пьянящий смолистый дух. Мамаша отщипывала пупки хвои и жевала. Ребяшня следовала её примеру.

Внешне схожие, малыши сильно отличались по характеру. Старший — спокойный, медлительный — любил полежать. Младшие сестрёнки, наоборот, постоянно были в движении. Наевшись, боролись, гонялись друг за дружкой, кувыркались, изгибались так, что казалось, будто они лишены костей. От вечной возни и беготни перед логовом всё было вытоптано. Пытаясь расшевелить братца, они прыгали на него, кусали за уши, хватали за хвост, а тот только сладко жмурился. Лишь изредка отмахивался либо, набывчив голову, недовольно урчал.

* * *

Занятый заботами о пропитании, Топ выкраивал время и на воспитание детей. Учил подкрадываться, пластаться по земле, надолго затаиваться и молниеносно, без промаха нападать. Учёба шла ежедневно: к осени малыши должны быть подготовлены к самостоятельной жизни.

А учителем он был строгим. Не обращая внимания на отчаянные вопли, без колебаний наказывал неслуха болезненным шлепком либо рычал так, что провинившийся от ужаса припадал к земле. Если это не помогало, хватал не в меру



расшалившегося отпрыска за холку и хорошенько встряхивал. Так что детёныши слушались отца не только с полуслова, но и с полувзгляда.

Добывать пищу Топ обучал на практике. Для этого он приносил ещё живую добычу и подзывал потомство. Тут уж братцу не было равных. Он первым набрасывался на жертву и трепал её, пока та не затихала. Как-то отец положил перед детьми крыло куропатки. Старший на неподвижную добычу не прореагировал. Сестрёнок же вид перьев привёл в необычайное возбуждение. Они припали к земле и не сводили с «добычи» глаз. Ползком подкрались на расстояние прыжка и дружно набросились на «птицу». Упираясь в землю лапками, начали тянуть изо всех сил, каждая в свою сторону. Испугавшись неожиданно загалдевших на дереве ворон, они разжали пасти и замерли. Отец покачал головой, как бы говоря: «Не обращайте внимания, это не опасно». Тут наплыла бесцветная туча, посыпалась морось. Малышня озябла, заскулила, охотничий пыл сразу угас. Ласка поспешила увести их под буреломный отвал.

От изуродованной молнией сосны донёсся робкий щелчок, похожий на стук падающих капель. Топ прислушался. Минутная пауза, и новая осторожная очередь... Ещё одна. Точнее,

череда столь любимых звуков: скрежет, цвирканье, переходящие в точение. Глухарь! Если добыть, дня на три хватит!

Петух сидел с опущенными коричневато-пепельными крыльями на нижнем суку и, ослеплённый страстью, исполнял одно любовное послание за другим. Начинал с серии шелчков — сухого тэканья, — затем следовала звонкая трель. А завершалась песня коротким, на три-четыре секунды, точением. В этот момент глухарь как бы отключается: не слышит и не видит. Высоко вскинутая чернявая с красным окоёмом вокруг глаз голова на зелёной, с синим отливом шее, вибрирует, а распушённый веером хвост подёргивается так, что слышно шуршание перьев.

Топ, стелясь по земле, подполз к дереву почти вплотную. Взобравшись на обомшелую валежину, он уже готовился к прыжку, как в стороне, глухо вхохча, низко пролетела рыжеватая глухарка. Хищник замер. Капалуха села на соседнюю сосну и принялась, не обращая на певца внимания, откусывать кончики веточек и завязи шишек. Благодаря острым краям светло-жёлтого клюва делала она это в один прикус.

Топ успокоился и, когда петух в очередной раз устремил к небу украшенную брусничными бровями голову, прыгнул на него. Задние лапы при толчке соскользнули с влажной коры, и хищник лишь едва дотянулся до кончиков чёрного с белым крапом хвоста. Глухарь, оглушительно хлопая громадными крыльями, взмыл вверх, а огорчённый неудачей Топ побрёл искать другую поживу.

Вскоре тишину леса взорвал резкий хохот ошалевших от брачных страстей куропаatok. Они с криком перелетали с места на место, красуясь перед наблюдавшими за ними курочками. Тут уж Топ не оплошал. Два петушка отчасти компенсировали неудачу с глухарём. Одного он съел сам, а второго отнёс в логово.

В конце мая семья спустилась в долину. Здесь, на речной пойме, уже всюю зеленели не только осины, но и лиственницы, а загустевший лес оглашался звонким пением лесных птаx.

Детвора росла быстро. В три месяца они внешне уже мало отличались от родителей, только были в четыре раза меньше весом. После каждой удачной охоты и сопутствующей ей трапезы молодняк принимался беззаботно развиваться: гоняться друг за другом, кувыркаться, нападать из засады. Взрослые

не отставали. Кувыркались, прыгали вместе с ними. Тут уж начиналась общая свалка.

Мирно и безмятежно протекали долгие летние дни. Семья обычно отдыхала в пещерке возле родничка, бьющего прямо из-под корней ели. В ней не докучала мошкара и прочие кровососы, а в жару было прохладно. У входа на каменной плите частенько грелись на солнце свернувшиеся в клубок змеи. Когда росوماхи проходили мимо, те, шелестя кожей, расплзались по своим убежищам. Звери не обращали на них внимания — еды и без того хватало.

К июлю, когда стали поспевать ягоды, выводок перебрался в горельник. Первой вызрела жимолость. Тёмно-синие продолговатые ягоды имели приятный, кисло-сладкий с лёгкой горчинкой вкус. Следом подошла черника, красящая язык в чёрный цвет.

Вот и любимая голубика поспела. Невысокие, с коричневыми стеблями кустики были столь густо усыпаны тёмно-синими, будто припудренными плодами, что за ними почти не было видно листочков. Набив желудки, звери ложились на спину и, радуясь солнцу, переворачивались с боку на бок. Лениво помахивая хвостами, урчали от сытого блаженства.

В начале сентября неожиданно выпал снег. Не сбросившие листву ветви под его тяжестью ломались, а некоторые, согнувшись до земли, образовали шатры. Снег вызвал необычайный восторг у молодняка. Они купались, резвились, барахтались в искрящемся снежном пуху. Опрокидываясь на спину, скатывались со склона. Взбирались обратно и, раскачавшись на гибких ветвях черёмухи, плюхались в снег и вновь съезжали вниз. Особенно им нравилось то, что мягкий, пушистый покров приятно холодит ступни. Дурачились так до тех пор, пока мать строгим стрекотом не призывала их к себе.

Топ с наступлением холодов оставил семейство и принял, как обычно, бродяжничать в одиночку. Обойдя несколько отрогов и ключей, он не встретил ни одной достойной внимания добычи. Приходилось довольствоваться лишь нерасторопными куропатками. Ему всё чаще вспоминались тропы двуногих, на которых всегда можно было поживиться мясом из амбарчиков. Эта лёгкая добыча дразнила, не давала покоя.

Часть III

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уничтожение диких животных — это предостережение людям, указывающее на то, что ожидает их самих в недалёком будущем.

Бернгард Гржимек

ГЛАВА 31

Плен

С очередной почтой Подкова привёз Степану бандероль из охотуправления. Отдавая её, не преминул напомнить:

— Степан Ермилович, долг-то не весь погашен. За срочку уже проценты пошли.

— Да помню, помню. Рассчитаюсь. Но и ты не забывай, что Мавра должен вернуть.

— Сколько объяснять — сбежал он от меня почти сразу.

— Это не моя проблема. Ко мне он не приходил. Так что и с тебя проценты будут.

Подкова хотел было что-то возразить, но передумал и поспешно вышел.

Степан распечатал бандероль. В ней было несколько пачек бланков по учёту и письмо с заданием отловить и доставить в город одну росомаху. В отдельной коробочке капсулы для усыпления животного и инструкция по их применению. Также сообщалось, что в охотуправление пришёл для него мотоцикл. Наконец-то!

Окрылённый, охотовед засобирался в тайгу. Расспросив мужиков, где кто видел в последний раз росомашьи следы, решил начать поиски с перевальной седловины у Сахарной Головы.

Росомашьих следов там действительно было много. Соорудив три амбарчика, в крайних оставил по глухариному крылу, а в средний положил аппетитный кусок оленины. В него предварительно вложил две капсулы снотворного. Между амбарчиками, для привлечения росомахи, разбросал кроху. Сам устроился в буреломе, метрах в ста пятидесяти. Чтобы не замёрзнуть, накидал на снег лапника и забрался в меховой спальник.

Росомаха появилась в тот же вечер. Охотовед с удивлением наблюдал, как она отгрызла ветку и, потыкав ею у входа, ушла. Степан сообразил, что это та самая росомаха, которая безнаказанно опустошает путики промысловиков и гадит в их избушках.

«Почему она ушла? Что ей не понравилось? Может, смутило отсутствие капкана? Теперь сюда вряд ли вернётся».

Когда рассвело, Степан вытащил из пещерки приманку со снотворным и перебрался в соседнюю ложбину, где тоже встречались следы росомахи. Соорудил новые амбарчики и, установив на входе капканы, положил в пещерки приваду.

Две ночи дежурства прошли впустую. Степан уже подумывал сменить место, но на третью его терпение было вознаграждено.

Прежде чем приблизиться к амбарчику, росомаха долго нарезала вокруг него круги, подходя с каждым разом ближе. Принюхивалась, присматривалась. Наконец отгрызла ветку. Когда железные челюсти вцепились в неё, безбоязненно вытащила мясо. Съев его, запрыгала дальше.

Выждав минут двадцать, Степан, изумлённый столь осмысленным поведением зверя, вылез из спальника и пошёл

по следу. Опустошив вторую пещерку, зверь направился в долину. Прыжки становились всё короче. Прежде прямая строчка завилыла. Метров через четыреста охотовед наткнулся на росомаху, лежащую за валежиной. Увидев его, она с трудом встала и, сделав несколько неуверенных шагов, опять легла. Охотовед, дождавшись, когда зверь окончательно уснёт, подошёл. Росомаха на его приближение не прореагировала.

Степан никогда не признал бы в этом матёром, холёном звере милого, весёлого увальня — Топа, если б не характерное белое пятнышко на груди.

Так вот кто донимал Подкову! Ай да Топ! Прямо-таки таёжный мститель! Робин Гуд!

Пока зверь не проснулся, охотовед поспешил связать ему лапы. При этом, для надёжности, задние притянул к передним. После чего надел на голову мешок из плотной ткани. Накидав на снег еловых веток, уложил на них спящего пленника, а сам побежал за оставленными в засаде вещами. Степан торопился — действие препарата непродолжительно.

Засунув росомаху в спальный мешок (обездвиженный зверь быстро замерзает), обвязал его верёвкой и, выбирая путь почище, повёз спящего пленника к избушке.

Очнувшись, Топ никак не мог понять, что с ним происходит. Во тьме и непривычной тесноте его затуманенный препаратом мозг фиксировал лишь мягкие толчки. Потом его приподняли и вывалили на что-то твёрдое. Колпак с головы слетел, и Топ зажмурился от света. Когда глаза привыкли, огляделся. Он находился в бревенчатой, пахнущей дымом избушке. Она была ему хорошо знакома. Это её они с Мавром сторожили. А вон и хозяин Мавра. Сидит, наблюдает.

«Наверное, думает, что это я убил его собаку, и решил отомстить. Как же ему объяснить, что Мавр умер от плохого мяса?»

Топ заворочался, пытаясь встать, чтобы позой, выражающей дружелюбие, «сказать», что он не причастен к смерти собаки. Но прочные путы не позволили ему даже приподняться. Стремясь освободиться от них, он извивался, дёргался всем телом, но безрезультатно.

Зверя охватила паника. Прежде он никогда не испытывал ощущения такой беспомощности. От нервного перенапряжения Топ забился в конвульсиях. Подобная реакция не обеспокоила охотоведа. Он знал, что у диких зверей, особенно взрослых хищников, попавших в неволю, такие припадки не редкость. Конвульсии тем временем становились всё слабее и, наконец, прекратились. Степан подошёл к росомaxe и присел напротив.

— Не бойся, Топ! Я тебе ничего плохого не сделаю. Ты меня узнал? — Охотовед погладил росомaxу по спине.

Топ опять попытался выразительным взглядом донести до человека, что он неповинен в гибели собаки.

Степан чувствовал, что зверь пытается ему что-то «сказать», но истолковал по-своему.

— Топ, дорогой, мы, конечно, друзья, но я тебя не отпускаю. Поедешь в зоопарк. Там кормят, лечат. Тут тебе опасно оставаться. Ты так насолил здешним охотникам, что они рано или поздно тебя убьют. Зоопарк — твоё спасение.

По тому, что зверь немного успокоился, Степан решил, что он его понял.

Переночевав в зимовье, охотовед на следующий день перевёз Топa домой. Сколотив из толстых плах клетку, стал ожидать пятого декабря, когда должна была приехать автолавка. Степану не хотелось лишний раз обращаться к Подкове, но по-иному росомaxу в город не доставить. А не хотелось потому, что опять начнёт ныть насчёт долга, обвинять его в том, что он сам и выкрал Мавра.

Эту поездку Топ запомнил на всю жизнь: на ухабистой, с ребристыми наметами снега дороге постоянно трясло, кидало из стороны в сторону, больно било о деревянные стенки клетки. От едких, щиплющих нос и глаза выхлопных газов его тошнило.

В городе Степан связался с сотрудником охотуправления, и они вместе сдали росомaxу в багажное отделение аэропорта.

Уходя, охотовед обернулся:

— Прощай, Топ! Пусть на новом месте тебе будет хорошо.

В этот миг он даже не предполагал, что им ещё предстоит встретиться при весьма необычных обстоятельствах.

ГЛАВА 32

Неволя

В зоопарке Топа поместили в клетку из железных прутьев, стоящую в отдельном помещении. Весь день к нему подходили люди в синих халатах и восхищались:

- Красавец!
- А мех-то какой: пышный, блестящий!
- Такой росомахи у нас ещё не было!

После томительного двухнедельного карантина под присмотром ветеринарного врача Топа перевели в просторный вольер. На металлическую сетку повесили табличку: «Росомаха. Самый крупный представитель семейства куньих. Возраст — 4 года. Кличка Платон».

Вправо и влево от Топа тянулись вольеры с другими обитателями зоопарка. Очувтившись после тесной клетки в просторном, обтянутом сеткой вольере с грудой камней и массивных коряг в центре, Топ опрометью бросился к стенке, ища лазейку, но тщетно — повсюду упирался в стальное сито. Попробовал разорвать его зубами, да лишь сколол эмаль на одном из них.

Цепляясь когтями за ячейки, взобрался наверх. Однако металлическая сетка была повсюду. Тогда Топ начал рыть когтями землю, но вскоре упёрся в бетонный пол. Убедившись, что отведённое ему пространство не имеет выхода, зверь на время сник. Съев оставленное ему мясо, забрался в бревенчатое логово.

Ночь прошла спокойно, а утром вокруг зашумело, забурлило: в проходы хлынул разношёрстный поток двуногих. Топа поразило невообразимое число запахов, исходящих от них. Он довольно быстро привык к тому, что люди толпились возле его ограды, и старался не обращать на них внимания. Если кто допекал, нервно скалился и забирался в убежище. Единственный двуногий, приход которого радовал Топа, — это белобородый человек в синем комбинезоне, который каждый день кормил его и убирал внутри вольера.

Справа, за сеткой жила волчица. Она смирилась со своим положением, и даже летевшие в неё камешки не будили в ней духа мщения. С утра до вечера лежала, положив голову на лапы, с равнодушным видом поглядывая на посетителей

исподлобья. По ночам же наводила воем тоску на всю округу. Зато в вольере слева всегда кипела жизнь: в отдельных секциях деловито сновали огненные колонки, с достоинством прогуливались знающие себе цену красавцы-соболя.

Когда утром раздавался тугой, округлый звук «Платон! Платон!», Топ знал, что сейчас получит порцию мяса, и вылезал из выкопанной под бревенчатым логовом норы. Высокий, с белой шерстью на морде человек подкатывал тележку и, выложив еду, начинал с ним беседовать. Что он говорил, Топ не понимал, но ласковые нотки в голосе успокаивали его, возвращали в счастливое детство.

Как-то белобородый смотритель принёс в вольер металлический шар. Топ сразу принялся с азартом катать его по полу. Потом запустил под него длинные когти и, когда ему удалось поднять шар, прижав его к груди, перекувыркнулся с тяжёлой, скользкой игрушкой через голову. И так несколько раз подряд. При этом его небольшие живые глазки светились такими жизнерадостными огоньками, а мешковатые движения выражали такое веселье, что человек невольно заулыбался.

— Ну ты, Платоша, даёшь! Циркач! А говорили: осторожно, осторожно! Зверь, мол, злобный, пакостливый. Ну какой же ты злобный — вон какой весельчак да игрун!

Несмотря на хорошее питание, просторный, удобный вольер, неволя тяготила бродягу Топа. Стоило ему закрыть глаза, как память уносила к лесистым распадкам, бурливым ключам, услужливо воскрешала моменты удачных охот, игр с нежной подругой. Эти воспоминания наполняли сердце тоской и вызывали страстное желание добиться воли.

Наступило время долгого, высокого солнца, и по дорожкам зоопарка сразу забегало больше маленьких звонкоголосых человечьих детёнышей. Крики, постоянный гвалт утомляли зверей. Топ стал раздражительным и большую часть времени прятался в норе.

В один из таких дней обитателей зоопарка не покормили. Стемнело, но никто из зрителей так и не появился. Привыкшие к чёткому распорядку, голодные звери выли, ревели, скулили, грызли, бодали сетку и железные прутья.

Только на следующий день по зоопарку поплыли запахи, предвещающие еду. Донеслись шаги, скрип колёс. Следом

показались два человека. Белобородого среди них не было. На тележке стояли два бачка с похлёбкой, фляга с водой и ящик с мясом. Раздавая еду, люди переговаривались между собой. Тот, что толкал тележку, сразу не понравился Топу. Пустые рыбы глаза, тонкие губы, искривлённый улыбкой рот, а главное, запах, шедший от него, выдавали зловонную натуру. Бросив росомахе кусок мяса, люди прошли дальше.

На следующий день Рыбий Глаз опять появился, но уже один. Подойдя к вольеру Топа, он прочитал вслух: «Росомаха... Платон». Возле двери табличка поменьше: «Внимание! Входя и выходя, запирай замок».

Оглядев Топа, он пропел:

— Пла-а-а-тон, из тебя выйдет хороший ша-а-а-пон! — и заржал, довольный сочинённой рифмой.

Топ же продолжал катать шар.

— Что, брат, хорошо жить на дармовых харчах? Играй да играй!

Введённый в заблуждение добродушием и игривостью симпатичного «медвежонка», он зашёл в вольер, чтобы навести в нём порядок, а дверку только прикрыл. В тот же миг бурая молния метнулась в образовавшуюся щель и сажеными махами понеслась между клеток.

ГЛАВА 33

Свобода!

Выскочив на улицу, Топ помчался, высоко вскидывая зад, отчего в какие-то моменты все четыре лапы не касались земли. Бежал без остановки, подгоняемый страхом и криками людей, заглушаемым рёвом накатывающихся то сзади, то с боков железных чудищ. Прохожие в страхе шарахались от него в стороны. С демонически горящими глазами и хриплым пенным придыхом, Топ и впрямь был ужасен.

У столба с круглым красным глазом на него чуть не наехал железный дом на колёсах («Точь-в-точь как у Круглолицего», — отметил Топ). Перепуганный зверь понял, что из этого кишачего людьми и машинами муравейника ему сейчас не выбраться. Надо где-то спрятаться и дожидаться ночи...

Когда шум вокруг стих, зверь выбрался из убежища и при свете фонарей пошёл, подчиняясь врождённому инстинкту ориентировки, на северо-восток — туда, где находился его родной горный массив.

Перед рассветом высокие и многоглазые каменные дома сменили деревянные поменьше. За ними уже просматривался лес. Скорей под его защиту! Вбежав в высветленную белыми стволами берёзовую чашу, беглец перешёл на размеренный шаг. Жадно вдыхая чистый, настоянный на травах и листьях воздух, Топ с наслаждением углублялся в родную стихию. На пути торчали одряхлевшие пни, зияли, карауля неловких, рывины, обрамлённые ажурным папоротником. Топа весь этот кавардак только радовал: он обрёл самое дорогое для дикого зверя — свободу! От избытка чувств Топ запрыгал, закувыркался, путаясь в высокой траве.

Двигаясь в выбранном направлении, он невольно оглядывался на каждый треск и шорох. Если обзор закрывали кусты, вставал столбиком: смотрел, не преследуют ли его. Убедившись, что погони нет, опускался на передние лапы и продолжал путь.

За месяцы, проведённые в неволе, Топ отвык от длительных переходов, и сейчас его сердце билось так, что, казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку. Следовало отдохнуть и перевести дух. Взбежав на лесистый увал, он растянулся на траве, с наслаждением вдыхая лесные запахи.

Ненавистную вонь железных чудищ сменили ароматы прелой листвы, сырой земли. Над головой, на кончиках сосновых веточек, светились полупрозрачные капельки смолы. Они наполняли воздух любимым с детства запахом.

Передохнув и успокоившись, беглец побежал ещё резвее. Как весной птиц тянет на север на родные гнездовья, так и Топа генная память вела туда, где он родился.

Завершался первый день свободы. На смену тягучим сумеркам как-то незаметно пришла ночь, а Топ всё нёсся сломя голову. Далеко позади остались огни человеческого жилья. Но вот впереди сквозь чуть шелестящие от ветра кусты опять мелькнул слабый свет. Проступили тёмные силуэты домов. «Там могут быть собаки, обойду-ка стороной», — решил он.

Как ни велико было желание Топа побыстрее удалиться от города, желудок всё настойчивей требовал пищи. Он,

конечно, подкреплялся на ходу травой и ягодами, но, чтобы восстановить силы, необходимо было мясо. Тут очень кстати из-под берега шумно сорвалась пара крякв и понеслась по воде, оставляя на ней две дорожки жемчужных кружков. Одна из уток, всем видом убеждая росомаху, что ранена, стала отставать. Но опытный хищник на неё даже не глянул. Сразу полез в траву. В ямке между кочек обнаружил пятерых утят и одно яйцо. Они составили его завтрак и обед одновременно.

На исходе дня Топ, пересекая плотную, отполированную бобрами тропу, увидел уныло бредущее по берегу пухлявое, похожее на бочонок существо. Оно мрачно поглядывало по сторонам. Иногда останавливалось и рылось в береговом мусоре. Это создание было похоже на косматую короткомордую собаку. Топ прикинул: размером с меня, но больно неуклюж — справлюсь в два счёта.

И тут до него донеслись едва уловимые шорохи. Он замер и, двигая ушами, огляделся. Косматое создание тут же куда-то исчезло. В глубине леса замелькали призрачные тени. Из-за высокой травы и густого кустарника Топ не сразу распознал в них свору собак. Разойдясь в цепь, они окружали его. Что-то злое было в их молчании и слаженных движениях.

Убегать бессмысленно — догонят. Тратить драгоценный мускус жалко — дорога длинная, ещё не раз может пригодиться. Топ благоразумно отступил к дереву и, вскарабкавшись по стволу до первой толстой ветки, растянулся на развилке во всю длину. Разномастная стая расселась под ним: решили взять измором!

Из-за горы выкатилась и зашныряла в разрывах туч лимонная долька луны. Тут собаки отчего-то заволновались, вскочили и побежали, то и дело оглядываясь. По их следам вскоре протрусили волки. Учув запах росомахи, они на неё едва глянули: знали, что от вонючки следует держаться подальше. Вскоре чуткую тишину леса разорвали душераздирающие визги.

Топ же долго ещё лежал на развилке дерева, принохиваясь и всматриваясь во всё, что происходило внизу. Убедившись, что ему больше ничего не угрожает, спрыгнул в траву. В ней его внимание привлекла то разгорающаяся, то почти

гаснущая точка. Раздвинув стебельки, разглядел маленького жучка, излучающего мягко тлеющий свет. У себя на родине он таких не встречал.

Шёл третий день свободы.

Чтобы экономней расходовать силы, Топ старался пользоваться наторёнными звериными тропами. На закате со стороны реки послышалось громкое чавканье. У комля могучего дерева копошился крупный незнакомый зверь. Туловище клиновидное, шерсть бурая, грубая. На голове высокие мохнатые уши. Вытянутый нос венчал подвижный пяточок, по бокам грозно поблёскивали круто загнутые клыки. Вепрь, а это был он, ворошил листву, «пахал» мощным рылом дерновину, что-то выбирая в земле. Его волосатый хвостик беззаботно вертелся.

Из-за другого, поваленного дерева показалась пара мохнатых ушей. Они двигались, как локаторы, и вскоре оттуда вышла, бдительно оглядываясь, старая кабаниха — вожак табуна. Она недоверчиво покосилась на Топу и что-то прохрюкала. И тут же выбежали с визгом шерстистые детки с вертикально задранными хвостиками-ниточками.

Вдруг многолетняя мамаша резко остановилась, словно наткнулась на незримую преграду. Хвост, как флажок, взметнулся вверх и застыл, приняв форму вопросительного знака. В наступившей тишине Топ слышал сопение — чушка усиленно втягивала в себя воздух. Затем утробно рюхнула и понеслась вниз по косогору. Семья устремилась за ней. Замелькали вразнобой полосатые поросята, подвинки, чёрные молодые кабанчики.

Топ не стал выяснять причину столь стремительного бегства незнакомцев. Подгоняемый безотчётным страхом, он тоже поспешил ныряющими прыжками прочь.

Лес расступился, пошли болота, измазанные слоистыми пластами тумана. Куда ни глянь — кочкарник, топи, вода. Сколько уже Топ за свою жизнь перевидал их. Одни чистые, безлесные, с тесно стоящими в ржавой воде высокими кочками. Другие — изумрудная гладь, напоминающая луг с одинокими берёзками, а ступишь — волны кругами расходятся. По таким зыбунам могут ходить лишь широколапые росомахи. Все остальные звери ищут обход. Но самые пакостные

и труднопроходимые болота таятся в густых, мшистых чащобах. Они представляют собой бесконечную череду затхлых, пузырящихся ям, опутанных корнями деревьев. На таких болотинах ухо следует держать остро даже росомахам — того и гляди, угодишь в западню.

Топ спешил достичь темнеющей впереди возвышенности. Шёл, приминая осоку между кочек, неглубоких заиленных луж. Он торопился ещё и потому, что какая-либо добыча тут была маловероятна, а организм всё настойчивей требовал мяса.

Неожиданно из-за густой стены осоки открылся бойкий водоток, полный рыбы. Высовывая рты, они хватали насекомых, тучами вьющихся над водой. Топ стал прикидывать, откуда лучше подойти, чтобы не спугнуть стайку. В этот момент впереди в тумане кто-то зашевелился. Проступили нечёткие очертания горбоногого лося с вильчатыми рогами, говорящими о его молодости.

Осторожно озираясь, он выходил из заводи, где спасался от гнуса. В слегка колеблющихся от лёгкого ветерка струях тумана животное напоминало сказочное видение. Бык то и дело кашлял, фыркал, пытаясь освободиться от раскормившихся в слизистой оболочке носа личинок оводов.

Лось с каждым шагом приближался и скоро должен был оказаться рядом с Топом. У того разыграл азарт охотника: смогу ли одолеть? Хоть и молодой бык, но попробуй, доберись до вены или шейных сухожилий: прочная кожа и густая шерсть — надёжная защита от клыков.

А лось уже совсем близко. Теперь он казался Топу просто огромным. Однако голод порой толкает на совершенно безрассудные поступки. Помощник-ветер тянул на росомаху, и сохатый не слышал её запаха. Когда он поравнялся с Топом, тот прыгнул. Метил в шею, но чуть промахнулся. Быстро перебирая когтистыми лапами по мокрой шерсти, добрался до загривка и, работая мощными челюстями, стал остервенело рвать, грызть шкуру.

Обезумевший от боли и ужаса, лось понёсся по болоту, пытаясь скинуть страшного наездника, но длинные когти росомахи держали надёжно. Долго носился, роняя пену, великан, но, когда Топ, наконец, перекусил шейные сухожилия, увенчанная шерстистыми, ещё не окостеневшими

рогами голова безвольно упала на грудь. Сохатый зашатался и рухнул в густую осоку...

Утолив голод, росомаха прилегла. Когда она вновь приступила к трапезе, ей показалось, что лось как-то странно дёрнулся. Топ насторожился и приподнял голову. В этот момент передняя нога-ходуля «выстрелила» из-под брюха прямо в морду. Придя в сознание, Топ еле разомкнул челюсти. Половина передних зубов была выбита. По очереди выталкивая языком их обломки, с радостью убедился, что клыки целы. Спёкшаяся кровь закупорила распухшие ноздри так плотно, что дышать росомаха могла только ртом. Пройдя к воде, опустил в неё морду. Потихоньку фыркая, бедолага прочистил носовые проходы и вернулся к своему трофею. Но как ни подступался к туше, оторвать даже небольшой кусочек мяса травмированной пастью не смог. А есть хотелось. Зверь огляделся. На холме возле болота могут быть куропатки. Надо проверить.

Ему повезло: куропатки там действительно были. Подкрепившись, Топ зашёл в лес. Тут его характер резко менялся. На смену светлому, преимущественно листовенному, начался дремучий, темнохвойный. Под его плотным сводом редко увидишь кустарники, подлесок, траву. Усталая пышным моховым ковром земля бугрилась старыми обомшелыми валезинами, колодами, дряхлыми пнями. Молчаливая, угрюмая и бескрайняя, как океан, страна — тайга! Видимость из-за густых, зелёных лап, обвешанных бородами лишайника, упала до трёх-пяти метров. Лишь изредка встречались открытые пространства, утыканые чёрными скелетами горелых стволов. Хорошо, что у зверей имеется внутренний компас. Без него в такой чаще можно плутать годами.

* * *

Шёл Топ в основном ночью, когда вероятность встречи с двуногими была минимальна. Перед рассветом выбирал скрытное место для отдыха и чутко дремал. С приближением сумерек подкреплялся, чем придётся, и продолжал путь.

Когда дорогу преграждала речка, Топ безбоязненно входил в воду и, загребая широкими лапами, как вёслами, пере-

плывал на другой берег. Дважды его путь преграждали большие полноводные реки. На них, как ни старался Топ плыть прямо, мощное течение сносило на километр, а то и на два.

На илистых и песчаных берегах всё чаще встречались отпечатки медвежьих лап. А сегодня Топ чуть не напоролся на семью косолапых. Она отдыхала на краю хорошо продуваемого берегового уступа. Медведица блаженно развалилась на дерновине, подставив солнцу грудь и брюхо. Передняя лапа расслабленно свешивалась вниз. Этим не преминул воспользоваться один из малышей. Подпрыгнув, он ухватился за неё и моментально взобрался на живот матери, где и устроился, словно на мягкой перине. Вскоре рядом появился братец, и они стали, потешно фыркая, барахтаться на мамаше. Она же басовито урчала, щурилась от удовольствия, но, уловив в ветре чужой запах, беспокойно огляделась. Увидев Топа, рывкнула на него так грозно, что тот ретировался.

Ясная, сухая погода разнообразилась грозами. После того как на глазах Топа от удара молнии раскололся и загорелся большущий кедр, он боялся грозы и при её приближении начинал, забыв обо всём, зарываться в землю.

Грозе всегда предшествовал шквалистый ветер. Под его натиском мохнатые папахи деревьев, судорожно всплещивая ветвями, мотаясь из стороны в сторону, роняли на землю обломки сучьев; стволы, натужно выгибаясь, трещали. Некоторые лопались. А иные, выворачивая корнями пласт земли, валились целиком. Бесчинствовал ветер, как правило, недолго, но ветровалы оставлял значительные. Топ никак не мог понять, каким образом какое-то невидимое существо может творить такую разруху.

Лишь только напор ветра ослабевал, с небес начинали низвергаться косые струи. Тайга, озаряясь слепящими вспышками, нервно вздрагивала от раскатов грома. Порой ливень был столь обильным, что безобидные ручьи на глазах превращались в клокочущие мутные потоки, несущие ветки, коряги, а прибрежный песок буквально вскипал под ударами дождевых капель. Бывало, что дождь переходил в град. Тогда ледяные шарики срезали траву, кромсали листья деревьев, ударяясь о камни, разлетались в разные стороны.

ГЛАВА 34

Долгая дорога домой

Косматый зверь брёл нескончаемой сумрачной тайгой двадцатый день. Его шаг по-прежнему был ровным, чётким, как и в первые дни пути. По почти прямой линии следа было ясно, что он точно знает, куда идёт. Позади остались сотни километров. О том, что его ждёт впереди и когда покажутся горы, где он родился, Топ не знал. Он просто шёл, подчиняясь зову родины. Когда появлялись попутные звериные тропы, пользовался ими. Это было не только удобно, но и полезно — то и дело набегали зайцы, олени.

В одной из долин Топ уловил запах дыма. Снедаемый любопытством, он круто отклонился от своего направления. На галечном берегу шустрой речушки чадил дымокур. Рядом убежище двуногого из туго натянутой безволосой шкуры цвета пожухшей травы. Поодаль по колено в воде человек. Зачерпывая корытцем гальку с песком, он покачивал его, сливая содержимое в речку. Эта странная процедура повторялась всё время, пока Топ наблюдал за ним. Как ни силился зверь понять смысл этих однообразных движений, так и не смог найти им объяснение. В нём даже пробудилось сочувствие к этому несчастному, занятому бессмысленным перекачиванием камушков в корыте.

* * *

Завершался второй месяц пути. Равнины с мрачными мшистыми ельниками всё чаще чередовались с холмистыми возвышенностями, заставленными бронзовыми колоннами сосен.

С наступлением тьмы тайгу теперь частенько тревожил страстный рёв-стон сохатых. Настала пора, когда быки разыскивают нежных подруг и бьются с соперниками за право быть их возлюбленными. Мычание неслось с разных сторон и эхом металось по лесу. Один лось простонал совсем рядом. Вскоре оттуда донёсся стук рогов, прерывистое дыхание и треск сучьев под копытами. Вот в орешнике замелькали охристые «лопаты» с многочисленными отростками, налитые

кровью глаза, вздыбленная на загровке шерсть, широкая грудь, поджарый круп таёжных великанов. Быки, упёршись рогами, месили копытами землю, отстаивая право огулять стоящую поодаль лосиху. В это же время главный информатор — ветер — принёс Топу волнующую весть — где-то рядом косой. Росомаха медленно двинулась на этот запах...

Ночь неохотно сдавала свои позиции, но медленно восходящее светило с каждой минутой неузнаваемо преображало мир: гасило звёзды, сдирало мрак сначала с макушек холмов, затем и со склонов, обнажая ложбины. Вот и кедровки проскрежетали побудку. Пovyлезали из земляных норок и молниями замельтешили по лесу бурундуки, слетели с деревьев в траву кормиться ягодами рябчики. Тайга пробуждалась, а Топ, вычистив шершавым языком морду и лапы от крови наполовину съеденного зайца, наоборот, готовился ко сну на мягкой рыжей перине из накопившейся за многие годы хвои.

На следующем переходе его ожидал приятный сюрприз: между стволов сосен проглянули зубрины гор. Вид разрывавших линию горизонта сизых зубцов необычайно воодушевил Топу — значит, дом близок! Он любил горы. Ему нравилось чередование серых потоков из громадных валунов с зелёными языками кедрового стланика. Нравилось шумно сбегавшие по дну распадков пенистые ключи. Нравилось наблюдать, как из узких холодных расщелин, заваленных гранитными глыбами, выползают, цепляясь за выступы скал, ключья тумана. Долина, по которой поднимался Топ, постепенно сужаясь, превращалась в тесное ущелье.

Придерживаясь правого склона, Топ продолжал упорно углубляться в замысловатый лабиринт гор. Скалистое ущелье всё поднималось и поднималось уступами, местами почти отвесно. Чем выше взбирался Топ, тем холоднее делался воздух. В расщелинах забелели снежники. Их становилось всё больше. Изголовье ущелья и вовсе оказалось сплошь забито крупнозернистым снегом. Слева, на севере, высился острокопечный ослепительно-белый пик, безраздельно господствовавший над всей округой. Он венчал суровый, безжизненный водораздел одного из хребтов.

Перевалив через него и спустившись в долину, Топ опять попал в лето. Полное безветрие, богатейшее разнотравье,

стаи куропаток, сосновые боры очаровали уставшего путешественника, и он решил задержаться тут.

Обосновался на межгорном плато, ограждённом от северных ветров гребнем, состоящим из множества игольчатых скал. Его подножье подпирала заросли кедрового стланика. На загнутых вверх ветках висели гроздья бурых с фиолетовым отливом шишечек. Спрятанные в них орешки обеспечивали сытую жизнь многим обитателям этих мест.

ГЛАВА 35

Медведь

День ото дня холодало. Северный ветер безостановочно гнал в тёплые края стаи птиц, а по земле перебирались в глухие дебри медведи. Там, в заваленных снегом берлогах, они спокойно проспят до весны. Могучие звери шли напролом, каждый своей дорогой, оставляя дымящиеся в прохладном воздухе колбаски из непереваренных кедровых скорлупок: прежде чем залечь в берлогу, они должны полностью освободить кишечник.

Топа приближение зимы не пугало. Пищи было в достатке. В один из промозглых, ветреных дней он после удачной охоты на куропаток брёл по неровно затвердевшей от утренника земле к ручью. Под лапами гремел пожухлый лист, потрескивал в лужах новорождённый ледок. День только начинался, но благодаря повалившим из туч хлопьям снега было светлее обычного. Белые мухи бесшумно падали весь день. К вечеру тайгу укрыло белым одеялом. Поднявшийся ветер загонял снежинки в щели, полости, надувал за скалами сугробы. За долгую зиму там вырастут целые холмы. Зайцы и куропатки, не успевшие сменить свой серенький наряд на белый, были теперь хорошо заметны. Это облегчало Топу охоту. После очередной успешной вылазки он, как обычно, взобрался на свой любимый наблюдательный пункт — скалистый утёс. Соскрёб когтями налипший на широкие ступни снег и, пригретый полуденным солнцем, свернулся в клубок. Разбудил треск веток. По долине брёл моластый медведь. Коричневая шерсть, слипшаяся от смолы и репёв, свешивалась с боков клочьями. По тому, как часто косола-

пый отдыхал, было понятно, что он идёт из последних сил: то ли болен, то ли стар.

Топ сразу определил — миша не жилец, но он так плотно поел, что поленился преследовать топтыгина. Только через день, когда желудок опустел, он двинулся по его следу. Там, где медведь ложился, от груди отпечатывался глубокий жёлоб. По нему и вмятинам от острых локтей было видно, насколько худ зверь.

Всё говорило о том, что у Топа хороший шанс занять гору мяса. Чем дальше, тем чаще лёжки. Редкая, особенно на животе, медвежья шуба не защищала зверя от мороза. В одном месте в остекленевший снег впаялись коричневые шерстинки — похоже, долго лежал. Следы вели к источнику с солоноватой водой. Он не замерзал даже в сильные морозы. Особенно любили посещать его копытные.

Здесь снега было меньше, и вместо борозды тянулась цепочка ямистых отпечатков. В них проступали алые пятна: похоже, голые ступни топтыгина полопались и кровоточили. Возле источника медвежьи следы смешались с волчьими. По ним Топ видел, что серые взяли бедолагу в кольцо и атаковали. К пятнам крови прибавились клочья шерсти, как медвежьей, так и волчьей. Ветер успел согнать их в снежные стаканы. Миша каким-то чудом вырвался из волчьего оцепления, и толчая следов тянулась, сходясь и расходясь, вдоль берега ещё метров сто. Развязка наступила под обрывом.

Частокол белеющих рёбер обозначил место пиршества волчьей стаи. На истоптанном снегу валялась недоеденная голова. Это всё, что осталось от некогда могучего зверя.

Сделав большой круг, Топ убедился, что серые покинули эту территорию, и вернулся к останкам медведя. Прожив здесь три недели, он доел не только голову, но и перемолол, перетёр крепкими коренными зубами мозговые кости. На медвежий дух как-то забрёл старый волк. Твёрдый, тяжёлый взгляд выдавал в нём нелюдимого бирюка. Топ отдыхал в это время неподалёку. Он был сыт и не стал отстаивать свои права. Серый попытался погрызть оставшиеся кости, однако зубы старика не смогли с ними справиться. Похватав от безысходности пропитанный кровью снег, волк так и удалился ни с чем. Когда от медведя ничего не осталось, и Топ покинул это место.

Зима достигла пика своего могущества. Принаряженные алмазной бахромой деревья трещали от стужи. В эти дни мало кто отваживался высунуть нос из своих убежищ — мороз сразу пробирал до нутра. Один лишь ворон, украшенный заиндевелыми бакенбардами, продолжал шуршать крыльями над тайгой, оставляя за собой след кристаллизованного пара. Заметив кого-либо, он от удивления оглашал промороженное пространство раскатистым «к-р-р-у-у!».

Топ тоже отлёживался в глубокой снежной норе. Однако голод заставил на третий день выбраться. Вышел не в сумерках, а днём — солнце всё же смягчало стужу.

Мороз сразу вцепился когтистой лапой в морду. Пронзив калёными иглами ноздри, вытек из глаз слепящей влагой. Алоб заломило так, словно с головой провалился в полынью.

В тугом, жгучем воздухе Топ не чувствовал ни единого запаха — всё выстудило. Теперь вся надежда на глаза. Изучая на снежной пелене немногочисленные следы, он видел только старые. Чтобы не обморозить нос, Топ периодически прятал его под мышку. Подушки лап, несмотря на то, что густо опушены шерстью, тоже приходилось по очереди вжимать в мохнатое брюхо.

Из распадка донёсся странный стук: как будто кто-то стучал дубиной по стволу. Спустившись пониже, Топ увидел однорогого сохатого, бившего оставшейся «лопатой» по стволу берёзы: лесной великан решил избавиться от второго рога — видимо, устал ходить с перекошенной на один бок головой.

Неожиданно сверху посыпалась, кружась, шелуха кедровых шишек — не белка ли? Увы! Это были недоступные Топу клесты! Дойдя до круто обрывающегося склона, он свернулся в клубок и скатился на дно впадины, оставляя за собой гладкий, волнистый жёлоб. Отряхнувшись, двинулся вдоль заваленного снегом русла. Его внимание привлекла струйка пара, поднимающаяся из-под каменного козырька. Взобравшись на снежный намёт, Топ увидел отверстие, густо обрамлённое пушистым инеем. Что же там внутри? Может, берлога? Принюхался — медведем не пахнет.

Протискиваясь в чёрный зев, он коснулся головой игольчатой завесы. Холодная осыпь прошелестела по спине. Когда

глаза немного привыкли к мраку, он разглядел приземистый грот. Стены ребристые, с выходами слоистых пород. Здесь было заметно теплей. Любопытный зверь решил осмотреть пещеру. Осторожно ступая по камням, он прошёл в более просторный зал. Тут чувствовался сквозняк. Двигаясь навстречу воздушному потоку, Топ услышал мелодичные звуки. Как будто серебряный молоточек бил по наковальне: тинь, тинь, тинь... Чем дальше он шёл, тем громче тинькало и прозрачней становилась тьма. Пройдя поворот, Топ увидел сноп голубоватого света, льющегося сквозь высокий узкий пролом. Снег, окаймлявший его, от тёплого воздуха таял, и капли со звоном падали в озерцо.

На берегу лежали крупные кости каких-то животных. Голодный путешественник попытался погрызть их, но бросил: на вкус — обычный камень. В воздухе что-то прошуршало. Топ поднял голову и разглядел тёмные комочки. Это были летучие мыши, свисавшие с шершавого свода вниз головой. Их было много: сотни, если не тысячи.

Цепляясь когтями за неровности стены, Топ вскарабкался повыше и снял один комочек. Мяса немного, но оно оказалось нежным и приятным на вкус. Радости росамахи не было предела. Топ даже подпрыгнул от восторга: теперь можно не беспокоиться о пропитании! А если учесть, что в этом каменном мешке тепло и полно воды, будущее представлялось сытым и спокойным.

ГЛАВА 36

Перевал

Пещера и летучие мыши помогли Топу пережить необычайно суровую зиму. Когда мороз слабел, он выходил охотиться наружу: летучих мышей, до которых можно было дотянуться, становилось всё меньше. На плато уже пахло весной. Снег кое-где залоснился настом. Деревья, тронутые первыми вздохами тепла, оживлённо зашептались. У приствольных кругов завитал едва уловимый запах прелых листьев, прошлогодней травы и влажного мха. С проплешин доносился дикий хохот ошалевших от весенних страстей куропаток, перемежающийся с жизнерадостным теньканьем весёлых синичек.

Как только сошёл снег и подсохла земля, Топ продолжил путь в родные края. Со скальной гряды хорошо просматривалась вереница конусовидных гольцов Головного Хребта. Уходя на север, они растворялись в лёгкой дымке. В глубоких морщинах пепельных склонов лежали не успевшие растаять плотные надувы. Топа потрясла мощь и высота этой горной цепи.

Водораздела неумолимый путник достиг за дневной переход. С него открылся вид на более низкие отроги, переходящие у горизонта в зелёную равнину, поблёскивающую площадками озёр. Казалось, дальше уже нет ничего, кроме этой изумрудной глади. Но где-то там, вдали, должен быть ещё один горный массив, к которому так стремится Топ.

Издавая трубные крики, над ним пролетел на север журавлиный клин. Теперь в нём звучала ликующая радость, не то что осенью. Тогда журавли, покидая родовые долины, курлыкали протяжно и печально.

Предвкушение встречи с родным краем подстегнуло Топа: прыгая с камня на камень, он устремился вниз вдоль ручья. Спускаясь, Топ то и дело вставал на задние лапы. Делал он это не только, чтобы выбрать лучшую дорогу, но и чтобы не встретиться с людьми — ведь тут они уже должны быть. Когда до равнины оставалось совсем немного, склон неожиданно оборвался отвесной стеной. Разогнавшийся ручей слетал с неё, красиво рассыпаясь в воздухе на жемчужные гроздья, в водобойный котёл. В некотором удалении от него на обширной площадке стояли длинные серые строения, окружённые столбами с рядами колючей проволоки, натянутой между ними. За изгородью ходили огромные собаки и двуногие. Точно такие же «селения» встречались Топу и по ту сторону гор, но там они были безлюдными, заросшие берёзками. Чтобы не попасться людям на глаза, Топ обошёл это страшное место стороной.

ГЛАВА 37

Зверобои

Дальше сплошную тайгу стали разрывать непривычно широкие тропы и пустоши, усеянные пнями с ровным срезом. На некоторых уцелевших кедрах виднелись шрамы от затёсов. Беспокойство Топа нарастало. Он физически ощущал

приближение беды. В подтверждение тому издалека донёлся рокот. Так же рокотало железное чудище Круглолицего.

Пока Топ решал, с какой стороны в этот раз обойти опасное место, рокот прекратился и воцарилась тишина. Вернее, не тишина, а смена звукового фона. Для росомахи шелест листьев, птичий гомон, стук дятла, остервенело выколачивающего из дерева хлеб насущный, были столь привычны, что он их не замечал.

Вскарабкавшись для лучшего обзора на дерево, Топ увидел людей, поднимающихся по косогору с огнебойными палками в руках. В это время из подлеска показался небольшой табунок оленей. Судя по тому, что люди замерли, они тоже заметили животных. Громыкнули выстрелы. Передняя оленуха упала, а остальные бросились врассыпную. По тому, как тяжело бежал рогач, Топ понял, что он ранен. Один из двуногих припустил было за ним, но вскоре почему-то вернулся.

Хорошо изучивший повадки людей, Топ решил дождаться, когда зверобой разделают добычу и уйдут — тогда можно будет пожить в уютности. Увы! Зверобой унесли тушу целиком. Вылизав траву, обрызганную кровью, Топ почувствовал, как он голоден, и решил добыть раненого оленя.

Пройдя чуть более километра, обнаружил его на берегу лопчущего между валунов ручья. Голова рогача по самые уши лежала в воде — видимо, пытался пить. Съев мяса столько, сколько смог осилить за раз, Топ не стал даже отдыхать — хотел побыстрей покинуть эту опасную территорию.

ГЛАВА 38

На родине

Когда ровную линию горизонта вновь изломали лиловые зубцы, у Топа не было сомнения — это его горы! В центре взор ласкал приметный белоголовый купол, по бокам — столбобразные вершины пониже.

Последние километры одолел без единой остановки. Взойдя на первый кряж, прилёг отдохнуть в тени разлапистых кедров. Воздух, густо насыщенный ароматом хвои, хотелось вдыхать бесконечно долго. Гряды гор от него разбежались так далеко, что казалось, нет им ни конца ни края. На самом же

деле этот горный массив был не столь велик: порядка восьмидесяти километров в самой широкой части.

Здесь Топу всё было знакомо. Прямо перед ним — родной участок. Там он встретился с Лаской... Найдёт ли её? Этот вопрос волновал его больше всего. Подлетела сорока и, прыгая по веткам, с воодушевлением что-то протараторила. Видимо, поприветствовала старого знакомого.

В надежде найти свою подругу Топ направился к пещерке, в которой они частенько отдыхали или прятались от мошки. Вот и ложбинка с родничком-живуном, бьющим из-под узловатых корней. Его даже в самые сильные холода обмётывало льдом лишь у берегов. Где-то тут и должен быть проход в пещерку. Точно — вот он!

Забравшись в сухой грот, Топ с волнением обнюхал мох, листья, устилавшие каменный пол. Они до сих пор хранили родные запахи, но свежих среди них не было. Улёгшись на прохладную плиту, он прикрыл глаза. Давние, уже полузабытые события вдруг стали всплывать из тайников памяти, звучать и видеться будто наяву. Вспомнилось, как счастливо и беззаботно они с Лобастым жили у двуногих, с каким воодушевлением он осваивал науку самостоятельной жизни, как выручил его Амур, как с Мавром наказали Круглолицего, как с Лаской растили малышей.

«Эх, найти бы её!» Топ страстно желал встречи с милой его сердцу росомашкой ещё и потому, что настало время гона. Но, сколько ни ходил, ни колесил он по участку и за его пределами, следов подруги не обнаружил. Ушла! Куда? Неизвестно.

Поскольку в пещерке даже в самые знойные дни было прохладно и не докучал гнус, Топ в ней и поселился. Жил, придерживаясь простого распорядка. В течение дня, спасаясь от жары, дремал в гроте. С приближением вечера вставал и отправлялся на охоту. Вернее, даже не на охоту, а на кормёжку: как известно, летом у росомых с питанием проблем нет. Тут тебе и сочные коренья, и мёд, и яйца, и птицы, и грызуны.

Как ни странно, через какое-то время Топ потянуло к двуногим. Во сне ему всё чаще виделись пышнотелая хозяйка, добрейший Пуля. Как хорошо и весело жилось с ними! Эти сны-воспоминания бередили душу зверя, но он всё не решался сходить в село.

ГЛАВА 39

Разгул браконьерства

В начале осени Подкова наряду с товарами повседневного спроса привёз в Верхи два снегохода «Буран» и предложил промысловикам, про которых знал, что те втихаря браконьерят, взять в аренду. «Доверенные» охотники не отказались. По условиям договора они должны были в течение двух лет ежегодно сдавать по двести килограммов брусники, клюквы, по восемьдесят штук рябчиков, двадцать тетеревов, десять глухарей, а главное — по полторы тонны мяса. Чтобы охотвед не поднял шум, какого именно мяса, в договоре не указали. По выполнению этих условий снегоходы переходили в собственность охотника.

В следующий заезд парк пополнился ещё двумя машинами и бочками бензина к ним. Обладатели скоростной, не знающей усталости техники, охотники теперь могли загнать любого зверя. Оставалось только дожидаться, когда ляжет снег. А лёг он буквально день в день с открытием промыслового сезона — 15 октября. Уже через неделю выбеленные окрестности покрыла густая сеть следов от зубчатых траков. Две гусеницы и одна опорно-поворотная лыжина позволяли «Буранам» без особого труда передвигаться по таёжной глухомани, легко раздвигая подрост своим полукруглым носом.

Ребристые ленты на снегу появились даже в прежде недоступных местах. Рядом, зачастую — следы в ужасе бежавшего зверя. О развязке красноречиво повествовал окровавленный снег.

Добычливей всего охота была на безлесых горельниках и марях. Да и непролазная тайга день ото дня делалась всё более доступной: стремясь побольше заработать, опьянённые лёгкой добычей, браконьеры не ленились растаскивать завалы, пропиливать мотопилами в них проходы.

Заготовки мяса у Подковы резко выросли. Он ликовал — доходы с каждого рейса утроились, и деньги, вложенные в снегоходы, отбились в первый же сезон. А алчные арендаторы радовались, что обзавелись такими замечательными помощниками. Увещевания же Степана не превышать нормы

отстрела не останавливали их: милиция далеко, а охотовед пошумит, пошумит да перестанет — ему тут жить.

Больно было Степану Ермиловичу видеть, как скудеет тайга, но время было лихое — мир перевернулся: зло торжествовало! Иные мужики словно с цепи сорвались. Чем бесовственней и наглей вёл себя человек, тем больше зарабатывал. Казалось, что этому безумству не будет конца...

Пусто стало в тайге. Прежде каждый шаг в лесу был наполнен сладостным ожиданием: вот сейчас из-за куста выскочит заяц или из снежной спальни вылетит красавец глухарь. Теперь это всё осталось в прошлом.

ГЛАВА 40

Ласка

Окрестная тайга за два года превратилась в безжизненную пустыню. Можно было пройти несколько вёрст, а на снегу встретить лишь миниатюрные строчки мышиных следов, разделённые кое-где тоненькой ниточкой от хвоста. Среди зверей уцелели лишь те, кто посмекалистей. Одни из них забрались на неприступные для снегоходов крутяки, другие и вовсе покинули этот горный массив.

Бродя зимой по осиротевшим распадкам в поисках чего-либо съестного, Топ вдруг оживился: ветер принёс давно искомый, но уже успевший несколько стереться в памяти дух. Прихватив носом запашистую струйку, он побежал, следуя ей, веря и не веря: это был запах Ласки. Вскоре увидел и её следы, чётко отпечатанные на уплотнённом ветрами снегу. Они неторопливо виляли среди деревьев. Топ очумел от радости. Вдруг след пошёл прямо, без отклонений, а шаг стал шире. «Интересно, куда это она заспешила?» Топ припустил что было сил: ему не терпелось увидеться с росомашкой.

Вскоре Ласка и вовсе перешла на махи. Похоже, её что-то встревожило. Сбоку появилась широкая ребристая лента, оставляемая железным чудищем, на котором теперь ездили двуногие. В носу от едкого запаха гари засвербило.

Ласка бежала к изголовью распадка. Широкая лента, спрямляя изгибы, не отставала. И тут Топ упёрся в небольшой

вытоптаный круг весь в пятнах крови. Следы Ласки в этом месте обрывались...

Потрясённый Топ был готов вцепиться в горло и разорвать двуногого, убившего его подругу, но понимал, что железное чудище ему не только не одолеть, но и не догнать. В соседнем распадке тоже появились ребристые ленты. У одной из них лежали головы и внутренности трёх оленей. Топ понял: люди достигли такого могущества, что могут убивать столько, сколько захотят. И, если он не хочет повторить судьбу Ласки, лучше покинуть эти места. Куда идти, он давно решил — на север! Однако выход откладывался со дня на день — с обжитым участком всегда тяжело расставаться. К тому же припекавшее солнце расквасило снежный покров, и двуногие стали покидать тайгу.

Надежды на то, что быстро тающий снег, как обычно, обнажит останки погибших в морозы животных, не оправдались: в опустевшей тайге их и не могло быть.

Топу давно хотелось нежной, парной зайчатины. По схваченному утренником глянцевою снегу, ещё сохранившемся на северных склонах, загнать косога было несложно. Наст в это время столь прочен, что на нём оставались лишь царапины от когтей. Зверь вспомнил, что на днях на берегу Ворчалки упала здоровенная осина, и он ныряющими прыжками направился туда: зайцы обожают мясистую, горьковатую кору этого дерева. Но, увы! Ни одного следочка — повсюду лишь девственный наст. Пришлось опять довольствоваться мышами. Хорошо, хоть их было в достатке.

Во сне Топу стали видаться то громадные туши лосей, то табунки доверчивых куропаток. Голод и эти навязчивые видения в конце концов принудили его оставить омертвевшую тайгу.

ГЛАВА 41

На севере

Топ спустился с хребта к широкой, полноводной, местами распадающейся на узкие рукава реке и зашагал туда, откуда ветер всегда приносил холод и дожди. Гладь равнины изредка пучили длинные песчаные увалы, поросшие соснами. Пружи-

нистый слой из опавших хвоинок под ними чередовался с серебристыми коврами шарообразных клубов ягеля. На солнце-пёке он был низким и хрупким: стоило наступить на мшистый клубок, он с лёгким хрустом рассыпался. А вот в тенистых и влажных местах ягель превращался в упругую противоположность: стоило наступить — податливо проминался, а как только Топ убирал лапу — принимал исходную форму.

Болотистые участки устилал хлипкий ковёр, сотканный из корней травянистых растений и низкорослых кустарников. Эту изумрудную гладь местами разрывали голубые блюдца озёр. Вокруг них в изобилии гнездились водоплавающие. Вечерами от их криков вибрировал воздух. В этом многоголосье можно было различить и надрывное криканье уток, и гоготание гусей, и пронзительный свист куликов. Птиц влекли сюда богатые корма и недоступность их гнездовых для вороватых лис и песцов.

Топ же благодаря широким лапам ходил по этим топям свободно. Бесцеремонно сгоняя с гнёзд мамаш, он с удовольствием лакомился лежащими в них яйцами, отдавая предпочтение крупным гусиным: надкусывал скорлупу и высасывал содержимое через образовавшееся отверстие. Опорожнённые таким образом яйца внешне выглядели целыми. Топ, в отличие от песцов, клал их обратно в гнездо. После такого хитроумного ограбления гусыни продолжали добросовестно высиживать пустышки.

Шагая по берегу одной из протоков, Топ вышел на широкий, со слабым течением плёс. От него нёсся шум, напоминающий треск сучьев. Зверь привстал на задние лапы: протоку переплывали дикие олени. Плывущие животные держались так плотно между собой, что их ветвистые рога, стучаясь друг о друга, издавали этот необычный треск.

Запрыгивая на берег, олени шумно отряхивались, после чего жадно хватали подвижными мясистыми губами всё, что росло под ногами: кустики карликовой берёзы, ивового стланика, брусники; но предпочтение отдавали сытному ягелю.

Топ дождался, когда эта лавина двинется дальше, и тоже переплыл протоку. Вскоре он обнаружил, что за стадом оленей следуют две росомашьи семьи. Осторожный зверь поначалу держался на некотором удалении от них. Но, видя,

что его появление соплеменниками воспринято доброжелательно, присоединился к ним.

Охотились, вернее сказать, пасли оленей росомахи просто: ложились в двадцати—тридцати метрах от пережёвывающего жвачку стада и наблюдали. Определив, кто послабей, гнали несколько десятков метров. Если чувствовали, что с ходу не взять, оставляли в покое. А если намеченная жертва бежала не прытко, продолжали погоню. Когда животное начинало сдавать, делали резкий рывок и валили с ног. Иных и преследовать не приходилось: доставали в несколько прыжков.

Правда, один олень, круто повернувшись навстречу преследователям, встал на дыбы и принялся так неистово молотить передними ногами воздух, что росомахи, поражённые необычной храбростью животного, отступили.

Топ среди сородичей оказался самым сильным и дерзким. Он мог схватить оленя за шею и ещё живого таскать по земле из стороны в сторону, хотя вес жертвы в четыре-пять раз превосходил его собственный.

Несмотря на обилие мяса, росомахи никогда не оставляли костей — разгрызали даже самые толстые. Особенно долго приходилось возиться с рогами. Удерживая основной ствол передними лапами, они, с усилием ворочая головой, перепиливали-перетирали его коренными зубами. Тут уж хищники не считались со временем: роговые опилки были их излюбленным лакомством.

Иногда намеченного к трапезе оленя выручала близость реки или озера. Хотя росомахи хорошие пловцы, в воду они заходят неохотно. Поначалу самые азартные пытались продолжать преследование и по воде, но олени, будучи намного выше в ногах, дождавшись, когда преследователи подплывут, с хриплым мычанием били их копытами. После пары таких уроков росомахи перестали рисковать.

Смекалистый Топ изобрёл более безопасный способ охоты. Приблизившись к стаду, он падал навзничь и, тяжело дыша, начинал кататься из стороны в сторону, якобы корчиться в судорогах. Олени прекращали кормиться и с любопытством наблюдали за странным поведением хищника. В это время его соплеменники подкрадывались к стаду почти вплотную и атаквали, как правило, успешно.

Правда, в жаркие дни эта хитрость не давала нужного результата. Облепленным слепнями и оводами животным было не до зрелищ. Они безостановочно били по брюху и бокам задними и передними ногами. Либо стряхивали резким подёргиванием шкуры вонзивших в них острые носы-стилеты кровососов.

В лесотундре встречались и домашние олени, но росوماхи с ними не связывались: они находились под охраной некрупных, но необычайно голосистых оленогонных собак и их двуногих хозяев. Зачем рисковать, если еды и так достаточно?

К середине лета, когда арктическое солнце, едва коснувшись далёких холмов, отскочило вверх, росوماхи переключились на другую, более лёгкую и доступную добычу: на линных гусей. Встав цепью, они отрезали беспомощным птицам дорогу к воде и гнали в тундру, где давили сначала тех, кто на виду, а потом добирали затаившихся в зарослях карликовой берёзы.

В конце лета тундра закишела расплодившимися леммингами и пищухами. Топ первым переключился на разжиревших на разнотравье и сочных корешках грызунов.

Животы у росوماх от такой обильной кормёжки округлились, чёрные смородинки глаз весело и беззаботно заблестели. Охватившее Топа любовное томление побудило его сойтись с одной из самочек, но через месяц она стала тяготить его своей bestолковостью. Когда глупышка в очередной раз испортила охоту, он оставил её.

Росوماхи не брезговали и отъевшимися за лето песцами. Топ презирал этих «собачат» за трусость, но давил и ел с удовольствием.

В начале осени, когда миновала пора комаров, стада копытных хлынули обратно в тайгу*. Пасшие их росوماхи двинулись следом. Топ же остался: зачем уходить, когда вокруг столько еды и двуногие не докучают. Он с недоумением смотрел вслед удаляющейся лавине оленей и бегущим за ними сородичам. В это время в небе что-то загудело, и из-за низких облаков вынырнула огромная зелёная птица. Покружив над

* Главная причина осенней миграции северных оленей на юг, в леса в том, что на открытых пространствах тундры снеговой покров под воздействием ветров сильно уплотняется и делает невозможным добывание корма.

тундрой, она хищно зависла над оленями. До Топа донеслись резкие щелчки огнебойных палок. Стадо разделилось на две части и в панике понеслось в разные стороны. Несколько оленей осталось лежать на земле. Росомахи же гурьбой кинулись обратно. Сделав крутой вираж, птица полетела за ними. Опять донеслись щелчки.

Топ видел, как его бывшая подруга волчком закрутилась на месте, а её отец сунулся в траву, словно провалился в глубокую яму. Рокочущая громада опустилась рядом. Из неё выпрыгнули двуногие и, забрав убитых, вернулись к убитым оленям. Топ был потрясён: ведь и он мог оказаться среди них!

Световой день тем временем становился всё короче, а тени длиннее. После нескольких волн холода тундру накрыли снега. Робко выплывавший по утрам диск потускневшего солнца, прокатившись вдоль линии горизонта с востока на запад, спешил укрыться от пронизывающих ветров за холмами.

Настал день, когда к земле пробился последний, жиденький луч. Это был прощальный привет светила, покидающего этот край на три недели. Следующие два дня небосвод в полдень ещё подсвечивался невидимым уже солнцем, но на третий день полярная ночь окончательно вступила в свои права.

Жизнь съёжилась, попряталась в сугробы, расползлась по глубоким норам. Каждый выживал, как мог. В этом оледенелом полуночном крае мороз порой достигал такой силы, что белая сова, распушив перья, превращалась в шар.

Топ хоронился от стужи и пронизывающего ветра, зарываясь в снег. Полярная ночь его жизнь не осложнила. Он и прежде предпочитал охотиться в сумерках или темноте. Но кишевший всевозможной живностью край теперь словно вымер. Выручали устроенные с лета запасы. Не все схроны уцелели, но и оставшихся было достаточно.

Как-то небо несколько посветлело. По чёрному, украшенному гроздьями созвездий своду ритмично забегала полупрозрачная, серебристая лента. Дрожа и пульсируя, она, казалось, дышала. Временами по ней с шорохом прокатывались зеленоватые сполохи, но вскоре нежные переливы потухли, и поднялся ветер. Над промороженной тундрой понеслись, многоголосая, выравнивая всё на своём пути, снежные вихри. Чтобы сберечь тепло, Топ опять глубоко закопался в зернистую толщу.

ГЛАВА 42

Авария

Весна и лето прошли в сытости и покое. Однако с приближением зимы в душе Топа стало расти беспокойство. Безлесая тундра начала раздражать его своим монотонным однообразием. Пробудилась тоска по привычным горам и тайге. Ему стало казаться, что нет на свете места краше и богаче, чем его родной край. Конечно, там много двуногих с громобойными палками, но ведь Топ хорошо изучил их повадки и был уверен, что сумеет избежать опасных встреч и ловушек. Он почему-то напрочь забыл, как голодал там.

Была ещё одна причина, по которой его потянуло на родину. Тут ему не хватало некоей состязательности с прямоходящими. Раньше он гордился тем, что, сколько бы они ни ставили на него капканов, сколько бы ни гоняли по тайге, он всегда выходил победителем. Это соревнование было для него своего рода увлекательной, правда, сопряжённой со смертельным риском, игрой.

Очередная волна морозов явилась последним толчком: он отправился на родину. Чтобы облегчить путь, воспользовался самой удобной дорогой — широкой лентой закатанной в лёд реки. Правда, были в этом выборе и свои минусы. Не имея преград, ветер на некоторых участках разгонялся так, что сквозь мутную позёмку не всегда можно было разобрать, где же русло.

Бежал Топ по косым, тянущимся поперёк реки застругам практически без остановок. На берег выходил лишь подкрепиться и передохнуть где-нибудь в затишке. Любимых белых куропаток добывал ночью из снежных спален, а если голод давал о себе знать днём, засекал их на белоснежном покрове по чёрным бусинкам глаз и нескольким тёмным перьям в хвосте (эти перья помогают куропаткам не терять друг друга в полёте).

Когда до родных гор оставалось полтора, от силы два перехода, Топ решил побаловать себя зайчатинной. В заваленной снегом ложбине, обрамлённой с трёх сторон чешуйчатыми стволами лиственниц, снег был исчирикан не только набродами столовавшихся куропаток, но и топаниной беляков.

Затаившись у хорошо натерённой тропы, хищник стал поджидать косога. Вот и он.

Прыжок! Матёрый беляк ловко увернулся. Топ же завершил прыжок крайне неудачно: чуть присыпанный снегом острый смолистый сучок пробил ступню лапы насквозь. Росомаха сгоряча кинулась было в погоню, но почти сразу встала — из-за застрявшего обломка каждый прыжок отдавался острой болью. Пришлось сесть и выдернуть занозу зубами. Боль сразу ослабла. Заяц тем временем убежал так далеко, что преследовать его не было смысла.

Зализав рану, Топ побрёл с намерением добыть хотя бы куропатку. Увидев след рыси, свернул на него, надеясь поживиться остатками её трапезы. Пройдя с километр, разглядел за застругом рысь. Рядом с ней лежал недоеденный беляк. Крапчатая кошечка, заметив Топа, устрашающе зашипела, нервно задвигала ушами. В этот момент с неба донёсся слабый рокот. Он становился всё явственней. Топ узнал его: так же рокотала зелёная птица, напавшая на стадо оленей и убившая семью росомах.

Приглядевшись, засёк на фоне свинцовых туч и самого грозного стервятника. Он быстро рос в размерах. Похоже, птица тоже заметила их — стала снижаться. Когда она зависла над росомахой, вокруг поднялась снежная круговерть, а от нестерпимого грохота заложило уши. Топ, помня, что его сородичей в аналогичной ситуации не спасло даже бегство, нырнул в снег и, зарываясь в него, старался уйти в сторону.

Он не видел, как открылась дверца, и человек направил на убегающую кошку карабин. Как из него вылетали огонь и клубки дыма. Как рысь, кувыркнувшись через голову, неловко распласталась на пушистой перине. Зато слышал, что рокот вдруг резко усилился, и земля содрогнулась от удара. После этого наступила пугающая тишина.

Топ замер и ещё с полчаса не шевелился. От горячего дыхания снег перед его носом протаял и не мешал дышать. Время шло, а тишина никем не нарушалась. Осторожно высунув морду из убежища, росомаха увидела, что грозная птица лежит на почерневшем снегу в нескольких прыжках от него. С её зелёной спины свисают узкие крылья, а из-под смятого брюха идёт дым. На грязном снегу распластались человек, чуть поодаль — мёртвая рысь.



Раздался скрип, и дыра в боку птицы расширилась. Из неё показалась голова двуногого. Топ тут же скрылся в снежной норе и опять обратился в слух. Сверху временами доносились непонятные звуки: стук, скрежет. Вслушиваясь в них, россомаха не заметила, как заснула.

* * *

Степан Ермилович при падении вертолѐта легко отделался: расшиб голову, колено и, судя по острой боли при вдохе, кажется, сломал ребро. Его спасло то, что был пристѣгнут к сиденью. Он всегда бравировал тем, что игнорировал ремень безопасности, но в этот раз, когда они взлетали с Трофимова участка, словно подчиняясь чьей-то безмолвной команде, почему-то не только застегнул его, а даже затянул до упора, плотно прижав себя тем самым к спинке.

«Никак ангел-хранитель подсказал!» — с благодарностью подумал Степан, глядя повлажневшими глазами в небо. Опираясь на стенку, он пробрался в кабину. Командир полулежал, уткнувшись лицом в залитую кровью приборную доску.

— Иван Петрович, как ты?

Ответа не последовало. Осторожно приподняв его голову, Степан содрогнулся от застывшего взгляда расширенных

зрачков. Взяв себя в руки, прижал к запястью командира палец — пульс не прощупывался. Сомнений не было — командир мёртв. Бездыханное тело второго пилота лежало на почерневшем снегу — при ударе его выбросило в открытую дверь и рубануло лопастью.

Мысли лихорадочно полетели одна за другой. «Надеяться на помощь бессмысленно: на всю округу был один вертолёт, и тот теперь разбит... До Верхов не больше пятидесяти километров, а до промысловых избушек и того меньше... За три дня всяко одолею, но прежде надо второго пилота в вертолёт затащить...» — размышлял он.

Поскольку стёкла кабины были разбиты, охотовед, дабы звери не испортили тела вертолётчиков, перенёс их в мятый, но без разрывов салон. Порылся в сумках. Добыча скудная — четыре пирожка с картошкой. Зато оленины и дичи, сданной промысловиками, не на одну сотню ртов хватит. Нарубив топориком мороженой мякоти, сложил её в полиэтиленовый пакет и засунул в рюкзак.

Пока собирался, солнце перевалило зенит. Подойдя к распахнутой двери, охотовед попытался с ходу спуститься, но не тут-то было — земля почему-то поплыла: то удалялась, то приближалась, то вообще уходила вбок.

— Вот это да! Похоже, сотрясение мозга!

Он с минуту не мог понять, куда ставить ногу. Поймав наконец момент, когда примятый снег замер, встал на него. Притянув обрывком стального тросика деформированную дверцу к фюзеляжу, поковылял на юг, с трудом переставляя травмированную конечность. Поначалу каждый шаг давался через силу, но постепенно мышцы и связки разогрелись. Скованность ослабла. Боль притупилась, а на душе становилось всё горше и горше: Степан считал, что именно он повинен в гибели людей.

Когда в иллюминатор увидел одновременно россомаху и рысь, его ликование не было предела: звери возвращаются в их леса! Окликнув командира, выразительно затыкал пальцем в стекло. Тот заулыбался и, сбавив до предела высоту, подал знак второму пилоту сделать фотографии. Парень же, открыв дверь, вместо этого принялся палить из карабина. Командир обернулся на выстрелы и что-то прокричал. В этот миг вертолёт качнулся и резко пошёл вниз...

ГЛАВА 43

Тяжёлая дорога

Топы разбудил приближающийся хруст снега и шумное дыхание. Шаги всё ближе! Неужели обнаружили? Нет, удаляются!.. Росомаха осторожно высунула нос и поцедила воздух. В нём появилось несколько новых запахов. Один из них Топу показался знакомым. Где он слышал его?

Ого! Так это же запах того странного двуногого, который в детстве подкармливал его, а после поймал и отвёз в тесном ящике в громадный человеческий муравейник. Надо быть начеку — от него можно ожидать любого подвоха.

Топ выбрался из снежной норы спустя час после того, как стихли шаги. Вокруг царило такое безмолвие, что уши улавливали шёпот падающих снежинок. Железная птица уже не чадила. Снег вокруг был в ямыстых следах двуного. Вот тут он срубил и очистил от веток берёзку и пошёл туда же, куда держал путь Топ.

Вскоре зверь догнал его. Человек шёл медленно, опираясь на палку. Но это была не огнемётная, а обычная палка — из той срубленной берёзки. Топ забежал далеко вперёд, дабы воочию убедиться, что нюх не обманул его. Да, это был тот самый двуногий с мордой, густо заросшей шерстью.

* * *

Степан, прислонившись к дереву, восстанавливал дыхание: сломанное ребро мешало дышать полной грудью. Стоило вдохнуть чуть глубже, как бок пронзала колющая боль, а лоб покрывался испариной. Ко всему прочему, земля под ногами опять закачалась. Ему бы полежать дня два-три, но нет — надо идти.

Отдыхая, Степан в который раз прокручивал события сегодняшнего дня. «И далась нам эта клюквенная настойка! Взяли бы с собой и вечером дома посмаковали... Эх! Задним-то умом все сильны!»

Зная, что зверя в их тайге почти не осталось, а попытки остановить браконьерский беспредел не находили поддержки ни у начальства, ни у милиции, Степан Ермилович в прошлом

году договорился в областном земельном комитете, чтобы госпромхозу выделили промысловые участки на Главном Хребте, и закрепил их за семерыми честными охотниками. Самый ближний участок находился в ста восьмидесяти километрах от Верхов. Для пешей заброски далековато. Хорошо, что командир авиаотряда пошёл навстречу землякам: выделил единственный исправный вертолёт. Правда, пришлось пообещать ему трёх соболей для жены.

А с Подковой и охотниками, выбившими практически всю живность на снегоходах, договора на аренду старых участков расторг. Но главным своим достижением Степан считал увольнение Подковы из потребсоюза. Теперь на автоталавке к ним приезжал сын Макарыча.

Уже в первый же рейс жители села с удивлением обнаружили ощутимую разницу в закупочных ценах. Оказывается, Подкова занижал их на тридцать процентов. Люди клялись пройдоху и радовались, что теперь будут получать за свой труд заметно больше. Из снегоходов на ходу остался лишь Лукьяновский. Поскольку участка его лишили, он, когда у него попевала брага, напивался и, сев на «Буран» бесцельно гонял по озеру, горланя: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает».

Нынче Степану удалось облететь все новые участки и принять у промысловиков заготовленное мясо, пушнину; раздать продукты, боеприпасы до конца сезона. На последнем хлебосольный Трофим угостил клюквенной настойкой. Для пробы по кружке выпили, потом повеселили душу второй.

— Хорошо у тебя, Трофим! Такая красота вокруг! Пожить бы пару недель, — вздыхал расчувствовавшийся второй пилот.

Промысловик оживился:

— Так в чём дело? Оставайтесь! Поохотимся, погуляем маненько! Настойки хватит!

— Спасибо, отец! Нам пора. Давай по последней.

«Вот ведь! И в самом деле последняя получилась», — тяжело вздохнув, Степан побрёл дальше.

Укрытая снегом марь в этом месте даже зимой не промерзала: будто кто подогревал изнутри. При каждом шаге под снегом чавкало. Унты от налипавших комьев отяжелели.

Это беспокоило путника: «Хватит ли сил дойти до ближней избушки?» При воспоминании о зимовье в голове сразу завоили вопросы: цела ли там будет печурка? Найдётся ли что поесть?

Беспокоился он не случайно. В последние годы многие промысловики из-за отсутствия зверя побросали свои участки. Если в прежние времена невозможно было представить зимовье без железной печки, дров возле неё, подвешенных под потолком полотняных мешочков с сухарями, солью и крупой, то сейчас в ином и спичек не сыщешь.

«Хорошо бы на Петрову избушку выйти. Она ближе всех будет. У него наверняка порядок — хозяйственный старик... Обсушусь, обогреюсь, чайку попою, отлежусь в тепле, а потом домой», — размечтался охотовед.

Короткий зимний день отгорал. Марь местами пучилась невысокими гривками, утыканными худосочными елями. На одной из них Степан и решил обустроиться на ночь. Отдышавшись, первым делом сбил с унтов оледеневшие ошмётки. После этого натаскал кучу сушняка. Наломав мелких веточек, вынул из кармана коробок спичек, завернутый в полиэтиленовый пакет, и высек огонь. Порывистый ветер, как ни укрывался охотовед, тут же задул пламя. В ход пошла вторая, третья спичка — все гасли.

«Не торопись! Подожди, когда порыв ослабнет», — уговаривал он сам себя. Наконец огонь перекинулся на сухие палочки. Через пару минут перед Степаном уже полыхал жаркий костёр. Окрестности сразу скрыла стена непроницаемого мрака. Мечущееся на ветру, словно лисий хвост, пламя временами вырывало отдельные куски пространства, но через секунду они вновь исчезали во тьме. Одежда за клубилась паром.

Немного согревшись, охотовед стянул унты и повесил промокшие носки на воткнутые палки сушиться. Сами унты грел издали: боялся покоробить кожу. Икры ног то и дело стягивало болезненной судорогой. Чтобы избавиться от неё, приходилось подолгу массировать одеревеневшие мышцы.

Сухие ветви, тонкие стволы прогорали быстро, и Степан вынужден был за ночь несколько раз отправляться за дровами. А ходить нужно было всё дальше и дальше — поблизости

осталась лишь трухлявая осина. Но даже тогда, когда костёр горел в полную силу, спать толком не получалось. Приходилось каждые пять минут поворачиваться к огню то грудью, то спиной: пока грудь согреется, спина заледенеет. Рассвет встретил как избавление. Ночёвка сил не прибавила, напротив — убавила. «И чего я спальник с лыжами не взял? Не на себе ж было нести», — расстраивался охотовед.

Настрогав оленины, Степан позавтракал и, проваливаясь между кочек, продолжил путь через болотистую марь. На одной из гривок наткнулся на кусты, увешанные плодами шиповника. Съев их вприкуску с двумя оставшимися пирожками, путник, обласканный лучами солнца, прилёг, подложив под голову рюкзак. От тепла и сытости по телу растекалась такая приятная истома, что он задремал.

Степан не видел, как по нему проплыла размашистая тень и на матовую спину соседнего сугроба неслышно спланировал орлан-белохвост. Сложив огромные крылья, стервятник пытливо вглядывался в неподвижно лежащего человека. Крылья подрагивали от нетерпения, крючковатый с зубринами клюв то и дело хищно приоткрывался. Решив, что человек мёртв, орлан издал торжествующий клёкот. Степан приоткрыл глаз и увидел рядом с собой громадную птицу.

— Ишь, ты! Моей плоти захотел? Шиш тебе! — произнёс он и потянулся за посохом.

Стервятник, сверкнув жёлтыми глазищами, нехотя отлетел. Степан же поспешил встать. Перед ним сразу всё поплыло, в глазах потемнело. Опёршись на посох, он всё-таки устоял. Когда стало лучше, зашагал под звуки негодующей перебранки снежинок, безжалостно сминаемых оледенелыми подошвами.

До вечера одолел ещё порядка семи километров. На горизонте в сизом мареве уже проступали знакомые с детства силуэты гор с куполом Сахарной Головы в центре.

Выбрав место, где было больше всего сухостоин, Степан, прежде чем рыть в снегу яму под кострище, привычным движением попытался скинуть рюкзак и... взвыл от ужаса — его за спиной не было. Вспомнилось, что после перекуса рюкзак подложил под голову... Выходит, там оставил... Слава богу, что спички в кармане. Правда, всего семь штук. Чиркнул одной — головка прошипела, но так и не вспыхнула: види-

мо, отсырела. Степан вынул оставшиеся и разложил вместе с коробком на ствол сушиться. Солнце, хоть и склонилось к горизонту, ещё пригревало. Минут через двадцать принял вторую попытку — на этот раз удачную.

Огонь, задавленный густым дымом, наконец пробился крохотным язычком пламени. И вот уже трепещет, увенчанный золотистыми искрами, жаркий костёр. Немного обсохнув, Степан стал вырезать ножом из снега кирпичи для отражающей стенки. Благодаря ей вертеться ночью не пришлось.

Утром с новой силой напомнил о себе голод. Порылся в карманах — ни единой крошки. Нашёл только скомканный фантик от конфеты. Развернул — «Мишка на Севере». Жена дала в дорогу. Вспомнив про рюкзак, полный мяса, Степан выругался, но не возвращаться же за ним. Преодолевая приступы тошноты и головокружения, он встал и побрёл к темнеющим зубцам. Поначалу шёл с трудом, но мышцы шаг за шагом разминались, а боль в колене отступала.

— Эх! Если б были лыжи, уже чай б гонял! — в который раз попрекал себя охотовед. — На них куда быстрее!.. Да кто ж думал, что так получится!

К полудню почувствовал, что выдыхается. Тем не менее, подгоняемый бьющими в спину студёными вздохами ветра, продолжал с тупым отчаянием брести, утопая временами в снежных наметах по поясу. Вконец вымотавшись, понял — надо делать снегоступы! Без них никак!

Нарезав ножом гибких ивовых веток, сплёл две округлые площадки. Разрезал ремень на три полоски. Двумя притянул получившиеся снегоступы к унтам, а третьей подвязал штаны. Поскольку теперь ноги почти не проваливались, идти стало намного легче.

«И чего сразу не сделал? Столько мучился! — удивлялся сам себе Степан. — Бестолковым становлюсь. Старею, что ли?»

В разрыве туч показался слепящий глаз солнца. Сразу потеплело. Обласканный его лучами, охотовед решил передохнуть. Привалившись к стволу ели, долго полулежал, перебирая всплывавшие в воспалённом мозгу обрывки воспоминаний и мыслей, не имея сил связать их воедино...

Вот он ловит на реке вещи, выпавшие из люльки мотоцикла, вот палит из тяжеленного, выше его, дедова ружья

и безбожно мажет, вот радуется весеннему буйству пернатых на озере, вот мастерит из перчатки соску для росомашат...

Веки то и дело смеживались. Путник не заметил, как впал в забытьё. Проснулся от того, что кто-то царапал его бушлат из солдатского сукна. Огляделся — никого. Только снег сыпет. В голове настойчиво зазвучало: «Вставай! Иди! Вставай, иди!»

Степан подчинился. Прочитав единственную известную с детства молитву «Отче наш», пошёл, опираясь, дабы не перегружать травмированное колено, на посох. Впереди, в метрах ста от него, сквозь заволакивающую глаза пелену просматривалось тёмное пятно. Поначалу охотовед не обращал на него внимания — мало ли с чего съехал снег и обнажил черноту. Но как только он двинулся, пятно стало удаляться. И что интересно, удаляться в сторону Верхов. А может, это ему померещилось от голода? Отгоняя морок, путник потёр глаза. Пятно не исчезло, всё так же мутно маячило впереди. Степан остановился, и оно замрёт.

«Кто это может быть? Наверное, волк, выжидает, когда отдам концы... Нет, скорее всего, деревенская собака... ведёт в деревню. Хотя нет, собака подошла бы... Может, одичавшая?»

Пытаясь догнать таинственного проводника, Степан невероятным усилием воли заставил себя прибавить шаг. Прошёл час, но расстояние не сокращалось. Тем временем задувший с севера ветер оттеснил облака за горизонт. Эта перемена не радовала путника: знал, что следом покрепчает мороз. И точно: бороду и воротник бушлата вскоре стал выбеливать иней. В воздухе густо замельтешили искорки изморози. Чтобы ночью не замёрзнуть, надо было поторопиться с выбором места ночёвки и заготовить побольше дров.

Устроился под защитой бурелома. Лес здесь был по-основательней, и Степану удалось свалить для костра три выбеленные временем смолистые сухостоины. Уложив их так, чтобы две оказались снизу, а третья сверху, запалил под ними костёр. Когда стволы объяло пламенем, от них пошло ровное, щедрое тепло, и Степан проспал несколько часов, что называется, без задних ног. Разбудила пронзившая, как стрела, мысль: «Замерзаю!»

Лесины прогорели. Обнажившаяся земля, пропитанные влагой от растаявшего снега трава и листья вокруг кострища ещё парили, но фиолетовые язычки пламени едва попыхивали. Одна головешка, стрельнув, вздрогнула, будто в агонии, и рассыпалась в прах. Лишь слабая струйка дыма говорила о том, что жар всё ещё прячется где-то в углях. Степан понял, как сильно застыл он на окрепшем морозе, только когда попытался встать. Руки ещё ощущал, а вот ног как будто не было.

«Надо оживить костёр, иначе околею!» — подумал Степан. Собрав волю в кулак, подтянул оставшийся хворост, раздул огонь. Когда пламя окрепло, придвинул к костру недогоревшие концы стволов. Немного согревшись, снял унты. Белые, как мрамор, пальцы не сгибались. Чтобы восстановить кровообращение, Степан принялся растирать их зернистым снегом. Минут через пять пальцы стало покалывать. По мере восстановления кровообращения боль нарастала. Вскоре, не имея сил терпеть, он, скрючившись на снегу, вопил на всю округу:

— А-а-а-а!.. Мы ещё-ё по-о-охо-одим!!!.. А-а-а!

Вытерев насухо порозовевшие пальцы, надел тёплые носки, подремонтировал снегоступы и поковылял дальше по руслу ручья. Тут Степан с тревогой заметил, что со зрением у него не лады: вдруг, ни с того ни с сего всё расплывалось, теряло очертания, меняло цвет. Да и головные боли усилились. Тёмное пятно впереди исчезло, но появилось ощущение, будто Степана кто-то преследует. Обернётся — никого! Однако это ощущение было до того явственным, что он продолжал то и дело оглядываться.

«Неужто смерть? Не она сейчас мелькнула среди деревьев? Выжидает своего часа, гадина. Не дождёшься!»

Временами одолевали слуховые галлюцинации. Степан отчётливо слышал то лай собак, то голоса людей, то колокольный набат. Он уже не сознавал толком, куда и зачем идёт. В мозгу пульсировала одна мысль: не останавливайся... не останавливайся... иди...

Наконец в цепочке уже отчётливо видимых гор показался приметный проём со скалой-пальцем. Степан сразу узнал это место — километрах в пяти от него отцово зимовье.

— Как я промахнулся? Целил ведь на Петрову избушку. О, боже! Дай мне силы...

А расстраиваться была причина: от этого места до села намного дальше. К тому же впереди два перевала. Они невысокие, но сейчас ему и по ровному-то идти тяжко.

Опять задул, тараня горы серыми и плоскими, как льдины, тучами, северный ветер. Сухая снежная крупа змеистыми ручейками потекла по белому руслу. Ветер напирал, заходя то с одной стороны, то с другой. На прямых участках он разгонялся так, что снег, свиваясь в плотные смерчи, валил с ног. Холодные кристаллы забивали рот, глаза... Каждый шаг давался с огромным трудом, но Степан брёл и брёл за вновь замаячившим впереди «проводником». Когда силы оставляли его, приваливался, словно умирающий зверь, к дереву и, прикрыв глаза, отдыхал. Не шевелиться было для него самым большим наслаждением. Хотелось, чтобы оно длилось как можно дольше, но затягивать отдых опасно — заснёшь, и смерть не упустит своего шанса.

Открыв глаза после очередного передыха, Степан обнаружил лежащую у ног куропатку. Она была ещё тёплая. Охотовед не удивился: он воспринял это за дар лесного духа. Мужики рассказывали и о более удивительных случаях.

Сняв шкурку прямо с перьями, путник, почти не жуя, съел мясистую грудинку и почти сразу ощутил прилив сил. Зашагалось немного бодрее.

Смеркалось, а избушки всё не было. И проводник куда-то пропал. Степан растерялся. Он перестал понимать, где он и куда идёт. А тьма тем временем сгушалась.

«Придётся опять ночевать у костра», — обречённо подумал охотовед.

Кое-как свалив несколько сушин, запалил предпоследней спичкой огонь. Ели вокруг стояли разлапистые, и Степан устроил из их ветвей роскошное, пружинящее ложе. Рухнув на него, почти сразу провалился в бездну. Костёр прогорел, а измученный путник продолжал спать. Разбудили мягкие и настойчивые толчки в спину. Открыв глаза, огляделся... Никого! Видимо, опять померещилось.

Затянув недогоревшие хвосты сушин на чуть тлеющие угли, дождался, когда огонь охватит их, и опять свернулся

на хвойной постели. Мороз под утро совсем озверел. Когда через пару часов Степан вновь попытался освежить костёр, ни руки, ни ноги не слушались. Да и дрова кончились.

«Ну, вот и всё!» — лениво подумал он и закрыл глаза. Но возникшие перед мысленным взором лица жены и дочери пронзили сознание:

— Как же они без меня?! Такое горе им... Нет, сдаваться нельзя!

Перебарывая апатию, Степан завалился набок, затем, с нескольких попыток, лёг на живот. Самым трудным оказалось подтянуть под себя одеревеневшие ноги и встать на колени. Когда это удалось, принялся, опираясь на посох, по частям поднимать тело.

Перед тем как сделать первый шаг, долго стоял, шатаясь и дрожа от непрекращающегося озноба. На него в эти минуты страшно было смотреть. Глаза глубоко запали, почерневшая, потрескавшаяся от мороза кожа на лбу и остро выступающих скулах свисала струпами. Зубы стучали, сотрясая подбородок и спутавшуюся бороду.

«Куда идти? Ах да! Вон проводник... Вперёд! За ним!» — скомандовал сам себе Степан. Но, провалившись в снег, сообразил, что не надел снегоступы. Один нашёл сразу — лежал у края лапника, а от второго остался лишь покоробленный кусок ремня — остальное сгорело в костре. Видимо, пока спал, нечаянно столкнул ногами.

Снежный покров в горах заметно глубже и рыхлей. Поэтому каждый шаг требует немалых усилий. Что делать? Степан недолго думая переломил несколько густых ветвей ели пополам и, положив их друг на друга, притянул остатком ремня к подошве унта. Получилась широкая, надёжная площадка. Опираясь на неё, можно было худо-бедно передвигаться. Правда, через час кровь с такой силой запульсировала в голове, что, казалось, вот-вот разорвёт черепную коробку. Слуховые галлюцинации обострились, глаза заволокла белая муть с плавающими в ней огненными кругами. Возникая ниоткуда, они наплывали один на другой, переплетались в цветистый клубок, после чего разбегались, чтобы вновь соединиться.

Всё вокруг теряло очертания. Степан теперь различал лишь контуры ближних деревьев. Цветные, мерцающие круги

вертелись всё быстрее и быстрее. В голове стал нарастать противный гул, опять забухали колокола. Неожиданно всё пропало — путник потерял сознание.

ГЛАВА 44

Урок

— Ермилыч!.. Ермилыч! Ты меня слышишь?

Степан с усилием открыл залепленные оледеневшими ресницами глаза и промычал что-то нечленораздельное.

Чья-то сильная рука приподняла ему голову и поднесла кружку с горячим чаем. После нескольких глотков живительного напитка взгляд охотоведа стал осмысленным. Он огляделся. Напротив него сидел на корточках Лукьян. Подоаль стоял снегоход. Вокруг тайга.

«Искали! Не бросили!» — с благодарностью подумал Степан. Напряжение сразу спало, он расслабился и погрузился в целительный сон. Очнулся почти через сутки уже дома. Здесь было тепло. Пахло дымком самовара, свежезаваренным чаем, геранью, стоящей в горшках на подоконниках, и тем духом надёжного семейного гнезда, которое свивают любящие супруги годами.

Жена, осторожно смазывая ноги, лицо и руки гусиным жиром, рассказала ему, что, когда вертолёт не вернулся, командир авиаотряда утром, взяв двоих опытных таёжников, вылетел на «аннушке» с лыжными шасси на поиски.

— Место крушения нашли, вывезли погибших и груз. По следам поняли, что ты идёшь в сторону Верхов. Мужики на лыжах сразу вышли навстречу. А Лукьян на снегоходе только на следующий день — всё ремонтировал свою тарахтелку. Он и отыскал тебя. Фельдшер — отец Сергей — сказал, что чуть припоздай, сердце от мороза остановилось бы. — Женщине в очередной раз за прошедшие дни стало не по себе от того, что она могла бы потерять мужа.

Вечером, узнав, что Степану получше, к нему заглянул и сам батюшка.

— Ну, как он?

— Слава богу, ожил.

Следом ввалились соседские мужики. От радостного возбуждения они то и дело поглаживали товарища по плечу, как бы убеждаясь, что живой.

— Спасибо, ребята! Спасибо!.. Большое спасибо! — только и бормотал растроганный Степан. — А вам, Лукьян Митрофаныч, отдельная благодарность!

— Ты не меня благодарить должен, а росомаху. То бишь Топа. Я его по белой отметине на груди узнал. Он к тебе и привёл. Так бы не сыскал — всего замело. Дикий зверь, а с понятием. Честно скажу, подумал: вот бы стрельнуть на шапку. Но Господь отвёл от греха — ружья-то не взял. Топ сразу понял, что я не опасен. Подбежал, глянул на меня и в ельник, а сам всё оглядывается, как бы зовёт. Я за ним. На прогалине он встал. В снегу порылся и отбежал. Я к раскопу. Гляжу — из снега бушлат торчит. Вот такая, брат, история.

— Ну и дела! Фантастика! А я никак в толк не мог взять, кто впереди меня идёт. Оказывается, Топ... Какой умница!.. А где он?

— Как увидел, что тебя откопал, ушёл в горы. Представляешь, даже не обернулся. Вроде как обидели его чем.

Степан потупил взор и чуть слышно прошептал:

— Так оно и есть, обидели... Сильно обидели...

ЛОХМАТЫЙ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упёршись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал красивые резные наличники на окнах новенького дома зятя.

Распахнулась дверь, и из неё с шумом вывалились, похохатывая, плотная, во всём похожая на отца дочь Наталья и следом высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь, — выпалила она.

— Да пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кивая на расплющенный между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

— Лохматый! — властно позвал он собаку и направился к переминающемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко. Ласково похлопал его литой круп. Расправил упряжь. Взбил в саях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугой, прикрытый брезентом мешок муки.

— Бывайте здоровы! Ждём в гости, — крикнул он, обернувшись.

Крупный, с мощным загривком лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саям и в мгнове-

ние ока обогнал затрусившего ровной рысцей мерина. Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ошестинившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

«А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако башка у меня с толком», — самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завияла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядиться выручкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. «Лентяй или простодыра» — говорил он о таких. «Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер называется! Цемент не может подкинуть... Тоже мне, порядочный! Тьфу!» — сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко.

Конь тревожно прыдал ушами и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря взглядом по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню не таясь, открыто! Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошёл! — сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя он и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак не спеша перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлёстывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стая не могла так легко оставить их в покое. Он чувал, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался — посёлок уже был слишком далеко.

— Авось упрежу, — успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону — наперерез упряжке вылетела стая. Мощный главарь с ходу прыгнул на шею Гнедко. Ещё миг — и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя в грудь, и он рухнул на снег. Человек опомнился, схватил мешок муки и с силой метнул в стаю.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело заревел он, нещадно лупцуя мерина кнутом.

Обезумев от страха и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошмётками снега из-под копыт. Он обошёл умчавшегося было вперёд Лохматого.

«Неужто оторвёмся?» — мелькнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, клацая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратно настигая выдыхавшегося коня. Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного — и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он сдёрнул с себя овчинный тулуп и швырнул на дорогу. Звери набросились на него, но, обнаружив обман, возобновили погоню с ещё большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но, однажды одураченные, серые не обращали на них внимания. Разгорячённая преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом, Фёдор Дементьевич, не умолкая, исступлённо вопил, брызгая слюной, то на коня: «Быстрее, Гнедко, быстрее!», то, обернувшись назад, устрашающе тряся топором, на стаю: «Порублю! Всех порублю!»

Казалось, ещё несколько секунд — и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, ещё живого, на куски... Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый.

Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём — собака? Живая тварь, кровь — вот что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошёл, паскуда! — срываясь на петушинный фальцет, завизжал разъярившийся Лапа и нанёс сапогом увесистый удар.

Лохматый скосбочился и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в перегородок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

«Всё, конец», — подумал Лапа, передёргиваясь. В беспощадной памяти остался немигающий укорительный взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх себя кусок брезента и насторожённо вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но, раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно ёжился.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: «Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки».

Подъезжая по унылой, пустынной улице к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: «Мог ведь и не увидеть боле».

Ставни были плотно закрыты. Свет не горел.

«Спит, чертовка. Ей-то что», — обозлился на безвинную супругу Фёдор Дементьевич, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Горопливо засеменили. Лязгнули засовы. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошёл мимо тощей фигуры в сени. Щёлкнул выключателем — темно.

— Лампочка перегорела, Федя, — тихо пояснила жена.

Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, — оправдывалась хозяйка.

— Мечи на стол, замёрз, — скомандовал муж, опускаясь на табуретку. — Эх, чёрт, Гнедко-то на улице, — и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь! Это тебе за справную службу. — Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду. — Ты чего?.. Чего ты? Это ты зря! Да если б не Лохматый — нам бы конец! Понимаешь — всем конец! Я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, хозяин.

Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону. «А может, и не погибли бы? — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. — Топором саданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы».

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник. «Со всем я расклеился. Чего голову себе морочу... Что сделано, то сделано... сделано правильно».

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к тёплой печке и замер.

— Как съездил, Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы-здоровы. Хоромы большущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать к нам... Помочь по хозяйству.



— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, — робко возразила супруга.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редька, только свистни. — Лапа нащупал заворазивающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток.

— Держи, — развернул он цветастый платок.
— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. А красавит-то как!
— Будя трепаться, — грубовато оборвал муж, шумно хлебавая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном, — торопливо возразил он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Напряжённо вслушиваясь в них, он незаметно забылся. И опять стая догоняла, окружала его, немолимо затягивая живую петлю всё туже и туже. В голове возник нарастающий гул.

— А-а-а! — заметался Лапа.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё — не мог взять в толк, где находится, всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец узнал дом, жену.

— Фу-ты, — облегчённо выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мяса, видать, переел. Мутит. Недоварила, верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ла-

донь на его голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал, суматошно прыгал, захлёбывался счастливым лаем, встречая с работы; с какой готовностью исполнял все желания хозяина.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпер дверь. У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в ключья шерсть, злобно ощерившаяся пасть.

— Лохматый?! Ты?! Не может быть...

Растерявшись, Лапа невольно попятился, запнулся о порог и упал. В голове вновь возник и стал нарастать гул... Гул смерти...

СВОРА

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утёсе в ожидании сигнала разведчиков. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звонящей мошкары. Сгоняя наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец, от подножья Южного хребта донёсся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, означавшим — «чую добычу». Спустя некоторое время призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на всё живое безотчётную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встрепенувшихся хищников: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть либо молнией ринуться на жертву.

Вёл стаю матёрый волчище — Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожделенный запах добычи, перешли в намёт. Густой лес не замедлял

их бег: подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток...

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, услышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, он понял, что схватки не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооружённую мощными рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгорячённый бегом и предвкушением горячей крови, Дед совершил ошибку: прыгнув на быка, с ходу угодил под сокрушительный встречный удар — острое копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали чётко и молниеносно: лось беспомощно осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник — Смелчак — первым сомкнул мощные челюсти на горле поверженного быка и, дождавшись, когда тот, захлёбываясь хлынувшей



кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смелъчак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» — говорили его поза и грозный оскал.

Смелъчак, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу вырывать куски мяса из бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратьев своей воле.

Воцарив, новый вожак, поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда, стал действовать по правилу — «как хочу, так и ворочу». И волки безоговорочно подчинились Смелъчаку. Это стало доставлять ему особое, прежде неведанное наслаждение — наслаждение властью.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы его правления складывались очень благоприятные условия для сытной жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день. Обильная добыча помогла упрочить владычество Смелъчака и нескольких приближённых угодников: вокруг вожака образовалась как бы стая в стае.

Власть и превосходство над всеми довольно скоро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали и охотились рядовые волки, Смелъчак со свитой угодников выходил из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали её силой, но мало-помалу сами добытчики свыклились с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда добыча ожидалась необременительно лёгкой, шайка Смелъчака, чтобы размяться, тоже участвовала в ней.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, отчего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смелъчака позволяли успешно завершать все набег, отличавшиеся, как правило, бессмысленной жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки втянулись в этот дикий разбой.

Промышлявшие в этих местах охотники из староверческого села Варлаамовка стали то и дело наткаться в лесу на зарезанных, но нетронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушённая потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, вздыхала, горестно поскуливала. Люди в сердцах проклинали серых, но в то же время полагали, что на всё воля Божья.

Стая чувствовала себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле селения: затравленные олени, ища защиты, всё ближе жались к людям.

Как-то олений табунок в надежде, что волки не посмеют подойти к строениям вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола, окружавшего поселение. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько оленей ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогац, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы леса со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метушийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, падали, хрипели, захлёбываясь кровью. Вся эта резня продолжалась не дольше десяти минут. Когда разбуженные лаем собак мужики пальнули для острастки в черноту, всё уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясённые скитники окаменели. Казалось, что даже горы и те с немым укором взирали на кровавое побоище.

— Сие — проделки дьявола в волчьем обличи! Пора дать ему укорот! — воскликнул общинный староста.

Ещё до этой трагедии, время от времени изучая по следам жизнь стаи, первостатейный стрелок Колода — кряжистый бородач лет сорока — смекнул, что ею верховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся высле-

дять и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, опытный охотник не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак — умная бестия — всегда ускользал со стаей раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Сам же Смелычак скрытно наблюдал за охотником довольно часто. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружьё, зверь успевал исчезнуть — словно растворялся в воздухе.

Кровожадность стаи так возмутила охотника, что он, не колеблясь, первым присоединился к праведному делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их селения, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Изучив район обитания стаи и определив наиболее часто посещаемые ею места, охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедряч от осинника. Натеревшись хвоей, они сели в кустах, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, вскарабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая всё это время бродила рядом, искусно минуя засады.

Среди ночи у не смыкавшего глаз Колоды возникало ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не разглядел Смелычака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увёл стаю в путаную сеть отрогов и распадков.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной. Охотники нашли его по голосу ворона-вешуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивился Матвей.

— А что ты хочешь? Они же слуги дьявола, — пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Подзабывшие уже о её существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резнёй: большинство зарезанных оленей лежали нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки не пропали даром. Поднаторевший Смелчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смелчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смелчак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обезав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: приученные к бдительности животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смелчаку, что стаю выдаёт резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго тёрлись о снег, политый мочой оленей, и их свежий помёт. Эта немудрёная процедура позволила подойти к табуна настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попировала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшиеся на место трапезы охотники вспугнули зверей. Обьевшиися волки убежали поначалу, не торопясь, грузно прыгая, но, когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла отстававшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая,

повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считали, что в них обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую бездушную тварь!

Смельчак тоже хорошо знал своих гонителей, особенно Колоду, чья в нём сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и пронизательного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смельчака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал, порождая желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать своё превосходство, замыслил прикончить его верного товарища — ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким, умирающим котёнком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с ним, рысёнок превратился в его самого преданного друга, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого кота. Но котяра в те дни, когда уходил из селения постранствовать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре вскоре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого серые поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустился в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь поспешила к внушительному скалистому останцу. Бежала с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрылённая доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти достигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди,

молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошёл к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смелычак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускающегося со вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смелычака потрясением. Лишь на следующий день он вернулся в стаю, отдохавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немыслимых позах, в тени деревьев. Увидев Смелычака, они по привычке встали, но смотрели на него напряжённо, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал своё непочтение.

«Ну что, померимся силой? Давай! Я готов!» — говорил он всем своим видом.

Смелычак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни не прошёл даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако, даже отдавая отчёт, что, скорее всего, уступит Широколобому, Смелычак не мог добровольно сдать власть — гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый насторожённо следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Вздвигнувшись, Смелычак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые как снег клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места

не сходили. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смелычака сделать бросок. А противник только и ждал этого — отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил жоака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смелычак вырвался, но сильно ударился головой о ствол берёзы и, метнувшись в чашу, умчался прочь. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смелычак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли тёмные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьём, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смелычак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, столкнулась со Смелычаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого жоака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смелычак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жадной превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненного супруга ни на шаг, а когда тот околел, ещё долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смелычак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и не гнушался сбегать подкрепиться на халяву.

Однажды, переев протухшего мяса, Смелычак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падаль — его тут же начинало рвать. Не способный быстро бегать,

он приноровился размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью и упорством преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовал жертву, лишал последних сил. А Смелычака же близость добычи, наоборот, заводила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное, загнанное животное, чуя неминуемость гибели, смирялось с уготованной участью и покорно останавливалось, уже безучастное ко всему. И, когда Смелычак подходил к нему, как правило, даже не пыталось сопротивляться — расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось избежать его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смелычак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи*. Принюхался — точно, она! Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк сглотнул слюну. От предвкушения возможности поест свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смелычак выверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности нападения корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясённая мамаша удалилась в лесную чашу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком

* Период рождения телят у лосей растянут. Отёл порой случается в июне и даже в июле.

наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шёл по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матери. Приседая на корточки, он с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смелычак?! Он резко обернулся и вниз, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее, один полуоткрытый глаз сразу выдал его — точно, Смелычак!

— Вот это встреча! Так ты, вурдалак, оказывается, жив?! — воскликнул человек.

Зверь вздрогнул, ещё сильнее прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились — то ли от жалости к самому себе, то ли оттого, что было трудно смириться с бесславной участью обречённой жертвы.

А охотник смотрел на поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смелычак отвёл взгляд, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость. Смелычак, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты, брат, по заслугам.

Охотник прыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смелычаку. Тот в ужасе съёжился, дёрнул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлипнул.

— Не робей, лежачих не бью. — Охотник склонился над зверем и... наткнулся на застывший взгляд. Волк был мёртв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

— Всё, как у людей, — задумчиво растягивая слова, проговорил старик. — Рано или поздно за всё приходится платить.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Николаевич Дроздов. О Камиле Зиганшине и его прозе. 5

ЩЕДРЫЙ БУГЕ

<i>Часть I.</i>	9
Владения Луксы	9
Таёжная азбука	17
Блуждания	24
Отчего каменеют рога	28
Ураган	31
Любопытный «хозяин»	40
Одиночество	42
Лукса вернулся	45
Памяти друга	47
Джанго	52
Большие радости.	56
Шатун	68
Одо Аки	78
<i>Часть II.</i>	89
Худая весть.	89
Новые встречи.	97
Бессонная ночь	105
Тайга лечит	107
Не сердись, Пудзя.	112
Тала	116
Щедрый Буге.	119
Прощание	122
МАХА, ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ	127

БОЦМАН

<i>Часть первая</i>	167
<i>Часть вторая</i>	199

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

<i>От автора</i>	229
<i>Часть I. ПЫШКА</i>	230
<i>Глава 1. Лавина</i>	230
<i>Глава 2. Ермил</i>	235
<i>Глава 3. Весна идёт</i>	241

Глава 4. Верхи. Отец Сергей	248
Глава 5. Сушь. Бескормица	255
Глава 6. Грабежи	261
Глава 7. Охота	264
Глава 8. Беседы	268
Глава 9. Остров	273
Глава 10. Ночёвка	276
Глава 11. Одиночество	282
Глава 12. Вдвоём	286
Глава 13. Потомство	293
Часть II. ТОП.	298
Глава 14. Ермил. Спасение росомашат	298
Глава 15. Рыбак	306
Глава 16. Первая охота	308
Глава 17. Трагическая ошибка	313
Глава 18. Странный двуногий	318
Глава 19. Мечь	320
Глава 20. Повезло	324
Глава 21. На промысле	329
Глава 22. ЧП на дороге	331
Глава 23. Предательство. Побег	336
Глава 24. Дружба с Топом	341
Глава 25. Новый промысловый сезон	343
Глава 26. Везучий Топ	349
Глава 27. Новый участок	353
Глава 28. Счастливые молодожёны	355
Глава 29. Зима	359
Глава 30. Новое потомство	361
Часть III. ВОЗВРАЩЕНИЕ	367
Глава 31. Плен	367
Глава 32. Неволя	371
Глава 33. Свобода!	373
Глава 34. Долгая дорога домой	380
Глава 35. Медведь	382
Глава 36. Перевал	385
Глава 37. Зверобой	386
Глава 38. На родине	387
Глава 39. Разгул браконьерства	389
Глава 40. Ласка	390
Глава 41. На севере	391
Глава 42. Авария	396
Глава 43. Тяжёлая дорога	400
Глава 44. Урок	409
ЛОХМАТЫЙ	411
СВОРА.	419

Литературно-художественное издание

Ретро библиотека приключений и научной фантастики

**Камиль
Зиганшин**

**ЩЕДРЫЙ БУГЕ
МАХА, ИЛИ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ
БОЦМАН
ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ**

Иллюстрации:

В. Денисова

Генеральный директор *А. С. Артеян*
Куратор серии *Е. В. Витковский*
Ответственный редактор *А. С. Артеян*
Корректор *Р. В. Викторова*
Компьютерная верстка *М. В. Бойковой*

Подписано в печать 25.01.2017 г.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48
Заказ №

ООО «Престиж Бук»
111141, Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 11 А
E-mail: artyr57@mail.ru

ISBN 978-5-371-00574-8



9 785371 005748 >